

И. П. РОСЛЯЯ

ПОСЛЕДНИЙ
ПРИВАЛ—
В БЕРЛИНЕ

Иван Павлович
РОСЛЫЙ

ГЕРОЙ СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТ
И. П. РОСЛЫЙ

***ПОСЛЕДНИЙ
ПРИВАЛ-
В БЕРЛИНЕ***

МОСКВА
ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1983

ОТ АВТОРА

Эта книга, которую я посвящаю ветеранам войны, своим боевым товарищам, явилась плодом моих многолетних трудов и поисков. В ее подготовке неоценимую помощь советами, письмами, воспоминаниями оказали мне многие десятки и сотни людей — участников описываемых событий. Всем им я выражаю глубокую признательность.

Особо хочу отметить помощь своего однополчанина по 123-й Лужской ордена Ленина стрелковой дивизии генерал-майора запаса Михаила Федоровича Лоцица, много сделавшего для того, чтобы книга в познавательном и литературном отношении стала такой, какой она является сейчас.

ВОЗМУЖАНИЕ

*Грызем гранит науки * Раздумья под перестук колес * Боевое испытание * В Москву, на заседание Главного военного совета * Новое назначение * Встреча с М. И. Калининым*

Боевой путь многих военных людей связан с Дальним Востоком. Я горжусь тем, что и моя военная биография начиналась здесь — до поступления в Военную академию имени М. В. Фрунзе я командовал 2-м стрелковым батальоном 95-го стрелкового полка 32-й стрелковой дивизии.

Будучи еще политруком роты, я сдал экзамен за курс военного училища. И хотя долго и настойчиво готовился к экзамену и получил высший балл, все же чувствовал, что мне не хватает фундаментальной военной подготовки. То были годы, когда вместе со страной быстро развивалась и армия. Она получала от молодой советской индустрии разнообразную новую технику, да и люди в воинский строй вливались другие — политически активные, с более высоким общеобразовательным и культурным уровнем. Все острее ощущалась потребность в командном составе высокой квалификации. Нетрудно понять мою радость, когда узнал, что утвержден кандидатом для поступления в военную академию.

И вот я в Москве. Успешно сданы вступительные экзамены, моя фамилия названа в числе тех, кто зачислен на 1-й курс. С осени 1937 года началась счастливая пора, когда все заботы сводились к одному — учиться, овладевать высотами советского военного искусства. Меня несколько не смущало то, что я, 35-летний мужчина, должен был, как курсант, жить в академическом общежитии, занимая там одну из ста кроватей с табуретом и половиной тумбочки.

6-я учебная группа, в которую меня определили, состояла из 12 человек. Группа, как и вся академия, жила интересной и полнокровной жизнью. Мы понимали, что готовим себя к большой и ответственной работе в войсках и что час испытания, может быть, совсем недалек. Международная обстановка становилась все более тревожной. 1 сентября 1939 года, напав на Польшу, Германия развязала вторую мировую войну.

Не случайно с момента прихода фашистов к власти руководители нашей партии и правительства постоянно пре-

дупреждали свой народ и весь мир, что Гитлер угрожает миру, что Гитлер — это война. Так оно и получилось.

Шла вторая половина декабря 1939 года. Закончив изучение программы стрелкового полка, мы, слушатели 3-го курса, стали штудировать тактику стрелковой дивизии. Каждому было заманчиво выступить в роли командира дивизии и пусть на карте или у ящика с песком потренироваться в командовании целым соединением. В такие минуты многие из нас мысленно ставили себя на место тех командиров, которые вели не учебные, а настоящие бои. Еще свежи были в памяти события на Халхин-Голе, освободительный поход наших войск в Западную Украину и Западную Белоруссию. А вскоре тревожно стало на нашей северо-западной границе: тогдашнее правительство Финляндии провоцировало войну. 30 ноября начались боевые действия.

Все мы с понятным волнением следили за развитием событий на Карельском перешейке. Преодолевая ожесточенное сопротивление противника в зоне заграждений (предполье), наши войска продвигались вперед. Казалось, так пойдет и дальше. Однако наступающие натолкнулись вскоре на мощный укрепленный район, так называемую линию Маннергейма. Они с ходу атаковали ее, но, понеся значительные потери, остановились. Шла подготовка к новому штурму. Стали говорить о трудностях, которые испытывали наши войска в районе боев, о сильных укреплениях, снегах и морозах, превышавших в ту суровую зиму 40° и сковывавших действия войск.

Как-то после обеда я пришел в общежитие. Не успел раздеться, как дежурный позвал меня к телефону.

— Товарищ Рослый, вас вызывают к начальнику академии. Приходите немедленно, — услышал я в телефонной трубке.

Заместитель начальника академии комдив Николай Андреевич Веревкин-Рахальский, исполнявший в ту пору обязанности начальника академии, пользовался в нашей среде большим авторитетом. Посещая занятия, он подолгу беседовал со слушателями о политических и военных новостях. Высокий ранг и пост не мешали ему быть человеком общительным. Однако я не слышал, чтобы кого-нибудь из нас он приглашал в свой кабинет для разговора с глазу на глаз. Поэтому я волновался и никак не мог догадаться о причине столь срочного вызова.

— А, товарищ Рослый! Садитесь вот здесь, — сказал комдив, как только я вошел, и указал на ближайший к нему стул. — Нам надо серьезно поговорить.

Это «серьезно поговорить» заставило еще сильнее забиться мое сердце. А комдив сразу перешел к делу.

— Нам предложили послать одного человека на фронт, на должность командира стрелкового полка, — сказал он. — Мы посоветовались с товарищем Батраковым (бригадный комиссар Петр Капитонович Батраков был комиссаром академии) и решили рекомендовать вас. Как вы на это смотрите?

Предложение было столь неожиданным, что у меня дух захватило. Справившись с волнением, я ответил:

— Это так внезапно... Нельзя ли немного подумать?

— Пожалуйста, товарищ Рослый, подумайте, — ответил Веревкин-Рахальский и продолжал: — При подборе кандидата мы учли, что вы уже командовали стрелковым батальоном и успели накопить некоторый опыт руководства стрелковыми подразделениями...

Пока комдив излагал мотивы, которые привлекли внимание командования академии к моей скромной персоне, я немного успокоился, осознал важность того, что услышал, встал и ответил:

— Сделанное мне предложение расцениваю как большое доверие. Горжусь им. Благодарю за него и готов отправиться на фронт хоть сегодня.

— Сегодня уже не успеете, а завтра надо выехать. Зайдите в отдел кадров, там вам выдадут документы. Прошу вас, товарищ Рослый, всегда помнить, — продолжал Веревкин-Рахальский, — что вы едете на фронт, как один из лучших представителей академии. Будьте на высоте положения...

Собираясь в путь, я более суток провел в беготне и потому здорово устал. Но в вагоне, как ни старался, заснуть не смог: мысли не давали покоя.

И раз, и другой спрашивал я себя: не поторопился ли дать согласие, по плечу ли мне такая ноша? Ведь командовать полком придется первый раз в жизни, к тому же не в мирной обстановке, а на фронте, в бою. Я знал, что даже опытный командир может допустить ошибку. Но одно дело ошибка, совершенная в мирное время, и другое дело — в бою. В первом случае ошибку можно исправить. А как исправить ее на поле боя, если напрасно погибнут люди и боевая техника, а задача окажется невыполненной.

И еще одно волновало. Пусть иному читателю это покажется странным, но я спрашивал себя: хватит ли у меня мужества, самообладания, чтобы не дрогнуть в трудную минуту? И не только не дрогнуть, но и повести за собой навстречу опасности подчиненных. Ведь это так важно для командира...

Прорезая ночную тьму, наш поезд мчался на северо-запад. Мои соседи по купе давно уже спали, а я, ворочаясь с боку на бок, продолжал думать. Причем не только о будущем. Вспомнил почему-то о прошлом, о пережитом в детстве, юности.

Родился я в 1902 году в селе Петровая-Буда, ныне Брянской области, в бедной крестьянской семье. Отец мой, Павел Игнатьевич Рослый, и мать, Прасковья Семеновна, сами трудились от утренней зари до вечерней и нас, детей своих, старались приучить к труду.

Земля в нашем селе была бедная: болота с зарослями осоки, небольшие луга, где мы косили траву на сено, да песчаные пригорки, на которых выращивали озимую рожь, гречиху и конечно же главную кормилицу нашу — картошку.

На бедных землях и урожаи были скудными. Работали много, а из нужды не вылезали. Нужда гнала людей на заработки, заставляла батрачить у помещиков, кулаков. Приход Советской власти жители нашего села встретили восторженно, и, когда потребовалось защищать новый строй, десятки молодых парней добровольно ушли в Красную Армию.

Сбылась наконец давнишняя мечта тружеников села: стали делить помещичью землю.

— Давай, Ванюшка, вместе делить будем, — обратился ко мне председатель земельной комиссии мой сосед Ефим Яковлевич Пильник — балтийский моряк, участник революции.

К этому времени я закончил высшее начальное училище, расположенное в соседнем селе, и имел кое-какие познания по части измерения площадей. Так в 17 лет я стал активистом в родном селе.

Через год меня избрали членом сельсовета, поручили заниматься культурно-просветительной работой среди молодежи. Пришлось искать помощников. И такие нашлись. Это были Сережа Грибовский, Петя Пушной, Змовин и другие ребята. Сколотилась группа активистов, составивших позднее ядро комсомольской ячейки. Первым ее секретарем избрали меня...

Под неумолчный перестук колес передо мной, словно в калейдоскопе, проносились события не такого уж далекого прошлого, которое тесно и органично переплелось с настоящим. Любовь и уважение к труду, привитые мне с детства, комсомольская закалка, общественная работа, чувство ответственности за порученное дело и настойчивость при достижении цели уже помогли мне во время пятнадцатилетней службы в Красной Армии. Я надеялся, что эти качества помогут и в дальнейшем.

Наш поезд подошел к Ленинграду. В отделе кадров округа хорошо осведомленный дежурный рассказал мне, как найти свою часть. Добравшись до северной окраины города, на попутной машине я в тот же день прибыл в штаб 123-й стрелковой дивизии, который размещался в районе селения Бабошино на Карельском перешейке. Это было 31 декабря 1939 года.

Командир дивизии комбриг Филипп Федорович Алябушев весьма приветливо принял меня в небольшой землянке и долго беседовал со мной, стараясь как можно подробнее ознакомить с общей обстановкой и состоянием 245-го стрелкового полка, в командование которым мне предстояло вступить.

От командира дивизии я узнал, что 123-я стрелковая уже месяц находится в боях. Ее полки преодолели полосу заграждений и во второй половине декабря подошли к переднему краю главной полосы железобетонных и гранитно-земляных укреплений — к линии Маннергейма.

Эта мощная укрепленная полоса проходила по системе озер и рек, перехватывая весь Карельский перешеек и упираясь одним флангом в Финский залив, а другим — в Ладожское озеро. Севернее находилась вторая (опорная) полоса обороны, за ней тыловая (выборгская) оборонительная полоса.

Карельский перешеек даже без всяких искусственных сооружений представлял собой трудно преодолимое препятствие. Сплошная цепь озер, рек и болот. Кругом леса. Местность покрыта холмами, переходящими в скалистые гряды. Здесь-то правители тогдашней Финляндии, демонстрируя явно враждебные намерения в отношении своего соседа — Советского Союза, создали с помощью немецких, французских и бельгийских военных специалистов едва ли не самую мощную в Европе укрепленную линию. Она состояла из более чем двух тысяч дотов и дзотов, объединенных в

мощные опорные пункты. Перед ними проходил пояс каменных надолб, упирившийся в танконепроходимые участки, а также проволочные заграждения и минные поля.

Одним из наиболее мощных противник считал Хотиненский узел сопротивления. «Ни одна, даже самая передовая, армия в мире, не сможет взять Хотинена», — хвастливо писали финские газеты. Только на одном небольшом участке фронта от озера Сумма-ярви до гнилого болота Мунасуо, не промерзшего даже в ту суровую зиму, находилось 17 железобетонных и деревоземляных сооружений. Именно этот узел стоял на пути 123-й стрелковой дивизии.

— Но самое неприятное, — подчеркнул комбриг Алябушев, — заключается в том, что первые неудачи в штурме укреплений породили среди некоторой части наших воинов неуверенность. Стали поговаривать даже, что финские доты одеты якобы в толстый слой резины и оттого наши снаряды отскакивают от них, не причиняя вреда. Вот почему, товарищ Рослый, одна из важнейших задач при подготовке полка к наступлению состоит в том, чтобы убедительно опровергнуть подобные настроения.

Командир дивизии умолк. Но через некоторое время, как бы вспомнив, что еще не все важное сказано, заговорил снова:

— Отправляйтесь в полк и немедленно приступайте к работе. Общие задачи вам ясны, а в деталях разберетесь на месте. Думайте, анализируйте, творите. На то у вас и голова на плечах, а за плечами — прославленная академия... Если заметите в части что-нибудь неладное — не сваливайте на своего предшественника. Теперь вы командир 245-го стрелкового полка и с вас спрос за его дела.

Я поблагодарил комбрига, попрощался с ним и вышел, унося в сердце симпатию к этому строгому, но обаятельному человеку.

Лейтенант, выделенный мне в проводники, хорошо знал дорогу к командному пункту полка, и уже через полчаса мы благополучно достигли цели.

Командный пункт был устроен в сосновой роще, в одном километре от высоты 65,5, на которой находился мощный финский дот, «миллионный», как прозвали его бойцы. Главным «сооружением» на КП была землянка в один накат. В ней размещались начальник штаба полка старший лейтенант Владимир Константинович Жуковский и комиссар полка политрук Гавриил Макарович Поршаков. Еще одно место предназначалось для командира полка. Работ-

ники штаба устроились неподалеку от землянки, соорудив для себя «лисьи норы».

Поршаков и Жуковский, зная о моем назначении и скором прибытии, встретили меня у входа в землянку. Мы стали представляться друг другу. Однако противник открыл по роще артиллерийский огонь. Все быстро нырнули в землянку. И хотя один ее накат, слабо присыпанный землей, не мог спасти от прямого попадания снаряда, здесь мы чувствовали себя спокойней, хоть от осколков были укрыты надежно.

Огневой налет оказался коротким и прекратился так же внезапно, как начался.

Мы опять вышли наружу, чтобы подышать свежим воздухом и узнать о последствиях обстрела. Кругом виднелись свежие воронки и поваленные деревья. Помощник начальника штаба полка лейтенант Александр Сергеевич Ждан-Пушкин доложил, что убит один связист.

Я вернулся в землянку, позвонил командиру дивизии и доложил, что в штаб полка добрался благополучно, но сразу по прибытии попал под артиллерийский обстрел. Комбриг внимательно выслушал меня и поздравил с боевым крещением. Да, вечером 31 декабря 1939 года я впервые попал под настоящий артиллерийский огонь. И, по правде говоря, основательно понервничал в связи с этим.

За разговором время летело быстро. Спать легли поздно. Но, как и в предыдущую ночь, я долго не мог заснуть. Вспоминая напутственные слова командира дивизии, взвешивая услышанное в полку, я прикидывал план ближайших действий. С чего начать, на чем сосредоточить главные усилия?

Первым делом надо ознакомиться с полком, с его людьми, с обстановкой, в которой они живут и воюют. Но как это сделать? Тут не прикажешь мигом построить полк вместе с оружием и техникой. Бойцы и командиры выполняют труднейшую боевую задачу, и знакомство с ними может состояться не на полковом плацу, а в окопах, на боевых позициях, под огнем врага. Именно там увижу я свой полк, бойцов и командиров, а заодно и пригляжусь к противнику.

Для начала решил изучить боевые позиции батальонов, проверить инженерную подготовку окопов, оценить, насколько они пригодны для обороны и для наступления. Волновало меня состояние оружия и боевая готовность подразделений в целом, настроение людей и организация их быта. Предстояло также изучить оборону противника,

систему укреплений и заграждений. И, наконец, необходимо было самому войти в колею фронтовой жизни, спокойно и уверенно почувствовать себя в боевой обстановке. Ведь от личного мужества и хладнокровия командира очень многое зависит в бою.

Именно с такой, если можно так выразиться, программой я и отправился в путь. 245-й стрелковый полк занимал боевые позиции в непосредственной близости от переднего края противника, имея боевой порядок в два эшелона: в первом эшелоне — 2-й и 3-й, а во втором — 1-й батальоны. На правом фланге, примыкая к большому непромерзающему болоту Мунасуо, перед рощей «Молоток» стоял 3-й стрелковый батальон, которым командовал подвижный и даже немного горячий (при знакомстве это сразу бросилось в глаза) капитан Иван Яковлевич Кравченко. Комбат был требователен, но справедлив и внимателен к подчиненным. Много времени уделял Иван Яковлевич подготовке батальона к предстоящему штурму, а потому в дальнейшем часто обращался ко мне за советами.

2-м стрелковым батальоном командовал уравновешенный и спокойный капитан Сорока. Артем Максимович, как и я, прибыл в полк тоже недавно. Однако уже успел изучить свой батальон. Комбат отличался завидным трудолюбием, много времени проводил с бойцами. И являлся образцом организованности.

Прежде чем пойти с комбатом в окопы, я выслушал его доклад. Капитан Сорока подробно рассказал о состоянии своего подразделения и его расположении. Он подчеркнул, что окопы отрыты пока только на стрелковые отделения и ходами сообщения не соединены. Поэтому пространство между окопами простреливается противником, в связи с чем батальон несет потери.

— Так что вам, товарищ майор, ходить в окопы пока не следует. Вот отроем ходы сообщения, тогда пожалуйста. А пока опасно, — заключил свой доклад Сорока.

— Именно поэтому, товарищ капитан, я должен пойти к бойцам.

Прихватив винтовку и пару гранат и взяв в спутники ординарца Василия, я направился в боевые порядки 2-го батальона. Василий Тимофеевич Афанасьев, колхозник из Кингисеппского района Ленинградской области, был моложе и чуть пониже меня ростом. Его могучее телосложение, открытое лицо, русые волосы и голубые глаза вызвали симпатию с первого взгляда. С таких, как он, подумал я, писали художники героев русских былин.

Мы с ординарцем благополучно добрались до КП командира 4-й стрелковой роты, который был устроен в окопе 2-го отделения 1-го взвода, находившегося как бы во втором эшелоне роты. Окоп был подготовлен добротно. Вместе с отделением здесь были командир взвода лейтенант Маньков, командир роты старший лейтенант Таран, политрук роты Шиндаков. Весь день и всю ночь я провел в 4-й стрелковой роте, побывал во всех ее окопах.

На другой день мы преодолели ползком и перебежками около двухсот метров открытого пространства и оказались во 2-м отделении 2-го взвода 5-й стрелковой роты. Я назвал себя, затем поздоровался с каждым бойцом за руку. Завязался откровенный разговор. Люди охотно рассказывали о своей жизни. Окоп у них был глубокий и просторный. В передней его стенке были открыты «лисы норы». В этих небольших углублениях находились постели на двоих из сосновых лапок. Бойцы во время сна согревали друг друга дыханием и теплом своих тел.

Речь зашла о противнике, и командир отделения сержант Пушков стал выкладывать все, что знал, а я, вооружившись восьмикратным биноклем, отыскивал на местности цели и ориентиры, которые он упоминал.

Вскоре в нашем окопе появился помощник командира взвода старший сержант Иван Павлович Малиновский. Узнав, что перед ним командир полка, он представился мне. Старший сержант командовал в то время 2-м взводом 5-й роты, замещая выбывшего из-за ранения лейтенанта.

В присутствии взводного командира я начал проверять состояние оружия, а попутно и знания бойцов. И занялся этим не случайно. Мне было известно, что осенью 1939 года в 123-ю стрелковую дивизию влилось несколько тысяч новобранцев, плохо владевших стрелковым оружием. Некоторые бойцы, не зная устройства гранаты и правил обращения с нею, тайком выбрасывали ее в снег, дабы нечаянно не подорваться. Не лучшим образом, как оказалось, знали свое оружие и во 2-м взводе 5-й роты.

Терпеть такое положение было невозможно. Вернувшись на КП в полк, я посоветовался с комиссаром полка и начальником штаба, и мы решили создать три технические группы, которые непосредственно в подразделениях оказывали бы помощь командному составу в обучении бойцов владению гранатой и другим оружием. Первую группу возглавил начальник артснабжения полка старший воентехник Евмен Денисович Богданов, вторую — младший воентехник Иван Иванович Нилус, третью — младший во-

ентехник Дмитрий Николаевич Кириллов. Переходя из подразделения в подразделение, из окопа в окоп, эти группы в течение 10 дней проделали огромную работу, а кроме того, помогли командирам наладить регулярную учебу прямо на передовой...

Познакомившись ближе с полком и немного изучив оборону противника, я пришел к выводу, что в предстоящих боях важную, если не решающую, роль будет играть артиллерия. В связи с этим надо было усиливать связи с артиллеристами, находить с ними общий язык. И такие контакты стали налаживаться. Вместе с начальником артиллерии 123-й стрелковой дивизии полковником Михаилом Петровичем Кутейниковым в наш полк прибыли командир 323-го легкого артиллерийского полка майор Семен Сергеевич Степанов, командир 402-го гаубичного артиллерийского полка майор Сергей Федорович Ниловский, командир 3-го дивизиона этого полка старший лейтенант Николай Михайлович Курбатов и начальник штаба дивизиона лейтенант Петр Васильевич Шутов.

Мы засели за работу и договорились о практических действиях. Первым делом предстояло отработать способы надежного подавления вражеских укреплений стрельбой прямой наводкой. Тут преследовалась и другая цель, чисто психологическая — укрепить в войсках уверенность в силе нашей артиллерии.

Решили выкатить тяжелое орудие из полка Ниловского поближе к высоте 65,5 и прямой наводкой поразить расположенный на ней дот № 6.

Все участники встречи приблизились к высоте 65,5, определили место для позиции орудия и пути подхода к высоте. Вечером того же дня саперная рота нашего полка приступила к подготовке огневой позиции.

Мы учли, что выдвинутое на открытую позицию 203-миллиметровое орудие трудно будет скрыть от наблюдения противника. Орудие могло стать мишенью для его минометных и артиллерийских батарей, а их на этом участке было четыре: минометная батарея стояла в полукилометре, за высотой 65,5, три артиллерийских — на несколько большем удалении от высоты. Но их позиции были нам известны и с большой точностью нанесены на планшеты артиллеристов.

Чтобы не допустить обстрела нашего орудия, был подготовлен огонь целого артиллерийского полка по каждой батарее противника. По плану начальника артиллерии дивизии для этой цели привлекались: 323-й легкий артилле-

рийский, 495-й и 402-й гаубичные артиллерийские и 24-й корпусной артиллерийский полки.

Как только ушли артиллеристы, мы стали думать, как лучше использовать эффект предстоящей стрельбы по вражескому доту. Было решено организовать широкую сеть наблюдательных пунктов. Это дело мы поручили начальнику штаба старшему лейтенанту Жуковскому и его помощнику лейтенанту Ждан-Пушкину. Сам же я опять отправился в окопы, поближе к доту, по которому будет стрелять орудие Ниловского.

В полку в эти дни велась большая партийно-политическая работа, к ней был привлечен весь руководящий состав. Находясь на передовой, я тоже рассказывал бойцам о подготовке к штурму линии Маннергейма. Говорил о силе наших танков, об огневой мощи артиллерии, которая способна разрушить любые укрепления, перед которой не устоят ни гранит, ни железобетон.

После одной из таких бесед как раз и прогремел выстрел нашего тяжелого орудия. Вскоре все увидели разрыв снаряда у дота, который находился впереди и левее нашего окопа. Первые три снаряда разорвались, не долетев до цели. Зато остальные семь угодили в стенку дота. Так начал пробу своих сил расчет одного из орудий майора Ниловского. И нужно сказать, «проба» эта прошла успешно. Когда рассеялся дым и осела пыль, мы увидели в стене дота большие углубления: это были следы от прямых попаданий снарядов. Цель была поражена, и в этом не могло быть сомнений.

— А болтали, вроде бы снаряды отскакивают от дотов, — с радостным возбуждением сказал помощник командира взвода Малиновский.

Старшего сержанта поддержали сержант Пушков, красноармеец Яковлев, братья Потаповы, входившие в расчет ручного пулемета, и другие бойцы отделения. Все, кто был в то время на передовой, видели стрельбу нашего орудия и восхищались ее результатами.

Почувствовав приподнятое настроение бойцов, я рассказал им о сущности взаимодействия в период наступления, о том, что танки должны как можно ближе прижиматься к огню своей артиллерии, а пехота к танкам.

За стрельбой орудия наблюдали не только из нашего окопа. Многие командиры и бойцы видели и оценили ее результаты. По предложению комиссара полка Поршакова, за которое я голосовал обеими руками, вечером собрался партийный актив. Вопрос на нем стоял необычный: смо-

жет ли наша артиллерия разрушить доты противника? Да, сможет, сказали все, кто наблюдал за огнем орудия. Это подтвердил и приглашенный на совещание командир 402-го гаубичного артиллерийского полка майор С. Ф. Ниловский.

А на другой день все участники партийного актива разошлись по подразделениям и рассказали войнам об отличной стрельбе артиллеристов.

Так началось развенчивание легенды о непробиваемости финских дотов.

Продолжая знакомство с полком на его передовых позициях, я попутно стремился как можно больше узнать о противнике, его укрепленной полосе. Перед фронтом 2-го батальона, на высоте 65,5, которая господствовала над окружающей местностью, стоял тот самый злополучный дот, который мы называли «миллионным». Все подходы к нему были прикрыты минными полями, гранитными надолбами и проволочными заграждениями на железных кольях. От нашего переднего края до дота здесь было около 500 метров. В центре разделявшей нас полосы находился небольшой окоп, похожий на яму. Мне рассказали, что в середине декабря, штурмуя линию Маннергейма, наши подразделения достигли этого рубежа и, пытаясь закрепиться, рыли окопы. Потерпев неудачу, они откатились, и теперь один из окопов оказался на ничейной полосе. Рассматривая яму в бинокль, я думал о том, что если удастся добраться до нее, то можно будет хорошо рассмотреть не только «миллионный», но и прилегающие к нему укрепления.

И я решился. Вооружившись винтовкой и гранатами и взяв с собой неразлучного Василия, стал подбираться к окопу. Это было во второй половине дня. Вокруг тишина. Прикрываясь складками местности, мы подползли к яме и, незамеченные, укрылись в ней. В течение целого часа я внимательно изучал дот и примыкающую к нему местность. Отсюда увидел амбразуры дота и те повреждения, которые нанесло ему тяжелое орудие Ниловского. Оглядевшись, обнаружил неизвестный нам до тех пор дзот, который был построен на восточных скатах высоты и замаскирован под кустарник.

Хорошо рассмотрел и противотанковые надолбы — довольно крупные куски колотого гранита. Поставленные острием вверх, они были похожи на клыки дикого зверя. Кстати, их и прозвали «волчьими клыками». Однажды мы попытались разрушить эти «клыки» огнем из 76-миллиметрового орудия, но они не поддались. Изучая «клыки» с

близкого расстояния, я пришел к заключению, что их можно подрывать зарядами тола.

В свои окопы мы вернулись той же тропой, точно по своему следу. Десятки глаз наблюдали за нами в тот день, а к вечеру о вылазке командира полка знали во многих подразделениях.

Совершая такие «путешествия», я, конечно, рисковал, но благодаря им день за днем составлял собственное представление и о боевой готовности полка, и об обороне противника. Знание же обстановки помогало готовить полк к наступлению, вносить необходимые коррективы в план предстоящего штурма.

Прошло около месяца, с тех пор как я прибыл в 245-й стрелковый полк. Сделано было уже немало, и я чувствовал, что мы — на верном пути, что решаем то главное, от чего будет зависеть успех.

Своими мыслями и планами я всегда делился с помощниками, невольно вызывая их на творческое обсуждение проблем, что нас волновало. Такие обсуждения часто заканчивались тем, что мы выходили, а то и «выползали» на местность, поближе к обороне противника, и там проверяли свои аргументы, уточняли варианты возможных действий. В этих беседах, как правило, принимали участие комиссар полка, начальник штаба, артиллеристы, танкисты. Обсуждения завершались принятием определенного решения и проведением его в жизнь.

В результате такой творческой работы в штабе полка созрело и укрепилось мнение, что успеха в предстоящем штурме можно добиться при обязательном условии умелого сочетания огня и движения, тесного взаимодействия пехоты, артиллерии, танков. Мы не уставали повторять: «Танки должны как можно ближе прижиматься к огню артиллерии, а пехота — к танкам. И никакой остановки! Даже на миг». Так оно и было в дальнейшем. А пока делали прикидки, тренировали людей на местности, схожей с той, по которой придется наступать.

На направлении высоты 65,5 (а оно являлось главным) расстояние до переднего края противника, как я уже отмечал, было около 500 метров. Нелегко будет, думали мы, преодолеть полкилометра открытой местности под огнем противника. А нельзя ли это расстояние сократить? И саперы лейтенанта Шитова стали отрывать три хода сообщения в сторону врага. Три извилистые траншеи протянулись до линии надолб и здесь остановились. Отсюда в ночное время те же саперы устраивали вылазки к минным по-

лям финнов и снимали мины на целых участках. Февральские снегопады засыпали следы работы саперов, что было нам на руку. К гранитным надолбам подвязали толовые шашки: их подорвут с началом артподготовки. Таким образом, проходы для танков обеспечены. Это знали командиры рот 112-го танкового батальона 35-й танковой бригады старший лейтенант В. Ф. Кулабохов, капитан В. С. Архипов и старший лейтенант Г. В. Старков, у которых были танки Т-26; это знал и командир 90-го танкового батальона 20-й танковой бригады капитан Макаров, людям которого предстояло действовать на танках Т-28. Танкисты не раз проверяли свои маршруты, выползая как можно дальше в сторону противника. В сделанные проходы, прижимаясь к артиллерийскому огню, со временем хлынут танки, ведя за собой пехоту.

Был подготовлен для противника и такой «сюрприз». К каждой из восьми машин 90-го танкового батальона были прицеплены бронесани. Одни бронесани вмещали стрелковое отделение. Командир отделения занимал место в центре саней. В его руках находился рычаг, поворотом которого он мог отцепить сани, как только танк пересечет первую траншею противника.

Планировалось, что артподготовка будет продолжаться 2 часа 40 минут: начнется в 9.20 и закончится в 12.00. Такая продолжительность нужна была для того, чтобы дать возможность нашей тяжелой артиллерии разрушить или надежно подавить доты и другие огневые точки и укрепления.

Когда все вопросы были, как мне казалось, решены и уточнены, я сказал: «Ну, вот и все!»

— Нет, не все! — громко возразил ответственный секретарь партбюро полка политрук Иван Павлович Иванов. — Завтра в штабе нужно провести партийное собрание с повесткой дня: «Роль коммунистов в наступлении». Доклад просим сделать вас, товарищ командир полка. Послезавтра состоятся партийные собрания во всех подразделениях. На них выступят товарищи Поршаков, Жуковский, Гуцин — инструктор пропаганды полка и я.

Как тут было не порадоваться за нашего партийного вожака, за полковую партийную организацию, которая заряжала в те дни коммунистов, весь личный состав энергией и волей к победе!

Вслед за партийными собраниями были проведены собрания комсомольцев и беседы во всех взводах. Коммуни-

стам и комсомольцам вручались красные флаги для водружения на дотах.

Везде царило воодушевление. Люди клялись с честью выполнить приказ командования — прорвать хваленую линию Маннергейма.

И вот наступило 11 февраля 1940 года, день штурма. После мощной артиллерийской подготовки 2-й и 3-й батальоны вместе с танками 112-го батальона 35-й танковой бригады и 90-го батальона 20-й танковой бригады, прижимаясь к огню своей артиллерии, дружно пошли в атаку.

С волнением наблюдал я за танками и пехотой. Они продвигались довольно быстро, но мне казалось, что темп замедленный, что они ползут как черепахи. Хотелось встать и крикнуть: «Скорее, скорее, ребята! Не подведите, голубчики!» Но «ребята» хорошо делали свое дело, и вскоре я увидел, как 3-й батальон овладел рощей «Молоток», а 2-й — высотой 65,5. Красные стяги, которые заалели на дотах, свидетельствовали об успешном штурме укрепленной линии. Это была незабываемая картина: увидев на дотах наши флаги, все, кто находился во втором эшелоне полка, стали кричать «ура» и бросать в воздух шапки.

Коротки, быстротечны мгновения штурма. А сколько за ними человеческой отваги, труда, упорства, изобретательности, смекалки! Командир батальона капитан Иван Яковлевич Кравченко, узнав о предстоящем наступлении, сбежал из госпиталя на передовую. «Дисциплину нарушил впервые, — скажет мне потом этот искусный командир, герой штурма, — но иначе поступить не мог». Много в тот день было первых. Взвод лейтенанта Ивана Александровича Хватова первым овладел дотом. Первые флаги над вражескими укреплениями водрузили красноармейцы Федор Петрович Жуков и Сергей Христофорович Яковлев. Отважно действовал в бою младший командир Андрей Степанович Виноградов, подавший перед штурмом заявление с просьбой о приеме в ряды партии.

Я позвонил командиру дивизии Алябушеву и доложил обстановку. Поле боя окутывала пелена дыма и тумана, и комбриг не мог видеть деталей боя. Усомнившись в точности моего доклада, он ответил: «Не вижу». Я попросил его посмотреть в стереотрубу и через несколько секунд услышал в телефонной трубке громкое «ура», которым и командир дивизии выразил свое восхищение успехом полка.

Вскоре я перенес командный пункт на возвышенное место, только что отбитое у противника, и опять доложил Алябушеву об успешном продвижении. Внимательно вы-

слушав меня, комбриг ответил: «Молодец, товарищ Рослый. Спасибо».

Брешь в укреплениях линии Маннергейма была пробита, и в нее для развития успеха устремились свежие силы пехоты и танков...

В соответствии с мирным договором между СССР и Финляндией 13 марта 1940 года боевые действия прекратились, а 18 марта 123-я стрелковая дивизия вошла в Выборг. 245-й стрелковый полк разместился в казармах, расположенных на северо-западной окраине города. Теперь перед нами встала новая задача — перестроить жизнь полка на мирный лад, организовать боевую подготовку.

Вспоминая бои на Карельском перешейке, не могу не сказать самые теплые слова о журналистах и писателях, которые находились в боевых порядках полка, оперативно освещали жизнь и боевую деятельность бойцов и командиров и тем самым поднимали их наступательный порыв.

В нашем полку часто бывали Юрий Корольков, Борис Агапов, Александр Исбах, Борис Толчинский. Последний находился у нас почти постоянно и часто вместе со мной бывал в окопах.

Однажды мы с Толчинским находились в боевых порядках 2-го батальона, который наступал на станцию Кямья. Кругом жужжали пули, время от времени рвались мины, снаряды. Мы лежали в какой-то яме и наблюдали за полем боя. Вдруг увидели бойца, направляющегося в тыл. Судя по следам крови на белом маскхалате и по тому, как он передвигался, можно было догадаться, что боец легко ранен. Но почему без винтовки? Растерялся, оставил где-то свое оружие? Я покинул укрытие, пошел бойцу навстречу и остановил его.

— Где ваша винтовка? — спросил я.

— Там, — ответил боец, указывая на то место, откуда шел.

— Вернитесь и возьмите винтовку! — приказал я.

Боец подчинился беспрекословно и через несколько минут возвращался уже с оружием.

Наблюдая за этой сценой, Борис тоже выскочил из укрытия и подошел ко мне.

— А вы зачем здесь? — спросил я его. — Разве не видите, что творится вокруг?

— Вижу, — ответил Толчинский. — Но мне неудобно было одному оставаться в укрытии...

Писатель Юрий Корольков являлся в ту пору редактором дивизионной газеты «На боевом посту». Он, бывало, неза-

метно нырнет в блиндаж или окоп, из которого мне приходилось руководить боем, пристроится где-нибудь в сторонке, чтобы никому не мешать, и сидит молча: наблюдает, слушает, записывает. А потом, глядишь — статья или очерк в газете.

Кроме названных мною товарищей в полку часто бывали Евгений Долматовский, Виктор Темин, Павел Трошкин, Александр Твардовский. Наш знаменитый поэт уже тогда «примерялся» к образу Василия Теркина, печатая в газете «На страже Родины» небольшие стихотворные отрывки о его фронтовой удали и смекалке. Неспроста напоминает Твардовский в своей замечательной поэме, что Теркин — солдат бывалый. Помните:

Я вторую, брат, войну
На веку воюю.

...Прошло около двух недель, как полк поселился в казармах. Штаб размещался в нескольких комнатах второго этажа. Одна из них была подготовлена для меня. Здесь я жил и работал.

В тот день, о котором пойдет речь, намечалось провести для командного состава показное занятие по строевой подготовке. Уже с утра мой кабинет стали осаждать корреспонденты. То ли их заинтересовало наше внимание к строевой выучке, которой мы действительно занимались тогда в поте лица, то ли прослышали о чем-то другом. Прибыли Борис Агапов, Юрий Корольков и фотокорреспондент Виктор Темин. Должен был подойти и Борис Толчинский, но он куда-то запропастился, и мы оттягивали завтрак, приготовленный для журналистов.

Но вот появился и Толчинский. Чем-то возбужденный, он размахивал газетой. Остановившись на пороге, Борис оглядел присутствующих, потом подошел к Агапову и сказал: «Читайте, у вас хорошая дикция».

Борис Николаевич, мигом окинув взором газету, встал и решительно произнес: «Такие новости нужно слушать стоя». А когда, повинуясь его примеру, все встали, Агапов торжественно прочитал Указ о награждении 245-го стрелкового полка орденом Красного Знамени.

Сначала воцарилась тишина. А потом заговорили все сразу. Поздравляли меня, капитана Жуковского и друг друга. Но зычный голос Агапова восстановил нарушенную тишину:

— Пойдите, товарищи! Это не все. Здесь есть еще один документ. Прошу внимания. — И прочитал Указ Президиу-

ма Верховного Совета СССР от 21 марта 1940 года о присвоении звания Героя Советского Союза семи товарищам из нашего полка:

Младшему командиру Виноградову Андрею Степановичу, красноармейцу Жукову Федору Петровичу, капитану Кравченко Ивану Яковлевичу, майору Рослomu Ивану Павловичу, капитану Сороке Артему Максимовичу, лейтенанту Хватову Ивану Александровичу, красноармейцу Яковлеву Сергею Христофоровичу.

Наша радость была безмерной. Посоветовавшись, решили показательные занятия по строевой подготовке отменить. На 12 часов был назначен общеполковой митинг...

Через неделю позвонил Алябушев и сказал, что едет к нам. Комбрига я встретил у входа в штаб. Здороваясь, командир дивизии назвал меня полковником.

— Да, товарищ Рослый, — заметив мое удивление, подтвердил он, — вам присвоено звание «полковник». От души поздравляю. — Алябушев вынул из кармана пару полковничьих петлиц и протянул мне.

Из уст командира дивизии мне предстояло услышать еще одну важную новость:

— Нарком обороны Маршал Советского Союза Ворошилов пригласил нас с вами на заседание Главного военного совета, которое состоится в апреле в Кремле. Там будут подводиться итоги зимней кампании. Командарм Мерецков рекомендует вам, товарищ Рослый, выступить на этом заседании и рассказать о действиях полка. К выступлению надо хорошо подготовиться. Умели воевать — сумеете и рассказать, — добродушно заключил комбриг и, помолчав, добавил: — На заседании будет присутствовать товарищ Сталин.

Возбужденный, я не сразу нашелся что ответить командиру дивизии.

Вскоре Алябушев уехал, а я, поручив командовать полком командиру 3-го батальона Герою Советского Союза капитану Кравченко, стал готовиться к отъезду в Москву.

В работе расширенного заседания Главного военного совета принимали участие члены Политбюро ЦК партии, руководители Наркомата обороны, командующие войсками, члены военных советов и начальники штабов военных округов и армий, начальники военных академий, ответственные работники Генерального штаба, а также командиры корпусов и дивизий, участвовавших в боях. Из командиров стрелковых полков был приглашен только я,

За столом президиума находились трое: Нарком обороны Маршал Советского Союза К. Е. Ворошилов, И. В. Сталин, В. М. Молотов. Открывая заседание, Климент Ефремович попросил присутствующих рассказать, как проходили боевые действия войск, что при этом было хорошо и что плохо, какие коррективы нужно внести в организацию, вооружение и боевую подготовку нашей армии.

Мысль Ворошилова продолжил Сталин. Включившись в разговор, Иосиф Виссарионович сказал, что здесь, на заседании, надо смелее критиковать наши уставы и приказы, которые мы сами создавали и сами, если нужно, заменим.

По рядам прошел легкий шепот: присутствующие в зале с одобрением восприняли эти слова.

Затем начались выступления. Говорили главным образом те, кто был на фронте. Из состава 7-й армии выступили: командующий армией командарм 2 ранга К. А. Мерецков, начальник артиллерии комдив М. Н. Парсегов, командир 50-го стрелкового корпуса комдив Ф. Д. Гореленко, командир 123-й ордена Ленина стрелковой дивизии комбриг Ф. Ф. Алябушев и другие. Многие из них упоминали удачные действия 245-го Краснознаменного стрелкового полка и называли мое имя. Это было приятно.

Во второй половине дня слово предоставили мне. К выступлению я готовился довольно основательно и все же здорово волновался. Мое состояние многие заметили и потом шутя говорили, что воевать, по-видимому, легче, чем рассказывать о войне. И в той шутке была немалая доля правды.

Я рассказал, что в основу успешных действий полка было положено умелое сочетание огня и движения, которое выразилось в том, что пехота и танки вслед за переносом артиллерийского огня с переднего края в глубину обороны противника буквально «на хвосте своих снарядов» ворвались в первую траншею и овладели находившимися там дотами. Атака развивалась столь стремительно, что враг, ошеломленный огнем артиллерии, был загнан в глубокие убежища, не успев выбраться из них и изготавиться к бою. Наши танки и пехота ворвались в опорные пункты противника. Дело завершили гранаты.

Немалую роль сыграло и то, что мы подготовили исходное положение для атаки в 100 метрах от переднего края противника, проделали достаточное количество проходов для танков и пехоты, досконально отработали будущие действия с командирами и бойцами.

Накануне штурма велась большая, целеустремленная партийно-политическая работа с личным составом. Людей готовили к быстрой и решительной атаке под девизом: «Промедление — смерти подобно».

С удовлетворением говорил я о могуществе нашей артиллерии, о той огромной роли, которую сыграла она в прорыве вражеских укреплений. Если еще учесть, что в ту пору наша авиация наносила свои удары главным образом по объектам, расположенным за линией переднего края противника, и лишь налаживала непосредственное взаимодействие с наступающими войсками, то артиллерия являлась главной ударной силой.

С таким же уважением говорил я и о действиях танков. Правда, во время той кампании они особенно не вырывались вперед и не выходили на «оперативный простор», но действовали в тесном взаимодействии с пехотой и здорово помогали ей.

Будь у меня больше времени, я непременно рассказал бы о своих боевых товарищах — командирах артиллерийских полков Степанове и Ниловском, командирах-танкистах Архипове, Кулабохове и Старкове, которые своими согласованными и решительными действиями помогли 245-му полку прорвать линию Маннергейма. Почти все названные товарищи стали тогда Героями Советского Союза.

Самым интересным и запоминающимся был последний день работы Главного военного совета. На нем с большой речью выступил И. В. Сталин.

В целом положительно оценив действия Красной Армии в зимней кампании, он перешел к оценке международного положения. Касаясь главным образом фашистской Германии, захватнические аппетиты которой росли, Сталин сказал, что война с ней неизбежна. Неизвестно только, когда она начнется, когда нападёт враг. Поэтому нам нужно торопиться, чтобы успеть перевооружить свою армию новыми танками и самолетами. И не только перевооружить, но и овладеть новой техникой.

Выводы, сделанные Сталиным, глубоко запали мне в душу...

В длинном коридоре Кремлевского дворца, по которому мы шли к выходу, ко мне подошел Е. А. Щаденко и велел завтра в 10.00 прибыть к нему.

Я понимал, что к заместителю Наркома обороны — начальнику Управления по командному и начальствующему составу РККА зря вызывать не станут. Вероятно, получат какое-то новое назначение. Какое? Куда?

— Вы, товарищ Реслый, назначены командиром 4-й стрелковой дивизии, — объявил мне на следующий день Щаденко, как только я вошел в кабинет. — Дивизия дислоцируется на Кавказе. Вам следует вернуться в Выборг, сдать полк и отправиться к месту назначения.

Итак, я приехал в Москву командиром полка, а уехал командиром дивизии.

Полком командовал всего неполных четыре месяца. Но как много он значил в моей судьбе! Это был исключительно ответственный этап в жизни, в становлении и возмужании командира. Забегая вперед, скажу: мне посчастливилось командовать полком дважды — второй раз уже после Великой Отечественной войны, после великой победы над фашизмом. Но то был особый случай и особый полк, разговор о нем впереди...

Во второй половине мая я прибыл к новому месту назначения и вступил в командование дивизией. 4-я стрелковая была старым кадровым соединением со славными боевыми традициями времен гражданской войны. Теперь она обогатила эти традиции в боях на Карельском перешейке, ее личный состав получил там хорошую закалку.

После окончания боев в Финляндии дивизию перебрали к новому месту дислокации. Ее нужно было заново расквартировывать. Имевшиеся казармыместили только половину частей; остальные были размещены в палатках. Квартир для командного состава также не хватало. Отсутствовала учебная база. На плечи молодого командира дивизии навалилось множество вопросов, один сложнее другого. Хорошо, когда в такой ситуации на помощь приходит старший товарищ. И в этом, скажу откровенно, мне здорово повезло.

Однажды в дивизию прибыл заместитель командующего Закавказским военным округом генерал-лейтенант П. И. Батов. Подойдя к нему с докладом, я увидел еще молодого, с умным и приветливым лицом человека. Он оказался из тех людей, что обладают способностью быстро располагать к себе, завоевывать симпатию и уважение. Выходец из крестьянских низов, Батов в 1918 году добровольно вступил в Красную Армию и прошел в ее рядах путь от командира роты до крупного военачальника. После службы в Московской Пролетарской дивизии Павел Иванович побывал в Испании, где успешно сражался на стороне республиканцев. Это был грамотный генерал, с богатым опытом организации боевой подготовки.

Батов нашел меня в 39-м стрелковом полку, размещавшемся в дубовой роще.

— Чем занимаетесь, товарищ Рослый? — спросил он.

Я ответил, что помогаю командиру полка в налаживании боевой подготовки.

П. И. Батов с пониманием отнесся к нашим нуждам, помог в решении ряда вопросов. Такое внимательное отношение одного из руководителей округа к состоянию дел в дивизии обрадовало и окрылило меня.

29 мая раздался телефонный звонок из Тбилиси. Звонил начальник штаба Закавказского военного округа Федор Иванович Толбухин. Он сообщил, что завтра в 11.00 специальным поездом к нам прибудет Михаил Иванович Калинин для вручения красноармейцам и командному составу дивизии правительственных наград за мужество и героизм, проявленные в боях на Карельском перешейке. Генерал Толбухин подсказал, как надлежит встретить высокого гостя, как организовать церемонию вручения наград.

Для встречи Всесоюзного старосты на вокзал прибыли руководители партии и правительства Грузии, а также командир 3-го стрелкового корпуса комбриг С. И. Черняк.

С Михаилом Ивановичем Калининным я уже встречался в апреле. Во время заседания Главного военного совета группу награжденных командиров пригласили в Кремль. Орден Ленина и Золотую Звезду Героя Советского Союза я получил из рук Михаила Ивановича. На вокзале, здороваясь со встречающими, М. И. Калинин, услышав мое имя, посмотрел на меня и сказал: «Как же, помню. Здравствуй, герой. Вот и опять встретились». После короткого разговора все направились в Дом Красной Армии. Те, кому предстояло получить награды, уже сидели в зале, а красные коробочки с орденами и медалями были разложены на столах.

Появление в зале Всесоюзного старосты было встречено бурными аплодисментами. Вручив награды, Михаил Иванович сердечно поздравил награжденных, пожелал им здоровья и успехов в работе. Просто и понятно говорил он о сложной международной обстановке и призывал нас крепить боевую подготовку, повышать политико-моральное состояние войск, их готовность к отпору любому захватчику.

Посещение дивизии М. И. Калининным еще больше подняло настроение и работоспособность людей. Налаживался быт личного состава, совершенствовалась боевая и политическая подготовка. Все острее чувствовали мы внимание к нашим нуждам, заботу со стороны командования округа и местных властей.

Все в дивизии, от рядового бойца до командира, с головой окунулись в будничные учебные дела, не ведая о том, как мало у нас остается времени.

НА МЕЛИТОПОЛЬСКОМ РУБЕЖЕ

*Гроза разразилась * Готовимся к боям * Дивизия отправляется на линию огня * Встреча с командармом * Враг остановлен * Переходим в наступление * Расплата за опоздание*

Ранним утром в субботу 21 июня 1941 года я со штабом дивизии выехал в поле для проведения командно-штабных занятий, которые были давно запланированы и тщательно подготовлены. Широкая дорога, пересекавшая равнину между Большим Кавказским и Месхетским хребтами, привела нас к селению, которое носит имя Маяковского. Здесь поэт родился, тут прошла его юность.

Сделав привал, заглянули в домик-музей Маяковского и не пожалели об этом: покидали его с добрым чувством и приподнятым настроением.

От села начинался подъем. Извиваясь причудливым серпантинном, горная дорога привела нас к Зекарскому перевалу Месхетского хребта.

Тут еще одна остановка: нужно было подтянуть отставшие при подъеме на перевал машины. Далеко на севере просматривались вершины Главного Кавказского хребта, особенно хорошо выделялись белые шапки Казбека и Эльбруса. На юге громоздились Восточные Понтийские горы. Там уже была Турция.

Отдохнув, мы спустились с Месхетского хребта и, проехав еще километров 70, оказались в районе Ахалцихе.

В воскресенье 22 июня 1941 года началось учение.

День стоял тихий и жаркий. Обливаясь потом и изнывая от жажды, мы дотошно отработывали учебные вопросы, предусмотренные планом.

Наступил полдень, и тут внимание привлек бежавший к нам со стороны заставы пограничник. Поравнявшись с нами, он произнес только одно слово: «Война».

Этим было сказано все — гроза, давно собиравшаяся над нашей Родиной, разразилась. Отдышавшись, командир-пограничник, присланный с заставы, пересказал нам содержание речи В. М. Молотова, с которой тот от имени партии и правительства обратился по радио к народу.

Весть о вероломном вторжении в нашу страну немецко-фашистских войск до глубины души взволновала советских людей. В частях дивизии прошли собрания и митинги, на которых бойцы и командиры клялись отдать все силы, а если потребуется, и жизнь для победы над врагом. Слова партии: «Наше дело правое. Враг будет разбит, победа будет за нами» — стали лозунгом народа и его армии в борьбе с захватчиками.

Фашисты продолжали продвигаться на восток. Слушая тревожные сообщения с фронта, каждый думал: «Когда и где будет остановлен враг? И когда настанет наш черед сразиться с ним?»

Закончив отмотелизацию дивизии и ее подготовку к отправке на фронт, мы со дня на день ожидали приказа на погрузку в эшелоны. Но приказа не было. Неожиданно позвонил начальник штаба округа генерал Толбухин и спросил, чем занимается дивизия. Я ответил, что ожидаем приказа на погрузку. Федор Иванович слегка пожурил меня и посоветовал, не теряя времени, немедленно развернуть боевую подготовку. Приказ на погрузку, заметил он, может последовать и сегодня, и через неделю, и через две. Но в любом случае вы обязаны повести в бой людей обученных, хорошо подготовленных.

Эта рекомендация оказалась как нельзя кстати: во время мобилизации в дивизию влилось около четырех тысяч новобранцев, которых надо было ввести в строй, научить воевать с сильным и коварным врагом.

Немедленно собрав ближайших помощников, я обсудил с ними план организации боевой подготовки. Главный упор делался на то, чтобы войны дивизии в предстоящих боях не дрогнули перед танками и умело боролись с ними.

Мы уже знали тогда, что в боях против польской армии осенью 1939 года, а потом против французов и англичан летом 1940 года гитлеровское командование широко и довольно умело применяло большие танковые группы. Танки, как правило, шли вперед, увлекая за собой пехоту. Бывало и так, что отдельные группы танков, без пехоты, прорывались через боевые порядки, заходили в тыл противнику и сеяли там панику. Это было весьма опасно. Большую угрозу представляли даже отдельные группы мотоциклистов, прорвавшиеся в тыл, если находившиеся там части не были подготовлены к отпору.

Мы догадывались, что именно такую тактику гитлеровцы применяют и против Красной Армии. Поэтому фашистские танки являлись для нас врагом номер один. И мы

стремились подготовить людей — и в боевом, и в моральном отношении — к уверенному противодействию не только танкам, но и мотоциклетным группам. Но как это делать и чем?

Чтобы читателю было ясно, почему в ту пору вставал этот вопрос, приглашаю его заглянуть в штаты дивизии и посмотреть, какими противотанковыми средствами она тогда обладала.

В дивизии был один истребительно-противотанковый дивизион (ишtd) в составе трех батарей сорокапятимиллиметровых орудий. Орудия перевозил гусеничный тягач «Комсомолец», на котором был установлен ручной пулемет. «Комсомолец» мог перебросить со скоростью 30 километров в час орудие, один боекомплект снарядов к нему и орудийный расчет.

Кроме двенадцати сорокапяток, которые были в ишtd, в каждом стрелковом батальоне имелся взвод в составе двух таких же орудий, предназначенный для подавления пулеметных точек противника. Расчеты и этих сорокапяток мы обучали стрельбе по бронемашинам и танкам. В боекомплект орудий были включены бронебойные снаряды.

Таким образом, противотанковую огневую мощь дивизии составляли 30 сорокапятимиллиметровых орудий.

Нам было известно и то, что наши сорокапятки могли успешно вести бой с легкими и даже со средними танками противника, вооруженными 37-миллиметровыми орудиями. Но ведь гитлеровцы располагали и боевыми машинами, вооруженными 75-миллиметровыми орудиями. Это тревожило меня и весь командный состав дивизии. К тому же старшие начальники в ту пору еще не имели в своем распоряжении резервных противотанковых бригад, полков или хотя бы дивизионов. Следовательно, рассчитывать нужно было только на собственные силы и средства.

В их поиске обратились к противотанковой гранате, которая могла вывести танк противника из строя, подорвав гусеницу или днище. Правда, для достижения успеха гранату нужно было метнуть в тот момент, когда вражеский танк приблизится на 15—20 шагов. Для этого требуется огромная выдержка. Значит, надо не только научить бойцов пользоваться гранатой, но и непременно воспитать у них хладнокровие, уверенность в себе.

А тут появилось еще одно средство борьбы с танками — бутылки с самовоспламеняющейся жидкостью КС. Бутылку полагалось бросать не под танк, а на танк. Попад на

броню, она разбивалась, а выплеснувшаяся жидкость воспламенялась и по щелям просачивалась внутрь танка. Он загорался. Наибольший эффект достигался в том случае, если бутылка попадала на заднюю часть боевой машины, где расположен двигатель.

Взыскательно оценив свои возможности, мы поняли, что на первый случай не так уж плохо можно оснаститься против вражеских танков. В полковых мастерских изготовили дополнительно много учебных противотанковых гранат и бутылок КС. Вблизи казарм построили макеты танков и приступили к усиленным тренировкам.

Вскоре от одиночной подготовки перешли к ротным и батальонным учениям. На окраине города, где были пустыри, мы отрыли позиции на целый стрелковый батальон. Занимая их, батальон отрабатывал все элементы оборонительного боя. В это время другой батальон с ротой танков занимал исходное положение для наступления. В финале учения обороняющиеся отсекали пулеметным огнем пехоту «противника» от его танков, а танки встречали огнем из орудий, гранатами и бутылками КС. Получалось, как в бою.

Однажды кто-то принес бутылку, наполненную водой с мелом. Разбитая на танке, она оставила на нем белое пятно, оно как бы подтверждало, что боец не промахнулся, а танк «сгорел». Методическая находка всем понравилась, и на следующий день в городе были скуплены все пустые бутылки.

По вечерам, в перерывах между занятиями, в подразделениях кипела партийно-политическая работа. Она помогала обеспечить успешное выполнение учебных планов, воспитать у людей готовность к бою, веру в свое оружие, выдержку и самообладание. Устраивались даже технические викторины.

Так, не теряя ни минуты, мы упорно и целенаправленно готовили дивизию к предстоящим испытаниям.

С первого дня мобилизации я обосновался в штабе дивизии. Небольшая комната с солдатской кроватью была и рабочим кабинетом, и жильем. Но в штабе не засиживался. Часто уезжал на призывные пункты, в полки, желая на месте убедиться, что отмобилизование проходит нормально. Бывал и на учебных полях, чтобы проверить ход боевой подготовки или провести показное занятие. Возвращался поздно. Часок-другой отдохнешь, подкрепишься тем, что принесут из штабной кухни, и опять за дело. Именно

в это время я еще крепче сросся с огромным воинским коллективом, за судьбу которого нес персональную ответственность.

О приказе, который предписывал приступить к погрузке частей дивизии в железнодорожные эшелоны, я, естественно, узнал первым. Начальник штаба дивизии подполковник Михаил Антонович Прокопенко, вызвав к себе военного коменданта станции, срочно готовил план погрузки. Когда прикинули, оказалось, что для переброски на фронт нашего соединения понадобится 36 железнодорожных эшелонов.

Напомню читателю, что в ту пору основной тягловой силой в дивизии были лошади. Чтобы погрузить более трех тысяч лошадей, надо было 6 эшелонов; почти столько же требовалось для конных повозок. 9 эшелонов в сутки — такой темп погрузки был задан нам штабом округа.

И потянулись наши эшелоны длинной лентой на фронт. Стояли теплые сентябрьские дни 1941 года. Труженики Северного Кавказа собирали обильный урожай. Однако лица людей были угрюмы, взгляды — вопрошающие. Но вот уже миновали Донбасс и остановились на станции Большой Токмак (ныне город Токмак).

— Здесь, — сказал военный комендант станции, — приказано разгрузить вашу дивизию.

На станции Большой Токмак царило оживление. Много военных. Группами и в одиночку они куда-то спешат. По всему чувствовалось, что фронт близко. Как бы в подтверждение такого предположения высоко в небе появился одиночный вражеский самолет.

Наш зенитный дивизион открыл по воздушному разведчику огонь. Самолет немного покружил над станцией и улетел. Я был уверен, что теперь, когда обнаружена выгрузка войск, следует ждать появления немецких бомбардировщиков. А потому распорядился, чтобы на станции не оставалось ни одного лишнего человека, чтобы все, даже мелкие, подразделения по мере выгрузки сразу отправлялись в назначенные им районы.

Выгрузка дивизии шла полным ходом, и, чтобы не терять времени, я решил не дожидаться прибытия представителя вышестоящего штаба и отправился разыскивать начальство. Старая эмка двинулась в сторону фронта и, пробежав около 70 километров, доставила меня в штаб 18-й армии, который и был нужен мне.

Полевое управление 18-й армии было образовано в первый день войны на базе штаба Харьковского военного округа. Одновременно был назначен Военный совет армии. В него вошли командующий армией генерал-лейтенант А. К. Смирнов, начальник штаба генерал-майор В. Я. Колпакчи и член Военного совета корпусной комиссар Т. Л. Николаев.

Формирование управления армии проходило по заранее разработанному плану, и уже утром 23 июня с харьковского вокзала отошел первый эшелон, увозивший на фронт оперативную группу во главе с командующим.

С тех пор минуло около трех месяцев, в течение которых войска непрерывно находились в боях, сдерживая натиск превосходящих сил противника. За это время личный состав армии поредел, части стали малочисленными. Заметно поубавилось техники.

В тот час, когда я нашел штаб 18-й, ее части и соединения, преследуемые войсками 11-й немецкой и 3-й румынской армий, только что переправились через Днепр и приступили к организации обороны.

Штаб армии уточнял состояние своих войск и действия неприятеля. Мой орден Ленина и Золотая Звезда Героя Советского Союза, а также четыре шпалы в петлицах внушили адъютанту командующего доверие, и он беспрепятственно пропустил меня.

В красном углу просторной крестьянской избы за большим столом, который одним краем примыкал к окну, сидели три генерала и два подполковника. Как я потом узнал, это были: командующий армией генерал-лейтенант Андрей Кириллович Смирнов, член Военного совета бригадный комиссар Алексей Максимович Миронов, сменивший Николаева, начальник штаба генерал-майор Владимир Яковлевич Колпакчи, заместитель начальника оперативного отдела подполковник Н. С. Кристальный и начальник разведки. Склонившись над картой, все пятеро были так поглощены беседой, что не заметили моего появления. Да и я не сразу решился оторвать их от важного разговора.

— Итак, — обращаясь к подполковнику Кристальному, заговорил генерал-лейтенант, — командующий фронтом приказал нашей армии занять оборону на рубеже Балки — Тимошевка — Тарасовка. Правильно я понял вас?

— Правильно, товарищ командующий, — подтвердил подполковник. — И не только занять этот рубеж, но и построить на нем жесткую оборону.

— Да знают ли они там, какими силами мы будем выполнять этот приказ? — довольно громко и возбужденно заговорил генерал-майор Колпакчи. — Чем, ну чем мы будем держать жесткую оборону на таком широком фронте? У нас осталось всего четыре обескровленных дивизии. Не дивизии, а флажки. И артиллерии кот наплакал, и снарядов почти нет.

— А как же 9-я армия, наш левый сосед, будет выполнять такую же задачу? — тихо и спокойно парировал доводы Колпакчи генерал-лейтенант Смирнов. — Ведь у них сил тоже не густо. Давайте лучше думать, прикидывать.

— Андрей Кириллович! — вдруг спохватился Миرون. — А почему молчит разведчик? Пусть скажет, куда противник намерен направить основные усилия в полосе нашей армии. Может быть, тогда яснее станет, что предпринять в ответ.

Смирнов поддержал члена Военного совета, и начальник разведки тут же доложил, что главные усилия неприятель сосредоточит скорее всего в центре оборонительной полосы армии, вдоль дороги через Большую Белозерку на Михайловку.

— Ну вот видите, Владимир Яковлевич, — опять заговорил командующий, обращаясь непосредственно к Колпакчи. — Нам придется сделать то же и собрать свои силы в центре полосы.

— А что мы соберем, товарищ командующий? — не сдавался генерал Колпакчи. — Артиллерии мало, а противотанковой вовсе нет, да и снарядов тоже.

— Что верно, то верно, — согласился командующий. — И снарядов нет, и начальник артиллерии куда-то запропастился. Докладывал, что поедет проверить состояние 437-го корпусного артиллерийского полка и вот до сих пор проверяет...

По всему было видно, что и Колпакчи, и Смирнов понимали: в армии очень мало сил, чтобы выдержать предстоящий натиск врага, располагающего достаточным количеством артиллерии, авиации, танков.

И тогда я решил, что наступило время дать знать о себе. Слегка покашлял. Сидевшие за столом почти одновременно поглядели в мою сторону. Я подошел к столу и представился командующему.

— Дорогой полковник! — обращаясь ко мне ласково, даже трогательно, заговорил он. — Докладывайте же скорее, что вы и где вы. Совсем недавно мы получили распоряжение штаба фронта о том, что ваша дивизия вливается

из резерва в состав нашей армии. Послали офицера в Большой Токмак, но вы с ним, видимо, разминувшись. Да мы, признаться, и не рассчитывали на вас. Думали, не успеете. Сидим вот и решаем почти неразрешимую задачу, а не догадываемся, что выход из положения есть, что подмога совсем рядом. А теперь, пожалуйста, докладывайте.

Передо мной был сорокапятилетний, стройный генерал. Его голубые глаза светились доброжелательностью. Лицо было усталым, но он бодрился.

Я видел Смирнова впервые, а слышал о нем много раньше. У этого военачальника, выходца из рабочей семьи, была богатая боевая биография. В конце гражданской войны он командовал уже бригадой и имел два ордена Красного Знамени, что встречалось тогда не часто. На каких только постах не побывал в последующем этот энергичный человек: заместитель командующего Приморской группой ОКДВА, начальник высших командных курсов «Выстрел», начальник Управления учебных заведений Красной Армии и, наконец, командующий войсками военного округа. С первого дня войны Андрей Кириллович — во главе 18-й, той самой армии, что с честью пронесла свои боевые знамена через огонь войны, в рядах которой впоследствии мужественно сражался Леонид Ильич Брежнев.

Кстати, в дни празднования 35-летия победы над гитлеровской Германией мне довелось присутствовать на встрече ветеранов этого прославленного объединения. Был там среди фронтовых товарищей и Л. И. Брежнев. А когда он стал выступать и назвал тех, кого нет среди нас, кто погиб в битве с фашизмом, мне живо вспомнился первый командующий 18-й армией. Я представил его таким, каким увидел в 1941 году, при первой встрече...

— 4-я стрелковая дивизия, — начал я свой доклад командарму, — укомплектована по штатам военного времени. В ее составе три стрелковых полка, два артиллерийских, танковый батальон, противотанковый и зенитный артиллерийский дивизионы, саперный, разведывательный и медико-санитарный батальоны, а также батальон связи, рота химзащиты, подразделения тыла. На вооружении дивизия имеет: 54 танка Т-26, орудий — 72, минометов — 66, противотанковых орудий — 30, зенитных — 12, тракторов — 49, танков-амфибий Т-38 — 10, броневиков — 10, автомашин — 550 и три тысячи лошадей. Стрелковым оружием укомплектованы по штату. Ко всем видам оружия имеется один боекомплект. Личным составом соединение укомплек-

245-й Краснознаменный стрелковый полк после окончания боев. Март 1940 г.

Фронтные журналисты на одной из площадей Выборга. Второй справа Александр Твардовский. Март 1940 г.

Командиры полков С. Ф. Ниловский и И. П. Рослый (справа). Март 1940 г.

Политрук А. Г. Еременко поднимает бойцов в контратаку. Лето 1942 г.

Монумент в честь подвига политработников Советской Армии в Великой Отечественной войне, сооруженный у города Славяносербск Ворошиловградской области. Прототипом для монумента послужил образ политрука А. Г. Еременко

товано по штатам военного времени. В строю 14,5 тысячи человек. 65% личного состава принимало участие в боях во время войны с Финляндией. В настоящее время части заканчивают разгрузку на станции Большой Токмак и готовы приступить к выполнению боевой задачи. Настроение у людей боевое.

Этот краткий доклад был выслушан с большим вниманием. Видно было, что он обрадовал командование армии.

— А теперь, дорогой мой, — заговорил командующий, — пока в штабе подготовят для вашей дивизии комплект карт, я ознакомлю вас с оперативной обстановкой и поставлю боевую задачу.

Пригласив меня к столу, на котором лежала двухверстка с нанесенной на ней оперативной обстановкой, генерал Смирнов сказал:

— Войска Южного фронта вот уже три месяца ведут тяжелые оборонительные бои, связанные с потерей большой территории. В конце августа противник подошел к Днепру, а тридцатого при поддержке авиации и артиллерии переправился через Днепр и овладел Каховкой. Сильными контратаками наших войск гитлеровцы были выбиты из города, однако им удалось удержаться в Малой Каховке. Введя в бой дополнительно три пехотные дивизии, они возобновили наступление. Наша оборона прорвана. 11-я немецкая армия теснит наши части к Перекопскому перешейку и на север, стремясь расчистить себе дорогу на Донбасс.

— Донбасс, Донбасс! — вступил в разговор Миронов. — Знаете ли вы, товарищ Рослый, что такое для нашей Родины Донбасс? — И сам же ответил на свой риторический вопрос: — Донбасс — это 60 процентов добываемого в стране угля. На донецком угле работает половина металлургических заводов, 60 процентов железных дорог, две трети химических предприятий и три четверти теплоэлектростанций страны. Металлурги Донбасса выплавляют 30 процентов чугуна и 20 процентов стали. Вот почему мы должны защищать его до последнего дыхания. Вашей дивизии, товарищ Рослый, выпала почетная задача.

— Да, Миронов сказал сущую правду, — опять заговорил Смирнов. — Ситуация такова, что вашей дивизии, товарищ полковник, в предстоящих боях отводится исключительная роль, на нее возлагаем мы очень большие надежды.

По карте я видел, что левее нас, на рубеже Ново-Ивановка — Молочное озеро, организует оборону 9-я армия.

Правее, по левому берегу Днепра от Днепропетровска до Гагарика, обороняется 12-я армия. Стык с этой армией обеспечивает наша 30-я кавалерийская дивизия. 51-я армия, занимая Перекопский перешеек, удерживает Крым.

— А теперь, товарищ Рослый, — продолжал командующий, — запишите задачу вашей дивизии. — Вам надлежит сменить на участке Шмалковка — Тимошевка 130-ю стрелковую и организовать на этом рубеже прочную оборону, чтобы не допустить прорыва противника в направлении Михайловки. Готовность обороны к утру 20 сентября, то есть завтра.

Правее вас, на участке Балки — Шмалковка, занимает оборону 164-я стрелковая дивизия под командованием опытного и боевого командира подполковника В. Я. Владимиров.

Левее, на участке Тимошевка — Тарасовка, готовит оборону 96-я горнострелковая, которой командует полковник И. М. Шепетов, тоже хороший командир.

136-я стрелковая под началом подполковника Е. И. Василенко и 130-я, которой командует полковник С. С. Сафронов, как наиболее слабо укомплектованные, выводятся во второй эшелон и будут располагаться в районе Орлянки.

Я знаю, что для выполнения задачи у вас мало времени, — тихо проговорил командующий. — Это так. От Большого Токмака до оборонительного рубежа около 70 километров — два дня форсированного марша. А вы все-таки преодолите этот барьер и к утру будьте готовы к отражению атак противника. Не подведите, вы — на главном направлении.

Выслушав приказ командующего, я испытал чувство, близкое к растерянности. Конечно, ему не оставалось ничего иного, как потребовать, чтобы дивизия завтра утром была готова встретить врага. Это диктовала обстановка. Но стрелковая дивизия должна была в течение полусуток преодолеть расстояние в 70 километров и приготовиться к оборонительным действиям! Никакими уставами такое не предусмотрено. Да и в академии нас этому не учили.

Как быть? Я мучительно искал целесообразное решение и не находил его. Оставалось одно — ехать в полки и вместе с боевыми товарищами думать, что предпринять.

Когда я вышел на улицу, был уже полдень. Свою эмку нашел возле соседнего дома. Она стояла в густых кустах сирени. Адъютант — энергичный и сообразительный лей-

тенант Дмитрий Георгиевич Багринцев доложил, что топографические карты находятся у него.

Весь обратный путь я не переставал думать над полученной задачей, искал способы ее выполнения. Мои мысли сводились к следующему: полковые колонны способны передвигаться со скоростью четыре километра в час, или 35 километров в сутки. С такой же скоростью могли передвигаться и три тысячи лошадей, которые повезут орудия, минометы, пулеметы, боеприпасы и еще тысячу различных предметов, необходимых для боя и жизни воинских частей. Перед моим мысленным взором вставали длинные колонны пехоты и вереницы обозов, на много километров растянувшиеся по запорожским степям и медленно ползущие на юг.

«Да, — думал я, — с такими темпами нечего и мечтать о своевременном выполнении полученной задачи. Надо искать другие пути. На дивизию, на ее командира надеются, верят, что приказ будет выполнен в срок. Да и события на фронте развиваются так, что каждый потерянный час может обернуться катастрофой.

А что, если первым выдвинуть на рубеж обороны танковый батальон? Это все же 54 сорокапятимиллиметровых орудия, закованные к тому же в броню... Батальон можно выбросить в район обороны еще засветло, выбрать каждому танку огневую позицию и до рассвета отрыть укрытия для машин...»

Размышляя таким образом, я перешел от 73-го танкового батальона к 41-му разведывательному, который имел 10 танков-амфибий, 10 броневиков, стрелковую роту на машинах и 32 ручных пулемета. На механической тяге были и 80-й противотанковый и 56-й зенитный дивизионы. Эти четыре части могли через два-три часа своим ходом прибыть в указанное им место. А ведь это довольно внушительная сила — 78 орудий, 44 ручных пулемета и стрелковая рота в составе 120 человек.

«А не взять ли из двух стрелковых полков все пулеметные и минометные роты и еще по две стрелковых? — спросил я себя. — Для их переброски потребуется около 50 машин, всего на семь-восемь часов. В дивизии 550 автомашин, и мобилизовать на короткое время полсотни из них дело не сложное.

Для управления этими средствами придется отправить на рубеж обороны штабы двух стрелковых полков, а в каждом полку — по два батальонных штаба со средствами связи. Да и штаб дивизии надо сегодня же перебросить в Михайловку, где ему определено место командующим.

И, наконец, наш 95-й гаубичный артиллерийский полк на тракторной тяге. Он способен преодолеть 70 километров пути за четыре-пять часов, занять огневые позиции и к рассвету изготавиться к бою».

Постепенно зрело решение, и, когда я подъехал к окраине Большого Токмака, где размещался штаб дивизии, оно сложилось окончательно.

Немедленно собрали командиров частей и работников штаба. Я ознакомил их с обстановкой и отдал устный приказ на организацию обороны. Через полтора-два часа все назначенные части, подразделения и штабы были отправлены небольшими колоннами в район сосредоточения. Вскоре и я вместе со штабом дивизии отбыл в Михайловку, а оттуда — на передний край обороны. Я обошел его из конца в конец, уточняя расположение огневых средств. Вдоль переднего края была отрыта траншея полного профиля, а перед ней — противотанковый ров. Это сделали заблаговременно местные жители, наши советские люди, которым мы были благодарны от всей души.

В штаб вернулся за полночь и сразу позвонил командующему, который к тому времени переехал со своим штабом в Виноградовку. Подробно доложил ему, как решена поставленная дивизии задача. Откровенно говоря, я побаивался, что генерал Смирнов не похвалит меня за то, что свой танковый батальон мы поставили в оборону. И хотя для каждой машины готовился хороший окоп, все же танковый батальон, имевший в своем составе 54 боевые машины, представлял внушительную силу, которая в любой момент могла потребоваться для активного противодействия врагу. А эту ударную силу я загнал в оборону.

Однако командующий не только не отчитал, но даже похвалил меня.

— Вы молодец, что догадались так поступить, — выслушав мой доклад, заключил Смирнов. — Главная наша задача остановить противника. И этому надо подчинить все...

Ночь и раннее утро прошли спокойно. Личный состав, спешно переброшенный на оборонительный рубеж, всю ночь трудился над усовершенствованием позиций и созданием системы огня. На правом фланге стоял 220-й стрелковый полк под командованием подполковника Георгия Ефимовича Семенова, на левом — 39-й стрелковый во главе с майором Андреем Ивановичем Поповым. Оба полка подтянули сюда лишь часть своих сил, ту, что удалось перебросить на автомашинах.

И Семенов, и Попов участвовали в войне с Финляндией, оба были удостоены ордена Красного Знамени. Я надеялся на их мужество и военную подготовку, и они меня не подвели.

Когда работы на рубеже обороны были в основном закончены, подоспел завтрак. Но люди так и не принялись за еду: появился противник.

Это было утром 20 сентября 1941 года. Начало боя застало меня в двух километрах юго-западнее большого села Тимошевка. Вокруг простиралась ровная, как стол, покрытая буйными травами и поспевающей кукурузой равнина, сильно ограничивавшая обзор поля боя. Необходимо было найти крупный предмет, который возвышался бы над окружающей местностью хотя бы на два-три метра и был пригоден для устройства наблюдательного пункта. Мое внимание привлек стог соломы, будто специально поставленный в центре оборонительной полосы дивизии и обеспечивавший отличный обзор на главном направлении. На стоге я и остановил свой выбор. Неподалеку разместились средства связи и войны, обеспечивавшие работу НП.

И все же условия для управления действиями дивизии были весьма сложными, ведь силы соединения фактически раздвоились. Наиболее подвижные и в огневом отношении мощные части и подразделения за ночь оседлали назначенный для дивизии рубеж обороны и уже ввязались в бой. В количественном отношении это была лишь небольшая часть того, чем мы располагали, но эта часть выполняла сейчас наиболее трудную и ответственную задачу. Руководство этими силами я взял на себя.

В помощь командиру дивизии была создана небольшая оперативная группа под руководством начальника оперативного отделения штаба дивизии капитана Терешкова. В ее состав вошли начальник артиллерии полковник Комаров, начальник разведки майор Волков, начальник связи майор Бабин, инженер майор Кулахметов. Несколько позже ко мне присоединился комиссар дивизии полковой комиссар Кириллов с еще одним работником политотдела.

Все названные товарищи очень помогли мне не только разместить огневые средства на местности, что способствовало правильной организации системы огня, но и провести разведку, организовать наблюдение и управление боем. Была обеспечена надежная связь с командирами 220-го и 39-го стрелковых полков, а также с командиром танкового батальона.

Мой НП, как я уже сказал, был создан в районе Тимошевки. Командир 7-го саперного батальона капитан Бахарев не заставил себя ждать с присылкой взвода саперов, которые быстро отрыли щели на случай бомбежки или артобстрела. Неподалеку оборудовал свой НП командир 95-го гаубичного артиллерийского полка (гап) майор Дудасов, а сам он находился вместе со мной на моем наблюдательном пункте. Такое соседство было очень кстати, так как 95 гап стал как бы моим подручным полком, сосредоточенный огонь которого можно было направить в любое место, на любую цель.

Вторая часть дивизии, по размерам более крупная, прежде чем попасть в район обороны, должна была совершить 70-километровый марш. В условиях господства в воздухе авиации противника осуществить такой переход весьма сложно. Передвигаться можно было только ночью, а днем следовало рассредоточиться, замаскироваться и выжидать.

Руководил маршем начальник штаба дивизии подполковник Михаил Антонович Прокопенко. И нужно сказать, что со своей задачей этот вдумчивый и волевой командир справился хорошо. Части ни разу не попали под бомбовые удары.

В общем, трудностей оказалось немало, но к встрече врага мы подготовились все-таки неплохо. И это сразу сказалось на развитии боя.

Не подозревая, что впереди сильная оборона, рассчитывая на легкий успех, гитлеровцы подходили к нашему переднему краю довольно беспечно, без поддержки артиллерии и авиации. Одна колонна следовала через Малую Белозерку на Михайловку, другая восточнее — на Тимошевку. Впереди колонн двигались мелкие группы, видимо разведка и боевое охранение. Наши пулеметчики, не обнаруживая себя, подпустили эти группы метров на 100, а потом точным огнем почти полностью уничтожили их. Досталось и тем, кто шагал в колоннах.

— Видели, Иван Павлович, какая выдержка у наших бойцов и командиров? Молодцы ребята, — показывая в сторону переднего края, возбужденно произнес комиссар дивизии полковой комиссар П. М. Кириллов. — А что, если от вашего имени поблагодарить отличившихся?

— Сделайте это, товарищ Кириллов, — ответил я комиссару. — И постарайтесь, пожалуйста, чтобы о мужестве пулеметчиков сегодня же узнал весь личный состав. Такая информация будет очень полезной для воинов.

Примерно через час наши наблюдатели обнаружили, что противник накапливает силы. Видимо, придя в себя, он готовился возобновить наступление. Но наши огневые средства были замаскированы хорошо. Только несколько дежурных пулеметов, кочуя по траншее с места на место, вели огонь короткими очередями да некоторые батареи 95 гап производили огневые налеты по местам скопления вражеских солдат.

После двухчасового молчания немцы открыли по нашему переднему краю не очень плотный артиллерийский огонь и сразу пошли в атаку, которую снова удалось легко отбить. Понеся потери, фашисты отошли в исходное положение и залегли. Наступило затишье.

Часа через три эту тишину нарушил гул самолетов. Вскоре мы увидели три группы по 12—15 бомбардировщиков Ю-87 в каждой. Следуя параллельными курсами, они приближались к нашим позициям. Со стороны немцев появилась серия зеленых ракет, направленных в нашу сторону. Бомбардировщики по этим целеуказаниям тут же начали обрабатывать наш передний край. Минут через 10—15 они улетели, а наземные войска противника после артиллерийского и минометного обстрела наших позиций двинулись в новую атаку.

Я опасался, как бы удары немецких пикировщиков не нарушили нашу оборону, которая фактически еще не имела глубины и представляла собой вытянутую цепочку. Но бомбы и снаряды разбили только два станковых пулемета. Единственное, чего гитлеровцам удалось добиться во время атаки, — это приблизиться на отдельных участках к нашему рубежу обороны на 50—100 метров. Новая атака была повсеместно отбита. Враг поспешно отошел, оставив много трупов на ничейной полосе.

Убедившись, что и эта атака отбита надежно, я вернулся в Михайловку, в штаб дивизии, связался с командующим и доложил о результатах сегодняшнего дня.

— Вы настоящий молодец, спасибо! — услышал в ответ.

— Это не меня, товарищ командующий, надо благодарить, а людей, которые сидят в окопах и бьют врага.

— Да, да! Всем вашим людям спасибо, большое спасибо, — с какой-то особой теплотой сказал генерал Смирнов. — Настоящие герои. И ваши правые соседи сегодня тоже отразили все атаки. Правда, там не было такого нажима, но у них и сил поменьше...

Затишье длилось до утра следующего дня. Противник, видимо, готовился к повторным ударам, а наши бойцы, воодушевленные благоприятным исходом вчерашнего боя, совершенствовали оборону.

Подтянув свежие силы и получив значительную поддержку с воздуха, гитлеровцы с утра 21 сентября перешли в решительное наступление по всему фронту 18-й армии. Главный удар, как снова подтвердил командующий, они наносили из Малой Белозерки на Михайловку и далее на Большой Токмак.

Три раза в тот день, после сильной авиационной и артиллерийской подготовки, с тупым упорством и остервенением немецкие солдаты бросались в атаки и каждый раз с большими потерями откатывались назад. Стойко и мужественно дрались бойцы и командиры 164-й, 4-й стрелковых и 96-й горнострелковой дивизий, находившихся в первом эшелоне армии. Неоценимую помощь обороняющимся оказали своим огнем 266-й и 437-й корпусные артиллерийские полки, входившие тогда в состав 18-й армии. Они не только подавляли артиллерийские батареи врага, но и вели уничтожающий огонь по его атакующим боевым порядкам.

Со своего наблюдательного пункта, который по-прежнему находился на стоге соломы и, кстати сказать, еще не привлек к себе внимания противника, я видел, как спокойно и расчетливо вели себя в бою наши стрелки и пулеметчики, артиллеристы и минометчики, а особенно танкисты, чьи машины были поставлены в окопы и действовали как мощные огневые точки. У людей росла уверенность в своих силах. А на войне это чрезвычайно важно.

На исходе дня, когда была отбита третья атака и вряд ли можно было ожидать новых, я позвонил правому соседу — командиру 164-й стрелковой дивизии подполковнику Владимирову. Хотя это было первое наше знакомство, мы с удовольствием поделились впечатлениями о событиях минувшего дня. Такой же разговор состоялся и с левым соседом, командиром 96-й горнострелковой дивизии полковником Шепетовым.

Вскоре позвонил командующий. Уточнив обстановку, он поздравил меня с успехом.

— Я же говорил вам, мы набьем морду фашистам, вот и набили, — с молодым задором заявил Андрей Кириллович. — И при том на всем фронте армии...

Как мы потом узнали, успешно отразил все атаки врага и наш левый сосед — 9-я армия. Гитлеровцы на какое-то время угомонились.

25 сентября к нам в Михайловку приехал командующий. Ознакомившись с состоянием дел, генерал Смирнов вдруг спросил:

— А не пора ли нам, дорогой товарищ полковник, сменить тактику? Уж больно тихо стало у нас. Немец молчит, и мы молчим. Перемирие какое-то. А что, если его нарушить?

Я понял: командующий горит желанием нанести удар по противнику и потому прощупывает настроение командира дивизии, как бы советуясь с ним. Это мне понравилось. Ответил, что дивизия сохранила свою ударную силу и готова выполнить приказ.

— Так я и знал, — с удовлетворением произнес командарм. — Я был уверен, что вы поймете и поддержите меня. А теперь кладите на стол вашу карту, доставайте карандаш и записывайте.

Вот что записали мы тогда, слушая генерала Смирнова: «Задача армии с утра 27 сентября перейти в наступление, нанеся главный удар в направлении Б. Белозерка, Рубановка и во взаимодействии с 51-й и 9-й армиями уничтожить мелитопольскую группировку противника.

В первом эшелоне армии будут наступать 164-я, 4-я, 130-я стрелковые, 96-я горнострелковая дивизии и 2-я танковая бригада. 136-я стрелковая дивизия составит второй эшелон.

4-й стрелковой дивизии выпала честь наступать на направлении главного удара армии, в связи с чем ее будет поддерживать 266-й корпусной артиллерийский полк. В ее же полосе будет введена в бой 2-я танковая бригада».

Привыкнув мыслить категориями полков и дивизии, я не сразу осознал размах и задачу операции, о которой говорил нам генерал Смирнов.

— Что это вы, товарищ Рослый, задумались? Или сомневаетесь в успехе предстоящей операции? — спросил командующий, заметив мое смущение.

— Да нет, товарищ генерал. Просто не привык к таким масштабам. Вот и пытаюсь представить картину предстоящих событий. Если 51-я армия ударом от Перекопа на север отрезет противника от его переправ на Днепре, а 18-я армия совместно с 9-й нанесут удар с севера на юг, то гитлеровцы окажутся как бы между молотом и наковальней. Задумано здорово.

— Да, дорогой, задумано неплохо, — как бы продолжая мою мысль, сказал генерал Смирнов. — А будь бы у нас побольше авиации... Пока, к сожалению, немцы господ-

ствуют в воздухе, их «юнкерсы» снокойно летают у нас над головой... В такой ситуации нелегко придется нашим дивизиям, как только люди выйдут из окопов и двинутся в наступление. Это необходимо учитывать и в период организации боя, и при подготовке личного состава к предстоящим действиям...

Перед отъездом командующий посоветовал мне, не дожидаясь письменного приказа, который привезут только ночью, заняться подготовкой дивизии к наступлению.

В полную силу заработали штаб, партполитаппарат. Это позволило уже вечером 26 сентября доложить командарму о готовности дивизии к наступлению.

Важно было ударить по врагу неожиданно, ошеломить его внезапностью. Для этого могла пригодиться любая деталь, любая мелочь, замеченная нами в поведении противника. Наши наблюдения, например, показали, что завтрак у немцев проходит неизменно с 8 до 9 часов утра. В это время почти все солдаты стекались к кухням, а тем, кто оставался в окопах, приносили пищу в котелках и термосах.

Уверовав в то, что ему предопределено лишь наступать, а не обороняться, враг, скажем прямо, не очень опасался удара с нашей стороны. А мы решили ударить. И ударить в такое время, когда соблазнительный запах пищи настраивал немецких солдат и офицеров отнюдь не на боевой лад.

В 8 часов 30 минут наша артиллерия и минометы внезапно открыли огонь по местам скопления противника и его переднему краю, а через 20 минут дивизия двинулась вперед. В первом эшелоне наступали два полка и танковый батальон: на правом фланге, западнее Малой Белозерки, — 220-й стрелковый полк, которым командовал грамотный и храбрый командир подполковник Семенов, а на левом, в направлении Большой Белозерки, — 39-й стрелковый под началом подполковника Попова, который тоже отлично зарекомендовал себя. 101-й стрелковый полк во главе с подполковником Сихарулидзе находился во втором эшелоне.

Время для начала наступления было выбрано удачно. Довольно легко преодолев передний край врага, наши части стали развивать достигнутый успех.

К полудню мы овладели Малой Белозеркой и продвинулись вперед на шесть-семь километров. Была разгромлена румынская бригада, захвачено много оружия и пленных. Вечером, находясь на наблюдательном пункте Попова, я видел понурое шествие в наш тыл полутысячной колонны пленных румын. Примерно такое же количество пленных было захвачено в полосе наступления 220-го стрелкового полка.

Враг стал принимать срочные контрмеры. Подошедшие из глубины немецкие части не только остановили продвижение наших полков, но и попытались оттеснить их. К вечеру контратаки усилились, но наши подразделения, уже успевшие закрепиться на достигнутых рубежах, уверенно отражали их.

Именно тогда я стал свидетелем не только смелого, но, можно сказать, дерзкого поступка командира 220-го стрелкового полка подполковника Семенова.

Поскольку фронтальные контратаки успеха не приносили, гитлеровцы стали искать другие пути. Прикрываясь складками местности и кукурузными полями, они вывели часть своих сил на открытый правый фланг 220-го стрелкового полка, который оказался впереди своего соседа. Контратакующий вражеский батальон был замечен, когда находился примерно в 600—700 метрах от наблюдательного пункта командира полка. Это означало, что через 10—15 минут немцы могли овладеть районом наблюдательных пунктов и атаковать 220-й стрелковый с тыла. Нужно было что-то немедленно предпринять. Мысль моя работала молниеносно. Я приказал командиру гаубичного полка майору Василию Петровичу Дудасову, который находился рядом, открыть по противнику заградительный огонь, разведывательному батальону — выдвинуться навстречу фашистам и своим огнем задержать их продвижение, а всем, кто был на наблюдательном пункте, занять оборону и приготовиться к отражению контратаки. Но для решения полученных задач артполку требовалось 10—15 минут, а разведывательному батальону — еще больше времени.

Именно в эти критические минуты подполковник Семенов вскочил на машину, которая находилась вблизи его НП и на которой была смонтирована счетверенная установка станковых пулеметов. Командир полка приказал водителю вести машину навстречу наступающим гитлеровцам и, сблизившись с ними на 300—400 метров, открыл шквальный огонь. Темп стрельбы одного станкового пулемета равен пятистам выстрелам в минуту, а четырех пулеметов — двум тысячам. Вот какой шквал огня обрушился на вражеские цепи!

Фашисты залегли, а Семенов продолжал поливать их свинцом. Этот поединок продолжался около 10 минут, пока не открыли огонь наши 122-миллиметровые гаубицы. А вскоре подоспел и разведывательный батальон. Оставив на поле боя много трупов, враг откатился.

Георгий Ефимович Семенов вернулся на свой НП радостный, целый и невредимый. И надо же такому случиться: вскоре неподалеку от НП разорвался один-единственный шальной снаряд. Георгий Ефимович в тот же миг будто осел на дно окопа. Крохотный осколок попал ему прямо в сердце. Рядом с орденом Красного Знамени на его гимнастерке виднелось небольшое отверстие, пробитое кусочком металла. Вместе с командиром осколком одного и того же снаряда был убит комиссар полка политрук Болеслав Степанович Баркан.

Ночью мы похоронили своих боевых товарищей в Большом Токмаке...

Наше наступление приостановилось. Задача по уничтожению мелитопольской группировки неприятеля не была решена. И тем не менее мы задержали его наступление на две недели, он понес значительные потери. В журнале боевых действий войск 18-й армии 2 октября 1941 года было записано, что только в М. Белозерке и Ульяновке захоронено 5400 вражеских солдат и офицеров и что особенно большие потери понесли в этих боях 4-я немецкая горнострелковая дивизия, а также 2-я и 4-я румынские бригады.

4 октября во второй половине дня на фронте нашей дивизии, которая продвинулась в ходе наступления на 12—15 километров, враг прекратил бесплодные контратаки, и мы решили заняться приведением частей в порядок. Надо было эвакуировать раненых, пополнить боеприпасы, и горючее, усовершенствовать оборону, дать людям хотя бы кратковременный отдых и решить множество других вопросов, связанных с поддержанием боеспособности. Этим мы и занялись, но ненадолго.

Уже вечерело, когда ко мне в землянку влетел начальник оперативного отделения штаба дивизии капитан Николай Ефимович Терешков. Он принес только что полученное из штаба армии боевое распоряжение, которым предписывалось снять дивизию с занимаемого рубежа и к рассвету 5 октября сосредоточить в районе Большого Токмака.

Передав телеграмму подполковнику Прокопенко, я вопросительно поглядел на Терешкова, как бы прося растолковать смысл только что услышанного. Совсем недавно от нас требовали наступать, потом — прочно оборонять занимаемый рубеж, а теперь — немедленно уходить. Что же случилось?

Терешков без слов понял меня.

— Не знаю, товарищ полковник, — стал объяснять

он. — Пытался связаться со штабом армии, но там уже никого нет. Какой-то связист, который сворачивал связь, ответил, что все отбыли на новый командный пункт в Ивановку: это восточнее Большого Токмака. До левого соседа не дозвонился, а правый ответил, что им тоже приказано сниматься, так как противник якобы прорвал фронт и выходит на наши тылы.

Для меня было ясно главное: обстановка резко изменилась к худшему. В любой момент может возникнуть угроза окружения, а у нас, как назло, и боеприпасы на исходе, и горючего в обреш. К тому же не вывезены раненые из 55-го медсанбата.

— Боеприпасы получим в Большом Токмаке, там же, видимо, заправимся горючим, — высказал предположение Терешков. — А вот с ранеными хуже, — будто прочитав мои мысли, сказал он. — Придется забрать их попутным транспортом.

Я был согласен с Терешковым и тут же приступил к выработке приказа на марш. Записав его в блокноты, Прокopenко и Терешков немедленно связались со штабами частей. Через час 4-я стрелковая форсированно двигалась в направлении Большого Токмака.

На рассвете 5 октября дивизии был объявлен большой привал: необходимо было подтянуть отставших, накормить людей и дать им хотя бы немного поспать.

Когда отдавались последние распоряжения по организации отдыха, ко мне подошел прибывший из Ивановки, где разместился штаб 18-й армии, офицер связи и вручил боевое распоряжение командующего. Полученный документ проливал некоторый свет на ту обстановку, что сложилась к утру 5 октября на фронте 18-й армии. В нем говорилось, что гитлеровцы, ударив из района Днепропетровска на Синельниково и Орехово, выходят в тыл нашей армии. Чтобы не допустить этого, 99-я и 130-я стрелковые дивизии ведут бой в районе южнее Жеребца, то есть на правом фланге армии, стремясь не допустить выхода противника на юго-восток. 4-й стрелковой дивизии приказывалось занять и оборонять район Ильченково, Солодка Балка, Очеретованный. Левее 164-я стрелковая, отражая атаки мелких вражеских групп, занимает оборону на рубеже Новый Токмак — Пришиб. 96-я горнострелковая совершает марш в Мокрый Став.

— Товарищ полковник! — обратился ко мне капитан Терешков. — Машины, направленные за горючим, вернулись пустыми. Склады горючего сожжены еще ночью.

— А как с боеприпасами?

— Машины еще не вернулись. А что касается горючего, разрешите поискать его на базах МТС и в колхозах. У них обязательно что-нибудь найдется...

Я не стал возражать. Ничего иного придумать было нельзя.

Пришло время поднимать дивизию и двигаться дальше.

Находившийся в авангарде 39-й стрелковый полк, пройдя Солодку Балку, завязал с противником бой. Немцы, укрепившиеся по южной окраине Ильченково, открыли плотный огонь по боевым порядкам полка. Его передовые подразделения залегли.

Тем временем другие части соединения в маршевой колонне подходили к Солодкой Балке. Вдруг из лощины, находившейся в километре восточнее нашей колонны, вынырнуло около 30 вражеских танков. Судя по тому, что они шли в колонне и не вели огня, можно было заключить, что встреча с нашей колонной явилась для них неожиданностью. Но вражеские танкисты занимали выгодную позицию для удара и начали быстро разворачиваться в боевую линию, предвкушая легкую добычу.

Однако не тут-то было! В колонне 101-го стрелкового полка шла его артиллерийская группа в составе одного дивизиона 40-го пушечного и одной батареи 95-го гаубичного артиллерийских полков. Заметив танки, командир дивизиона капитан Николай Леонтьевич Гвоздев подал команду: «Танки справа, к бою!» И все четыре батареи мигом выполнили команду, заняв огневые позиции на дороге.

Я наблюдал за схваткой четырех батарей с тремя десятками танков. Как только прогремели первые выстрелы, одновременно загорелось два танка, а третьему сорвало башню 122-миллиметровым снарядом. Потом было подбито еще три машины, а когда задымила седьмая, немцы не выдержали и отошли в лощину, из которой недавно появились.

С чувством глубокого уважения и гордости за боевых товарищей, которые проявили в этом бою незаурядное мужество и воинское мастерство, я называю здесь фамилии командира дивизиона капитана Гвоздева, командиров батарей старших лейтенантов Ананьева и Мальцева и командира орудия Гавриленко.

Вскоре привели двух раненых вражеских танкистов. Они рассказали, что их батальон входит в состав 13-й танковой дивизии, что он принимал участие в окружении русских в районе Куйбышево (Запорожская область), а теперь направлялся в Жеребец для выполнения новой задачи.

Это была моя первая встреча с танкистами 13-й танковой дивизии врага. Я подчеркиваю — первая, потому что в дальнейшем наши пути будут скрещиваться еще не раз. Но это случится позднее.

А в тот момент, когда 4-я стрелковая дивизия вела бой фронтом на север, а не на запад, как ей приказывалось, когда ее колонну атаковали танки противника не с запада, а с востока и когда было неизвестно, далеко ли соседи и что они делают, мы просто не могли понять, где фронт и где тыл, как развиваются события в масштабе всей армии.

Вечером, когда бой утих, я отправился в Ивановку, в штаб армии. Думал встретиться с командующим, уточнить обстановку и задачу дивизии.

В Ивановку приехал еще засветло, но штаба армии не нашел. Зато повстречался там с командиром 164-й стрелковой дивизии подполковником Владимировым, от которого узнал, что штаб 18-й переехал в Бельманку, где вскоре подвергся нападению немецких танков.

Владимиров рассказал, что незадолго до этого ему удалось переговорить с командующим, начальником штаба и другими товарищами. Все были удручены происходящим. Кое-кто считал, что в штабе фронта просмотрели подготовку Клейстом (командующий 1-й танковой группой немцев) удара нам во фланг и тыл, что недооценили начавшегося еще 29 сентября прорыва танков противника из района Днепропетровска на юго-восток, вследствие чего и директива на отвод войск последовала только 4 октября.

И действительно, противник уже перерезал нам пути отхода на восток, а 99-я и 130-я стрелковые дивизии, выдвинутые в район Жеребца для прикрытия отхода, попали под удар главных сил 1-й танковой группы. Генерал Смирнов собирался ехать в эти дивизии, чтобы лично руководить их боем.

— Так что, товарищ Рослый, — продолжал Владимиров, — нам придется действовать самостоятельно. Штаба армии, пожалуй, быстро не найдешь.

— В таком случае, — ответил я, — давайте объединим усилия наших дивизий и будем пробиваться из окружения совместно.

Владимиров охотно принял мое предложение. Затем мы проинформировали друг друга об обстановке, в которой находились наши соединения, и договорились, что будем отходить в направлении на Куйбышево, встретимся в районе Зеленого Гая и там определим время и участок прорыва.

ва. На этом и расстались. Я направился в Очеретованный, куда должен был переехать штаб дивизии.

Гитлеровцы по-прежнему наседали на нас со всех сторон. И тем не менее дивизия к вечеру 6 октября вышла в район Зеленого Гая и оказалась на западных скатах Приазовской возвышенности. Сама же возвышенность вздымалась перед нами, образуя господствующий рубеж, занятый противником. 164-я стрелковая дивизия, с командиром которой я договорился о совместных действиях, к сожалению, сюда не пришла. Как я узнал потом, противник помешал ей выполнить задуманный маневр. А нам пришлось полагаться лишь на собственные силы.

Командиры и комиссары частей, которых я собрал, докладывали, что боеприпасов и горючего осталось очень мало. Часть машин, которые не имели ни капли горючего, пришлось сжечь, а орудия, оставшиеся без машин и снарядов, — подорвать.

И все же, несмотря на невероятные трудности и лишения, несмотря на то, что дивизия оказалась во вражеском кольце, среди воинов не было ни паники, ни растерянности. Это отмечали командиры и комиссары частей, в этом не раз убеждался и я сам, общаясь с подчиненными.

Обстановка не позволяла нам совершать маневры в поисках наиболее выгодного места для прорыва: на исходе были горючее и боеприпасы, а совершенно открытая местность делала дивизию уязвимой для ударов и с земли, и с воздуха. Было решено немедленно прорываться из окружения в районе Гусарки.

7 октября после недолгой подготовки полки пошли на прорыв. Это был неравный бой. Враг явно превосходил нас в огне. И тем не менее мы прорвали кольцо окружения чуть южнее Гусарки. А когда основная масса людей и техники миновала опасную зону и устремилась дальше на восток, со стороны Гусарки подошли немецкие танки и смяли хвост дивизии, причем под удар попал и батальон, который прикрывал наш отход.

Немало людей и боевой техники потеряла 4-я стрелковая в течение последних дней, и особенно в бою у Гусарки. Погибли начальник штаба дивизии подполковник Прокопенко и всегда жизнерадостный, боевой комиссар дивизии полковой комиссар Кириллов — прекрасный политработник и замечательный товарищ. Был убит в бою командир 39-го стрелкового полка майор Попов. Пал смертью храбрых комиссар 63-го батальона связи политрук Басов, навсегда лишились мы многих бойцов, командиров, политработников,

с которыми я прошел эти трудные дни войны и которые стали для меня близки и дороги.

Несколько позднее я узнал, что 8 октября 1941 года в районе села Поповка Запорожской области погиб командующий 18-й армией Андрей Кириллович Смирнов. Советское государство посмертно наградило командарма Смирнова орденом Отечественной войны 1-й степени, а Верховный Совет УССР Указом от 10 июня 1946 года переименовал село Поповку в село Смирново. В центре села в честь нашего бесстрашного командарма сооружен величественный обелиск.

В этом же районе мы потеряли члена Военного совета армии Алексея Максимовича Миронова, начальника артиллерии армии комбрига А. С. Титова, его помощника Н. Ф. Хуторянского и других замечательных товарищей.

Но армия не погибла. Понеся значительные потери и причинив серьезный урон врагу, ее дивизии вырвались из кольца фашистских танков и снова встали могучей стеной на пути немецко-фашистских захватчиков. 18-ю армию ждали новые бои.

В ОБОРОНЕ

*Расчеты и просчеты врага * Учимся, накапливаем силы * «Язык» нужен позарез * На линии огня — снайперы * Победит тот, кто сильнее духом * Две встречи*

Горька полынь на дорогах отступления. Еще горше на душе солдата, оставляющего один рубеж родной земли за другим. Летят в боях и походах бессонные дни и ночи, и редко выпадает случай, чтобы на минуту-другую отрешиться от того, что гудит и громыкает вокруг, и нарисовать в своем воображении картину происходящего. А как нарисуешь такую картину, если не знаешь, что замышляет враг, какие у него планы, как думает он раскручивать маховик войны дальше?

Фашисты с самого начала готовили войну против нас в глубокой тайне. Смысл того, что скрывалось за словом «Барбаросса», был известен до поры до времени лишь Гитлеру да несколькими его приближенными.

Лишь потом, когда тайное стало явным, узнали мы, что стояло за безобидным именем императора Священной Римской империи Барбаросса. Названный в честь его изувер-

ский план предусматривал ни больше ни меньше как разгром в скоротечной кампании Красной Армии и полное уничтожение Советского государства уже осенью 1941 года. Враг рассчитывал добиться этой цели эффективным выходом на линию двух «А» — Архангельск — Астрахань.

Но не зря говорят, что аппетит приходит во время еды. Собрав огромные силы вторжения и подогревая себя сладостными воспоминаниями о том, с какой легкостью было покончено с западными странами, фашистские заправила все больше сокращали сроки выполнения плана «Барбаросса».

Вот какую картину эволюции взглядов заправил фашистского рейха нарисовал с натуры советский историк и писатель-публицист Л. А. Безыменский:

«18 июня 1941 года в резиденции рейхсфюрера СС на берлинской Принц-Альбрехт-штрассе произошла такая сцена.

На прием к главарю СС был приглашен Эдвин Эрх Двингер — любимый в нацистских кругах писатель, оберштурмбанфюрер СС и «специалист по русскому вопросу». Знакомство Двингера с Россией состояло в том, что, понав в русский плен в годы первой мировой войны, он наблюдал события Октябрьской революции и принимал участие в борьбе против нее в рядах белогвардейских банд в Сибири.

Когда Двингер появился в кабинете, Гиммлер обратился к нему с такой напыщенной тирадой:

— Я пригласил вас сюда для того, чтобы поставить вас в известность о следующем. Вы являетесь одним из немногих немцев, которые принимали участие в событиях большевистской революции в России в самом ее начале. Поэтому вам как летописцу нашего времени я хочу предоставить возможность присутствовать при ликвидации большевистской революции. Но для этого вы будете занимать особое место. Я решил сделать вас моим личным референтом по восточным вопросам в моем штабе! Слава богу, вы крепкий человек, и я это знаю из ваших книг. Нам нужны такие люди, ибо мы не будем играть в бирюльки. Нам не обойтись без того, чтобы уничтожить примерно три миллиона членов коммунистической партии...

Весьма польщенный предложением рейхсфюрера СС, Двингер попросил лишь небольшой отсрочки: он хотел начало войны провести вместе со своим другом генералом Гудерианом в штабе одной из танковых дивизий. Гиммлер не возражал:

— Если вам так хочется, будет по-вашему. Решим так: вы переходите ко мне в Москве, то есть через шесть недель.

— Через шесть недель?

Гиммлер был явно недоволен тем, что в его словах усомнились:

— Что, вы этому не верите? Будьте спокойны, об этом мне сказал сам фюрер! Не позднее 4 августа мы будем находиться в Москве, ибо это государство рассыплется как карточный домик.

21 июня примерно та же сцена повторилась рядом с Принц-Альбрехт-штрассе — в здании министерства иностранных дел. Там Риббентроп собрал высших чиновников своего ведомства. Его инструктаж был краток:

— Фюрер заверил меня, что вермахт разгромит Советский Союз за 8 недель...

Остается лишь заметить, что и эта цифра вскоре была сокращена. Гитлер (в беседе с фон Бокком) сказал, что война продлится только шесть недель, а Йодль говорил даже о трех неделях*.

Сроки для сведения счетов с Советским Союзом были определены руководителями фашистского рейха, прямо скажем, молниеносные.

И действительно, гитлеровцы лезли из кожи вон, чтобы уложиться в разработанный самим фюрером календарь войны. Но их военная машина, безотказно работавшая на Западе, стала давать перебой, когда немецко-фашистские войска оказались на советской земле. Пограничники, части Красной Армии с самого начала оказали врагу такое сопротивление, какого они не встречали нигде. Без упорной борьбы не сдавалась ни одна позиция. Это задерживало продвижение гитлеровцев, они несли большие потери в людях и технике, не предусмотренные никакими планами.

Что такое советский характер, гитлеровцы узнали уже на границе, у стен Брестской крепости, где небольшой гарнизон в течение месяца героически отбивал атаки их превосходящих сил.

Беспримерное мужество и отвагу проявили защитники Одессы. Сковав на долгое время около 20 вражеских дивизий, они не только облегчили положение войск Южного фронта, но и нанесли врагу весьма ощутимый урон.

В конце июля в сражении под Смоленском Красная Армия, остановив противника, нанесла ему мощный контрудар. В ноябре 1941 года наши войска разгромили гитлеровцев под Ростовом-на-Дону и Тихвином.

* Безыменский Л. Особая папка «Барбаросса». М., 1972, с. 306—307.

Чтобы поправить свои дела, враг яростно рвался к Москве, с захватом которой он связывал далеко идущие планы. Но и здесь Красная Армия, перейдя в контрнаступление, разгромила ударную группировку немецко-фашистских войск. На заснеженных полях Подмосковья, усеянных огромным количеством вражеских трупов, разбитой или брошенной боевой техникой, был похоронен миф о непобедимости гитлеровской армии. План гитлеровского командования, рассчитанный на «молниеносную» войну, потерпел крушение...

Готовясь к новым боям, наша дивизия пополнялась людьми, боевой техникой и в конце ноября снова оказалась на линии огня.

Дивизия вошла в состав 12-й армии, оборонявшейся на фронте Красный Лиман — Дебальцево, западнее Ворошиловграда. В ту пору этой армией командовал генерал-майор Константин Аполлонович Коротеев. Он и поставил нам задачу занять оборону на рубеже Новозвановка, центр села Троицкое, отметка +3,0, Назаровка, прочно удерживать его и накапливать силы для предстоящих боев.

Оборону пришлось создавать почти заново. Призвали на помощь опыт, которым уже располагали; он относился к летнему времени, а тут, как назло, рано ударили холода, выпал снег. Промерзшая земля не поддавалась лопате, работали киркой и ломом, главным образом в ночное время: днем противник не давал поднять головы.

И все же к концу декабря система оборонительных сооружений была готова, хотя мы и в дальнейшем продолжали совершенствовать ее в течение многих месяцев.

Словно проверяя нашу бдительность и готовность, гитлеровцы 29 декабря атаковали позиции 2-го батальона 101-го стрелкового полка. Они стремились овладеть безымянной высотой, с которой можно было бы просматривать глубину нашей обороны. Но атаку мы отбили, высоту сохранили за собой.

В течение зимы и весны 1942 года противостоявшие нам 97-я и 111-я немецкие пехотные дивизии еще не раз прощупывали прочность наших позиций. Но части дивизии укрепились надежно, и атаки противника успеха не имели.

Находиться в обороне — вовсе не значит отсиживаться в окопах, отсыпаться, пассивно созерцать, как развернутся события дальше. Каждый день и час мы стремились использовать для укрепления боевой готовности.

Из штаба армии довольно быстро поступил приказ командующего об организации планомерной боевой и политической подготовки. В соответствии с полученными расчетами мы составили расписание занятий. Предусматривалось изучение материальной части оружия, правил использования его в бою и ухода за ним, а также действий в обороне и наступлении. Старались выводить попеременно подразделения в ближайший тыл и там усиленно обучать и сколачивать их. Это не исключало занятий непосредственно в окопах.

Что касается командного состава, то и его распределили по учебным группам, занятия с которыми проводились недалеко от боевых позиций, чаще всего в блиндаже комбата. Кроме материальной части оружия с командирами и политработниками изучались опыт прошедших боев, действия подразделений в обороне и в наступлении, организация взаимодействия в бою, тактика противника.

Особое внимание обращалось на подготовку личного состава к борьбе с танками. Все орудийные расчеты тренировались в стрельбе по танкам прямой наводкой. В дивизии было создано около пятидесяти групп истребителей танков, оснащенных противотанковыми гранатами и бутылками с зажигательной смесью. В такие группы отбирались наиболее смелые и обстрелянные люди, коммунисты и комсомольцы.

В феврале сорок второго мы получили на вооружение противотанковые ружья (ПТР). Во всех подразделениях были созданы расчеты ПТР, сразу начались занятия по изучению этого ружья и правил стрельбы из него.

Для пополнения частей дивизии младшим командным составом была создана дивизионная школа, куда отбирались наиболее грамотные и хорошо проявившие себя в боях красноармейцы. Те, кто служил в армии, кто воевал, хорошо знают роль младших командиров. Сколько раз, когда выбывал из строя взводный, а то и ротный командир, руководство личным составом брал на себя сержант и уверенно вел людей в бой. Работу школы я взял под личный контроль: часто бывал в ней, присутствовал на занятиях, нередко проводил их, выступал перед курсантами с лекциями и докладами на военные и политические темы.

Чтобы обеспечить хорошую подготовку курсантов, мы, не скупясь, отдавали школе все, чем располагали. Начальником школы был назначен один из лучших командиров батальонов капитан Заводовский.

Четыре месяца, в течение которых мы обучали курсантов, не прошли даром. В конце мая, когда намеченная программа была выполнена, начались экзамены. Курсанты радовали своими знаниями и строевой выправкой. Из 279 человек, которые проходили учебу в школе, было выпущено старшими сержантами — 17, сержантами — 165, младшими сержантами — 87 и ефрейторами — 10 человек. Командирами стрелковых отделений было назначено 163 человека, пулеметных — 48 и минометных — 68 человек*.

В течение семимесячного пребывания в обороне дивизия систематически пополнялась боевой техникой. Вначале этот процесс шел медленно, затем все быстрее и быстрее. Это был результат огромной организаторской работы партии по мобилизации всех сил страны и народа на отпор врагу, по налаживанию военного производства на востоке страны, куда были эвакуированы многие сотни заводов.

Каждый фронтовик отлично понимал, как нелегко было труженикам тыла наладить массовое производство оружия и боевой техники и снабжать ими многомиллионную армию. День получения оружия превращался в праздник, ведь каждая новая партия автоматов, винтовок, пулеметов укрепляла силы дивизии.

Когда противоборствующие стороны долго находятся в обороне, на фронте порой воцаряется такая тишина, что кажется, будто войны и нет. Однако бывалого война тишина не успокаивает, а настораживает: не задумал ли чего противник?

Встревожил этот вопрос и командующего 12-й армией.

В один из метельных февральских дней передо мной неожиданно предстал начальник разведки штаба армии полковник Еремин, с которым я был знаком по академии.

— С чем приехал, Григорий Михайлович? — спросил я Еремина, как только тот разделся.

— Не с чем, а за чем, так точнее, — ответил он. — «Язык» нужен позарез. За ним я приехал и не уеду, пока не получу его. Командующий так и приказал: «Без «языка», товарищ полковник, не возвращайтесь».

Командующего нетрудно было понять. В обороне нельзя сидеть с закрытыми глазами. Чтобы ориентироваться в обстановке, военачальнику любого ранга нужны подробные сведения о противнике: расположение его частей и их ну-

* ЦАМО СССР, ф. 12А, оп. 6015, д. 10, л. 286.

мерация, количество и качество оружия и места, где оно размещено, настроение войск и, что особенно важно, намерения врага. Кое-какие сведения можно добыть наблюдением. Но самым верным источником информации всегда считался пленный, его показания и документы.

Но вот беда: с тех пор как оборона застыла на данном рубеже, достать пленного стало делом весьма сложным и трудным. Небольшое расстояние, которое отделяло наш передний край от немцев (всего 200—300 метров), было с обеих сторон напичкано минами, проволочными заграждениями, взрывными устройствами и другими «сюрпризами». В почное время гитлеровцы не жалели осветительных ракет, чтобы просматривать так называемую ничейную, или нейтральную полосу. Таким образом, полоска земли между нами и ними превратилась в трудно проходимый рубеж. И все же разведчики ухитрились преодолеть его, пробирались в расположение противника, брали «языка» и возвращались назад. Но так было, повторяю, далеко не всегда. Вот и за последние две недели, предшествовавшие приезду полковника Еремина, в дивизии было организовано пять вылазок разведчиков, и все закончилось безрезультатно.

Об этом и беседовал я с Ереминым. В наш разговор включился начальник штаба дивизии подполковник Николай Николаевич Лоцигин.

— Надо ехать в 220-й стрелковый, — предложил он. — Там есть хороший разведчик, старший сержант Череватенко — настоящий самородок. Он, правда, простудился, болен. Но если поправился, постарается помочь нам.

Вскоре Еремин и Лоцигин отбыли в 220-й полк.

Старший сержант Андрей Череватенко был уже вполне здоров и с большой охотой взялся за дело. В помощь ему подобрали смелых и хладнокровных бойцов. Это были красноармейцы Геворян, Бабенко, Кошкин, Павлов.

Трое суток, днем и ночью, наблюдала группа за противником. Наконец в километре от передней траншеи врага, в глубине его обороны, разведчики заприметили блиндаж, от которого змейкой тянулась к передовой протоптанная в снегу тропа.

— Целый день наблюдал за тропой, но никто по ней не проходил, — рассказывал потом Череватенко. — А тропа все же протоптана. Значит, ночью ходят. Тем лучше для нас. Ночь — союзница разведчика, особенно безлунная и беззвездная. А тут к тому же поднималась пурга. Это тоже нам на пользу.

В полночь начали преодолевать ничейку. Впереди три сапера — проход от мин и проволоки расчищали. Мы живо перебрались через первую траншею немцев, а саперы остались поджидать нас, чтобы фонариком поморгать и на проход навести, когда будем возвращаться.

Вышли мы на тропу, прошли по ней метров 500, остановились, выбрали место и залегли. Наши белые халаты слились с окружающей местностью...

Помолчав немного, разведчик перешел к главным событиям:

— Долго лежали мы в снегу, всматриваясь в темноту и прислушиваясь. Вдруг со стороны переднего края на тропе появились двое, идущие один за другим. Мы приготовились. Как только гитлеровцы поравнялись с нашей засадой, я подал условный сигнал, по которому Геворян и Бабенко бросились на первого немца, а Павлов и Кошкин на второго. Сам я остался в резерве. Но ненадолго. Сбив ударами прикладов своих «подопечных», ребята навалились на них, связали, а в рот заткнули кляпы. С одним управлялись быстро. Но другой оказался крепким верзилой. Пришлось помогать Геворяну....

— А почему у вас кисть левой руки перевязана? — спросил я Череватенко, когда он закончил рассказ. — Вас ранило?

— Да нет, товарищ полковник, — ответил сержант. — Сущий пустяк. Когда я бросился на немца и стал засовывать ему в рот носовой платок вместо кляпа, он укусил меня. А в остальном все прошло, как по нотам...

В хорошем настроении уезжал полковник Еремин в штаб армии. Он увозил с собой двух пленных из 50-го пехотного полка 111-й пехотной дивизии...

Успех разведывательной группы 220-го стрелкового вызвал добрую зависть у разведчиков других полков. Вскоре захватили «языка» и войны 39-го стрелкового полка. Здесь отличилась разведгруппа лейтенанта Назаренко и политрука Можейко в составе красноармейцев Могилева, Шевченко, Кабуни и Мельникова.

Захватить «языка» было не только важно, но и почетно. Об этом нередко заходила речь на служебных совещаниях, партийных и комсомольских собраниях. Разведчиков, которым удавалось притащить пленного, отмечали правительственными наградами, их подвиги широко пропагандировались в частях и подразделениях.

В то лето вся дивизия заговорила о секретаре партбюро 101-го стрелкового полка старшем политруке Кузьме Ры-

балко. До войны он жил в Запорожье, возглавлял там партийную организацию одного из предприятий. Рыбалко страстно любил свой город, готов был часами рассказывать о Запорожской Сечи и себя причислял к потомкам запорожских казаков. Мечтая о том времени, когда Красная Армия освободит Запорожье, он частенько восклицал: «Хорошего бы мне коня да шашку, уж я бы нарубил фашистских гадов!»

Поскольку не было у нас ни кавалерийского коня, ни шашки, Рыбалко вызвался организовать и лично возглавить вылазку в расположение противника. Ему не терпелось «рубануть» фашистов гранатами в одном из блиндажей, где, по его наблюдениям, собиралось обычно 20—30 солдат.

Командование не сразу согласилось отпустить Рыбалко на столь рискованное дело. Но его настойчивость и убежденность в успехе взяли верх.

Быстро нашлись у партийного секретаря добровольные помощники. В их числе были комиссар батальона Волошин, уполномоченный особого отдела Уляев да еще семь разведчиков и саперов.

Вылазка оказалась успешной. Нашим удалось добраться до блиндажа и забросить внутрь десяток гранат, в том числе две противотанковые. Вряд ли там кто остался в живых. А часового, который стоял у входа в блиндаж, группа захватила с собой и благополучно вернулась в часть.

Следует добавить, что два участника «лихого набега» — Волошин и Уляев живут в Ростове-на-Дону и часто рассказывают молодежи о героизме советских людей, проявленном в годы Великой Отечественной войны.

Говоря про оборону, нельзя не остановиться на снайперском движении, которое зимой 1941/42 года широко развернулось на всех фронтах.

В условиях когда стабилизировался фронт, важно было найти такие формы и способы борьбы с врагом, которые позволяли бы не только причинять ему максимальный урон, но и держать в страхе и напряжении. Такой задаче как нельзя лучше отвечало хорошо поставленное снайперское движение. Это было массовое патриотическое движение, в ряды которого вливались не только бойцы и командиры из войск, но и большое количество добровольцев, в том числе прибывших на фронт девушек.

Боевая активность снайперов позволила нам сохранить немалое количество боеприпасов, особенно снарядов, и приберечь их для более серьезных дел.

В начале марта в 4-й стрелковой дивизии насчитывалось 117 снайперов. За время пребывания в обороне они уничтожили более тысячи гитлеровцев. Для популяризации опыта этих воинов и дальнейшего развития движения снайперов 7 марта у нас состоялся слет метких стрелков — истребителей фашистских оккупантов. В своем выступлении я высоко оценил боевую работу снайперов и подчеркнул, что они не только причиняют ощутимый урон врагу, но и подрывают его физическое и моральное состояние.

Одним из лучших снайперов у нас был старшина Михаил Сурков — настоящий ас своего дела. К началу слета он имел на личном счету более ста уничтоженных солдат и офицеров противника. Имя Суркова хорошо знали в соединении. За боевые успехи он был награжден орденом Ленина.

Снайперскую винтовку таежный охотник Михаил Сурков получил из рук капитана Камкина — мастера сверхметкого огня, воспитавшего немало отличных стрелков.

Выступление знатного снайпера, подкупавшее прямоотой и блестящим знанием дела, хорошо запомнилось мне.

— Наблюдая в бинокль за противником, я со своим напарником красноармейцем Вольским заметил, — начал Сурков свой рассказ, — что на северной окраине села Троицкое, где проходит передний край вражеской обороны, иногда допускаются вольности. Выйдет, к примеру, немец из окопа, встанет во весь рост, посмотрит в нашу сторону и опять нырнет в окоп. Или, допустим, вынырнет из сарая, пройдет к дому и скроется за ним. Гитлеровцы знали, что расстояние до нашей первой траншеи на данном участке равнялось примерно километру, и чувствовали себя здесь вольготно. Вот мы и решили с Вольским павести у них порядок, поднять дисциплину.

Присутствовавшие на слете заулыбались и зашуткались, дескать: «Старшина — он и для фашистов старшина!..»

А Сурков остановился, тоже улыбнулся своей шутке, а потом продолжал:

— Определили место, с которого будет удобно «охотиться» за фрицами, пришли туда еще затемно, устроили «гнездо», залегли в нем и хорошенько замаскировались.

Вскоре после восхода солнца мы с напарником увидели, как один из любопытных немцев вышел из окопа, потянулся и стал смотреть на восток. «Ах ты, фашистская гади-

на, — подумал я, — опять любишься красотой нашей земли! Ну подожди, подонок!» — и посадил его на мушку, а потом, затаив дыхание, плавно нажал на спусковой крючок. Треснул в морозном воздухе выстрел, и гитлеровец как подкошенный упал на спину. А через две-три минуты выскочил из окопа еще один.

Наклонившись над лежащим, он, видимо, хотел оказать ему помощь или узнать, что стряслось. Я выстрелил еще раз. Второй фашист упал на убитого и придавил его своим телом. Так и лежали они вдвоем. И только минут через десять мы увидели, как фрицы, не высовываясь из окопа, начали стаскивать к себе убитых.

— Отличный порядок, товарищ старшина, вы навели у немцев! — под веселый шум одобрения бросил кто-то в зале...

Активно участвовал в подготовке и проведении слета снайперов начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Михаил Федотович Наконечный — перед войной крупный партийный работник, депутат Верховного Совета СССР. Исключительно чуткий и внимательный к людям, он и сейчас, слушая снайпера Суркова, не выдержал, задал вопрос:

— А как же вы, товарищ старшина, смогли целый день пролежать на снегу? Ведь градусов десять было?

— Пятнадцать, товарищ старший батальонный комиссар, — ответил Сурков. — Но мы с напарником были так экипированы, что никакой мороз не страшен.

Вслед за Сурковым выступили его напарник Федор Вольский, Николай Шевченко, Александр Ключков и другие сверхметкие стрелки, каждый из которых имел на своем счету не одного убитого фашиста. Они призвали воинов дивизии усиливать удары по врагу, непрерывно увеличивать счет истребленных гитлеровцев...

В общем, дивизия и в обороне жила полнокровной боевой жизнью. Все делалось для того, чтобы люди хорошо понимали свою задачу, с честью выполняли свой долг.

Памятным событием явилось для всех нас собрание партийного актива дивизии, на котором выступил начальник политотдела 12-й армии полковой комиссар Евдоким Егорович Мальцев (в последующем видный политработник Советских Вооруженных Сил, генерал армии).

Его содержательное выступление на том собрании никого не оставило равнодушным.

— В этой войне, — сказал полковой комиссар, — победит тот, кто окажется сильнее духом. Мы ведем войну справедливую, освободительную, и это уже само по себе облагораживает советского бойца, делает его сильным и негибачаемым. Мы принадлежим к первой в мире армии рабочих и крестьян, защищающей интересы трудового народа, интересы всех без исключения наций и народностей Советской страны. И это тоже многократно умножает наши силы. Таковы объективные факторы, вытекающие из характера Великой Отечественной войны и природы нашей армии. Но есть еще и субъективный фактор, в огромной мере влияющий на моральный дух войск и всецело зависящий от нас с вами, — это боевая, целеустремленная и непрерывная партийно-политическая работа в войсках, мобилизация всех физических и моральных сил личного состава на беспощадную борьбу с врагом до полной победы...

Оратор развивал свою мысль дальше, а я думал о том, что забота о политическом воспитании людей, об усилении партийного влияния на личный состав действительно важнейшая наша задача. В тот период особенно актуально звучали для нас слова В. И. Ленина, сказанные еще в годы гражданской войны, в разгар борьбы с Деникиным: «...где наиболее заботливо проводится политработа... там нет расхлябанности в армии, там лучше ее строй и ее дух, там больше побед».

Справедливость ленинских слов подтверждалась буквально везде и во всем. Влияние партийных и комсомольских организаций, умение командиров и политработников дойти до сердца каждого бойца, знать настроение людей и поднимать их боевой дух — все это находило конкретное выражение в том же массовом снайперском движении, в тех же отважных действиях разведывательных групп, в каждодневном совершенствовании рубежей обороны, в глубоком изучении оружия, боевой техники, тактических приемов борьбы с сильным и коварным врагом.

В трудные годы войны советские люди еще теснее сплотились вокруг нашей партии. С особой силой проявилось их стремление навсегда связать свою судьбу с партией коммунистов. Об этом ярко свидетельствует и политдонесение начальника политотдела 12-й армии Е. Е. Мальцева от 2 февраля 1942 года, в котором он докладывал политуправлению фронта:

«Подведены итоги партийно-массовой работы в 4-й стрелковой дивизии, которые показывают, что здесь неплохо поставлена работа по росту партийных рядов. Парторга-

низация этого соединения в течение января выросла на 122 члена и 61 кандидата ВКП(б). За этот же период комсомольская организация приняла в свои ряды 85 человек».

С ростом партийных рядов в дивизию как бы вливались новые жизненные силы. Партийные организации в подразделениях становились все более полнокровными и боевыми, коммунисты и комсомольцы задавали тон всем добрым делам и начинаниям, своим горячим словом и личным примером увлекали воинов на беспощадную борьбу с врагом.

В условиях обороны партийно-политическая работа имела свои особенности и трудности. Обстановка далеко не всегда позволяла собрать большую аудиторию и прочитать для нее, скажем, лекцию. Поэтому особенно были распространены групповые и индивидуальные беседы.

Получив необходимые наставления от старших товарищей — политработников и вооружившись свежими газетами, многочисленный отряд агитаторов отправлялся на боевые позиции. Передвигаясь по ходам сообщения, агитаторы добивались до передовых окопов. Здесь они читали газеты и проводили беседы.

С особым интересом воспринимались вести о разгроме немцев под Москвой, об укреплении антигитлеровской коалиции, о том, как наш народ, сплотившись вокруг партии, расширяет военное производство, налаживает снабжение армии всем необходимым. Всякий раз, когда в дивизию прибывала новая партия артиллерийских орудий, автоматов или винтовок, агитаторы тут же рассказывали об этом всем бойцам и командирам. Благодаря агитаторам в окопах быстро узнавали о боевых успехах однополчан, об отличившихся в разведке, в снайперских засадах, в отражении вылазок врага.

Я хорошо знал агитатора 5-й стрелковой роты 39-го стрелкового полка, кандидата в члены ВКП(б), помощника командира взвода сержанта Бориса Николаевича Устюгова. К этому бывалому воину — он участвовал в Великой Отечественной войне с первого дня фашистского нашествия и был неоднократно ранен — особенно тянулись окружающие. Рассказы Устюгова о событиях на фронте, о зверствах оккупантов, о работе тружеников советского тыла привлекали доходчивостью, простотой, убедительностью. И таких взводных агитаторов, как Борис Устюгов, было у нас подавляющее большинство.

Агитационно-массовую работу вели, разумеется, не только агитаторы-коммунисты из числа рядовых и сержантов. Деятельное участие в ней принимал руководящий состав

полков и дивизии. Командиры и политработники считали своим служебным и партийным долгом общаться с людьми, воспитывать у них высокие морально-боевые качества, готовить их к предстоящим боевым испытаниям не только в военном, но и в политическом отношении.

Немалый вклад в воспитание личного состава вносили дивизионная газета, дивизионный клуб, часто приезжавший к нам армейский ансамбль песни и пляски, ухитрявшийся выступать перед бойцами даже под свист снарядов.

Политико-моральное состояние личного состава дивизии находилось на высоком уровне, а это означало, что наши усилия не пропадали даром.

В апреле 1942 года генерал-майор Коротеев получил новое назначение, а вместо него в командование 12-й армией вступил генерал-майор Андрей Антонович Гречко.

Мы слышали, что генерал Гречко, командуя 5-м кавалерийским корпусом, принимал активное участие в Барвенково-Лозовской наступательной операции, которая проходила во второй половине января. Корпус под его командованием отличился при освобождении Барвенково...

В последних числах апреля я находился в районе боевых позиций 220-го стрелкового полка: вместе с командующим артиллерией дивизии подполковником Сердюковым проверял боевую готовность передовых артиллерийских наблюдательных пунктов. Нас сопровождал командир 40-го артиллерийского полка подполковник Калинин. Вдруг меня позвали к телефону. У аппарата был начальник штаба дивизии подполковник Лоцигин. Он доложил о приезде командующего армией и добавил:

— Вам, товарищ полковник, не следует возвращаться в штаб. Командующий сам приедет в 220-й. Скажите только, где вас найти.

Я назвал место встречи.

Минут через 20 прибыл командующий. Он шел в сопровождении командира 220-го стрелкового полка подполковника Иванова. Перед нами был высокий, стройный и довольно молодой генерал.

— Вот я и нашел вас, товарищ Рослый, здравствуйте! — дружелюбно сказал он и поздоровался со всеми за руку.

Наше знакомство с Андреем Антоновичем прошло в очень непринужденной атмосфере. Он не дал мне даже представиться по всей форме.

— Это хорошо, — заметил генерал Гречко, — что командир дивизии сам бывает в окопах и подчиненных с собой водит. А теперь покажите и мне вашу оборону.

Передвигаясь по ходам сообщения и траншеям, командующий внимательно осматривал батальонный район обороны. Я же все время нервничал, и вот почему. Хотя наши траншеи и были довольно глубокими, для командующего они оказались мелковаты, ему приходилось то и дело наклоняться, ходить и даже стоять пригнувшись.

— Что это вы, товарищ Иванов, такие мелкие траншеи вырыли? Или у вас не было времени? — вдруг спросил Гречко.

— Да нет, товарищ командующий. Время было, но бóльшая глубина не требовалась... До сих пор самым высоким человеком в дивизии был ее командир, поэтому мы и отрыли траншеи глубиной около двух метров. А теперь придется добавить еще полметра...

Генералу Гречко шутка понравилась, и он засмеялся.

Целый день мы лазили по окопам. Обнаружив какой-нибудь недостаток, командующий тут же делал замечание, а при необходимости советовал, как надо поступить, чтобы оборона была еще более надежной. Говорил он, не повышая голоса, излагал свои мысли четко и кратко.

Пожелав мне спокойной ночи, генерал Гречко отправился в штаб армии.

А меня в штабе дивизии ожидал приятный сюрприз: во время моего отсутствия было получено сообщение о присвоении мне очередного воинского звания «генерал-майор»...

В середине июня в штаб дивизии прибыл командующий Южным фронтом генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Выслушав доклад о состоянии соединения и занимаемого им рубежа, Родион Яковлевич предложил мне проводить его в окопы, на передний край. Поехали в 101-й стрелковый полк, который занимал оборону на левом фланге дивизии. Спрятав машины в лесопосадке и оставив здесь же адъютантов, мы направились в сторону переднего края. Прикрываясь складками местности и кустарником, вышли в район обороны 2-го стрелкового батальона.

Командира батальона капитана Мельника и комиссара старшего политрука Волошина застали на наблюдательном пункте, куда мы, пользуясь глубоким ходом сообщения, пришли незамеченными. Наше неожиданное появление крепко смутило батальонное начальство. Шутка ли, на наблюдательный пункт командира стрелкового батальона

прибыли сразу два генерала, один из которых к тому же — командующий фронтом!

Необыкновенное спокойствие, с которым Родион Яковлевич начал разговор с Мельником, помогло тому взять себя в руки и четко доложить обстановку. После нескольких уточняющих вопросов командующий подошел к стереотрубе, которая была у командира батареи.

— Это хорошо, — заметил он, удобно усаживаясь у стереотрубы, — что командир поддерживающей батареи находится рядом с комбатом: в случае чего можно сразу и огонек дать.

А потом, припав к стереотрубе, долго изучал вражеские позиции, время от времени задавая вопросы комбату или командиру батареи.

С наблюдательного пункта мы перешли в первую траншею, которая и определяла на этом участке наш передний край. Проходя по траншее, командующий внимательно осматривал наши позиции, беседовал с бойцами, интересовался, как кормят, где и когда они отдыхают, откуда кто родом, где находятся и как живут родители.

Кажется, не была упущена ни одна деталь окопной жизни, а спокойный и душевный тон, в котором Родион Яковлевич вел разговор с бойцами, вызывал у них симпатию и уважение к нему.

Состоянием обороны и настроением людей генерал-лейтенант остался доволен, о чем тут же объявил командованию батальона.

ДИВИЗИЯ ПРИКРЫВАЕТ ОТХОД АРМИИ

*Сложная обстановка * Воевать не хуже Багратиона! * Надо рисковать * Тон задает штаб * Приказ выполнен точно*

Прошло не так много времени, и мы опять встретились с командующим 12-й армией генералом А. А. Гречко. Но теперь уже меня вызвали к нему.

В штаб армии, размещавшийся в Серго (ныне г. Стаханов), я ехал с недобрыми предчувствиями. А как только зашел в кабинет командующего и увидел его угрюмое, озабоченное лицо, сразу понял, что не услышу ничего хорошего.

Командующий не сглаживал остроту происходящих событий.

— Сосредоточив свои резервы и усилия на южном крыле советско-германского фронта, — говорил генерал Гречко, — противник добился успеха в Крыму и под Харьковом. Сейчас его танки вышли в район Миллерово и угрожают окружением Южному фронту.

Для наглядности Андрей Антонович подвел меня к карте. В районе Миллерово я увидел три большие стрелы, густо закрашенные темно-синей тушью и направленные на юго-восток: это были 1-я и 4-я танковые и 6-я немецкие армии. Стрела 1-й танковой армии, нацеленная на Ростов, особенно бросилась в глаза и как бы вернула меня к осени сорок первого. Тогда, в начале октября, эта же армия, называвшаяся 1-й танковой группой, нанесла удар из района Днепропетровска, тоже в юго-восточном направлении, и прорвалась в тылы Южного фронта, вследствие чего наши 9-я и 18-я армии попали в тяжелое положение.

Потом, в конце октября, 1-я танковая группа вышла на подступы к Ростову, а 21 ноября овладела им. Но уже 27 ноября войска Южного фронта нанесли мощный ответный удар по ростовской группировке неприятеля и 29 ноября освободили город. Враг отошел. А теперь генерал Клейст снова рвался к Ростову.

— Совершенно очевидно, — продолжал командующий, — что немцы хотят ударом вдоль правого берега Дона выйти к Ростову и овладеть им, а значит, окружить войска Южного фронта и уничтожить их. Чтобы этого не случилось, генерал Малиновский решил отвести войска фронта за Дон и там закрепиться. Задача вашей дивизии — в ночь на 16 июля незаметно оторваться от гитлеровцев и уже к утру выйти в район Серго. Как действовать дальше, узнаете из дополнительных указаний.

Задав несколько уточняющих вопросов, я поспешил в свой штаб.

С тяжелым сердцем оставляли мы оборонительный рубеж, на создание которого было затрачено столько сил и энергии. Только на рассвете обнаружил противник, что перед ним пустые окопы. К этому времени мы успели оторваться от него на 15—20 километров. Лишь разведчики дивизии оставили засаду в Калинове. Машину спрятали за углом дома, а через улицу протянули веревку и замаскировали ее в дорожной пыли. Смельчаки полагали, что враг, спохватившись, станет искать дивизию и пошлет по дорогам разведку. И они не ошиблись. Вскоре после восхода солнца стал приближаться шум мотоциклетного мотора. Как только мотоциклист приблизился к веревке, разведчики неожидан-

но натянули ее. Мотоцикл вместе с экипажем опрокинулся, а разведчики вихрем набросились на гитлеровцев и пленили их.

В полдень в штаб дивизии, разместившийся в Серго, ко мне привели двух пленных: солдата — водителя мотоцикла и лейтенанта, служивших в разведке 111-й пехотной дивизии. Пленные показали, что в штабе их дивизии утром был большой скандал: искали виновника, прозевавшего внезапный отход советских войск.

Во время допроса пленных в небе появился немецкий самолет-разведчик. Нудно завывая, он долго кружил над районом сосредоточения соединения и наконец улетел.

В тот же день в штаб 4-й дивизии прибыли командующий армией и член Военного совета бригадный комиссар Яков Владимирович Гольдштейн.

Генерал Гречко сообщил, что задача армии остается прежней: скорее уйти за Дон.

— А вот вашей дивизии, — уточнил он, — придется действовать по-иному. Кстати, вы знаете первого секретаря Ворошиловградского обкома партии товарища Антона Ивановича Гаевого?

— Да, знаю, — подтвердил я. — В прошлом году познакомился. Мне довелось звонить из его кабинета в Москву. Серьезный и обаятельный человек.

— Согласен с вами. Так вот, — продолжал командующий, — Гаевой просит нас задержать противника еще на одни сутки, чтобы закончить эвакуацию города. Член Военного совета поддерживает просьбу Гаевого. А вы, товарищ Рослый, как на это смотрите?

— Положительно, товарищ командующий.

— Если так, то вам и карты в руки. Ваша дивизия составляет арьергард 12-й армии, займет рубеж село Желтое — Суходол и завтра удержит на нем противника до темноты.

Получив такую задачу, я невольно задумался.

— Вы, Иван Павлович, кажется, в чем-то сомневаетесь? — спросил член Военного совета.

— Нет, что вы! — поспешно ответил я. — Бойцы и командиры дивизии будут сражаться до последнего. Но у противника большой перевес в силах.

— Постойте, постойте, товарищ Рослый, — включился в разговор командующий. — Вы историю военного искусства в академии изучали? А если так, то должны знать, что генерал Багратион в 1805 году в Австрии, при Шёнграбе-

не, с шестью тысячами гренадер устоял против тридцати тысяч французов, задержал их, а главные силы армии Кутузова тем временем вышли из-под удара и заняли выгодные позиции. В 1807 году тот же Багратион, опять-таки действуя в арьергарде, в сражении под Прёйсиш-Эйлау причинил противнику тяжелый урон. И тоже меньшими силами. А у вас сколько людей? Кажется, семь тысяч? Это больше, чем было у Багратиона!

— Но тогда у французов не было ни танков, ни самолетов.

— Верно, — согласился со мной Гречко. — Но тогда не было Советской власти и не было таких людей, какие служат у вас. К тому же рядом с вами, но чуть левее будет сражаться 176-я стрелковая, которой командует полковник Рубанюк. Мы уже говорили с ним. Иван Андреевич полон решимости выполнить свою задачу.

Разговор кончился тем, что я принял положение «смирно» и четко доложил:

— Товарищ командующий! Поставленную вами задачу понял. Сделаем все, чтобы выполнить ее как можно лучше.

— Во всяком случае, не хуже, чем Багратион, — улыбаясь, вставил бригадный комиссар Гольдштейн.

— А Антону Ивановичу Гаевому, — добавил я, — передайте привет и скажите, чтобы завтра приехал к нам. Пусть посмотрит, как дерется 4-я стрелковая дивизия, которая наполовину укомплектована уроженцами Ворошиловградской области.

Что и говорить, задачу мы получили нелегкую. Предстояло совершить 25-километровый марш, занять не подготовленный для обороны рубеж и в течение дня удерживать его против превосходящих сил противника.

В дивизии к тому времени насчитывалось семь тысяч человек и имелось все положенное по штату вооружение. Личный состав был хорошо подготовлен в военном и моральном отношении. Так что боевая способность дивизии была высокой. Для борьбы с танками мы располагали штатным количеством противотанковой артиллерии и противотанковых ружей, в каждом взводе имелась истребительная противотанковая группа, вооруженная противотанковыми гранатами и бутылками КС.

Какие силы мог бросить против нас враг? Ответить на такой вопрос было трудно, но мы знали, что по пятам за нами движется 111-я пехотная дивизия, та самая, что в

течение семи месяцев стояла против нас в обороне. За это время мы достаточно хорошо изучили это соединение, и теперь я неплохо знал его боевые возможности. В состав немецкой дивизии входили 50-й, 70-й и 117-й пехотные полки, 117-й артиллерийский полк, разведывательный и саперный батальоны и другие мелкие части. В общем, силы у нас были примерно равные. Правда, людей у командира 111-й пехотной было тысячи на две больше.

Но 111-й пехотной непременно подбросят танки и авиацию. И потом, только ли она нацелена сейчас против нас?

Пока я прикидывал и размышлял, собрались мои ближайшие помощники — начальник штаба дивизии подполковник Лоцигин, начальник политотдела дивизии Наконечный, командующий артиллерией подполковник Сердюков, начальник оперативного отделения капитан Бобков, дивизионный интендант интендант 2 ранга Слободской, дивизионный инженер подполковник Воробьев и другие.

— Нам приказано завтра прикрывать отход войск 12-й армии и эвакуацию Ворошиловграда, — начал я обрисовывать обстановку. — Наступление противника будет, видимо, поддержано большой группой танков и массированными ударами авиации. Бой, насколько я понимаю, предстоит напряженный и тяжелый. Ждать поддержки нам не приходится. Рассчитывать нужно только на себя. Чтобы обеспечить устойчивость обороны, необходимо хорошо организовать систему огня и поглубже зарыться в землю. Сделать это надо максимум за 6—7 часов. Давайте подумаем, где взять это время.

— Надо немедленно двинуть полки на рубеж обороны, — предложил подполковник Лоцигин. — Тогда мы получим нужное время. Командному составу, до ротного включительно, выехать на машинах вперед, чтобы успеть до темноты и подхода войск провести рекогносцировку.

— А что, начальник штаба дело говорит, — включился в разговор Наконечный. — Пусть колонны частей ведут заместители. Ничего не случится. Зато здорово получится: прибудет батальон в свой район, а его встречает сам комбат с ротными. Каждая рота во главе с командиром пойдет прямо на свои позиции, к забитым колышкам. И система огня будет хорошая, и окопы до рассвета успеем отрыть.

— Товарищ генерал, не забываем ли мы про авиацию противника? Вдруг она во время марша навалится на наши колонны? Представляете, что получится? — возразил подполковник Сердюков.

Артиллерист, конечно, был прав. Опасность удара с воздуха была реальной. Но если повременить с выдвиганием частей до наступления темноты, мы не успеем организовать оборону, отрыть окопы и примем бой в открытом поле. Это грозит невыполнением задачи. Следовательно, придется рисковать. Тем более что сегодня авиация противника в нашем районе активности не проявляла.

Прикинув все это, я после недолгого раздумья поддержал предложение Лощигина и приказал начать марш в 17.00. Тут же объявил, что командный пункт дивизии переносится на западную окраину Новоселовки.

— Товарищ генерал! — обратился ко мне подполковник Сердюков, как только я закончил формулировать приказ. — Разрешите мне со своим штабом отправиться на новый оборонительный рубеж, чтобы на месте помочь артиллеристам выбрать огневые позиции и организовать огонь, а также подготовить к бою противотанковые орудия.

То, о чем просил Сердюков, было так естественно и разумно, что я только крепко пожал ему руку и пожелал успеха.

Вслед за Сердюковым поднялся подполковник Воробьев.

— У нас есть около тысячи противопехотных и противотанковых мин, — сказал он. — Я предлагаю поставить их перед передним краем в направлении Ворошиловграда. Это значительно усилит оборону на главном направлении.

И тут я ответил согласием.

Вместе с офицерами политотдела отбыл в части и начальник политотдела дивизии. Я был глубоко убежден в прекрасных деловых качествах этого чуткого и умного политработника. Ведь одно дело — орудия, мины, снаряды и совершенно другое — душа бойца. А Михаилу Федотовичу предстояло привести, так сказать, в боевую готовность именно это, наиболее грозное оружие. Вера в успех была пезыблемой — в каждой части, в каждом подразделении мы могли опереться на такую могучую силу, как коммунисты и комсомольцы, которые не только сами будут мужественно сражаться с врагом, но и поведут за собой всех остальных.

Поручив начальнику штаба дивизии организовать контроль за передвижением частей, я тоже отправился на оборонительный рубеж.

Вскоре оказался неподалеку от села Желтое. Здесь, на правом фланге дивизии, предстояло обороняться 101-му стрелковому полку. Командир полка майор Щербак вместе с комбатами и ротными командирами прибыл сюда еще за светом. Он успел провести рекогносцировку своего участка

и объявить приказ. То же сделали и командиры батальонов. Теперь уже ротные командиры изучали свои оборонительные участки и определяли места, где отроют себе окопы стрелковые отделения, пулеметные и орудийные расчеты. Вскоре стали подходить подразделения и с ходу приступать к созданию обороны.

Убедившись, что дела у Щербака идут хорошо, я отправился в 220-й стрелковый.

Было уже около четырех часов утра, когда я встретился с командиром полка подполковником Ивановым.

Во время обхода боевых порядков к нам присоединился и комиссар полка старший батальонный комиссар Михаил Иванович Куяров. Это был замечательный политработник и мужественный человек. Его грудь украшал орден Лепина, которым он был награжден за отличия в боях на Халхин-Голе. Михаил Иванович доложил мне, что настроение в полку хорошее, боевое.

— А как с питанием? — спросил я.

— Готовим сытный завтрак, — ответил Куяров. — Доставим его к семи часам. Немцы не любят воевать ночью, раньше восьми утра они не появятся, а мы к тому времени успеем накормить людей.

Командный пункт дивизии приютился на западной окраине Новоселовки. Самый крайний домик с окружавшим его вишневым садом был предназначен для меня. Во дворе увидел две глубокие свежеврытые щели.

На чердаке дома был устроен НП, или «скворечник», как быстро окрестили его артиллеристы, устанавливавшие здесь стереотрубу.

В соседних дворах разместились отделения штаба: оперативное, разведывательное, а также штаб артиллерии и политотдел. Все это показал мне начальник штаба дивизии. Он же доложил, что все части дивизии уже заняли свои позиции и заканчивают подготовку к встрече с противником. Связь со штабами частей есть телефонная и по радио. Закончив доклад, Николай Николаевич предложил мне позавтракать и до начала боя хоть немного отдохнуть.

К сожалению, воспользоваться предложением начальника штаба мне не удалось.

Прибыл с передовой Наконечный со своим помощником по комсомолу политруком Суворовым. Не успели они закончить рассказ о ночных работах по созданию обороны, как появился Сердюков, доложивший о готовности к бою артиллерии.

— И еще, — радостно добавил он, — генерал Гречко прислал нам хорошую поддержку: дивизион «катюш». Он занял огневые позиции в вашем вишневом саду. Лучшего укрытия поблизости не найти.

— А как дела с установкой мин? — спросил я подошедшего Воробьева.

— Мины установлены, товарищ генерал, — доложил дивизионный инженер. — А проход, оставленный для 39-го стрелкового, прикрывавшего отход дивизии, закрыли сразу, как только полк перевалил через наш передний край.

— Вот видите, — вырвалось у меня, — Терешков со своим полком уже здесь, а противника все нет.

— Ну прямо накликали, товарищ генерал, — сказал подполковник Лоцигин, положив телефонную трубку. — Только что командир 220-го доложил, что перед его полком появились мелкие группы фашистов и завязалась перестрелка.

Я посмотрел на часы. Было около девяти утра 17 июля 1942 года.

Бой нарастал постепенно. Ровно в полдень гитлеровцы начали артиллерийскую подготовку, а через 30 минут двинулись вперед их пехотные цепи. Атака была отбита сравнительно легко. Противник отошел и стал окапываться. Мы понимали, что это лишь передышка.

Через час атака повторилась, но и ее удалось отбить с большими потерями для немцев. Наши бойцы и командиры радовались успеху.

Но главное было впереди. Примерно в 16.00 на командный пункт дивизии приехал первый секретарь Ворошиловградского обкома партии Антон Иванович Гаевой. Вместе с ним находился заведующий военным отделом обкома партии Иван Алексеевич Чекмарев.

Было относительно спокойно, и я попросил прибывших подняться на мой наблюдательный пункт, показал им боевые порядки дивизии и рассказал, как были отбиты две вражеские атаки.

— Мне говорили, что в вашей дивизии много людей из нашего города и области. Как они дрались? — спросил Гаевой.

Я подтвердил, что в дивизии действительно много бойцов и командиров из Ворошиловградской области, и отметил, что они проявили себя с самой лучшей стороны.

В беседу включился начальник политотдела Наконецный:

— Недавно мимо нас провозили группу раненых бойцов. С одним из них я беседовал. Это оказался ворошиловградец

Иван Бабенко. На фронт отправился прямо из 10-го класса, едва исполнилось семнадцать. Воюет уже полгода. Сегодня сражался геройски. Получил ранение, истекал кровью, а в медсанбат отправляться не захотел. Заставили силком...

— Воздух! — вдруг услышали мы сигнал наблюдателя.

Гаевой, не отрывавший от глаз бинокля, возбужденно закричал:

— Вижу, Иван Павлович! Вижу немецкие самолеты! Да как много! Двадцать! Тридцать! Нет, больше, значительно больше! Вот гады!

Действительно, с запада появились три группы бомбардировщиков. Как только самолеты стали приближаться к нашему переднему краю, серия зеленых ракет, выпущенных пехотой противника в нашу сторону, указала им цели. Знакомая картина!

К сожалению, мы не смогли помешать «юнкерсам» произвести прицельное бомбометание. Мало было у нас зенитной артиллерии, да и своих самолетов-истребителей над полем боя не оказалось. Вражеские летчики действовали не торопясь, выбирали цель и пикировали на нее с высоты.

Ударом с воздуха дело не ограничилось. Гитлеровцы открыли сильный артиллерийско-минометный огонь, а через четверть часа прилетели и отбомбились еще три десятка «юнкерсов».

И все же наши войска не были беспомощны перед воздушным противником. Мы противопоставили ему хорошую маскировку и глубокие окопы. А окоп, рассчитанный на стрелковое отделение, не такая уж крупная цель, чтобы попасть в нее, даже с пикирования. Примерно через полчаса все, кто был со мной на КП, воочию убедились в этом. Но это произошло потом. А пока мы наблюдали за полем боя и видели, как враг готовится к атаке.

Вот из-за бугра выпрыгнуло около десятка танков. К ним начала пристраиваться пехота, образуя атакующие цепи. Все батареи 40-го артиллерийского полка, стоявшие на огневых позициях недалеко от командного пункта дивизии, и минометы стрелковых полков открыли по наступающей пехоте заградительный огонь. Передний край нашей обороны пока молчал: люди приходили в себя после бомбежки и старались подпустить фашистов поближе.

В телефонной трубке раздался возбужденный голос командира 220-го стрелкового полка: видя атакующие танки и большое количество пехоты, он попросил меня нанести по скоплению вражеских сил удар «катюшами». Но залп реактивных минометов был единственным моим огневым резер-

вом, и я не хотел использовать его преждевременно. Интуитивно чувствовал: кульминация боя еще не наступила.

Дивизия стойко обороняла рубеж. Лишь в одном месте, на участке 220-го стрелкового полка, фашистам удалось вклиниться в нашу оборону. Обстановка здесь быстро накалялась. Стараясь развить успех, противник бросил в бой свой резерв: полк пехоты и еще 20 танков.

«Вот теперь, — подумал я, — пора».

Залп дивизиона «катюш» причинил гитлеровцам большой урон и привел их в смятение, а огонь 40-го артиллерийского полка и минометов 220-го стрелкового окончательно расстроил их планы.

— Воздух! — снова прозвучал голос наблюдателя.

Все мы, как по команде, повернули головы на запад, откуда появилась новая армада бомбардировщиков.

Произведя залп, «катюши» покинули свои огневые позиции и укатили в другое место. Но над вишневым садом стоял столб порохового дыма, который не могли не заметить вражеские летчики. Долетев до нашего командного пункта, самолеты начали выстраиваться в круг. Это был верный признак того, что начнется бомбежка с пикирования. Я скомандовал: «В укрытие!», и все, кто находился в «скворечнике», кубарем скатились вниз и заполнили обе щели.

Через две-три минуты один из самолетов со страшным ревом пошел в пики. Казалось, он падает прямо на нас, а оторвавшиеся от него бомбы непременно разнесут в пух и прах наше убежище. Но бомбы упали метрах в тридцати, и в щель угодило лишь несколько комков земли.

Как только первый самолет, сбросив бомбы, стал набирать высоту, начал пикировать второй, за ним третий, и так — весь круг, в котором насчитывалось 15—17 машин.

Закончив бомбометание, «юнкерсы» улетели, а мы, помогая друг другу, начали выбираться из щели. Пока считали с себя пыль и землю, подполковник Лоцигин успел уточнить обстановку. Он доложил, что на фронте тихо, что противник новых атак не предпринимал.

— А как у нас, какие потери? — спросил Гаевой.

Говоря «у нас», Антон Иванович имел в виду штаб дивизии.

— Потери небольшие, — ответил начальник штаба. — Один человек убит и один ранен. Оба не успели добежать до укрытия.

Выслушав Лоцигина, Гаевой посмотрел на щель, в которой мы сидели. Долго и внимательно разглядывал он это

скромное убежище. Желая узнать, что так заинтересовало нашего гостя, я подошел и спросил:

— О чем задумались, Антон Иванович?

— Думаю о том, Иван Павлович, как много дает нам наша родная земля: она и кормит, и поит, и от смерти спасает.

Хорошо сказано, правильно сказано!

Секретарь обкома тепло распрощался с нами, сел в машину и уехал. Вместе с ним отбыл и Чекмарев.

Стало темнеть. Части дивизии, выполнив свою задачу, незаметно отрывались от противника. Пересекая затемненный и притихший Ворошиловград, они уходили на юго-восток, в сторону Ростова.

БОИ В ОКРУЖЕНИИ

*Надежда — на Дон * Последняя встреча с командующим * Бой у Верхних и Средних Хоролей * Подпольный госпиталь * Идем на прорыв * Лопанка * Начподив Наконечный * На новом направлении*

К утру 22 июля войска 12-й армии, отбиваясь от наседавшего противника, вышли в район юго-западнее Новочеркасска.

С надеждой и нетерпением ожидали мы момента, когда подойдем к Дону, переправимся через него и укроемся за широким зеркалом его вод. Нам казалось, что эта полноводная река станет тем рубежом, на котором советские войска окончательно остановят вражеские полчища.

Вместе с генералом Гречко мы стояли на возвышенности у Большого Мишкина. Перед нами расстилались неоглядные просторы донских лугов, поросших густо-зеленым кустарником. Множество небольших озер и стариц серебряной россыпью покрывало все это необъятное пространство. Чудесный пейзаж дополняли большие и малые болота, тоже заросшие камышом и осокой.

Стояло тихое летнее утро. Воздух был напоен ароматом сочных трав. И только отдаленный гул артиллерийской канонады да рокот пролетающих самолетов напоминали о войне.

— Красота какая! — тихо проговорил командующий. — И все это мы должны оставить врагу?.. Обидно!

Генерал вслух размышлял о тяжелой обстановке, которая сложилась для войск его армии. Он болезненно переживал происходящее.

— Вчера, товарищ Рослый, мне довелось побывать в Голодаевке — моем родном селе. Там я родился и вырос, оттуда пошел добровольцем в Первую конную. И вот теперь приходится оставлять родные места. Сердце обливается кровью!

— Хорошо понимаю вас, — сказал я. — Ведь и мои родители остались на оккупированной территории, на Брянщине. Что с ними — мне неизвестно. А мы все отступаем и отступаем... Стыдно людям в глаза глядеть. Хоть бы за Дон не пустить врага...

Внизу перед нами виднелась переправа через речку Аксай, от которой, пересекая огромный луг, змейкой вилась дорога к станице Старочеркасской. Именно на этой дороге, по которой предстояло пройти дивизии к переправе через Дон, чаще всего задерживались наши взгляды.

Вскоре на мосту появился 39-й стрелковый полк, а к исходу дня 22 июля вся 4-я стрелковая дивизия вышла в район станицы Старочеркасской. Здесь для войск 12-й армии был построен понтонный мост через Дон. Чтобы скрыть переправу от нападения с воздуха, мы пользовались ею только ночью: к рассвету мост разводили и укрывали в прибрежном кустарнике.

Такой метод маскировки оправдал себя. Переправу противник не обнаружил.

Совершенно по-иному обстояло дело в Ростове и соседнем с нами Аксае. Большие группы немецких самолетов непрерывно бомбили и штурмовали находившиеся там советские войска. Было ясно, что именно на том участке Южного фронта враг нанесет главный удар.

Закончив переправу через Дон, 4-я стрелковая дивизия заняла оборону по левому берегу на участке Манычская — Алитуб. Справа, за Манычем, нашим соседом были части 37-й армии, слева оборонялась 261-я стрелковая дивизия, входившая в состав нашей армии. Противник активных действий перед нами не предпринимал.

Такая обстановка по сравнению с напряжением последних дней казалась раем. Люди успели отрыть окопы и даже отоспаться. Теперь они снова и снова осматривали оружие, чинили одежду, брились, купались в Дону.

В одиночку и группами прибывали отставшие в ходе многодневного марша бойцы. А вчера в 101-й стрелковый полк вернулся 2-й стрелковый батальон. Батальон еще

21 июля занял узел дорог в районе Грушевской, чтобы прикрыть отход полка и дивизии. Схватившись с врагом, его подразделения около суток вели бой. Противник окружил смельчаков. Командир батальона капитан Мельник и комиссар старший политрук Волошин не растерялись: они сумели вывести людей из окружения и догнать свой полк...

Используя затишье, мы совершенствовали оборону и заживляли раны, полученные в бою под Ворошиловградом и на марше. Штаб дивизии только что закончил сбор сведений о боевом и численном составе частей. Сведения оказались неутешительными: 25 процентов людей и боевой техники было потеряно.

И тем не менее боеспособность дивизии не вызывала сомнений. У нас было достаточно сил и средств, чтобы удерживать занимаемые позиции. Скорее бы только пополниться боеприпасами и горючим! Во всяком случае, мы верили, что худшее осталось позади. Противнику не удалось окружить наши войска западнее Ростова. Мы ушли из-под удара и прикрылись Доном. А теперь попробуй возьми нас!

Так думал я, так думали мои боевые друзья и помощники. А между тем, как выяснилось позже, обстановка лишь казалась спокойной. Тучи на горизонте быстро сгущались, и самое худшее ожидало нас впереди.

В захватнических планах гитлеровских заправил особое место отводилось Кавказу с его богатейшими запасами нефти. Напомню, что накануне войны только один Бакинский нефтяной район давал 75 процентов общесоюзной добычи нефти. Однако не только нефть приковывала внимание Гитлера и его клики к Кавказу. С захватом этого района фашисты связывали вступление Турции в войну против Советского Союза и выход гитлеровских армий в Иран, откуда открывались широкие возможности для наступления на Индию.

И вот теперь, достигнув Дона, командование вермахта напрямую занялось осуществлением плана «Эдельвейс». Суть его заключалась в том, чтобы окружить и уничтожить отошедшие за Дон советские войска, овладеть Северным Кавказом, после чего ударом в направлении Новороссийска выйти на восточное побережье Черного моря, а затем вторгнуться в Закавказье. Но это не все. Еще одной группировке войск предписывалось наступать вдоль побережья Каспийского моря, чтобы последовательно занять Грозный, Махачкалу, а затем и Баку. Враг планировал наступление и через

перевалы Главного Кавказского хребта на Сухуми, Кутаиси, Тбилиси.

Для осуществления задуманного гитлеровское командование выделило группу армий «А» в составе 1-й танковой армии генерал-полковника Клейста, 17-й армии генерал-полковника Руоффа, 3-й румынской армии, поддерживаемых 4-м воздушным флотом, и 11-й армии, находившейся в Крыму. В первые дни наступления в состав группы армий «А» входила и 4-я танковая армия. Ударная группировка, нацеленная на Кавказ, насчитывала 167 тысяч солдат и офицеров, 1130 танков, 4540 орудий и минометов и около тысячи боевых самолетов.

Какие силы мог противопоставить врагу наш Южный фронт? Вот что засвидетельствовала на этот счет наша военно-историческая литература: к началу боевых действий численное превосходство в силах было на стороне противника. Войска Южного фронта к 25 июля располагали лишь 17 танками. Артиллерийское усиление войск Южного фронта было очень слабое. Числившиеся в его составе 17 артиллерийских полков не могли быть эффективно использованы из-за острой нехватки боеприпасов... Количество авиации, которой располагал Южный фронт, тоже было крайне ограниченным. В 4-й воздушной армии, входившей в состав Южного фронта, насчитывалось всего 130 самолетов разных систем.

Хочу сделать необходимую оговорку. Все, что касается плана «Эдельвейс» и соотношения сил, стало известно мне через много лет после описываемых событий. Я кратко упомянул об этом лишь для того, чтобы читатель мог лучше понять дальнейшее.

Итак, к 25 июля сорок второго года войска Южного фронта имели в своем распоряжении 17 танков, 130 самолетов и артиллерию с крайне недостаточным количеством боеприпасов против 1130 немецких танков и тысячи самолетов. Скажем прямо — не густо.

Прошло уже четверо суток, как дивизия обороняла рубеж по левому берегу Дона, не испытывая никакого воздействия со стороны противника. Но спокойно было, пожалуй, только у нас.

Вернувшиеся из поездки снабженцы доложили, что боеприпасов и горючего нет. Запасы, которые имелись в районе Ростова, израсходованы, а подходившие в район боевые эшелоны с боеприпасами разбиты фашистами с воздуха.

Узнали мы и о том, что, овладев Ростовом, гитлеровцы захватили на левом берегу Дона плацдармы и лихорадочно

накапливают на них силы. Сегодня разгорелся бой в Ольгинской, на участке нашего левого соседа. Враг пытался расширить здесь свой плацдарм. В связи с этим нам пришлось немедленно строить отсечную позицию на своем левом фланге.

Вскоре приехал генерал Гречко. Он заметно осунулся и казался от этого еще выше.

— Ну вот, товарищ Рослый, — садясь за стол, сказал командующий, — кончилась ваша райская жизнь.

Он развернул и положил на стол свою карту, окинул взглядом моих помощников, как бы проверяя, готовы ли мы выслушать то очень важное и серьезное, что он сейчас скажет, и начал:

— Обстановка резко ухудшилась. На левом крыле нашего фронта со стороны Ростова наступает 17-я армия немцев, которая прорвала фронт обороны 18-й армии и захватила Батайск и Койсуг. К настоящему времени противник сосредоточил здесь крупные силы, намереваясь нанести удар в южном направлении.

На правом крыле фронта обстановка еще сложнее. Там, на рубеже Цимлянский, Константиновский и Багаевская, гитлеровцы сосредоточили крупные танковые силы — 1-ю и 4-ю танковые армии. Прорвав фронт обороны 51-й и 37-й армий, фашисты овладели плацдармом на левом берегу Дона, а их передовые части вышли к Малой Орловке и Верхнему Соленому. Попытки наших войск ликвидировать созданные врагом плацдармы не увенчались успехом. Немцы накапливают здесь крупные силы для удара на Сальск и Армавир.

Глядя на карту командующего, где были изображены две немецкие ударные группировки, о которых он только что говорил, я подумал: «Да это же огромные клещи, которыми враг хочет зажать наши войска!»

Словно угадав ход моих мыслей, командующий продолжал:

— Итак, гитлеровцы намерены окружить наши войска южнее Ростова и уничтожить их. Чтобы избежать этого, командующий фронтом приказал отвести войска на южный берег реки Кагальник и на Манычский канал. Вашей дивизии нужно оторваться от немцев и к утру 29 июля занять оборону на рубеже Малая Таловая, Верхние, Средние и Нижние Хороли. Правее, по балке Таловая, займут оборону части 37-й армии, а вашим левым соседом будет 261-я стрелковая дивизия, которой тоже приказано обороняться на реке Кагальник.

Улучив момент, начальник штаба дивизии Лоцигин стал шептать мне, чтобы я спросил у командующего о боеприпасах. Услышав слово «боеприпасы», Андрей Антонович упредил мой вопрос:

— К сожалению, помочь ничем не могу. Расходуйте экономно то, что имеете. Стреляйте так, чтобы каждый снаряд попадал в цель. Редко — да метко. А теперь, если нет вопросов, мне пора.

Впереди были полные тревог и неизвестности дни и ночи жаркого и тяжелого лета войны. Командующий уехал, и, наверное, ни он, ни мы не предполагали, что расстаемся надолго.

К утру 29 июля 4-я стрелковая дивизия после двухсуточного марша вышла в район хутора Верхние Хороли и почти без отдыха приступила к организации обороны. Рубеж обороны протянулся на 18 километров, и все три стрелковых полка пришлось расположить в один эшелон: справа — 39-й, в центре — 101-й и на левом фланге — 220-й. По конфигурации передний край обороны дивизии напоминал треугольник, вершина которого находилась на хуторе Верхние Хороли. Именно здесь оборонялся 101-й стрелковый полк.

Чтобы усилить противотанковую оборону, я приказал командиру 40-го артиллерийского полка майору Калинин у поставить все оставшиеся в полку 25 орудий в центре боевых порядков соединения. Делалось это для того, чтобы каждое орудие при необходимости могло вести огонь по танкам прямой наводкой. 80-й истребительно-противотанковый дивизион, в котором оставалось восемь сорокапяток, был поставлен у Малой Таловой. В его задачу входило обеспечить правый фланг дивизии от возможного удара танков со стороны Веселого.

Если учесть, что в дивизии осталось мало противотанковых ружей, противотанковых гранат, бутылок КС и вовсе не было противотанковых мин, то станет ясно, что основная тяжесть борьбы с танками ложилась на артиллерию.

Из зенитных средств мы имели только по две-три установки счетверенных пулеметов в каждом стрелковом полку. Но главная опасность заключалась в том, что на новом рубеже не было заранее подготовленных позиций. Части вышли в открытое поле и здесь должны были встретить врага.

Такова была «диспозиция» 4-й стрелковой к утру 29 июля, таковы были ее силы и средства, с которыми в то утро предстояло вступить в бой.

После посещения 39-го стрелкового полка и 80-го истребительно-противотанкового артиллерийского дивизиона я поехал в 101-й стрелковый полк, который интересовал меня больше всего. С майором Щербаким мы встретились на северо-восточной окраине Средних Хоролей. Он доложил, что подразделения приступили к подготовке оборонительного рубежа.

— Очень плохо будет, — продолжал майор, — если противник появится скоро и не даст нам отрыть хорошие окопы, как мы сделали это под Ворошиловградом.

— Такое не исключается, — ответил я и тут же спросил командира полка: — Кто занимает Верхние Хороли? Противник, скорее всего, пойдет через Жуково-Татарский именно на Верхние Хороли. Дорога здесь хорошая, сегодня сами по ней шли и видели.

— Там готовит оборону 2-й стрелковый батальон с полковой батареей и ротой противотанковых ружей. Это хороший батальон, — докладывал командир полка. — Он прекрасно дрался у села Желтое под Ворошиловградом, надежно прикрыл отход полка у Грушевской, думаю, не подведет и сегодня. Командир батальона капитан Мельник — смелый и находчивый командир.

— Там и комиссар отличный, — вступил в разговор комиссар полка старший политрук Михайлов.

Я хорошо знал и командира батальона капитана Мельника и комиссара старшего политрука Волошина, человека кипучей энергии и беспримерной отваги, в прошлом замечательного комсомольского работника.

— К тому же, — добавил Щербак, — в этом батальоне находятся секретарь партийного бюро полка политрук Ищенко и уполномоченный особого отдела политрук Сердюков.

Пока мы разговаривали, подошел майор Мошечков — командир 2-го дивизиона 40-го артиллерийского полка. Щербак представил его мне, как своего старого знакомого: этот дивизион сопровождал 101-й стрелковый полк на марше. Теперь майор Мошечков прибыл к командиру полка, чтобы доложить, что дивизион уже занял огневые позиции в районе 2-го стрелкового батальона и приступил к их оборудованию.

Обветренное и уставшее лицо майора выражало сосредоточенную деловитость, а его ровный и спокойный голос, скупые жесты, как, впрочем, и вся его статная фигура, свидетельствовали об уравновешенности характера и уверенности в себе.

— Как чувствуют себя люди после марша? — спросил я майора.

— Люди, конечно, устали, но настроены хорошо, по-боевому. Жаль только, снарядов мало, по 40—50 на орудие. Это же на 10 минут хорошего боя.

Снарядов действительно было мало. И помочь беде никто сейчас не мог. А потому командир дивизиона услышал от меня примерно то же, что мы слышали накануне от командующего армией...

В штаб дивизии, который размещался на юго-западной окраине Большой Таловой, я приехал около 11 часов. Вокруг было тихо. И вдруг раздались орудийные выстрелы. Они отчетливо доносились со стороны хутора Верхние Хороли. Стрельба усиливалась. Мне стало ясно, что 101-й стрелковый и 40-й артиллерийский полки, так и не успевшие подготовить оборонительные позиции, вступили в бой с подошедшим противником.

Да, разгорался бой, в котором два основательно ослабленных полка противостояли целой армаде фашистских танков, поддержанных штурмовыми и бомбовыми ударами с воздуха. Но наши люди не дрогнули. Уставшие, не окопавшиеся, вынужденные беречь каждый снаряд, они смело и решительно вступили в бой с превосходящими силами врага.

Около полудня 29 июля перед 2-м батальоном 101-го стрелкового полка появилась довольно большая группа немецких танков, с ходу атаковавших позиции батальона. Очевидцы сходятся на том, что в первой группе шло 27 боевых машин. Они были встречены огнем орудий и противотанковых ружей. Потеряв четыре танка, противник остановился, а потом отошел на безопасное расстояние. Видимо, это был передовой отряд танковой дивизии, решивший дождаться подхода главных сил.

И действительно, через полчаса подошли еще две большие группы танков и остановились, чего-то выжидая. В это время стал нарастать гул авиационных двигателей. Вражеские бомбардировщики, летевшие двумя волнами, стали с пикирования бомбить позиции 2-го батальона и 40-го артиллерийского полка. Как только самолеты убрались прочь, танки построились в два эшелона и, развернувшись по фронту до трех километров, снова атаковали 2-й батальон.

И опять в бой вступили артиллеристы и петеэровцы, в ход пошли противотанковые гранаты и бутылки КС. Снова запылали танки противника.

Однако силы были слишком неравные. Потеряв перед 2-м батальоном еще пять или шесть машин, гитлеровцы остервенело устремились в глубину нашей обороны. Но напорились на орудия 40-го артиллерийского полка.

Первым вступил в бой 2-й дивизион. Все его восемь орудий, расстреливая скудный запас снарядов, уничтожали врага, отстаивая каждую позицию, каждую пядь родной земли. Два других дивизиона огнем с флангов помогали своему собрату. Много горело вражеских танков, а еще больше навсегда осталось на поле боя, превращенные в груды металла.

И все же гитлеровцы, преодолев сопротивление 40-го артиллерийского полка, устремились на юг.

Я рассказал об этом бое лишь в общих чертах. Приведу письма, написанные свидетелями и непосредственными участниками драматических событий того июльского дня.

Комиссар 2-го стрелкового батальона старший политрук П. С. Волошин.

«Утром 29 июля нашему батальону было приказано занять оборону в районе Верх. Хоролей и любой ценой остановить противника. Вскоре после того, как мы вышли на позиции, перед нами появилось 27 танков.

Оказавшись на открытой местности, не успев отрыть окопы, наши бойцы не дрогнули, смело вступили в бой с танками.

Огонь открыла полковая батарея, которой командовал лейтенант Муляр, и с первых же выстрелов подбила два танка. Еще один уничтожил командир сорокапятки сержант Дунич. Отличились и петезеровцы, которые ближе всех оказались к противнику: они тоже вывели из строя одну машину.

Встретив организованный отпор, враг остановился и отошел назад. Но тут прилетели самолеты и стали бомбить позиции батальона и 40-го артиллерийского полка. К прежним танкам подошло вдвое больше других, и всей лавиной они устремились на батальон.

Бой закипел с новой силой. Полковая батарея подбила еще два танка и один сожгла, но и сама, располагая двумя орудиями, потеряла одно вместе с орудийным расчетом. Командир батареи лейтенант Муляр был тяжело ранен.

Как и в начале боя, храбро сражался сержант Дунич. Он подбил еще один танк, но второй раздавил сорокапятку и героя-артиллериста.

Недалеко находился политрук 4-й стрелковой роты Лобачев. С противотанковой гранатой в руке он бросился на-

встречу вражескому танку. Ценой своей жизни политрук Лобачев уничтожил танк противника.

Почти в то же время, но в другом месте загорелся еще один танк. Поджег его неизвестный нам герой, применив бутылку с зажигательной смесью.

В тот день я не видел людей, которые бы спасались бегством. Каждый дрался, как только мог. Но наши ряды таяли. Рядом со мной замертво упал, прошитый пулеметной очередью, командир нашего батальона Иван Михайлович Мельник — человек большой души и беспримерного мужества. Тяжелые ранения получили секретарь партийного бюро полка политрук Николай Михайлович Ищенко и уполномоченный особого отдела политрук Александр Алексеевич Сердюков. Мой связной красноармеец Ольштейн был раздавлен танком. Молодой лейтенант Борис Кондыба противотанковой гранатой подбил танк, но и сам был тяжело ранен в голову.

Много, очень много потерял батальон убитыми и ранеными. Был ранен и я.

А противник, хотя и оставил на позициях батальона 10 сгоревших и подбитых танков, продолжал рваться вперед».

Уполномоченный особого отдела политрук А. А. Сердюков.

«Вместе с секретарем партийного бюро полка политруком Ищенко мы прибыли во 2-й батальон, чтобы оказать помощь в организации партийно-политической работы.

Вскоре батальон был атакован большим количеством танков, которые стали распространяться по нашей обороне. По пути в минометную роту меня ранило осколком разорвавшегося снаряда в правую лопатку. Испытывая мучительную боль, я пытался перевязать рану. И тут скорее почувствовал, чем увидел, что на меня надвигается танк. Пытаясь укрыться от стального чудовища, я плотно прижался к земле, а в последний момент, когда танк был уже рядом, сжался в комок и, упершись ногами в землю, немного отодвинулся от дороги. И все же правой гусеницей танк проехал по моим ногам и раздавил их. Тут же я лишился сознания.

Вечерняя прохлада и крупные капли дождя, который принесла набежавшая туча, освежили меня, и я очнулся. Кругом стояла немая тишина, а я, совершенно беспомощный, лежал один на глухой полевой дороге, пересекавшей пшеничное поле.

«Неужели конец? — думал я. — Неужели никто не найдет, не поможет и я так и погибну здесь в одиночестве?»

Мне стало страшно. Большой черный ворон, вероятно в поисках добычи, кружил над полем. Что-то недоброе, злое было в самом его появлении; я содрогнулся и застонал от бессилия. Но тут же поборол свою слабость и, собрав остатки сил, стараясь поддержать угасающую надежду на жизнь, на спасение, не то запел, не то запричитал: «Ты не вейся, черный ворон, я солдат еще живой». Вскоре на меня опять нашло забытье.

Видимо, не суждено мне было умереть. Меня нашли жители Верх. Хоролей и принесли к себе в школу. Когда утром следующего дня ко мне вернулось сознание, я увидел, что к моим ногам вместо гипса привязаны доски. Вокруг себя увидел еще около 30 раненых бойцов и командиров. Местные жители, главным образом женщины и девушки, рискуя собственной жизнью, спасли жизнь мне и многим людям нашего полка. Спасибо им».

Из письма командира 40-го артиллерийского полка майора В. П. Калинина Е. Н. Русанову.

«К сожалению, я не могу сообщить вам подробностей гибели вашего брата А. Н. Русанова, который был начальником связи 2-го дивизиона, так как во время боя, который произошел 29 июля 1942 года, мы были в разных местах: я — на своем наблюдательном пункте, а он — с командиром дивизиона.

В тот день сто танков противника, поддержанных авиацией, атаковали позиции нашего полка. Противник имел явное превосходство. Но наши артиллеристы не трусили и не отступили. Они смело и решительно дали отпор врагу. Многие командиры стали к орудиям, заменив убитых наводчиков, и лично вели огонь по танкам врага.

Первый удар принял на себя 2-й дивизион. Его люди дрались как герои. Командир дивизиона майор Мошечков лично вел огонь из орудия. У орудия он и погиб. В том бою погиб и ваш брат Анатолий Николаевич Русанов. Артиллеристы 40-го полка тогда сожгли 12 танков и 19 подбили.

Но наши силы были на исходе. 2-й дивизион был смят танками противника. Много наших людей у орудий погибло».

Я мог бы привести свидетельства и других участников описываемых событий: помощника начальника штаба 40-го артиллерийского полка капитана Александра Илларионовича Марковского, комиссара этого полка батальонного комиссара Мирона Ермолаевича Колечко и многих других товарищей. У каждого из них свой стиль письма, своя манера выражения мыслей, но все они говорят об одном: в жестокой

борьбе с врагом советские люди проявляли невиданный героизм и, когда надо было, ценой своей жизни спасали Родину...

В тот день в 4-й стрелковой дивизии не знали, что только вчера, 28 июля, Нарком обороны И. В. Сталин обратился к войскам с приказом № 227. То был особый приказ, вызванный исключительными обстоятельствами на южном крыле советско-германского фронта. Вряд ли найдется ветеран войны, сражавшийся тогда на фронте, который не помнил бы этого прямого и строгого обращения к армии в один из самых тревожных и критических моментов Великой Отечественной войны. Грозным набатом звучали слова приказа: «Бои идут в районе Воронежа, на Дону, на юге, у ворот Северного Кавказа. Немецкие оккупанты рвутся к Сталинграду, к Волге и хотят любой ценой захватить Кубань, Северный Кавказ с их нефтяными и хлебными богатствами».

«Ни шагу назад! — провозглашалось в приказе. — Таким теперь должен быть наш главный призыв. Надо упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории, цепляться за каждый клочок советской земли и отстаивать его до последней возможности...»

Повторяю, наши воины еще не знали о приказе Народного комиссара обороны, но дрались с врагом так, будто не только дословно изучили его, но и прониклись решимостью поступать только так, как предписывал тот памятный документ.

Полагаю, не ошибусь, если скажу, что в приказе № 227, полном тревоги за судьбы Родины, были выражены чувства и воля не только подписавшего его лица, но и боль и решимость миллионов и миллионов советских людей. А о том, как эта решимость проявлялась на поле боя, говорит пример тех, кто сражался у мало кому известных селений Верхние и Средние Хороли...

К сожалению, обстановка еще долго оставалась для нас крайне тяжелой и сложной. Именно из-за этого мы не смогли донести командованию армии ни о самом бое, ни о его результатах, как не смогли и представить достойных к правительственным наградам. А достойных было много. И справедливость требует, чтобы я перечислил хотя бы некоторых. С великим уважением называю я их имена: командир 2-го дивизиона майор Василий Степанович Мошечков, начальник связи этого дивизиона Анатолий Николаевич Русанов, командир 2-го батальона капитан Иван Михайлович Мель-

ник, комиссар этого батальона старший политрук Петр Сергеевич Волошин, секретарь партийного бюро полка политрук Николай Михайлович Ищенко, командир 40-го артиллерийского полка майор Василий Петрович Калинин, уполномоченные особого отдела Александр Абрамович Уляев и Александр Алексеевич Сердюков, старшие лейтенанты А. А. Зверев, А. Т. Рылушкин, политрук 4-й стрелковой роты Лобачев, командир сорокапятки сержант Дунич...

13-я немецкая танковая дивизия, с которой пришлось скрестить нам оружие, продолжала двигаться на юг в сильно потрепанном виде. Это была та самая 13-я танковая, что уже встречалась на нашем пути. Первая встреча с ней произошла в начале октября сорок первого на территории Запорожской области, в районе Большого Токмака. Тогда 30 ее танков внезапно атаковали 101-й стрелковый полк, когда он, будучи на марше, подходил к Солодкой Балке. Услышав команду: «Танки справа! К бою!», четыре батареи, сопровождавшие полк, быстро изготовились к бою и открыли огонь по врагу. Потеряв семь машин, противник отошел и не стал больше испытывать судьбу.

Теперь, 29 июля сорок второго, произошла вторая встреча, и опять на острие удара вражеских танков оказался наш 101-й стрелковый. Забегая вперед, скажу, что на этом не закончилось наше знакомство с 13-й танковой. Нам предстояло еще встретиться с ней и до конца выяснить отношения.

А в тот день, о котором идет речь, гул боя отдалялся все дальше и дальше. Последние мотомеханизированные колонны фашистов скрылись из виду. Мы нежданно-негаданно очутились в тылу врага. К вечеру части 4-й стрелковой сосредоточились в районе населенного пункта с необычным названием Пятая Сотня. Перед нами вставали новые, полные неизвестности задачи: действовать в тылу врага, пробиваться из окружения. Сколько сил и времени потребуется для этого, никто не знал. Главное заключалось тогда в том, чтобы собрать наличные силы, привести их в порядок и подготовиться к новым испытаниям. Не давал покоя и вопрос о судьбе раненых, которые остались на поле боя у Верхних и Средних Хоролей. Отступая под ударами прорвавшихся танков и моторизованной пехоты противника, мы не смогли подобрать всех и вывезти в тыл. Да и тыла как такового у нас уже не существовало: и впереди, и позади нас находились фашисты.

Что это так, мы хорошо знали. Но знали и то, что на оккупированной территории остались советские люди, горячие патриоты своей Родины. В глубине души мы надеялись на них и не ошиблись. Уже потом я узнал волнующую историю спасения наших раненых однополчан, узнал о подпольном госпитале, который был создан советскими патриотами в тех самых Хоролях, где наша дивизия приняла смертельный бой.

Подпольный госпиталь возглавила жена военного летчика Александра Петровна Третьякова, приехавшая на хутор с трехлетним сынишкой в день боя. Ближайшим помощником Третьяковой стала Таня Бодрягина, медицинской сестрой — Мария Киселева, нянями-санитарками — Таня Зинченко, Анна Казачкова, Катя, Клава и Рая Карлашovy, Галя Сильченко, Паша Ивашина, Клава Горбанева, поварами — Анна Кумкова и Дарья Киселева.

Пятьдесят одного человека подобрали на поле боя отважные женщины и девушки. Шестерых выходить не удалось — скончались от тяжелых ран. Одиннадцать солдат и офицеров, быстро подлечившись, перешли через линию фронта к своим. А 34 человека нуждались в длительном уходе и лечении.

Полгода существовал подпольный госпиталь. Полгода в тылу врага бесстрашные патриотки вели самоотверженную, полную смертельного риска и крайнего напряжения борьбу за жизнь раненых советских воинов. И в эту борьбу, так или иначе, оказались вовлеченными жители окрестных сел и хуторов...

Вот уже много лет пионеры из Верхних Хоролей ведут поиск и тех, кто лежал в госпитале, и тех, кто лечил их. Многие уже отозвались...

Выше уже говорилось о том, что 4-я стрелковая дивизия, выйдя из боя, который произошел 29 июля, сосредоточилась в районе Пятой Сотни. Там мы не задерживались и к рассвету 31 июля были в Михайловке, что лежит в 20 километрах к северу от крупного населенного пункта и железнодорожной станции Целина. Здесь дали людям немного передохнуть и подсчитали потери, которые дивизия понесла после оставления оборонительных позиций в Донбассе. Потери были значительными: вдвое сократился личный состав, осталось меньше половины орудий, минометов, автомашин, радиостанций. Боеприпасы и горючее были на исходе.

В довершение ко всему почти двое суток отсутствовала

связь с командующим армией. Трудно было в таких условиях ориентироваться в обстановке.

Я приказал послать в разных направлениях группы разведчиков во главе с опытными и смелыми командирами. Разведгруппы вернулись к исходу дня. Из их докладов мы узнали, что на отрезке железной дороги Егорлыкская — Сальск немцы организовали оборону фронтом на север и тем самым преградили нашим частям путь отхода на юг. Судя по всему, противник подготовил для нас котел, пробиться из которого будет не так-то просто.

Разведчики доложили и о том, что в треугольнике между Веселым, Егорлыкской и Сальском скопилось довольно много наших частей, главным образом из состава 37-й армии. Переправившись в Раздорской и Мелиховской через Дон, эта армия попала под сильные удары 4-го воздушного флота и 1-й танковой армии врага. Понеся большие потери, 37-я армия переправилась у хутора Веселого на юго-западный берег Маныча и теперь, прикрываясь с северо-востока Веселовским водохранилищем, приводила себя в порядок и вела разведку, пытаясь найти брешь, через которую можно было бы вырваться из окружения. Эта армия находилась в исключительно тяжелом положении, так как еще на переправах через Дон потеряла почти всю артиллерию. А как без артиллерии пробить брешь в обороне гитлеровцев? Штаб 37-й располагался в тот день в Журавлевке, и мы установили с ним тесный контакт.

В районе скопления наших частей не было почти никакой растительности, а населенные пункты, в которых войска пытались укрыться от авиации противника, хорошо просматривались с высоты. И не случайно фашистские летчики, словно осатанев, весь день бомбили и штурмовали наши части.

Данные разведки убеждали в том, что медлить нельзя и рассчитывать надо прежде всего на собственные силы.

Я собрал работников штаба, своих ближайших помощников, чтобы посоветоваться о дальнейших шагах. После короткого обмена мнениями решили: как можно быстрее прорываться из окружения и уходить к своим, на юг.

Сразу вставал и другой вопрос: в каком месте и какими силами прорывать оборону противника? Подходящее место нашли быстро — железнодорожный переезд в пяти километрах восточнее станции Целина. Правда, большие опасения вызывал недостаток артиллерии и боеприпасов.

Поднялся командующий артиллерией дивизии подполковник Сердюков и сообщил, что, по сведениям, которые тре-

буют уточнения, в трех километрах к югу от Михайловки, в небольшом хуторе, стоит полк «катюш». Я приказал Сердюкову немедленно отправиться на хутор и привезти командира полка. К сожалению, я не запомнил тогда ни номера полка, ни фамилии командира. Через полчаса передо мной стоял стройный, с красивым лицом подполковник. Из его доклада я узнал, что полк «катюш» находился в резерве командующего фронтом и вместе с другими частями попал в западню.

— Теперь вот не знаю, — заключил подполковник, — как и выбраться из нее.

— А чем вы располагаете? — без обиняков спросил я.

— Мы сохранили свою материальную часть и имеем боезапас на один полковой залп.

Услышав это, присутствующие на совещании заулыбались, а у меня вырвался вздох облегчения. Я знал, что фашисты только вчера оседлали железную дорогу и еще не успели как следует закрепиться на ней. Однако на созданном ими рубеже обороны имелись пулеметы и пушки, которые нужно было непременно подавить. И вот теперь в нашем распоряжении оказалась сила, которая поможет справиться с этой задачей.

Мы тут же наметили план прорыва обороны и, заручившись поддержкой штаба 37-й армии, приступили к его выполнению.

На рассвете 1 августа район железнодорожного переезда был накрыт огнем «катюш». Залп прогремел в предрачевых сумерках и произвел на обе стороны огромное впечатление. Почти все фашисты, попавшие под удар, были уничтожены, а оставшиеся в живых не сразу пришли в себя. Это подтвердили и пленные, которых мы захватили во время атаки переезда. Что же касается наших бойцов, то знакомая и внушительная музыка «катюш» принесла им радость и облегчение.

Как только умолкла канонада и в небо взвились сигнальные ракеты, 39-й и 220-й стрелковые полки с большим подъемом ринулись на врага.

Атака была успешной. Овладев районом переезда, полки развернули на своих внешних флангах по одному батальону и расширили прорыв до пяти километров по фронту. Вслед за 39-м и 220-м стрелковыми полками в прорыв устремились все остальные части дивизии и все находившиеся поблизости войска, в том числе соединения и части 37-й армии. Когда слева от нас показался огненный шар восходящего солнца, озарившего широкие просторы Сальских сте-

пей, вся эта масса войск хлынула по широкой полевой дороге в сторону Ставрополя. Придерживаясь правой стороны, шли пехотные части и конные обозы. А все то, что находилось на машинах, преодолев опасную зону железнодорожного переезда и вырвавшись на необъятный простор, быстро мчалось на юг.

Сделав свое дело, укатил на юг и полк реактивных минометов. На переезде мне повстречался его командир. Я тепло поблагодарил за помощь и пожелал ему счастливого пути.

Отшагав 20 километров по широкой степной дороге, дивизия вышла к селу Лопанка, что раскинулось на речке Средний Егорлык. Через речку был перекинут довольно ветхий деревянный мост. Высланная заблаговременно разведка от 7-го саперного батальона установила наблюдение за мостом и уже приступила к его укреплению.

Учитывая большую активность авиации противника, нельзя было допустить образования пробки на мосту или скопления войск вблизи него. Пришлось и на мосту, и на подходах к нему выставить командирские посты.

Подъехав к Лопанке, я отправил эмку на окраину села, а сам остался на мосту. Тут я и повстречался с командующим 37-й армией генералом П. М. Козловым. Мы обменялись информацией о положении дел, поблагодарили друг друга за поддержку во время прорыва вражеского кольца и расстались добрыми друзьями.

Вторично я встретился с генералом Козловым в начале февраля 1943 года в Усть-Лабе, где сомкнули свои фланги 37-я армия, наступавшая на левом крыле Северо-Кавказского фронта, и 46-я армия, наступавшая с Главного Кавказского хребта вдоль долины реки Белая на правом крыле Черноморской группы войск Закавказского фронта.

Минувшей ночью наша дивизия не только с боем вырвалась из вражеского кольца, но и проделала многокилометровый марш. Люди устали и буквально валились с ног. Пришлось остановить дивизию и организовать дневной привал в Лопанке. Этот крупный населенный пункт полностью укрыл в своих садах и усадьбах сильно поредевшие части нашей дивизии и всех тех, кто примкнул к ней в пути. А таких оказалось немало.

Главной заботой в тот момент была неусыпная бдительность. О ней мы предупреждали всех и каждого, на поддержание высокой бдительности нацеливали воинов партийные и комсомольские организации.

Прежде чем дать разрешение на отдых, надо было организовать оборону. И сделать это по всем правилам. Передний край обороны прошел по окраинам села и был близок по форме к эллипсу. Мягкий грунт позволил быстро отрыть окопы. Были назначены секторы обстрела, расставлены пулеметы, выдвинуты на прямую наводку орудия. Обороняющимся была поставлена задача: мелкие группы противника пропускать в село и тут же брать в плен или уничтожать; с крупными силами вести бой перед селом до последней возможности; боеприпасы расходовать экономно: каждую пулю и снаряд — только в цель.

Командный пункт дивизии расположился в центре Лопанки, в одном из дворов с хорошим фруктовым садом. Деревья не только спасали от августовской жары (время едва перевалило за полдень), но и маскировали нас с воздуха.

Когда я обходил район обороны, проверяя его готовность, люди отдыхали, устроившись в тени деревьев. Только дежурные в штабах да наблюдатели продолжали бодрствовать.

Вернувшись на командный пункт, я и сам, примостившись под вишней, попробовал уснуть. Но из этого ничего не получилось. Мысли о тяжелом положении дивизии не давали покоя.

Конечно, я верил в людей, верил, что каждый готов сражаться до последнего вздоха. Если бы к этой решимости добавить боеприпасов и горючего! Но их было в обрез. Значит, выход один — избегать встреч с противником, передвигаться по ночам, находить разрывы между вражескими колоннами и частями, незаметно проскальзывать через них.

— Товарищ дежурный! Из Егорлыкской на Средний Егорлык движется большая колонна фашистов, — громко доложил примостившийся на дереве наблюдатель. Голос его вмиг прервал мои раздумья. Я тоже поднялся на дерево и убедился, что доклад наблюдателя был точен. Голова вражеской колонны уже приближалась к Среднему Егорлыку. Я продолжал следить за движением гитлеровцев. Вскоре голова колонны вышла из села и устремилась по дороге на Песчано-Копское. В колонне было много крытых машин, по видимому с солдатами, а также танков и машин с орудиями.

— Товарищ генерал! — снова услышал я голос наблюдателя, который находился на том же дереве, но немного выше. — Еще одна колонна немцев идет на нас из Целины.

«Вот оно, начинается самое худшее, — подумал я, уstraиваясь поудобнее, чтобы продолжать наблюдение. — Если

немцы пойдут через Лопанку, не избежать тяжелого и крайне нежелательного для нас боя».

Но немцы через Лопанку не пошли. Они обходили ее примерно в пяти километрах восточнее.

От сердца немного отлегло. Но тревога не покидала меня. Ведь Лопанка оказалась как бы зажатой между двумя колоннами противника, и он мог в любую минуту послать к нам разведку.

— Вас к телефону, товарищ генерал! — прокричал снизу дежурный телефонист.

Я быстро спустился с дерева. Командир 101-го стрелкового полка майор Щербак доложил все то, что я сам наблюдал только сейчас. Поблагодарив Щербака, я приказал ему усилить наблюдение, но людей не будить: пусть отдыхают и накапливают силы.

Пока разговаривал по телефону, подошли начальник политотдела старший батальонный комиссар Наконечный, командующий артиллерией подполковник Сердюков, дивизионный инженер подполковник Воробьев и другие. Скоро в сборе оказался весь штаб, хотя я никого не будил и не вызывал. Товарищей привело ко мне усилившееся чувство тревоги, стремление узнать, что думаю и решаю я. И хотя мои нервы тоже были напряжены до предела, хотя мне самому нужен был совет умного и волевого командира, я держался спокойно, говорил ровно, стараясь ничем не выдать волнения. Ведь я был там самым старшим и полностью нес ответственность за судьбу подчиненных.

Вскоре опять позвонил майор Щербак. На этот раз он сообщил, что от фашистской колонны отделилась легковая машина и направляется в Лопанку. Я напомнил майору, чтобы действовал так, как было условлено. А спустя полчаса уполномоченный особого отдела 101-го стрелкового полка Александр Уляев привел ко мне двух гитлеровцев, которых при его участии взяли в плен на окраине Лопанки. Один из пленных оказался оберст-лейтенантом, интендантом из 13-й танковой дивизии, а другой — шофером его машины.

Офицер сообщил, что в колонне находятся тыловые части 13-й танковой дивизии, следующие в Развильное, где ночевали танкисты и артиллеристы. В Лопанку он ехал, чтобы запасти продукты и затем отпраздновать в Развильном день рождения. А русских, по его сведениям, в Лопанке быть не должно...

Ничего нового от немецкого интенданта мы не услышали, но его показания подтвердили, что дивизия находится в глубоком тылу противника. Надо было срочно выбирать

ся отсюда. Я приказал поднимать людей, кормить их и готовиться к ночному маршу.

Авиация противника висела над нами с утра до ночи и не давала житья. Стоило появиться на дороге одной из наших колонн, как тут же налетали фашистские стервятники и расстреливали ее с воздуха. А деваться некуда. Вокруг широкие степные просторы, без кустика, без ложбинки, в которой можно было бы укрыться. Поэтому двигаться старались только ночью. Крупные населенные пункты обходили, на больших дорогах не показывались, пользовались глухими, проселочными. И все же встреч и боев с противником избежать не удалось. Остатки боеприпасов таяли на глазах.

К рассвету 6 августа, измотанная и еще больше поредевшая, 4-я стрелковая дивизия вышла в район юго-восточнее Молотовского (ныне Красногвардейское) и расположилась на дневку на огромном кукурузном поле к востоку от хутора Медвеженский.

В тот день дивизия в бою не участвовала, вражеские самолеты ее не бомбили, и все-таки он оказался самым тяжелым из всех девяти дней, проведенных в тылу врага.

Погода стояла сухая и жаркая. И земля, и воздух были накалены до предела. Людей мучила жажда. Запастись водой можно было в окрестных селах, но там — немцы. А рисковать в нашем положении было безрассудно.

Я сидел под стогом прошлогодней соломы (здесь устроили мой КП) и обдумывал, как быть дальше. Мы пробились на юг, не имея ни соседей, ни связи с командованием. Дивизия отходила в полосе главного удара 1-й танковой армии противника. И хотя основная часть этой армии уже овладела Ставрополем и продвинулась еще дальше на юг, вокруг нас было предостаточно вражеских войск, которые предназначались для уничтожения окруженных частей Красной Армии. Ослабленная до предела, 4-я стрелковая не могла оказать серьезного и продолжительного сопротивления этим войскам. Прикидывая так и этак, я все больше склонялся к мысли, что нужно попытаться вывести части из полосы 1-й танковой армии куда-нибудь в сторону.

Мои размышления прервал начальник политотдела дивизии старший батальонный комиссар Наконечный. Его приятное лицо было спокойным и невозмутимым. Глядя на Михаила Федотовича, можно было подумать, что кругом воцарились мир и благодать. Он стал увлеченно рассказывать о том, что увидел и услышал, побывав в подразделениях.

— Люди устали, очень устали, — сказал он. — Особенно тяжело приходится без воды. Но никакого уныния, никаких признаков упадка духа. Единственное, на что жалуются, так это на отсутствие боеприпасов. Бойцы считают, что именно сейчас в самый раз было бы прогуляться по немецким тылам...

Наконецный умолк. Своим присутствием, своим рассказом он и меня заставил приободриться. Замечательный был человек наш начподив, верный товарищ, стойкий и честный коммунист.

Не знал я тогда, на том кукурузном поле, что нам с Наконецным скоро придется расстаться и что свидимся мы только после войны.

Михаил Федотович мало рассказывал о себе. Биография у него была простая. Путевку в жизнь бывшему батраку дала Советская власть, которую он принял всем сердцем и вдохновенно защищал и в гражданскую войну, и в Отечественную. Он всегда нес людям свет и радость. Не подавлял окружающих ни авторитетом своей должности и звания, ни старшинством в возрасте. Напротив, всем своим обликом Михаил Федотович располагал к себе. Открытый взгляд теплых глаз, добрая улыбка, неторопливая, с украинским акцентом и непременными шутками речь, простота и правдивость — все это притягивало к нему бойцов и командиров.

Такие политработники, как Наконецный, были душой нашей армии. Они хорошо знали советского воина и умели благотворно воздействовать на него. Наш начподив был из славной плеяды тех, кто воспитывал в людях такие качества, которые делали их сильнее танков и самолетов. И то, что 4-я стрелковая дивизия в трудных условиях отступления оставалась организованной и дисциплинированной силой, лишней раз говорило о действенности партийно-политической работы, одним из организаторов которой был старший батальонный комиссар Наконецный.

После войны Михаил Федотович отправился на другой фронт — поднимать разрушенное и разграбленное врагом народное хозяйство. Он возглавил партийную организацию одного из районов Молдавии, многие годы был заместителем министра сельского хозяйства республики. И, как бывало на фронте, постоянно находился в самой гуще жизни: являлся депутатом Верховного Совета СССР, работал в высших партийных и государственных органах своей республики.

Но это было потом. А тогда, на длинной и тяжелой дороге отступления, я с благодарностью смотрел на своего

боевого товарища. Смотрел и думал, какой же ты, Михаил Федотович, тонкий психолог и добрый человек, коли понял, что не только рядовой боец, но и командир дивизии нуждается в ободряющем слове, в простом товарищеском участии...

Перед заходом солнца я вызвал командиров и комиссаров частей. Осунувшиеся и изможденные, подходили они ко мне, докладывали по уставу и садились под стог соломы. Сколько физических и моральных испытаний выдержал каждый из них! Но суровые лица выражали не растерянность и отчаяние, а твердость и решимость. Великая внутренняя сила заставляла этих людей идти на нечеловеческие лишения, помогала сохранить выдержку и самообладание. Этой силой была любовь к родной земле и твердая вера в нашу победу.

Люди самоотверженно выполняли свой долг. Действовали, как диктовала обстановка. Только вчера командир 39-го стрелкового полка капитан Терешков приказал сжечь две машины, у которых не оставалось горючего и которые могли попасть к врагу. А командир 40-го артиллерийского полка майор Калинин подорвал две 122-миллиметровые гаубицы. И тоже потому, что, оставшись без боеприпасов и горючего, они могли достаться фашистам. Комиссар полка батальонный комиссар Колечко рассказал мне, что командир батареи старший лейтенант Зверев и все его артиллеристы плакали, когда подрывали орудия. Плакали и все-таки подрывали. Другого выхода не было.

Вскоре все были в сборе. Обрисовав создавшуюся обстановку, я объявил решение.

Оно сводилось к тому, чтобы повернуть дивизию на девяносто градусов влево и следовать через хутор Подлужный, Подлесное, вдоль Большой Кугульты на восток. В районе Октябрьское пересечь железную дорогу и речку Калаус и далее, обходя Петровское (ныне Светлоград) с востока, идти на Благодарный и Буденновск. Мы знали, что в результате такого маневра попадем на черные земли, зато уменьшится вероятность встречи с немецкими танками.

39-му стрелковому полку, который назначался в авангард, приказывалось внезапным ночным налетом на хутор Подлужный уничтожить вражеский гарнизон и обеспечить дивизии движение на восток. За 39-м следовали 220-й стрелковый полк и дивизионные части, а замыкал колонну 101-й стрелковый. Все орудия, которые еще сохранились в 40-м артиллерийском полку, были распределены между стрелковыми полками на случай борьбы с танками.

Осуществить намеченный план, к сожалению, не удалось. То ли фашисты не спали в ту ночь, то ли наши разведчики допустили какую-то промашку и преждевременно всполошили их, только внезапного удара по вражескому гарнизону в Подлужном не получилось. Завязался упорный бой, продолжавшийся более часа. Только к рассвету 39-му стрелковому полку удалось обойти хутор с флангов, овладеть им и начать движение на Подлесное. За ним устремились все остальные части.

Но потерянное время усложнило нашу задачу. Вскоре из Безопасного и Дмитриевского прибыли в район Подлужного моторизованные подразделения немцев с артиллерией и танками. Им удалось перерезать колонну дивизии пополам. В результате 39-й полк, дивизионные части и частично 220-й полк успели уйти в Подлесное, а 101-й стрелковый с небольшим количеством орудий 40-го артиллерийского полка и некоторые подразделения 220-го стрелкового полка остались в районе Подлужного, на косогоре между рекой Егорлык и дорогой Ростов — Ставрополь.

С колонной, которая вынуждена была задержаться в районе Подлужного, остался и я. Моя старая, покрытая густым слоем пыли эмка, стоявшая в центре косогора, превратилась в пункт управления боем. Отсюда, радуясь наметившемуся успеху, я наблюдал, как, миновав хутор Подлужный, поднимались в гору колонны передовых частей дивизии, уходя на Подлесное. Отсюда увидел то, что произошло дальше и до крайности осложнило обстановку. Около восьми утра 7 августа группа танков противника, прибывшая в район хутора Подлужный из Безопасного, соединилась с пехотой и артиллерией, подоспевшими из Дмитриевского. Заняв позиции по косогору восточнее реки Егорлык, гитлеровцы закрыли дорогу на восток нашей второй колонне.

Теперь нечего было и думать о движении через хутор Подлужный: там опять находились фашистские танки и орудия, начавшие обстреливать наши подразделения. Менее защищенным являлся участок от хутора Подлужного до Безопасного: противник еще не успел подтянуть сюда достаточно сил. Именно здесь и было решено пробивать вражеский заслон. Тут же, у эмки, был составлен план этой маленькой операции. Сводился он к тому, что 101-й стрелковый полк и другие подразделения, не успевшие проскочить через хутор Подлужный на восток, используя складки местности и кукурузные поля, отойдут километра на три-четыре в южном направлении, а где-то между Большой и Малой Кугультами переберутся через Егорлык, уничтожат заслон против-

И. И. Масленников

К. А. Коротеев

М. Ф. Наконечный
(фото послевоенных лет)

А. В. Ворожищев

С. М. Бушев

С. П. Кудинов

М. А. Павленко
(фото послевоенных лет)

А. С. Кошкин

Бой под Моздоком. 1942 г.

Участники боев в Северной Осетии у могил боевых товарищей (1972 г.)

Е. И. Тёмкин

И. Ф. Хотулев
(фото послевоенных лет)

М. Г. Сатаев
(фото послевоенных лет)

П. А. Карибский
(фото послевоенных лет)

Митинг в освобожденном Краснодаре. Выступает секретарь Краснодарского крайкома партии П. И. Селезнев

Е. И. Шикин
(фото послевоенных лет)

А. А. Собко
(фото послевоенных лет)

На пути к Днестру. Март 1944 г.

А. Г. Шурупов
(фото послевоенных лет)

В. С. Антонов
(фото послевоенных лет)

Г. К. Жуков на командном пункте в районе города Модлин (Польша). 1944 г.

Н. Э. Берзарин

Н. З. Галай
(фото послевоенных лет)

Н. Н. Радаев

П. К. Колоярский

В. Н. Яценко
(фото послевоенных лет)

А. Л. Денисюк

Г. М. Абакумов
(фото послевоенных лет)

И. И. Гумеров

Г. М. Айрапетян
(фото послевоенных лет)

Д. Т. Филатов

Г. Г. Похлебаев

Штаб 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса

Встреча боевых друзей. Слева направо: А. Д. Перепелицын и Н. А. Козлитин (фото послевоенных лет)

Д. К. Шишков

И. Ф. Веремеев
(фото послевоенных лет)

Н. Я. Железный
(фото послевоенных лет)

И. В. Малышев
(фото послевоенных лет)

Ф. К. Шаповалов
(фото послевоенных лет)

А. В. Никулина

Солдаты 301-й
стрелковой диви-
зии Шумкин, Не-
красов и Ефимов,
водрузившие Крас-
ное знамя над зда-
нием гестапо

Братья И. П. и М. П. Рослые

В. Е. Шевцов

И. П. Гоманков
(фото послевоенных лет)

А. Т. Молодан
(фото послевоенных лет)

Ф. Е. Боков и Н. Э. Берзарин в саду импер-
ской канцелярии

Эти немецкие солдаты уже отвоевались. Берлин, май 1945 г.

И. Ф. Сеничкин

А. А. Куценко
(фото послевоенных лет)

У входа в фюрер-бункер. На переднем плане Маршал Советского Союза
С. М. Буденный

Парад Победы. На переднем плане (четвертый слева) командир сводного полка 1-го Белорусского фронта генерал-лейтенант И. П. Рослый

ника и устремятся на восток, на соединение с главной колонной дивизии.

Для прикрытия маневра были выделены четыре орудия 40-го артиллерийского полка. Командующий артиллерией дивизии подполковник Сердюков добровольно вызвался возглавить группу прикрытия.

— Прошу вас задержать танки в Подлужном и не допустить их продвижения на юг, — сказал я Сердюкову. — Если продержитесь здесь два-три часа, наши части уйдут на 10—15 километров и будут спасены. Снаряды расходуйте экономно: сорок снарядов и четыре орудия, которые будут у вас, должны сыграть исключительно важную роль. С вами останется и счетверенная зенитно-пулеметная установка на автомашине. Используйте ее для отражения возможной атаки фашистов на ваши орудия. Майор Щербак говорил, что наводчик установки Павел Василенко очень храбрый и мужественный человек.

— Есть, товарищ генерал! — ответил Сердюков. — Задачу понял и выполню до конца. Разрешите действовать!

Я смотрел в серые глаза Сердюкова, в его открытое и бесхитростное лицо, смотрел и знал, что этот человек словами не бросается.

Получив разрешение, он не пошел, а побежал к орудиям.

Я по-прежнему оставался у эмки. С этой точки хорошо просматривалось все поле боя. Отсюда я видел, как командир 101-го стрелкового полка майор Щербак отдавал своим подразделениям распоряжения и как они торопливо уходили на юг, исчезая в дальнем кукурузном поле. Отсюда я видел разгоравшийся бой наших орудий с группой вражеских танков, стоявших в Подлужном и южнее его. Подполковник Сердюков был уже на месте и командовал расчетами. Вот он подбежал к одному из орудий и сам стал к прицелу. Выстрел был точный: фашистский танк, приближавшийся со стороны хутора, загорелся. Выстрелом из второго орудия был подбит еще один. Но тут и артиллеристы лишились одного орудия. Оно было разбито прямым попаданием снаряда. А вот и третий фашистский танк окутался огнем и дымом.

«Хорошо! — подумал я. — Молодцы ребята! Настоящие герои».

Петляя по полевым дорогам, я догнал 101-й полк в тот момент, когда он переправлялся через Егорлык, а его разведывательные подразделения уже завязали бой с мелкими

группами гитлеровцев восточнее реки. Задуманный маневр приближался к благоприятному завершению.

И вдруг где-то позади поднялась стрельба. Оглянувшись, увидел, что по дороге на Ставрополь движется большая колонна автомашин с понтонным парком, а с десятков броневиков, сопровождающих эту колонну, отделились от нее и направились в сторону 101-го стрелкового полка. Броневики, выстроившись в линию и ведя огонь на ходу, неумолимо приближались к реке.

Я знал, что в полку было три сорокапятимиллиметровых орудия, и они могли бы проучить обнаглевших немцев. Но для этих орудий не было ни единого снаряда.

Только подумал об этом, как мотор моей машины вздрогнул и заглох. Сомнений не было: нас обстреливали из броневика. Мы с водителем быстро выкатились на траву, а эмку тут же изрешетило длинной очередью крупнокалиберного пулемета.

Удар немецких броневиков был неожиданным, но, к нашему счастью, несколько запоздалым. Бойцы 101-го стрелкового, разбившись на мелкие группы и маскируясь то высокой травой, то кукурузой, перебрались на восточный берег Егорлыка. С каждой минутой они удалялись от Егорлыка. Речка эта хоть небольшая, но даже в жаркую пору ее берега оставались илистыми, и ни одна машина не рискнула бы переправиться через нее. Вражеские броневики остановились, постреляли немного по косогору на противоположном берегу, потом построились в колонну и умчались вслед за понтонным парком.

В общем потоке отходящих бойцов переправился через Егорлык и я. Ориентируясь по компасу, мы шли на восток, в направлении Подлесного.

Первую колонну дивизии, которая остановилась на отдых в 15 километрах восточнее Подлесного, догнали только к вечеру. Колонну возглавлял командир 39-го стрелкового полка капитан Терешков. Молодой, но опытный и волевой командир, он подчинил себе все части дивизии, которые утром прорвались вместе с его полком через Подлужный. Утолив жажду (в этих местах было достаточно воды), люди наслаждались заслуженным отдыхом.

Вскоре с небольшой группой артиллеристов, половина которых были ранены, к нам присоединился подполковник Сердюков. Артиллеристы дрались до последней возможности и покинули позицию лишь тогда, когда три орудия были разбиты, а для четвертого не осталось ни одного снаряда.

В жарком бою группа Сердюкова подбила шесть вражеских танков и, сковав противника в Подлужном, не дала ему совершить маневр ни в сторону 101-го стрелкового полка, ни в сторону главной колонны дивизии. Изнуренные, предельно уставшие, но довольные собой, артиллеристы стояли молча, ожидая дальнейших указаний. Никто из них и не обмолвился о подвиге, который они совершили.

Сколько уже суток уставшая, обескровленная дивизия, не имея боеприпасов, горючего, связи с командованием, пробивалась через тылы противника, стараясь выйти к своим, к линии фронта. Редкий день обходился без боев — больших и малых, без встреч с гитлеровцами. И все-таки дивизия жила, сражалась, упорно стремилась к своей цели. Враг был будто бессилён перед ней.

Что это — везение или счастливое стечение обстоятельств? Такой вопрос естествен. Предвидя его, хочу обратить внимание читателя на несколько важных моментов. Начну с того, что в аналогичном положении оказалась в те дни не только 4-я стрелковая. Где-то рядом с нею параллельными курсами откатывались на юг ее соседи — 176-я и 230-я стрелковые дивизии полковника И. А. Рубанюка и генерал-майора Ф. В. Захарова, а также другие наши части и соединения. Бои, стычки с гитлеровцами возникали то тут, то там. Это, конечно, ослабляло силы немцев, замедляло их действия, отвлекало от главного, основного, к чему они стремились. Ведь у каждой их части, колонны были свои задачи, которые надо выполнять, свои рубежи, которых требуется достигнуть, и врагу не всегда было с руки ввязываться в затяжные бои, а тем более заниматься преследованием случайно встретившихся частей и подразделений Красной Армии. Борьбу с ними противник оставлял «на потом», а пока что танковые дивизии Клейста и войска Руоффа, подгоняемые из Берлина, рвались все дальше и дальше, к переправам через Кубань, к Майкопу. И, наконец, еще одно обстоятельство — не последнее по значению. Хотя фашисты и считали всех, кто остался у них в тылу, отрезанными, обреченными, мы придерживались на сей счет совсем иного мнения. Высокий моральный дух был присущ нашим воинам в самых трудных условиях отступления, он постоянно поддерживался благодаря действенной и непрерывной партийно-политической работе. Уж так устроены советские люди, что трудности и лишения еще больше сплачивают и закаляют их, укрепляют веру в успех, в окончательную победу. Так было и тогда. Именно в один из тех дней, проходя мимо группы бойцов, расположившихся на корот-

кий отдых, я услышал, как кто-то произнес слова, запавшие в сердце:

— Не унывайте, братцы, не вешайте нос. Кто сказал, что это последний наш привал? Последний привал будет в Берлине!..

Ночью дивизия продолжала свой марш на юго-восток. С каждым шагом все явственней ощущалось приближение линии фронта. А когда стали появляться наши разведывательные и связные самолеты, каждый с великой радостью понял: конец испытаний близок...

Вскоре я был отозван в распоряжение командующего только что созданной Северной группы войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И. И. Масленникова. Из бойцов и командиров, оставшихся в соединении, был сформирован полк, хорошо проявивший себя в последующих боях.

НАЗРЕВАЕТ ПЕРЕЛОМ

*Во главе 11-го гвардейского стрелкового корпуса *
Враг приготовился к прыжку * Танки Клейста не
прошли * Наступать или обороняться? * Чаша ве-
сов склоняется в нашу пользу * Эльхотовские ворота *
Журналисты*

30 августа я вступил в командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом. Предусмотрительные кадровики направили меня в корпус неделей раньше — на пустовавшую должность заместителя командира. Сделали это, по-видимому, для того, чтобы я смог осмотреться и сориентироваться в обстановке, после того как вышел из длительного рейда по тылам врага.

Чем больше входил я в курс дела, оценивая то, что произошло на нашем фронте, тем яснее становилось, что гитлеровцам не удалось осуществить важнейшую часть своего замысла — окружить и уничтожить советские войска между Доном и Кубанью, а следовательно, не удалось создать решающую предпосылку для быстрого захвата всего Кавказа и его неисчислимых богатств. Отходя по северокавказским просторам, части Красной Армии, в том числе и наша 4-я стрелковая дивизия, перемалывали живую силу и технику врага, замедляли и темп и силу его наступления.

Потери фашистов были велики. Они сами признавали, что только за этот период наступления из строя выбыло около 54 тысяч человек.

К середине августа продвижение неприятеля замедлилось. Ему потребовалось время, чтобы перегруппировать свои силы и подготовиться к новому, как трубила немецкая пропаганда, последнему броску.

Но и советское командование не теряло времени зря. Каждый выигранный день усиливал нас и подрывал шансы врага. К середине августа сорок второго войска Закавказского фронта были перегруппированы, создана вторая линия обороны Кавказа по рекам Терек и Урух и на перевалах Главного Кавказского хребта.

Из резерва Ставки в Закавказский фронт непрерывно вливались свежие силы: например, с 6 августа по сентябрь фронту было передано два гвардейских стрелковых корпуса и 11 отдельных стрелковых бригад. В его распоряжение выделили 840 автомашин. Усиливались авиационная поддержка, противотанковая оборона.

Чтобы улучшить управление войсками, 8 августа по приказу Ставки была создана Северная группа войск Закавказского фронта во главе с генерал-лейтенантом И. И. Масленниковым. Членами Военного совета были назначены генерал-майор А. Я. Фоминых и полковой комиссар К. С. Грушевой, начальником штаба — генерал-майор А. А. Забалуев. Штаб Северной группы войск разместился в Грозном, что лишний раз подчеркивало особое внимание командования к прикрытию бакинского направления и подступов к Грозному.

Северной группе войск предстояло оборонять фронт протяженностью почти 420 километров. В ее состав были переданы 44-я и 9-я армии, 11-й гвардейский стрелковый корпус, а немного спустя и 37-я армия.

К моменту моего назначения командиром 11-го гвардейского стрелкового корпуса он был включен в состав 9-й армии. До меня корпусом командовал генерал-майор Константин Аполлонович Коротеев, которого я знал по совместной работе в 12-й армии и глубоко уважал. Теперь его назначили командующим 9-й армией. Лучшего нельзя было и желать — мне предстояло работать и входить в новую для себя роль под руководством умелого военачальника и прекрасного человека.

11-й гвардейский стрелковый корпус начал формироваться в первых числах августа в районе Орджоникидзе. В его состав вошли 8-я, 9-я и 10-я гвардейские стрелковые бригады, укомплектованные личным составом воздушно-десантных частей; парашютисты-десантники стали теперь пехотинцами.

Несколько позже в состав корпуса были включены 62-я морская стрелковая бригада, 98-й гвардейский артиллерийский полк, 47-й истребительно-противотанковый дивизион, 52-й и 513-й минометные дивизионы, 54-й пулеметный батальон и части обслуживания*.

Обстоятельства не позволили спокойно закончить формирование корпуса. Уже 8 августа ему было приказано занять оборону по южному берегу Терека в районе Моздока. Здесь я и начал знакомиться с ним.

А сейчас, чтобы передать корпус «из рук в руки» и сделать это без проволочек, в станицу Вознесенскую, где размещался наш штаб, прибыл генерал Масленников. За спиной этого военачальника был большой боевой и жизненный опыт. Он участвовал в гражданской войне, в борьбе с басмачеством, перед войной занимал пост заместителя Народного комиссара внутренних дел СССР по войскам. С началом войны командовал 29-й и 39-й армиями, хорошо проявил себя в Смоленском сражении, в битве под Москвой. Вместе с богатым боевым опытом Иван Иванович приобрел и два ранения. Теперь, когда создалась угроза прорыва немцев к Грозному и Баку, этому многоопытному генералу поручили командовать войсками, поставленными на столь важное направление.

11-й гвардейский стрелковый корпус занимал оборону в центре боевых порядков 9-й армии по южному берегу Терека на участке от Бено-Юрт (ныне Гвардейск) до Сухотской. Соседом справа была 389-я, слева — 151-я стрелковые дивизии. В первом эшелоне корпуса оборонялись 10-я, 8-я и 9-я гвардейские стрелковые бригады, а во втором эшелоне на рубеже Чумпалово — Красная Горка — Чеченская Балка (ныне Предгорное) — 62-я морская стрелковая бригада.

Гитлеровцы, стянув основные силы в район Моздока, которым они на днях овладели, по логике вещей должны были в дальнейшем наступать на станицу Вознесенскую, чтобы захватить здесь перевал через Терский хребет. Этот перевал открывал путь в широкую Алхан-Чуртскую долину, то есть к Грозному, Махачкале и Баку.

Я не сомневался, что корпус перекрывает направление главного удара противника. Трудно было лишь предугадать, какие силы он бросит против нас. Во всяком случае, мы ожидали наступления двух пехотных и одной танковой дивизий. Враг мог атаковать одновременно примерно 100 танками и обеспечить им мощную поддержку с воздуха.

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 149354, д. 2, л. 1—9.

А что мог противопоставить этому наш 11-й гвардейский стрелковый корпус?

Позавчера я был в 10-й гвардейской стрелковой бригаде. Вместе с ее командиром полковником Бушевым мы обошли боевые порядки 1-го батальона, которым командовал молодой, но энергичный и мужественный капитан Иван Григорьевич Диордица. В батальоне все было сделано грамотно и доброту. Но беда заключалась в том, что огневые точки отстояли одна от другой так далеко, что мы с трудом находили их в зарослях прибрежного тальника.

Один батальон с несколькими сорокапятками растянулся по фронту на семь километров. И так — везде.

Я не мог не воспользоваться случаем и попросил генерала Масленикова усилить корпус противотанковыми средствами, в том числе хотя бы одним танковым батальоном.

Выслушав меня, Иван Иванович довольно долго молча ходил по горнице, слегка припадая на раненую ногу. Кажется, он думал о чем-то своем. Но это только казалось.

Остановившись, Маслеников повернулся ко мне, окинул меня с головы до ног цепким взглядом и довольно резко сказал:

— Танков дать не могу. Не имею права. К тому же их у меня очень мало. А потом, не кажется ли вам, товарищ Рослый, что вы переоцениваете значение своего участка. Клейст может нанести удар и в другом месте.— А после паузы уже мягче добавил: — Воевать надо не числом, а умением, Иван Павлович. Да, да. Не числом, а умением...

Вскоре генерал Маслеников отбыл. Вслед за ним заторопился и командующий 9-й армией. Константин Аполлоновича Коротеева ожидали важные армейские дела.

И вот я остался один, уже в роли командира корпуса. С этого момента на мои плечи, на мой разум и мою совесть всей тяжестью легла еще большая, чем прежде, ответственность.

— Эх, тяжела ты шапка Мономаха! — в тон моему настроению, будто шутя, сказал полковой комиссар П. Л. Базилевский, присутствовавший при моем вступлении в новую должность. Способнейший политраблотник и чуткий человек, Павел Леонтьевич показал свое умение «разрядить обстановку».

Утихла шумная дневная страда. «Был тот особенный вечер,— как сказал бы Л. Н. Толстой,— какой бывает только на Кавказе». В долинах уже сгустилась вечерняя мгла, по

сызкие вершины гор все еще ярко сверкали в лучах закатного солнца. На белые домики станицы падали розовые отсветы догоравшего дня. В этот час как-то особенно остро ощущалась непередаваемая красота здешних мест.

Все было тихо и спокойно вокруг. Перед моим мысленным взором предстала страшная картина того, что станет с этим чудесным краем, если мы не сумеем преградить путь танкам генерала Клейста.

Преградить путь! Легко сказать, но как сделать это с теми скудными средствами, которыми обладал корпус? Большой массе танков мы могли противопоставить только шестьдесят сорокапятков, рассредоточенных на шестидесятикилометровом фронте, а для борьбы с воздушным противником мы не имели ни одного зенитного орудия.

В тех случаях, когда создавалась трудная обстановка, я всегда старался собрать своих ближайших помощников, чтобы посоветоваться с ними. Этому правилу не изменил и сейчас. Вскоре в горнице собрались: начальник штаба корпуса подполковник Михаил Варламович Глonti, командующий артиллерией подполковник Наум Борисович Лившиц, корпусной инженер майор Семен Гаврилович Кушнир, начальник оперативного отдела капитан Тимофей Николаевич Дроздов и некоторые другие работники штаба. Комиссар корпуса Базилевский оставался со мной.

Хотя собравшиеся знали обстановку, я, как новый командир, решил поделиться с ними своими впечатлениями, а заодно поближе познакомиться с людьми, с которыми предстояло делить и горе и радость.

Изложив свои мысли, я обратился к присутствующим с просьбой высказать свое мнение или внести предложения, что нужно сделать, чтобы решить главную задачу — выдержать натиск танков противника.

Подполковник Лившиц высказался за повышение роли противотанковых ружей. Конечно, ПТР не сорокапятка, из которой можно поразить вражеский танк даже на значительном удалении. Из ружья нужно стрелять с близкого расстояния, стрелять наверняка, поэтому каждый расчет должен отличаться особым хладнокровием и стойкостью. Тут есть над чем поработать, а результаты оправдают затраченный труд.

Горячо заговорил Кушнир, упирая на роль противотанковой гранаты и бутылки КС. Его поддержали Базилевский и Глonti, подчеркнувшие, что и здесь стойкость и мужество обороняющихся — залог успеха.

Кушвир уже сел, но вдруг что-то вспомнил и опять поднялся с места:

— Да, чуть было не забыл. Надо непременно создать подвижные отряды минного заграждения. Пойдут фашистские танки, а наши отряды им наперерез. Мины на танкоопасных направлениях здорово свяжут противника.

Закончив обсуждение, мы тут же подвели итоги и отразили их в специальном документе, ставшем для всех как бы директивой, генеральной линией в работе на ближайшее время.

Главным врагом по-прежнему оставались авиация и танки противника.

Для борьбы с авиацией основной упор делался на маскировку и глубокие окопы. На нашем фронте уже имелся и опыт использования некоторых видов стрелкового оружия для стрельбы по воздушным целям. С помощью треног и других простейших устройств пускались в ход ручные пулеметы и даже противотанковые ружья. Поэтому мы решили сделать опыт одиночек достоянием всего личного состава.

Нехватку противотанковой артиллерии предлагалось восполнять огнем ПТР, широким использованием противотанковых гранат и бутылок КС, для чего в каждом взводе надо было иметь одну-две группы истребителей танков. Свою задачу мы видели и в том, чтобы усилить борьбу с танкобоязнью. Истребительные группы предстояло возглавить командирам, политработникам, коммунистам. Их долг — личным примером увлекать людей на подвиг. Метод личного примера предлагалось положить в основу не только обучения, но всей партийно-политической и воспитательной работы.

Выполнение перечисленных задач требовало и времени, и немалых сил. Как только закончилось совещание, многие его участники тут же направились в части и подразделения.

Поздно ночью, едва я лег спать, прибыл с важным сообщением начальник разведки корпуса майор Ефим Вениаминович Котляревский. Он доложил, что несколько часов назад разведчики 9-й гвардейской стрелковой бригады взяли в плен немецкого офицера — командира одного из саперных батальонов 370-й пехотной дивизии. Пленный оберст-лейтенант показал, что вместе с другими офицерами дивизии участвовал в рекогносцировке реки Терек на западной окраине станицы Луковской. Неожиданно на их группу напали советские разведчики. В короткой схватке был убит командир 666-го пехотного полка майор Кнут, командир

дивизиона и некоторые другие офицеры, а он вот оказался в плену. Далее оберст рассказал, что в районе Моздока сосредоточены 370-я пехотная и 3-я танковая дивизии, много переправочных средств, артиллерия и минометов. И хотя командир 370-й пехотной дивизии и не назвал даты начала форсирования Терека, по мнению пленного, этого надо ожидать со дня на день.

Разговорившись, он даже щегольнул такой деталью: у командира 370-й пехотной дивизии есть план, согласно которому Владикавказ (Орджоникидзе) должен быть взят 5-го, Грозный — 8-го, а Баку — 25 сентября*.

Так мы получили еще одно подтверждение того, что 11-й гвардейский стрелковый корпус занимает оборону на направлении главного удара армии Клейста и что осью этого удара станет дорога Моздок — Вознесенская. Дальнейшие события полностью подтвердили это.

Противник не заставил себя долго ждать. На рассвете 2 сентября позвонил командир 8-й гвардейской стрелковой бригады подполковник Павел Иванович Красовский и доложил, что немцы, двигаясь из Моздока на Предмостный (ныне хутор имени Калинина), начали форсировать Терек. Тут же позвонил командир 9-й гвардейской стрелковой бригады подполковник Иван Афанасьевич Власов. Он сообщил, что бригада ведет бой с противником, который уже форсировал реку и атакует Кизляр. Артиллерийская канонада, доносившаяся со стороны Моздока, подтверждала справедливость докладов комбригов.

В то утро 370-я пехотная дивизия армии Клейста приступила к форсированию Терека, нанося одновременно удар на Предмостный и на Кизляр силами 666-го и 688-го пехотных полков. Цель операции состояла в захвате плацдарма на южном берегу Терека против Моздока**.

Трое суток продолжался неравный бой. Имея абсолютное превосходство в танках и авиации, гитлеровцы непрерывно наращивали удары, бросали в огонь сражения все новые части. К исходу 4 сентября, продвинувшись на 10 километров, враг достиг подошвы Терского хребта в восьми километрах к северу от станицы Вознесенской. Однако здесь, наглухо закрывая дорогу на перевал, к которому так стремилось фашистское воинство, стояли части 62-й мор-

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 222923, д. 2, л. 1—14.

** Там же.

ской стрелковой бригады с приданными ей 47-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом и только что прибывшим к нам на усиление 249-м отдельным танковым батальоном.

Такой ход событий явно не устраивал неприятеля. Даже в генеральном штабе сухопутных войск немецкой армии с раздражением отмечали, что «войска ударного крыла на Тереке лишь незначительно продвинулись вперед»*.

Враг проявлял нетерпение. Снова и снова бросал он в наступление свежие силы, и каждый раз его атаки захлебывались. Мужественно держались моряки бригады Кудинова. В их руках грозным оружием становились противотанковые гранаты и бутылки с горючей смесью. Не один фашистский танк нашел свою погибель от этих немудреных средств борьбы. Тяжелые потери несла и немецкая пехота.

Наконец гитлеровцы прекратили атаки и стали закрепляться на захваченном плацдарме. Только отдельные танки время от времени пытались вести разведку вдоль шоссе в направлении Вознесенской. Глядя на карту боевых действий, я испытывал чувство удовлетворения. За три дня ожесточенных боев гитлеровцам удалось сделать лишь небольшую вмятину в нашей обороне. Советские воины успешно выдержали трудное испытание.

Что помогло им в этом? Отвечая себе на этот вопрос, я невольно вспомнил недавнее посещение 8-й гвардейской стрелковой бригады. Беседуя с бойцами и командирами, не мог не почувствовать того, как возмужали люди, как зрело судят о своих задачах, с какой уверенностью смотрят в будущее. Особенно запомнилось партийное собрание в роте ПТР, на которое пригласил меня политрук роты Аршак Шамирович Амбарцумян.

Коммунисты роты, а их было шесть человек, собрались за каменной стеной дома. Хутор, через который проходил передний край обороны, время от времени подвергался артиллерийскому обстрелу противника. А здесь они чувствовали себя в безопасности.

Парторг роты сержант Данцев предложил рассмотреть на собрании единственный вопрос — прием в партию рядового Прошина. Как только утвердили повестку дня, Данцев встал и громко прочитал заявление Прошина: «В грозные дни, когда решается судьба нашего славного Юга, когда над Родиной нависла серьезная опасность, я хочу идти в бой коммунистом...»

* Гальдер Ф. Военный дневник. М., 1971, т. 3, кн. 2, с. 338.

Вопросов к вступающему в партию не было: все знали его как мужественного бойца, честного и верного товарища. И биографию Прошину рассказывать не пришлось. Когда кто-то обмолвился об этом, парторг, не долго думая, ответил:

— Какая у него биография? Родился, учился, потом ушел на войну. Остальное мы знаем. Разве вот спросить его об обязанностях члена партии? Так опять же одна у нас сейчас обязанность — фашистов бить! Выполнить приказ Верховного Главнокомандующего № 227. Кстати, скажи, Прошин, что сказано в приказе?

— В приказе сказано, что отступать дальше — значит загубить себя и нашу Родину... Ни шагу назад без приказа высшего командования, — четко ответил Прошин.

После выступлений двух-трех коммунистов, которые сказали добрые слова о своем боевом товарище, парторг Данцев спросил:

— Какие будут предложения?

Предложение было одно — принять рядового Прошина кандидатом в члены партии. За это проголосовали все.

Боевой потенциал роты ПТР еще больше окреп: в ней стало теперь семь коммунистов...

Вспоминая то собрание, сосредоточенные лица бронебойщиков, принимавших в партию своего товарища, я думал о том, что таких людей, таких горячих патриотов Советской Родины у нас тысячи тысяч. Они сумели победить в себе чувство страха перед немецкими танками, и именно такие воины непреодолимой стеной встали сейчас на пути ударных сил 1-й танковой армии, заставили их остановиться...

Мы были довольны результатом первой схватки с частями генерала Клейста на Тереке. Но в то же время прекрасно понимали, что это лишь цветочки, а ягодки впереди. Пока что противник вел бои за плацдарм, применял небольшие танковые группы. Теперь надо ожидать сосредоточения на плацдарме крупных танковых сил для нанесения удара на Вознесенскую. Мы уже знали, что для этой цели враг перебрасывает на южный берег Терека 3-ю танковую дивизию. Знали, что надо быть готовыми к отражению атаки с участием не менее сотни танков, поддержанных десятками самолетов; что корпус обязан устоять, устоять во что бы то ни стало и под этим мощным ударом.

Хочу отметить, что и наши силы возрастали день ото дня. В район боевых действий командующий армией присылал все новые стрелковые, танковые и артиллерийские

части. Сегодня, например, 11-й гвардейский был усилен еще одним — 258-м танковым батальоном и 98-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком. Это известие резко улучшило настроение людей.

Большие надежды возлагали мы на 62-ю морскую стрелковую бригаду, которой командовал полковник Серафим Павлович Кудинов. Бригада была укомплектована военными моряками, снятыми с боевых кораблей, и переброшена к нам из-под Старой Руссы, где уже успела получить серьезную боевую закалку. А о том, как дерутся военные моряки, хорошо знали все: о их мужестве и бесстрашии ходили легенды.

Теперь морская бригада, составляя второй эшелон нашего корпуса, занимала важнейший участок обороны в районе селений Красная Горка и Чеченская Балка. Ее оборонительные позиции были усилены 47-м отдельным истребительно-противотанковым дивизионом и 249-м отдельным танковым батальоном. Моряков поддерживали также 98-й и 68-й гвардейские артиллерийские полки.

8-я и 9-я стрелковые бригады занимали отсечные позиции, препятствуя противнику расширять плацдарм. И только 10-я гвардейская стрелковая бригада, которой командовал полковник Сергей Михайлович Бушев, по-прежнему оборонялась на южном берегу Терека. Боевые действия минувших дней заделали ее лишь стороной.

Поздним вечером 4 сентября в мою землянку восточнее станицы Вознесенской, утопавшую в густых зарослях кустарника, прибыл командующий 9-й армией генерал-майор Коротеев. Константин Аполлонович был возбужден. Зная его характер, нетрудно было понять, что командарм нанес нам визит неспроста.

Доложив обстановку, я поделился с ним своими радостями и тревогами. Сказал, что не сегодня-завтра следует ожидать наступления крупных танковых сил противника и что в корпусе делают все, чтобы враг не застал нас врасплох.

Командующий внимательно выслушал мой доклад.

— А фланги-то у гитлеровцев слабоваты? — не то спросил, не то констатировал он.

— Флангами можно и пренебречь, если все силы сосредоточиваются для удара на Вознесенскую, — согласился я.

— Вот и мне думается, — продолжал командарм, — что один хороший удар во фланг мог бы решить многое, если не все.

Генерал Коротеев не просто излагал пришедшие в голову мысли. Он приехал с почти готовым планом операции. Идея заключалась в следующем: 11-й гвардейский стрелковый корпус наносит удар во фланг противнику с востока, а с запада то же самое делает специально создаваемая мотомехгруппа в составе танковой бригады, отдельного танкового батальона и истребительно-противотанкового артиллерийского полка. Оба удара должны сомкнуться в Предместном. Цель операции — отрезать фашистов от переправ, а затем уничтожить их.

Идея была смелая, и я, признаюсь, несколько насторожился. У меня возникли не только вопросы, но и контрдоводы, и, поскольку командующий прощупывал мое отношение к предложенному плану, я не стал скрывать того, что думал.

Одно дело, полагал я, отражать атаку танков, сидя в глубоких окопах, имея организованную систему противотанковой обороны и налаженный артиллерийский огонь. И совсем другое — выйдя из окопов, оказаться в открытом поле перед дулами орудий и гусеницами большого количества фашистских танков. В таких условиях противник может смять наши боевые порядки и ворваться на перевал.

Все это я и высказал генералу Коротееву. Окинув меня проищательным взглядом, он невозмутимо сказал:

— На войне, Иван Павлович, нельзя обходиться одной осторожностью.

И чтобы окончательно пресечь мои сомнения, объявил, что срок готовности к наступлению — 5 часов 30 минут 6 сентября. На подготовку отводилось немногим более суток, а точнее, две ночи и один день.

Генерал Коротеев собрался уже уезжать, но я остановил его еще одним вопросом:

— А нельзя ли подчинить корпусу мотомехгруппу, которая будет наступать в полосе нашего соединения и выполнять одинаковую с нами задачу, и разрешить нам использовать мотомехгруппу по своему усмотрению?

— Не выйдет, Иван Павлович, — быстро ответил Коротеев, будто ожидавший этого вопроса. — Мотомехгруппа — детище генерала Масленникова, можно сказать его козырная карта...

Командующий уехал, а я снова потянулся к оперативной карте. Упорное желание еще и еще раз взвесить все «за» и «против», перед тем как решать сложную задачу, по-видимому, хорошо знакомо многим командирам. Я прикидывал и раз, и другой, представлял себе различные вари-

анты развития будущего наступления, оценивал возможные осложнения...

Опять все закрутилось-завертелось в штабе корпуса. Опять, прежде чем принять решение, выслушиваю доклады и предложения начальников служб, ближайших помощников. На ходу перестраиваемся, советуемся, иногда спорим. Сейчас это можно, даже полезно: потом, когда решение будет принято и облечено в форму приказа, дискуссии недопустимы.

Прежде всего определяем состав отряда, которому надлежит сыграть главную роль — нанести фланговый удар в основание вражеского клина навстречу нашей мотомехгруппе. Возглавит отряд командир 10-й гвардейской стрелковой бригады полковник Бушев. Чтобы нарастить ударную мощь отряда, он усиливается артиллерией, в него включается и 258-й отдельный танковый батальон.

Определяются задачи всех остальных соединений. Наступать будет и 62-я отдельная морская стрелковая бригада со всеми приданными и поддерживающими средствами, та самая бригада, которая стоит сейчас на пути врага и запирает выход на горный перевал.

Не успели мы вчерне сформулировать боевой приказ, как Базилевский опять коснулся самого больного.

— А что, Иван Павлович, если Клейст через денек-другой возьмет да и попрет на Вознесенскую? Готовы ли мы устоять перед его танками? — спросил комиссар корпуса.

— Вы невозможный человек, Павел Леонтьевич. Так и норовите ткнуть шилом в самое чувствительное место, — ответил я. Но в душе был доволен, что и комиссар глубоко понимал наше положение и возвращал меня к суровой действительности. Готовя части корпуса к наступлению, мы невольно как бы отодвигали на задний план задачи, связанные с надежной обороной.

— Может, еще раз послушаем начальника разведки, — предложил комиссар.

Начальник разведки корпуса майор Котляревский кратко доложил разведданные, которые неоспоримо подтверждали, что под прикрытием 370-й и 111-й пехотных дивизий 3-я танковая дивизия немцев сосредоточилась на плацдарме и изготавилась для удара по 62-й морской бригаде, а 13-я танковая дивизия врага, хотя и находится на северном берегу Терека, тоже готова развить успех своих соседей.

— Если судить по тому, как интенсивно подвозится горючее, — подчеркнул Ефим Вениаминович, — то сам собою напрашивается вывод: гитлеровцы готовят наступление.

Начальника разведки поддержал Глonti.

— Противник затратил слишком много сил на нашем участке, чтобы отказаться от попытки нанести решающий удар именно здесь. И если мы прозеваем его танковую атаку, нам этого никогда не простят,— горячо сказал он.

— Как же в таком случае совместить подготовку частей к наступлению и к обороне? — попросил уточнить Базилевский.— Вы, Иван Павлович, наверняка изучали такие сложные варианты в военной академии? — обратился комиссар уже только ко мне.

— Нет, не изучали,— честно признался я.— Но в принципе такой вариант существует. Он предусматривает, что во всех случаях командир обязан держать свои части в постоянной готовности к отражению возможного нападения противника. Это нужно делать даже тогда, когда находишься в тылу, на отдыхе. А мы стоим на переднем крае и к тому же знаем, что неприятель готовит против нас удар крупных танковых сил. Поскольку это так, не подумать ли нам о том, чтобы бóльшую часть артиллерии, в том числе и противотанковой, расположить в районе 62-й морской бригады. Тем самым мы создадим мощный артиллерийский барьер на пути вражеских танков.

— Да, это верная мысль,— поддержал меня подполковник Лившиц. — Я тут прикидываю на ходу, и получается такая картина: полоса, в которой следует ожидать удара немецких танков, равняется примерно восьми километрам. Если мы соберем артиллерию в кулак и поставим на этом участке, то будем иметь 13 орудий на один километр фронта. Это очень хорошая плотность. Нужно только выбрать такие позиции, чтобы артиллерийские полки могли поддержать наше наступление, а если потребуется, то с этих же позиций отразить танковую атаку врага. Сделать так можно и, я думаю, нужно...

Разговор кончился тем, что было решено укрепить и сам перевал через Терский хребет у станицы Вознесенской, создав там прочный противотанковый район. Возглавит оборону перевала майор Корнеев.

Теперь, когда все удалось предусмотреть и взвесить, можно было отдавать приказ и приступать к делу.

День 5 сентября прошел спокойно. Воспользовавшись затишьем, я вместе с командующим артиллерией подполковником Лившицем отправился посмотреть боевые порядки артиллерии.

В результате ночной перегруппировки в полосе обороны 62-й морской бригады было сосредоточено около 120 орудий, что позволило иметь 13—14 орудий на один километр фронта.

Визит к артиллеристам начали с 68-го тяжелого артиллерийского полка. Побывав на нескольких наблюдательных пунктах, мы убедились, что к наступательным действиям полк готов: задачи усвоены правильно, управление огнем организовано хорошо, боеприпасы подвезены.

Потом отправились на огневые позиции 47-го истребительно-противотанкового дивизиона, которым командовал капитан Михаил Петрович Волчанский. Этот дивизион, вооруженный сорокапятимиллиметровыми орудиями, уже дрался с вражескими танками под Моздоком и проявил себя с лучшей стороны, подбив шесть боевых машин. Особенно отличились тогда командир 1-й батареи лейтенант Шульпин, политрук Королев, командиры орудий Коровников, Печерский и Торгашев. Однако и дивизион потерял два орудия: теперь их осталось 10. Неоценимым капиталом дивизиона был боевой опыт его расчетов.

Убедившись в том, что 47 иптд к бою готов, мы отправились в район Красной Горки, на позиции артиллерийского дивизиона 62-й бригады. Пять батарей дивизиона седлали дорогу, ведущую на станицу Вознесенскую. По нашему предположению, именно здесь, вдоль этой дороги, будет пролегать ось главного удара вражеских танков.

Командир дивизиона капитан Токарев четко и толково доложил о готовности батарей к предстоящему бою. Здесь же, со своего наблюдательного пункта, он показал, где стоят орудия и где находятся наблюдательные пункты командиров батарей.

Все вроде бы было ясно. Но мне хотелось побывать на огневых позициях, убедиться, что и там все сделано хорошо. И не только это. Хотелось поговорить с теми, кто уже завтра встретится в врагом. По опыту я знал, что такие встречи и беседы с бойцами, находящимися на передовой линии огня, имеют важное значение.

День клонился к вечеру, когда я в сопровождении капитана Токарева оказался на огневых позициях 1-й батареи, которой командовал двадцатилетний лейтенант Иван Федорович Хотулев. Батарейцы только что закончили работы по оборудованию позиций и, умывшись, отдыхали в ожидании ужина. На многих были тельняшки — память о море, о родных кораблях.

Здесь я познакомился с такими же молодыми, как и сам командир батареи, лейтенантами Е. Т. Четыркиным и Н. А. Корсаковым, с командирами орудий сержантами В. И. Мильчаковым, И. А. Фирсановым, Б. С. Скрипниковым и Г. А. Богдановым, наводчиками Е. М. Даниловым, В. В. Бутусовым и другими бойцами.

Все, кого я в тот час видел на батарее, были молоды, жизнерадостны, полны энергии и уверенности в своих силах. Беседуя с артиллеристами, я чувствовал, что и сам заряжаюсь их молодой энергией.

Утро 6 сентября застало меня на наблюдательном пункте, который был устроен на одной из вершин Терского хребта. Начальник оперативного отдела майор Минаев доложил, что связь со всеми частями устойчивая, а сами части готовы к наступлению. Переговорив с командиром ударного отряда полковником Бушевым и удостоверившись, что и у него все в порядке, я решил позвонить командующему армией и доложить о готовности корпуса к наступлению.

Только поднял телефонную трубку, внизу передо мной, там, где находился передний край обороны 62-й морской бригады, разрывая утреннюю тишину, началась канонада. Так, опередив нас на полчаса, противник рано утром 6 сентября перешел в наступление.

Первая атака (а может быть, разведка боем) была отбита сравнительно легко. Подготовка второй атаки началась в 11.30. Боевые порядки моряков подверглись сильному артиллерийскому обстрелу и ударам с воздуха. Потом на них ринулась 3-я танковая дивизия, имея в первом эшелоне около 100 танков. В документах морской бригады, хранящихся в архиве, записано:

«Жестокий бой бригада выдержала 6 сентября. Противник сосредоточил 95 тяжелых и средних танков, которым удалось прорваться через передний край. Однако наша пехота осталась на месте и своим огнем сумела отсечь пехоту противника от собственных танков. В это время наша артиллерия, бронебойщики и автоматчики бутылками с горючей жидкостью уничтожали прорвавшиеся танки»*.

Со своего наблюдательного пункта я хорошо видел, как масса танков атаковала передний край нашей обороны. Следя за продвижением этой стальной лавины, я с нетерпением ожидал момента, когда наша артиллерия откроет по ней огонь. Я знал, артиллеристы выдерживают время,

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 149354, д. 2, л. 146—150.

ожидаая подхода танков на дистанцию прямого выстрела. Знал и все-таки переживал, не находил себе места.

Но вот открыла огонь одна батарея, ее поддержала другая, через минуту — третья. Постепенно, по мере продвижения танков, в бой вступила вся артиллерия, стоявшая на позициях в районе обороны бригады Кудинова. Бой ста танков с таким же количеством орудий продолжался более двух часов и, как мне казалось, проходил с переменным успехом. Наша артиллерия уже понесла значительный урон. Но на поле боя застыло много подбитых, взорвавшихся и сгоревших танков. И все-таки враг продолжал атаковать, маневрируя в складках местности, изменяя направление своих ударов. Одной группе такой маневр удался. Восемь фашистских машин обошли Красную Горку, вырвались на дорогу и устремились к перевалу. На перевале подготовились к встрече врага, я прекрасно знал это, а сердце сжимала тревога.

Не дойдя до перевала, один за другим загорелись четыре танка, остальные отпрянули назад. Кто же преградил им путь? Вечером я узнал имена героев и подробности совершенного ими подвига. Это были моряки-автоматчики: Михаил Иванович Адамов, Сергей Васильевич Колотушкин, Михаил Степанович Быков, Александр Григорьевич Жилкин, Выборов, Соловьев, Жаркелов, Кривонип, Верисов и их командир сержант Беберта Дзарасов. По приказу командира роты капитана Чистякова они бросились наперерез фашистским танкам и притаились в придорожном кустарнике, а когда стальные машины поравнялись с ними, забросали их бутылками с горючей жидкостью. В этой схватке погиб член ВКП (б) Александр Григорьевич Жилкин. Сурово сжав губы, моряки возвращались в расположение роты, неся на плечах павшего товарища. Над ними с визгом проносились осколки, свистели пули. А они шли, не пригибаясь, не ускоряя шага, скорбные, грозные, непреклонные... *

Бой продолжался, но трудно было определить, какая из сторон берет верх. Требовались какие-то дополнительные средства, чтобы создать перевес, внести перелом в ход поединка. И мы эти средства нашли.

Командир 10-й гвардейской стрелковой бригады С. М. Бушев, получив мой приказ, организовал контратаку в левый, слабо защищенный фланг противника. Контратака была ус-

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 222923, д. 1, л. 1—2.

пешной. Группа Бушева стала выходить на тылы наступающих гитлеровцев*.

Командующий 9-й армией генерал Коротеев, который непрерывно следил за ходом боя, связавшись с генералом Масленниковым, прислал большую группу самолетов Ил-2, которые обрушили штурмовой удар по танкам врага.

И, наконец, в моем резерве имелся один залп 50-го полка гвардейских минометов. Я принял решение использовать этот залп сразу после налета авиации. Полк немедленно выехал на перевал Терского хребта, и прославленные «катыши» ударили по фашистам. Огромное количество разрывов вспыхнуло в местах наибольшего сосредоточения противника. Зрелище было незабываемое.

Не могу не сказать доброе слово о командире дивизиона полка гвардейских минометов капитане Смирнове и комиссаре дивизиона старшем политруке Кривушевиче, о командире батареи старшем лейтенанте Коломийце и комиссаре батареи младшем политруке Моралеве, о командире установки коммунисте сержанте Виноградове и водителе красноармейце Антонове, о командире установки коммунисте старшем сержанте Семенове и водителе красноармейце Садовском. Поведение в бою этих товарищей отличалось хладнокровием и мужеством, а огонь их установок — особой точностью.

Чаша весов склонилась в нашу пользу. С наблюдательного пункта было видно, как попятились гитлеровцы. Кудинов доложил, что противник не выдержал нашего огня и на всех участках начал отступать.

Говорят, что марафонец, пробежавший 42 километра, теряет в весе несколько килограммов. Не знаю, сколько в тот день потерял я в весе, но пояс пришлось подтянуть.

Первым моим желанием было поехать в штаб морской бригады, чтобы на месте уточнить обстановку, выслушать рассказы очевидцев и участников боя. Кроме командира бригады полковника Кудинова я застал здесь комиссара бригады М. М. Бессера и группу штабных работников и политотдельцев. Все они или находились во время боя в подразделениях, или успели побывать в них после боя. Я сообщу немного из того, что услышал от товарищей.

Взвод 3-го стрелкового батальона, которым командовал лейтенант Виктор Иванович Бойцов, оказался во вражеском кольце. На предложение фашистов сдаться в плен комсомолец Бойцов, получивший ранение, ответил: «Моря-

* ЦАМО СССР, ф. 9А, оп. 5721, д. 31, л. 502.

ки в плен берут только сами!» И взвод продолжал сражаться до конца...

Командир отделения 2-й стрелковой роты сержант Козлов пропустил над собой танк противника и метнул в него бутылку с горючей жидкостью. Танк запылал, а отделение, восхищенное подвигом своего командира, открыло огонь по немецкой пехоте и отсекло ее от танков...

Политрук пулеметной роты Иван Андреевич Летеминов во время атаки гитлеровцев находился в 1-м взводе, воодушевляя и подбадривая людей. Когда был ранен наводчик пулемета, политрук заменил его. За пулеметом, поливая фашистов свинцовым дождем, он и погиб...

В той же пулеметной роте старшина 1-й статьи Готовкин уничтожил 10 фашистов и сжег один танк...

Огромное мужество проявили артиллеристы. Особенно тяжело пришлось артиллерийскому дивизиону бригады, который в районе Красной Горки седлал дорогу, ведущую к перевалу, и 98-му гвардейскому артиллерийскому полку, занимавшему позиции в районе Чеченской Балки.

Я попросил полковника Кудинова передать благодарность всему личному составу бригады за мужество, проявленное в сегодняшнем бою.

Уезжал из бригады переполненный радостным чувством победы. А радоваться было чему. Хотя 11-му гвардейскому корпусу и не пришлось в тот день наступать, он выполнил другую важную задачу: сорвал наступление противника, отбил все его атаки, перемолол значительные силы 1-й танковой армии.

Вскоре было получено обращение Военного совета Северной группы войск Закавказского фронта, в котором давалась оценка боевым действиям корпуса.

«Командиру 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майору Рослому.

Комиссару корпуса полковому комиссару Базилевскому.

В период боев в районе Моздока гвардейцы вверенного вам корпуса стойко и самоотверженно сражались, не допуская врага на юг. За этот период гвардейцы нанесли значительный урон врагу, разгромив его 3-ю танковую дивизию, основательно потрепав 370-ю пехотную дивизию. Гвардейцы — командиры, комиссары и бойцы в боях под Моздоком показали образцы стойкости, мужества и героизма.

Военный совет объявляет благодарность всему личному составу корпуса и приданных частей, участвовавших в Моздокской операции, и уверен, что гвардейцы и впредь будут

так же стойко защищать родную землю и советский народ от фашистского нашествия.

Кавказской нефти врагу не отдавать!

Бить врага до полного уничтожения!

Командующий Северной группой
войск Зафронта
генерал-лейтенант
Масленников

Член Военного совета
Северной группы войск
Зафронта
корпусной комиссар
Фоминных» *.

Вечером в штаб корпуса приехал командующий армией. Генерал Коротеев был в хорошем настроении. Еще бы: сегодня его армия держала экзамен и выдержала его с честью. Причем экзаменуемые готовились решать одну задачу, а им предложили совсем другую. И они не растерялись.

Я рассказал командующему о некоторых деталях боя, в том числе и о том, что, когда группа Бушева ударила противнику во фланг и вышла ему в тыл, гитлеровцы запаниковали, начали поспешно отходить, бросая орудия, минометы, убитых и раненых.

— Так им, стервецам, и надо! — удовлетворенно произнес Коротеев.

Когда зашла речь о нашем несостоявшемся наступлении, командарм продолжал улыбаться. По всему было видно, что он не особенно опечален таким «срывом».

— Кстати, где находится и что делает Бушев? — спросил Коротеев.

— Бушев отошел, — ответил я. — Его группа не смогла удержать захваченные позиции. Сил было маловато. Отходя на Моздок, противник имел еще около пятидесяти танков, а у Бушева оставалось пять-шесть сорокапятков да 10 английских «валентайнов». Кстати, никудышные танки — вооружение слабое и горят как факелы. Бойцы называют их «подарком Черчилля», который сделан по принципу «на тебе, боже, что нам негоже».

— И все же ваши гвардейцы, — продолжал Коротеев, — сегодня здорово намяли бока фашистам. Вероятно, фон Клейст в эту минуту вовсю распекает своих генералов, особенно Брайта и Клеппа (командиры 3-й танковой и 370-й пехотной дивизий немцев. — *И. Р.*). — Командующий сделал паузу, а затем перешел к главному: — Пока противник в

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 11577, д. 1, л. 95.

растерянности, надо добить его. План наступления, подготовленный на сегодня, приведите, Иван Павлович, в действие завтра. Готовность — восемь ноль-ноль. Генерал Масленников обещал хорошо поддержать вас штурмовиками.

Уточнив еще несколько вопросов, Коротеев уехал, а штаб корпуса занялся подготовкой завтрашнего наступления...

Поддержанные сильными ударами Ил-2, части 11-го гвардейского стрелкового корпуса 7 сентября перешли в наступление, в результате которого продвинулись в северном направлении на девять километров. И хотя в этом бою нам не удалось уничтожить гитлеровцев на плацдарме, мы причинили им серьезные потери и окончательно сорвали их план прорыва на перевал через Вознесенскую.

Накануне, как оказалось, Клейст не только распекал своих генералов. Он потребовал от них немедленно выправить положение и нанести удар в новом направлении. Активные действия были перенесены на западные скаты Терского хребта. Прикрыв свой левый фланг в районе Предмостного и Бековичей, противник с утра 11 сентября двинулся в наступление из района Кизляра в направлении Малгобека Западного. В результате трехдневных боев немцам удалось прорваться в Алхан-Чуртскую долину и овладеть Нижним и Верхним Курпами.

Особенно длительные и ожесточенные бои разгорелись в районе Малгобека Восточного, откуда немецко-фашистские захватчики намеревались развить наступление вдоль Алхан-Чуртской долины на восток. Но к нам подошли резервы, и наступление противника было остановлено. Большую роль сыграли появившиеся к этому времени на нашем фронте истребительно-противотанковые артиллерийские полки. Всю поработали и летчики 4-й воздушной армии. Только за один день 13 сентября они совершили 430 боевых вылетов. Действуя на высоте 100—150 метров, наши Ил-2 расстреливали живую силу неприятеля, поджигали его танки.

Противник снова изменил направление главного удара. Подтянув свежие силы, немцы стали наступать вдоль восточного берега Терека на крупное северо-осетинское селение Эльхотово. Их явно привлекали Эльхотовские ворота, через которые они рассчитывали прорваться к Орджоникидзе и с ходу овладеть им. Враг отлично понимал, что с захватом этого города он приобретет ключ, который откроет широкие

возможности для развития наступления на Грозный, Махачкалу и Баку, а кроме того, по Военно-Грузинской дороге через Крестовый перевал — на Тбилиси. Гитлеровцы все еще верили, что стоит им выйти в тыл нашим войскам, как там возникнет паника и рассыплется стройная система сопротивления.

Такая перспектива, видимо, вскружила голову гитлеровскому командованию. Во всяком случае, 25 сентября противник овладел селением Эльхотово, а 27-го атаковал Эльхотовские ворота.

На штурм Эльхотовских ворот были брошены 13-я танковая дивизия генерала Герра и 370-я пехотная дивизия генерала Клеппа. Произошел ожесточенный и кровопролитный бой. Немецкие пикирующие бомбардировщики закрутили карусель над нашей обороной и непрерывно бомбили ее. От пыли, пороховых газов и чада трудно было дышать. Генералы Герр и Клепп семь раз бросали свои полки в атаки и каждый раз безрезультатно.

Как потом рассказывали пленные из 13-й танковой дивизии, генерал Герр был взбешен. За всю войну его дивизия редко встречала такое сопротивление. А тут еще дернуло его недавно зло подтрунить над командиром 3-й танковой дивизии генералом Брайтом, когда тот 6 сентября в бою под Вознесенской потерял половину своих танков и откатился к Моздоку. Генерал сам сел в танк и повел батальон в атаку. Приступ тщеславия кончился тем, что раненого Герра увезли с поля боя, а во главе дивизии поставили полковника Кюна...

Десять суток продолжались тяжелые и кровопролитные бои у Эльхотовских ворот. Наши части стояли насмерть и врага не пропустили. Особенно отличились 80-я морская стрелковая бригада, непосредственно защищавшая Эльхотовские ворота, 10-я гвардейская и 57-я стрелковые бригады, 98-й гвардейский артиллерийский полк, 68-й и 69-й гвардейские тяжелые артиллерийские полки.

Клейст понял, что и новый ход ему не удался. Как раз в те дни, когда его танки отчаянно пытались прорваться в глубь Кавказа, слагал с себя полномочия командующего группой армий «А» генерал-фельдмаршал Лист. Фюрер, с самого начала выражавший недовольство тем, как осуществлялись планы захвата Кавказа, теперь, когда наступление и вовсе застопорилось, дал волю гневу. Одновременно с Листом были смещены и командиры некоторых дивизий, не сумевшие окружить советские войска между Доном и Кубанью.

...Вспоминая о тяжелых боях с танками Клейста осенью сорок второго, не могу хотя бы коротко не сказать о нашей печати и ее представителях, которые оказывались на самых горячих участках фронта и по свежим следам событий воссоздавали картину жестокой борьбы с ненавистным врагом. Да, военные журналисты старались все видеть своими глазами. Несмотря на просьбы, советы и даже запреты, они рвались на передовую линию огня и забирались в самое пекло боя. А через несколько дней бойцы читали статью или корреспонденцию в газете с описанием конкретного боя и подвигов тех, кто в нем участвовал. Такие публикации поднимали моральный дух людей, улучшали их настроение, укрепляли боеспособность всего подразделения или части.

Три дня провел в боевых порядках наших войск корреспондент «Правды» М. И. Мержанов. В штабе корпуса он появился утром 5 сентября, чтобы отправить материал в газету и уехать на другой участок фронта. Но как только узнал, что мы готовимся к наступлению, сразу изменил свои планы. Мартын Иванович попросил разрешения остаться при штабе и находиться во время боя на моем наблюдательном пункте. Я, конечно, согласился. А 20 сентября в «Правде» появился замечательный очерк Мержанова «Терек шумит», в котором рассказывалось о том, как провалилось наступление немцев на Грозный (как помнит читатель, выше я писал, что противник в тот раз на полчаса упредил нас и сам перешел в наступление).

В героях очерка узнали себя многие участники боя. Узнал себя и я, хотя моя фамилия и не упоминалась.

Всю ночь на 17 сентября меня безжалостно трепала малярия. К утру приступ прошел. Обессиленный и мокрый от пота, я сидел в землянке и злился, что из-за болезни не побывал вчера вечером в 62-й бригаде моряков, которая занимала позиции в районе Малгобека, где всюду нажимал Клейст.

Позвонил командующий 9-й армией генерал Коротеев.

— Как дела, дорогуша? — весело спросил он. Константин Аполлонович называл так далеко не каждого и то лишь будучи в хорошем расположении духа. — Ты, кажется, вчера собирался поехать к Кудинову? — спросил командующий. — Никак, помешало что-то?

— Да, малярия проклятая, — ответил я. — А у Кудинова все в порядке. Он только что отбил вторую атаку. Опять отличились артиллеристы.

— Молодцы! Поблаговари их, пожалуйста, и от меня. А пока вот какое дело. К вам направилась группа коррес-

пондентов «Красной звезды». Надо по-хорошему встретить их и создать условия для работы. Только пусть на рожон не лезут. А писателя Павленко дальше штаба бригады вообще не пускать. Вот так-то, дорогуша...

Я тут же пригласил комиссара корпуса Базилевского, и мы вместе стали поджидать гостей. Через полчаса в землянку вошли трое: писатель Петр Андреевич Павленко, про которого можно было сразу сказать, что этот человек не пышет здоровьем; фоторепортер Виктор Темин, с которым я был знаком со времен прорыва линии Маннергейма; журналист Павел Иванович Трояновский, старший группы, с которым я еще не раз встречался впоследствии.

Познакомив журналистов с обстановкой, я посоветовал им отправиться в 62-ю бригаду, где, по моему мнению, происходили самые интересные события. Возражений не последовало.

Пока мы разговаривали, Павленко то и дело кашлял, и я поинтересовался, не болен ли он. Отвечать за него взялся Темин:

— Чтобы попасть к вам, мы совершили «кругосветное путешествие» — из Москвы в Гурьев, оттуда в Баку, потом в Тбилиси. В дороге Петр Андреевич простудился. Его выхаживали, как могли, в одной из гостиниц Баку киноактриса Любовь Орлова, проживавшая рядом, и я. Не оправившись полностью от болезни, Петр Андреевич решил ехать в Тбилиси, и мы кое-как добрались туда на тендере. А до вас от Тбилиси дорога тоже не близкая. Вот он и кашляет.

Внимательно выслушав Темина, я сказал, что корреспондентов поведет на передовую капитан Андреев.

— Это грамотный и смелый командир, отлично знающий и дорогу, и обстановку. Очень прошу в пути выполнять его советы, — добавил я. — Павленко дальше штаба бригады забираться не велено. Это приказ командующего.

Гости переглянулись. На лице Павленко заиграла ироническая улыбка, которую можно было истолковать примерно так: «Говорите что угодно, а я знаю, что делать».

В тот раз мне не довелось больше встретиться с сотрудниками «Красной звезды»: меня не было на месте, когда они на обратном пути заехали в штаб корпуса. А от Базилевского, с которым они разговаривали, и от капитана Андреева я слышал некоторые любопытные подробности.

Еще по пути в бригаду группа попала под артиллерийский налет. Но капитан Андреев быстро вывел журналистов из зоны обстрела.

Павленко, как я и ожидал, не остался в штабе бригады,

а вместе с Теминым и Трояновским добрался до командного пункта стрелкового батальона. Проведя ночь в окопах, представители центральной военной газеты наблюдали жизнь бойцов после дневного боя. Со многими они побеседовали, а утром оказались очевидцами атаки немецких танков и видели, как наши бойцы отразили ее. А Виктор Теминов, несмотря на протест комбата, опасавшегося за его жизнь, в тот же день перебрался в боевое охранение и сумел сфотографировать несколько подбитых и догорающих вражеских танков...

Запомнился и такой случай. Во время боев за Орджоникидзе на наблюдательный пункт корпуса приехали корреспонденты «Красной звезды» писатель Евгений Габрилович и уже знакомый нам батальонный комиссар Павел Трояновский. Они пробыли в частях корпуса несколько дней, в течение которых шли напряженные бои, находились с нами под минометным обстрелом и бомбежками. Журналистам даже пришлось проползти на животе добрых полкилометра, спасаясь от пулеметного огня врага.

В минуты затишья наши гости охотно делились впечатлениями, рассказывали о своих кавказских встречах. Всем запомнился рассказ московских журналистов о пастухе-горце Иссе Валбегове, которого они встретили в штабе одного из подразделений. Он знал каждую тропу в здешних местах и не раз водил наших разведчиков в тыл врага. Причем не только водил. Вместе с разведчиками их проводник участвовал в нападении на вражеские заставы, штабы, взрывал узкие горные мосты...

Всем нам понравился рассказ о простом горце. И мы попросили журналистов написать о нем в газете.

17 ноября в «Красной звезде» был опубликован очерк Е. Габриловича и П. Трояновского «Сражение за Кабарду», одним из героев которого являлся Исса Валбегов.

РАЗГРОМ ГИТЛЕРОВЦЕВ ПОД ОРДЖОНИКИДЗЕ

*Новое формирование * Ночной звонок командующего * Рубеж обороны построен местным населением * Генерал Клейст попадает в мешок * Кинжальный удар бригады Бушева * Похвальное слово артиллеристам * Последняя встреча с 13-й танковой*

Над хорошо наезженной дорогой, протянувшейся между Верхними, Средними и Нижними Ачалуками, слегка

клубилась каменная белая пыль. Поднятая скрипучими колесами повозок, сновавших во всех направлениях, она оседала на лицах людей, на орудийной стали, на густых придорожных кустах.

Водитель ехал не торопясь, будто чувствовал, что я не спешу. И я действительно не спешил. Мысли были прикованы к дороге. Это была та самая дорога, от Моздока на Вознесенскую и дальше, по которой гитлеровские танки в начале сентября пытались прорваться через боевые порядки корпуса.

Вспоминались те, кто обильно полил каждый метр этой земли кровью и потом и кого уже не было теперь в соединении. Вышли из состава корпуса гвардейцы бригады Павла Ивановича Красовского — герои, чье беззаветное мужество так ярко проявилось в боях в районе вражеской переправы через Терек и в поселке Предмостный. Не было среди частей корпуса и 9-й гвардейской стрелковой бригады, отличившейся у Кизляра и Нижних Бековичей.

Всего двадцать недолгих дней жили мы единой корпусной семьей. Но у военного времени свои сроки и законы. На войне людей может навсегда сроднить один короткий бой. А двадцать дней фронтовой страды — это уже целая жизнь, прожитая вместе. Однако поступает приказ вывести из состава корпуса некоторые части, и приходится с болью отрывать от сердца ставших тебе родными людей.

Машину слегка покачивало на ухабах. Я сидел, прикрыв глаза, и видел перед собой политрука Летемина и сержанта Козлова, лейтенанта Бойцова и рядового Жилкина. На какое-то мгновение мне почудилось, что они еще там, на противоположном конце этой дороги, у Терека, у Предмостного, у Вознесенской, запорошенные пылью, покрытые гарью, в окровавленных повязках стоят насмерть под бешеным напором врага...

Потом показалось, будто я опять на партийном собрании в роте ПТР, где принимают в партию рядового Прошина. Как живого увидел парторга роты Данцева, его недоумевающий взгляд, когда кто-то спросил про биографию Прошина, и простой ответ парторга: «Какая у него биография? Родился, учился, потом ушел на войну. Остальное мы знаем...»

Нет уже в живых парторга Данцева, нет и политрука Амбарцумяна, который привел меня тогда на партийное собрание, нет и младшего сержанта Луценко. Все они погибли в одном бою, сменяя друг друга за одним противотанковым ружьем. Поединок роты ПТР с немецкими танками прохо-

дил где-то здесь, совсем рядом. О героях рассказали «Правда» и «Красная звезда» — их знает теперь вся страна, вся действующая армия. Где сейчас легендарная рота ПТР?..

Да, поредел 11-й гвардейский. Кроме корпусных частей в его составе остались 62-я отдельная морская стрелковая бригада, понесшая большие потери под Вознесенской, да 10-я гвардейская стрелковая бригада, уже почти полмесяца не выходявшая из тяжелых боев в районе Эльхотово.

Зато в состав корпуса вливалась вновь созданная 34-я отдельная стрелковая бригада, расположившаяся в районе населенного пункта Верхние Ачалуки. Сформированная в августе сорок второго под Баку, она была укомплектована в основном курсантами нескольких училищ, главным образом военно-морских. Армия и флот посылали на защиту Кавказа свой золотой фонд — курсантские кадры, юношей, решивших навсегда связать жизнь с военной службой.

О настроении личного состава бригады, состоянии его морально-боевого духа я уже был наслышан. Особенно запомнился эпизод, происшедший во время формирования бригады в Каспийском высшем военно-морском училище. Когда начальник училища капитан 1 ранга Сухиашвили, обратившись к курсантам, спросил, кто желает добровольно отправиться на фронт в составе частей морской пехоты, все пятьсот курсантов, стоявшие в строю, сделали три шага вперед.

Об этом три дня назад, в день прибытия 34-й бригады в Верхние Ачалуки, рассказали мне командир бригады полковник Александр Васильевич Ворожищев и заместитель командира по политчасти полковой комиссар Александр Семенович Кошкин. Мужество курсантов, их решимость биться с врагом до последней капли крови ни у кого не вызвали сомнения. Беззаветно преданные Родине, воспитанные на лучших традициях наших Вооруженных Сил, они рвались в бой. Но одного мужества и желания сражаться недостаточно для победы. Нужны боевые навыки, боевая закалка. А их курсанты пока не имели.

Надо было в сжатые сроки, в считанные дни, пока корпус находится в резерве, наладить боевую учебу, ознакомить молодежь с опытом боев. Соответствующие распоряжения были сделаны, но хотелось своими глазами увидеть, как идут дела у курсантов.

Наш «виллис» остановился на северо-восточной окраине Верхних Ачалуков. Это скромное ингушское селение с

недавнего времени оказалось в прифронтовой полосе, и жизнь людей потекла по военным законам.

То здесь, то там раздавались слова команд. У охраняемых объектов прохаживались часовые. Лязгая гусеницами, по небольшому пустырю в полукилометре от села взад-вперед, словно челнок, носился запыленный, выдавший виды танк.

Из-за ближайшего дома торопливо вышла группа командиров и направилась в нашу сторону. Через минуту полковник Ворожищев докладывал о положении дел в бригаде.

— Показывайте своих моряков, Александр Васильевич, — попросил я.

Мы двинулись по неширокой сельской улице туда, откуда доносился рокот танкового двигателя.

Над пустырем, по которому гоняли танк, висела бурая пыль. За ее плотной завесой едва различалась небольшая группа людей и чуть в стороне от нее свежеврытая траншея.

— Отрабатывают поражение танков противотанковыми гранатами и бутылками КС, — доложил Ворожищев.

Мы подошли ближе. Группа курсантов 2-го батальона напряженно следила за своими товарищами, укрывшимися в траншее и поджидавшими разгонявшийся танк. Экипаж машины, судя по всему, располагал и опытом, и сноровкой. Танк постоянно менял направление и скорость движения. И все-таки одна из учебных гранат угодила ему точно под гусеницу, остальные упали рядом.

Громыхая траками, танк перевалил через траншею. Но едва он сделал это, как сзади в него полетели бутылки с раствором извести. Зазвенело разбитое стекло, белые потеки появились на моторной части боевой машины.

Развернувшись, танк ушел на исходный рубеж, а те, кто сидел в траншее, стали неторопливо вылезать из нее, отплевываясь, отряхиваясь и чихая от пыли и отработанных газов.

— А что, Александр Васильевич, недурно получается. Люди чувствуют, что такое танк.

— Истребители — один к одному, — весело отозвался Ворожищев, стараясь обратить мое внимание на одного из тех, кто выбрался из траншеи.

Я глянул и от всего сердца рассмеялся. Весь перепачканный и вспотевший, к нам приближался полковой комиссар Кошкин. Мы поздоровались.

— В истребители готовитесь, Александр Семенович? — спросил я. — Или просто полюбопытствовать решили?

— Э-э, бросьте шутить, товарищ генерал. Кто-то придумал это блюдо на курсантскую голову, а пробу снимать приходится мне.

В корпусе уже давно применяли этот метод обучения, а в бригаде еще и усовершенствовали его. Обкатка танком обеспечивала надежный иммунитет против танкобоязни, вооружала навыками использования в бою противотанковых гранат и бутылок с горючей смесью.

Поблагодарив командование бригады за хорошую организацию учебы, я отметил, что много внимания боевой подготовке, пропаганде боевого опыта уделяют политработники.

— Так это же хлеб наш насущный, — отозвался Кошкин. — А теперь спросите, товарищ генерал, полковника Ворожищева, почему он пытается отбивать этот хлеб у нас.

— Как так?

— Очень просто. Сам поехал в 62-ю бригаду моряков, сам привез оттуда группу участников боя под Вознесенской, сам распределил их по батальонам — пускай, дескать, о своих делах и подвигах расскажут... Так уважаемый наш Александр Васильевич понял решение о полном единоначалии: трудись, дескать, командир-единоначальник в поте лица и за себя, и за политработников*.

Подтрунивая друг над другом, Ворожищев и Кошкин двинулись вместе со мной дальше.

До самого вечера командир и его заместитель по политической части знакомили меня с личным составом рот и батальонов, с ходом боевой учебы, состоянием техники. То, что увидел, все больше убеждало меня: бригада сумеет с честью поддержать боевую славу корпуса.

Внезапно полил холодный мелкий дождь, он загнал нас на веранду дома, в котором расположился штаб 2-го батальона.

Из открытых окон доносились обрывки разговоров, в вечернюю тишину врывались зуммеры полевых телефонов, батальонный писарь, штемпелюя солдатские письма, выбивал резиновой печатью какой-то знакомый ритм. Штаб батальона работал в обычном режиме.

«Деловой народ, — подумал я. — Мы их считаем новичками, проверяем, помогаем, а они, бойцы нового формирования, давным-давно освоились и обрели уверенность в том, что все смогут и все сумеют».

* 9 октября 1942 года Указом Президиума Верховного Совета СССР в Красной Армии было установлено полное единоначалие и упразднен институт военных комиссаров. — *Прим. ред.*

Вскоре, весело урча мотором, наш «виллис» легко катил по умытой дождем дороге обратно в Средние Ачалуки. День был прожит не зря.

Проснулся оттого, что кто-то энергично встряхивал меня за плечо. Приподнявшись, я разглядел в полумраке фигуру дежурного по штабу.

— Что случилось?

— Извините, товарищ генерал, вас срочно просит к телефону генерал Масленников.

Ночной звонок командующего Северной группой войск мог означать только начало каких-то серьезных событий. Я взял телефонную трубку. Голос Масленникова показался взволнованным. Иван Иванович сказал, что в 37-й армии дела идут из рук вон плохо, и выражал надежду, что 11-й гвардейский стрелковый корпус выполнит поставленную перед ним задачу так же хорошо, как в боях под Моздоком и Вознесенской.

— К вам отбыл офицер связи с приказом, — пояснил командующий. — От него узнаете подробности.

Положение на фронте в общих чертах мне было известно. Вчера мы обсуждали ситуацию с комбригом-62 и комбригом-34. Было ясно, что, потерпев поражение под Вознесенской и не добившись успеха в районе Эльхотово, гитлеровцы будут стремиться нанести удар на Орджоникидзе в единственно возможном направлении — через район Нальчика. Именно этот район обороняла 37-я армия. А поскольку в 37-й армии дела, по словам Масленникова, идут из рук вон плохо, Нальчик либо сдан, либо к этому идет дело.

Я сидел над картой и не услышал, как в комнату вошли заместитель командира корпуса по политчасти, начальник штаба, командующий артиллерией и другие командиры, вызванные дежурным. И только тогда, когда Павел Леопольдович Базилевский пристроился рядом, я поднял голову. Мои помощники и боевые друзья с нетерпением глядели на меня. Они понимали, что ночной вызов к командиру корпуса связан с какими-то серьезными обстоятельствами.

Проинформировав собравшихся о звонке генерала Масленникова, я высказал опасения относительно судьбы Нальчика. Однако до прибытия офицера связи мы не могли ничего предпринять. Я лишь распорядился, чтобы в штаб были вызваны командиры частей.

Представитель штаба Северной группы прибыл с боевым распоряжением, когда стало светать. Корпусу предпи-

сывалось уже сегодня, 27 октября, совершить шестидесятикилометровый марш и к утру следующего дня занять оборону на рубеже Тулатово — Архонская — Фиагдон — Дзуарикау, иначе говоря, на ближних подступах к городу Орджоникидзе*.

Быстро разработанный приказ по корпусу предусматривал, что 62-я отдельная морская стрелковая бригада с 1-м и 3-м дивизионами 98-го гвардейского артполка и 73-м отдельным истребительным противотанковым дивизионом, совершив марш из района Средние Ачалуки через Беслан, занимает оборону на участке Тулатово — Архонская, а 34-я отдельная стрелковая бригада со 2-м дивизионом 98-го гвардейского артполка, пройдя через Чермен, Орджоникидзе, Гизель, оседлает рубеж Фиагдон — Дзуарикау. 52-й отдельный минометный дивизион должен был обеспечить прочность обороны на участке севернее Фиагодона в стыке 62-й и 34-й бригад.

Резерв корпуса в составе 47-го отдельного истребительного противотанкового дивизиона, 6-го отдельного минометного батальона и 54-го пулеметного батальона должен был занять позиции в районе селения Нижняя Саниба; штаб корпуса с 54-й отдельной зенитно-артиллерийской батареей передислоцировался в селение Гизель, которое находилось примерно в десяти километрах западнее Орджоникидзе.

В семь утра 27 октября явившиеся по вызову командиры частей получили упомянутый приказ. А уже через сутки корпус после утомительного форсированного марша прибыл на отведенный ему рубеж. Мы снова оказались на направлении главного удара 1-й танковой армии врага.

Рубеж обороны корпуса на всем протяжении проходил по правому берегу неглубокой, легко проходимой вброд горной речушки Фиагдон, которая не могла служить преградой ни для немецкой пехоты, ни тем более для танков.

Местное население приложило немало труда, чтобы создать на этом участке необходимые оборонительные сооружения. Женщины, старики, подростки кайлили каменистый грунт, возили землю, местами укрепляли стены траншей плетнями из лозняка. Благодаря самоотверженному труду тысяч людей на рубеже обороны были отрыты три линии траншей полного профиля, а на наиболее танкоопасном участке между Фиагдоном и Дзуарикау выкопан противотанковый ров.

* ЦАМО СССР, ф. 11 гв. ск, оп. 11552, д. 1, л. 132.

Сколько таких рубежей обороны протяженностью 50, 100, 200 и более километров построили в то тревожное время трудящиеся различных национальностей и народностей Кавказа! Сколько мужества и сил положили они на алтарь нашей победы!..

Выйдя из Архонской, я стал осматривать оборонительный рубеж, который с ходу занимали части корпуса. Почва, еще влажная от недавних дождей, пружинила под ногами, но в траншеях уже подсохло. Крутые срезы стен, хорошо укатанный бруствер — все говорило о том, что строители трудились на совесть. После небольших доделок траншеи были вполне пригодны для ведения боя.

На северной околице Фиагдона меня встретили полковник Ворожищев и командир 1-го стрелкового батальона капитан Николай Николаевич Радаев; последний вместе с ротными командирами изучал свой район обороны. Молодой, стройный комбат был доволен состоянием оборонительных сооружений. Но лицо командира бригады выражало досаду.

— Что стряслось, Александр Васильевич? — поинтересовался я.

— Дрянь дело, товарищ генерал, — вздохнул Ворожищев. — В кукурузе утонули. Ни зги не видать.

Я посмотрел вперед. Действительно, густые заросли кукурузы закрывали обзор.

— Да, по таким джунглям к траншеям можно запросто подобраться, — согласился я. — Распорядитесь немедленно укатывать поле катками.

Александр Васильевич подозвал одного из сопровождавших его командиров и отдал соответствующее приказание. Мы направились в сторону Дзуарикау. И чем дальше шли, тем больше убеждались, что наш передний край на многих участках проходим для танков противника.

На южной окраине Фиагдона капитан Радаев «передал нас» командиру 3-го батальона старшему лейтенанту Андрею Федоровичу Чугунову, который занимался теми же делами, что и Радаев. Перед фронтом этого батальона река имела высокий и крутой берег. Пройти танкам здесь не так-то просто, и комбат был уверен, что позиции его батальона неуязвимы.

Затем мы оказались в расположении 2-го батальона, которым командовал старший лейтенант Михаил Гурьевич Сатаев. Батальон занимал позиции на ровной и открытой местности. Правда, здесь был готов противотанковый ров. Но комбат не верил, что это надежное препятствие. По

опыту он знал, что два-три десятка самолетов способны проделать необходимые для танков проходы.

— Прошу подбросить на мой участок хотя бы две батареи, — обращаясь не то ко мне, не то к Ворожищеву, взмолился Сатаев. — У меня всего восемь сорокапятков, а фронт около четырех километров. Это же ничто!

— Не могу, товарищ Сатаев, не могу, — решительно ответил Ворожищев. — Из трех батарей, которыми располагаю, две у вас, а третью я отдал батальону автоматчиков. Ему она нужна позарез. Ты, брат, не обижайся на меня, — примирительно закончил комбриг.

Я видел, как изменилось лицо Сатаева, получившего отказ, как переживал эту ситуацию сам Ворожищев. Горько было и у меня на душе. Я отлично понимал: чтобы надежно прикрыть это направление, нужно добавить к тому, что здесь уже имеется, минимум три истребительно-противотанковых полка 76-миллиметровых орудий. Мы же не смогли дать Сатаеву даже одну батарею.

Да, неспроста, видно, очень старательно изучали опыт борьбы с гитлеровскими танками курсанты 34-й стрелковой бригады. Как тут было не вспомнить полковника Ворожищева, ездившего за опытом борьбы с танками в 62-ю морскую бригаду, и замполита Кошкина, забиравшегося в траншею, которую утюжил учебный танк...

4-й батальон, которым командовал капитан Аликпер Кадыр Халилов, занимал оборону по западной окраине Дзуарикау. И здесь мы увидели действия целеустремленные и грамотные: основные усилия комбат сосредоточил на своем правом фланге, где проходила дорога из Алагира на Орджоникидзе...

К концу дня добрались до Майрамадага. Тут был размещен штаб бригады, ее тыловые подразделения и резерв — батальон автоматчиков, которым командовал старший лейтенант Березов. В батальон входили в основном курсанты Каспийского военно-морского училища имени С. М. Кирова.

Совершив на следующий день такую же «экскурсию» в 62-ю бригаду, оборонявшуюся на правом фланге, и в корпусные части, я убедился, что повсеместно задача понята правильно, приказ выполняется точно.

Изучая позиции корпуса прежде всего с точки зрения танкоопасности, я с горечью убеждался, что слишком мало было у нас естественных препятствий. Танки могли легко перемещаться по широким ардонским просторам. Тут хорошо помогли бы сильные подвижные противотанковые резервы в виде истребительно-противотанковых артиллерий-

ских частей, танковых батальонов и подвижных миннозаградительных отрядов. Но, к сожалению, такими средствами усиления корпус пока не располагал.

Зато люди у нас были прекрасные. Обходя боевые порядки той же 34-й стрелковой бригады, я имел возможность еще раз довольно близко познакомиться с ее личным составом. Это были молодые, по-боевому настроенные ребята, хорошо понимавшие свой долг, горевшие желанием сразиться с врагом.

Что же все-таки привело корпус едва ли не под самые стены старинного Владикавказа, вправе спросить читатель, какие события на фронте вызвали срочную необходимость занять оборону именно здесь?

На войне нередко случается так, что готовишься к одному, а делать приходится совсем другое. Нечто подобное происходило и сейчас.

После того как противник был основательно измотан в боях под Моздоком, Малгобеком и Эльхотово, наше командование (я имею в виду командующего Северной группой войск генерала Масленникова и командующего Закавказским фронтом генерала Тюленева) решило, что пора и нам перейти к активным действиям. Наступление было своевременным и потому, что силы наши возросли. В группу войск прибыло девять артиллерийских полков, новые минометные части. Кроме того, в ее составе теперь было десять истребительно-противотанковых артиллерийских полков, пять танковых бригад, восемь отдельных танковых батальонов, шесть бронепоездов, четыре полка гвардейских минометов. Значительно усилилась и работавшая в пользу группы войск 4-я воздушная армия.

В общем, для нанесения хорошего удара по врагу сил в Северной группе войск было достаточно, хотя по танкам и авиации перевес все еще имел противник.

Удар по врагу был нам очень нужен. Потерпев поражения в последних боях, гитлеровцы, правда, перестали трубить на весь мир, что Красная Армия разбита и что они беспрепятственно продвигаются по Северному Кавказу. Самое время было поддать им жару. Как бы это подняло боевой дух наших войск, воодушевило их на новые успехи! И это тоже учитывалось командованием. Кроме того, наше наступление в известной мере повлияло бы и на обстановку под Сталинградом, где продолжались ожесточенные бои.

Наступление на малгобекско-моздокском направлении готовилось довольно тщательно и намечалось на 3 ноября. Однако нашим планам не суждено было сбыться.

Потерпев неудачу в районе Моздока и Эльхотово, противник решил попытать счастья на другом направлении. Для этого он избрал район Нальчика. Сосредоточив здесь 13-ю и 23-ю танковые дивизии, 2-ю горнострелковую дивизию румын, полк «Бранденбург» и много других частей, враг нанес удар по 37-й армии. Слабые силы этой армии, занимавшие оборону на фронте 120 километров без танков и без резервов, не смогли устоять перед напором крупных танковых масс и стали отходить к северным отрогам Главного Кавказского хребта. Из района Нальчика фашисты двинули свои танковые колонны на восток, в общем направлении на Орджоникидзе. Они намеревались с ходу овладеть городом и обеспечить себе широкие возможности для дальнейшего наступления.

Что касается дальнейших планов гитлеровского командования, то они сводились к тому, чтобы ударом на север, вдоль дороги Ачалуки — Вознесенская, выйти на тылы 9-й армии и, разделившись с ней, наступать вдоль реки Сунжи на Грозный, Махачкалу и далее на Баку. Часть своих сил немцы думали направить через Крестовый перевал на Тбилиси. Как выяснилось потом, для этой цели предназначалась и 2-я горнострелковая дивизия румын.

Таким образом, в конце октября между Нальчиком и Орджоникидзе создалась весьма сложная и напряженная обстановка. Гитлеровцы рвались к столице Северной Осетии, и их нужно было немедленно остановить. Но какими силами остановить две танковые дивизии, которые двигались по широким просторам Северной Осетии при мощной поддержке своего 4-го воздушного флота? Не хотелось, очень не хотелось нашему командованию брать для этой цели силы из ударной группировки. Ведь если удастся остановить противника где-то на полпути к Орджоникидзе, тогда откроется возможность нанести удар ему во фланг и уничтожить его главные силы. Именно для этого требовалось сохранить ударную группировку.

Между тем обстановка накалялась с каждым часом и требовала принятия срочных мер. Навстречу танковым колоннам фашистов был выдвинут 10-й стрелковый корпус с задачей: занять оборону по реке Урух и остановить противника.

Командиру корпуса генерал-майору П. Е. Ловягину при-

шлось решать нелегкую задачу: организовывать оборону с ходу и на очень широком фронте.

То, что произошло дальше, напоминало встречный бой, в котором преимущество, из-за выигрыша во времени и значительного превосходства в силах, оказалось на стороне неприятеля. Он стал обходить части генерала Ловягина и вынудил их к отходу.

Думается, командующий Северной группой войск учитывал и такой вариант развития событий. Иначе он не поднял бы по тревоге утром 27 октября 11-й гвардейский стрелковый корпус и не вывел его на внешний обвод Орджоникидзевского оборонительного района. А ведь этот корпус, будучи в резерве командующего Северной группой войск, предназначался для активных наступательных действий в составе 9-й армии.

Нелегко было генералу Масленникову разрушать им же самим созданную ударную группировку, но обстоятельства вынуждали к этому. В последующем многое из того, что предназначалось для удара по фашистам в районе Моздока, было переброшено к Орджоникидзе.

Весь день 31 октября части нашего корпуса совершенствовали оборонительный рубеж, приводили себя в полную боевую готовность. Противника можно было ожидать с часу на час.

В бригаде Ворожищева командный состав занял свои места на наблюдательных пунктах, орудийные и пулеметные расчеты изготовились к бою. Морские пехотинцы собирались достойно встретить врага.

К вечеру через расположение бригады прошли последние подразделения, прикрывавшие отход частей 10-го стрелкового корпуса. Теперь между гитлеровцами и частями нашего корпуса не оставалось ни единой живой души, если не считать нашей разведки: комбриг-34 отправил три группы в населенные пункты Хаталдон и Рассвет.

Задача, поставленная перед разведчиками, была несложной: затаиться и наблюдать, определить силы противника, установить его намерения и направление готовящегося удара.

Группа, посланная в Хаталдон, обнаружила, что вечером 31 октября в это селение вступил отряд гитлеровцев, состоявший из нескольких десятков мотоциклистов и не менее тридцати танков. По-видимому, это была разведка и авангард 13-й танковой дивизии. Под покровом ночи разведчики возвратились в расположение бригады.

По-иному выполнила задание разведгруппа, направленная в населенный пункт Рассвет. Здесь действовали курсанты Воронцов, Самонов, Сыч, Похваленко, Паршин, Данильянц, Мамаев, Ильин из батальона автоматчиков под командованием младшего лейтенанта Целикова.

Укрывшись на чердаках и в подвалах домов, разведчики вели непрерывное наблюдение. В поселке Рассвет фашисты сконцентрировали около двадцати танков и значительное количество мотопехоты.

Глубокой ночью вся группа собралась в условленном месте. Задание было выполнено, можно было возвращаться. Но уж больно не хотелось морякам уходить к своим, не оставив гитлеровцам памяти о себе.

— Товарищ младший лейтенант! Тут у них штаб неподалеку, — с явным намеком заметил курсант Сыч.

— Значит, нападаем на штаб и ввязываемся в бой, — понял его с полуслова Целиков. — А кто доставит нашим данные разведки?

— В бригаду можно послать одного-двух, — сказал Ильин.

— Хорошо, вот и пойдете вместе с Сычом, — быстро нашелся младший лейтенант.

Ильин и Сыч опустили головы.

— Не нравится? — спросил командир. — Тогда бросайте жребий.

Невезучим оказался Самонов.

Остальные разведчики во главе с младшим лейтенантом, крадучись в тени домов и заборов, приблизились к гитлеровскому штабу.

Бесшумно сняв часового, моряки попытались проникнуть в штаб, но фашистский патруль, проходивший по улице, увидел труп часового и поднял тревогу. Разведчики не стали терять времени. В окна штаба полетели гранаты. Выбегавших гитлеровцев моряки встречали огнем из автоматов.

Дворами и переулками ушла из Рассвета разведгруппа, успев по дороге поджечь бензовоз.

После короткой передышки разведчики в полном составе двинулись по оврагу к нашей передовой. Перейдя вброд речку Фиагдон, замедлили шаг, обернулись. В той стороне, где находился Рассвет, багрово светилось зарево и раздавались автоматные очереди...

Еще одна разведгруппа, которую возглавлял командир роты автоматчиков старший лейтенант М. М. Кирьян, действовала впереди и чуть в стороне от населенного пункта Рассвет. Выполнив задачу, разведчики отходили к своим, но

недалеко от Рассвета были обнаружены и атакованы гитлеровцами. Бойцы не дрогнули, однако в жарком бою с врагом тяжелое ранение получил командир роты.

По сей день с любовью и благодарностью вспоминает своих подчиненных, героически сражавшихся с врагом и вынесших его с поля боя, Михаил Митрофанович Кирьян, ныне доктор военных наук, профессор, генерал-лейтенант...

Позднее осеннее утро 1 ноября застало меня на корпусном НП. Старательно оборудованный на вершине высоты 722,7, он находился в одном километре южнее Гизели. К северо-западу простиралась огромная равнина, в центре которой стояла станица Архонская.

С запада на восток, пересекая эту равнину, тянулись две широкие дороги: одна выходила из Ардона, пересекала станицу Архонскую и пропадала на западной окраине Орджоникидзе. Другая дорога, такая же ровная и широкая, начиналась в Алагире и, прижимаясь к северным отрогам Главного Кавказского хребта, проходила через Гизель и на западной окраине Орджоникидзе сливалась с первой. Таким образом обе дороги вели к столице Северной Осетии.

Стоявшие в моем окопе Базилевский, Глонти и Лившиц вели неторопливый разговор, пытаюсь определить, по какой дороге пойдет противник.

— Напрасно мы трудимся, — услышался вдруг спокойный голос Базилевского. — Взгляните, какая равнина перед нами, хоть шары катай.

Архонская равнина действительно создавала очень благоприятные условия для широкого маневра: не получится на одном направлении, наступай на другом.

Где-то около полудня послышались звуки редкой артиллерийской стрельбы. Они доносились с той стороны, где стояла 34-я бригада. Пока подполковник Глонти связывался с начальником штаба бригады подполковником Караваном, стрельба прекратилась. Оказывается, противник проводил разведку. Около десятка танков, пройдя кустарником, который рос по западному берегу реки Фиагдон, подошли к переднему краю 2-го батальона и попытались атаковать его. Но, увидев перед собой противотанковый ров, немецкие танкисты остановились. Наши петеэровцы не упустили удобного случая и подбили одну машину. Остальные быстро отошли. И хотя на душе у бойцов полегчало, они понимали: это всего-навсего разведка.

После обеда на западе послышался гул самолетов. Под прикрытием истребителей приближалось несколько групп

вражеских бомбардировщиков. 40 или 50 «юнкерсов» сбросили свой груз именно на противотанковый ров. Столько же самолетов набросились на боевые порядки 2-го батальона 34-й бригады.

Враг и тут оказался верен своей излюбленной тактике: авиация начинает, танки заканчивают. Бомбардировщики сровняли с землей противотанковый ров, нарушили нашу огневую систему и расчистили путь танкам.

Со своего НП я видел, как довольно большая группа танков ворвалась на наш передний край и овладела высотой 608,2. Здесь кипел жаркий бой. От огня наших сорокапятиок и противотанковых ружей, от ударов умело брошенных бутылок КС гитлеровцы потеряли 6 машин, но остальные продолжали двигаться на восток, пока не напоролась на огонь бригадного артиллерийского дивизиона, стоявшего несколько сзади. Танки остановились.

Постепенно бой стал утихать. Логично было заключить, что против нас сегодня действовал передовой отряд одной из танковых дивизий и что наступление главных сил врага последует завтра.

Так думал и позвонивший мне Ворожищев.

— Сегодня цветочки, а ягодки завтра будут, товарищ генерал, — закончил он свой доклад.

На фронте 62-й морской бригады противник также атаковал наши позиции, но без участия авиации и танков. И без всяких шансов на успех.

Как и предполагалось, утром 2 ноября гитлеровцы бросили в бой все, что могли. После того как основательно поработали их авиация и артиллерия, в атаку на позиции бригады Ворожищева ринулось более 100 танков. Но герои по-прежнему стояли непоколебимо. Если вражеские танки и проламывали кое-где оборону, как это случилось на участке батальона старшего лейтенанта Сатаева, то шли по телам убитых, а живые оставались на своих местах, угрожая прорвавшимся гитлеровцам с флангов, отсекая их пехоту.

Перед 34-й бригадой, принявшей на себя главный удар, стояла особенно ответственная, я бы сказал, вдвойне ответственная задача: во-первых, не пускать врага на Орджоникидзе, а во-вторых, наглухо закрыть Суарское ущелье, через которое немцы могли не только прорваться к городу с другого направления, но и выйти к Военно-Грузинской дороге, по которой шло снабжение наших войск.

Зная об этом, я рано утром 2 ноября, когда еще нормально работала связь, спросил полковника Ворожищева, сумел ли он вчера сохранить свой резерв.

— Сумел, — ответил комбриг. — Батальон моряков-автоматчиков буду держать до конца. Если враг прорвет оборону, батальон запрет Суарское ущелье. Там и умрем.

Опасения Александра Васильевича относительно того, сумеет ли он удержать оборону, были не беспочвенны: сил у него оставалось мало, помочь же ему я не мог ничем. Мой скудный резерв ждал своего часа, и этот час вскоре пробил.

Танки противника после жестокого боя преодолели сопротивление 34-й стрелковой бригады. Овладев Нижней Санибой, они стали подходить к Гизели. Здесь, на западной окраине большого и богатого осетинского селения, в 15.00 произошел бой, в котором с небывалой силой проявились стойкость и мужество наших людей. С моего НП все было видно до деталей. Как только через горную речку Гизельдон стали переправляться фашистские танки, огонь по ним открыла находившаяся в резерве и прикрывавшая штаб корпуса 54-я отдельная зенитная артиллерийская батарея. От ее первого удара запылали две боевые машины, вырвавшиеся вперед. Потом были подбиты еще две. Противник остановился,

Через 40 минут на батарею навалились 10 немецких самолетов. Но зенитчики тут же перенесли огонь по воздушным целям. Не успели скрыться самолеты, как на смельчаков снова ринулись танки...

Силы были явно не равны: уж очень много войск бросил враг на штурм Орджоникидзе. Со своего наблюдательного пункта я отлично видел узкую полосу местности на всем протяжении от Дзуарикау до Гизели, буквально забитую боевой техникой врага — танками, бронетранспортерами, орудиями, разными машинами. После взятия Гизели немецкие танки к вечеру оказались у западной окраины города Орджоникидзе.

Непосредственную оборону города Орджоникидзе и Военно-Грузинской дороги осуществляли дивизия НКВД и ряд других частей и соединений, в том числе пограничники.

Начальником Орджоникидзевского особого оборонительного района был назначен командир дивизии НКВД генерал-майор В. И. Киселев.

К началу ноября части дивизии при активной помощи саперных формирований и местного населения закончили строительство оборонительных сооружений по Орджоникидзевскому обводу и Военно-Грузинской дороге. Укреплению

этого района, игравшему роль своеобразных ворот в Закавказье, придавалось особое значение. Оборона состояла из системы опорных пунктов и узлов сопротивления, насыщенных артиллерийскими и пулеметными дотами и дзотами, соединенными между собой ходами сообщения.

Опорные пункты и узлы сопротивления были приспособлены для круговой обороны, создана широкая сеть противотанковых укреплений, подходы к городу заминированы. На участке от Орджоникидзе до Крестового перевала созданы батальонные узлы сопротивления.

Прочные огневые точки иногда сооружались прямо в скалах. Особенно сильно были укреплены гора Лысая и Дарьяльское ущелье.

Обо всем этом мне рассказал генерал Масленников, который побывал у нас в Гизели 31 октября. Судя по тому, с каким знанием дела и любовью Иван Иванович рассказывал о подготовке и организации обороны в Орджоникидзе и на Военно-Грузинской дороге, можно было заключить, что он отдал этому делу немало физических и моральных сил.

В тот день, когда он неторопливо и откровенно разговаривал со мной, дивизия НКВД успела занять подготовленные позиции по окраинам города, а сейчас, два дня спустя, там уже вовсю разгорался бой. Личный состав дивизии сражался героически. Враг рассчитывал с ходу ворваться в город, но набил себе кровавых шишек и остановился.

Свой наблюдательный пункт я покинул лишь тогда, когда вражеские танки овладели Гизелью, а на высоту 722,7, где мы находились, стали карабкаться немецкие автоматчики. Небольшая колонна штабных машин уже не смогла выйти на основную дорогу Гизель — Орджоникидзе, так как она была занята противником. К счастью, мы нашли другую дорогу, которая начиналась у подножия нашей высоты и, прижимаясь к отрогам Лысой горы, тоже выводила нас к намеченной цели. Немного не доехав до города, мы повернули на северо-запад и вскоре прибыли в Архонскую.

Устроившись в небольшом домике, штаб корпуса возобновил работу. Нужно было немедленно связаться с частями, уточнить их состояние и положение на местности.

Начальник штаба корпуса подполковник Глonti, скромный и весьма трудолюбивый специалист, обладавший к тому же хорошими организаторскими способностями, взял на себя основную тяжесть этой работы. Выполняя его распоряжения, приступили к организации связи майор Михаил Анто-

нович Дурново и командир батальона связи капитан Яков Никифорович Анашкин. Отправились в штабы частей помощники начальника оперативного отдела капитаны Павел Михайлович Мурашко и Тимофей Николаевич Дроздов.

Часа через два связь с частями была восстановлена. Заслушав доклады командиров частей и вернувшихся с места боев работников штаба, я довольно полно уяснил себе обстановку, которая сложилась на участке корпуса.

Собрав в кулак 13-ю и 23-ю танковые дивизии, 2-ю горнострелковую дивизию румын, полк «Бранденбург» и многие другие части, противник «прорубил окно» в нашей обороне между Фиагдоном и Дзуарикау, продвинулся на 18 километров и к вечеру 2 ноября подошел к западной окраине Орджоникидзе, где был остановлен частями дивизии НКВД. Ширина прорыва на всем его протяжении от Дзуарикау до Орджоникидзе равнялась всего лишь четырем километрам, поэтому его форма, начерченная на моей рабочей карте, напоминала аппендицит, или длинный мешок, до отказа забитый войсками.

Проводя такую глубокую операцию, немцы рассчитывали на панику среди частей 9-й армии, которую они намеревались окружить и уничтожить. А чтобы не выталкивать наши войска из этого района, гитлеровцы очертя голову ломились вперед, не заботясь о расширении прорыва в сторону флангов. Главный удар ста танков, поддержанных таким же количеством самолетов, пришелся по центру обороны 34-й стрелковой бригады. В результате 2-й стрелковый батальон, которым командовал старший лейтенант Сатаев, понес очень большие потери. Сильно пострадали и примыкавшие к нему 3-й и 4-й батальоны. Боевые порядки бригады, точно огромным ножом, были разрезаны пополам.

Но паники не возникло. Все, кто уцелел, продолжали сражаться, развернув свои фланги в сторону вклинившегося противника. На помощь бригаде спешили другие части, которые стали занимать оборону на растянувшихся открытых флангах неприятеля.

В селении Майрамадаг образовалась группа Ворожищева, в которую вошли: батальон автоматчиков, остатки 2-го и 4-го батальонов, несколько минометов и около десяти сохранившихся орудий 337-го истребительно-противотанкового дивизиона и артиллерийского дивизиона бригады. Заняв оборону по северной окраине Майрамадага, группа Ворожищева выполняла сейчас чрезвычайно важную задачу — прикрывала вход в Суарское ущелье.

Восточнее, запирая вход в Кабанское ущелье и далее по Лысой горе, оборонялась 276-я стрелковая дивизия.

Город Орджоникидзе, напомним еще раз, защищала дивизия НКВД. В Ногир, расположенный северо-западнее города, прибывали части 10-го гвардейского стрелкового корпуса.

Северное направление было прикрыто значительно слабее. Здесь, вдоль левого фланга вражеского вклинения, южнее Архонской стояли на огневых позициях 98-й гвардейский арtpолк и находившиеся в моем резерве 6-й гвардейский минометный батальон, 47-й отдельный истребительно-противотанковый дивизион и 54-й пулеметный батальон, которые еще в полдень отразили атаку большой группы немецкой пехоты и танков, пытавшихся овладеть Архонской.

Я обратил внимание на то, что дорога из Гизели в Архонскую не была прикрыта и противник мог в любую минуту нагрянуть к нам. Но знал я и другое: гитлеровцы не любят воевать ночью. К тому же их внимание приковано к Орджоникидзе. Сосредоточившись в Гизели, они, вероятно, готовятся к решающему удару по городу, в связи с чем другие задачи отодвинули на задний план. И все-таки с перекрытием дороги медлить было нельзя.

— Что будем делать, Наум Борисович? — спросил я командующего артиллерией.

Лившиц ответил не сразу. Подумав немного, он предложил взять у 62-й морской бригады одну батарею из ее артиллерийского дивизиона и весь противотанковый дивизион и поставить их на этой дороге.

— К утру, — закончил Лившиц, — армия что-нибудь подбросит.

— Кроме артиллерии надо взять у 62-й бригады ее резервный стрелковый батальон, который стоит рядом, на западной окраине Архонской, — дополнил Лившица начальник штаба корпуса подполковник Глonti.

— Да, это уже какой-то выход из положения, — согласился я с Лившицем и Глonti. — Но таких сил будет недостаточно. Придется просить у командующего не менее двух противотанковых полков. Готовьте в штаб армии офицера связи.

Вскоре ко мне зашел начальник оперативного отдела майор Никита Власович Минаев. В руках он держал карту для штаба армии. Территория, занятая противником и закрашенная синим карандашом, напоминала по форме мешок. Это опять привлекло мое внимание, и я, взяв циркуль,

стал «шагать» по периметру мешка. Получилось 40 километров. Следовательно, подумал я, противник, сосредоточив главные силы в районе Гизели для удара по Орджоникидзе, не может достаточно надежно прикрыть свои растянувшиеся фланги. Они наверняка слабы. Значит, их можно прорвать.

О выводах, сделанных мною после оценки обстановки, решил доложить командующему 9-й армией. Направляя к нему майора Минаева, я наказал ему просить генерала Коротева как можно быстрее усилить корпус двумя-тремя противотанковыми полками, чтобы закрыть немцам путь из Гизели на север. А кроме того, выделить корпусу силы для нанесения рассекающего удара по врагу из Архонской на Майрамадаг.

Едва отправился в путь офицер связи, как к нам пожаловал представитель штаба Северной группы войск генерал-майор Дашевский. Во время беседы он проявил повышенный интерес к нашему предложению о целесообразности быстрого удара по гитлеровцам, которые добровольно забрались в образовавшийся мешок. Генерал не стал задерживаться у нас. Ему хотелось побыстрее доложить обстановку руководству и поддержать перед ним идею контрудара.

— Многое будет зависеть от того, — сказал на прощание Дашевский, — сумеет ли группа полковника Ворожищева удержать до начала операции Майрамадаг и Суарское ущелье.

Этот вопрос и мне не давал покоя. Но я верил в проницательность и выдержку командира бригады Ворожищева, в его организаторский талант.

Говорят, чтобы узнать человека, надо съесть с ним пуд соли. Это относится к мирному времени. На фронте действовало совсем другое правило. За комбрига-34 я мог поручиться головой, хотя знакомство наше состоялось всего несколько дней назад.

О группе Ворожищева — бесстрашных защитниках Суарского ущелья — можно написать целую книгу. Будучи отрезанной от корпуса, не имея с ним связи, она, как и накануне, продолжала выполнять одну из центральных, ключевых задач всей операции. Несколько дней подряд здесь не утихали жестокие бои. В Суарское ущелье пытались прорваться 2-я горнострелковая дивизия румын, немецкий полк «Бранденбург». Они шли не одни. Их поддерживали артиллерия, авиация, около 60 танков. Но все вражеские атаки разбивались о беззаветную храбрость моряков батальона автоматчиков, которым командовал старший лейтенант Леонид

Березов, о стойкость артиллеристов, возглавляемых капитанами Престинским, Костюком и старшим лейтенантом Мармышевским.

В ночь на 3 ноября в группу Ворожищева влились остатки батальона Сатаева, а также пять пулеметных расчетов во главе с лейтенантом Карибским. Они пробились к своим через вражеское кольцо, пробились с тех самых позиций, на которых вчера приняли главный удар фашистских танков. Прибывшие снова вливались в боевой строй, занимали отведенные им участки обороны. Особенно тщательно, на самые ответственные места назначались пулеметные расчеты: их приход был как нельзя кстати.

Людам разъяснили, что с этого рубежа можно идти лишь вперед: пути назад нет. И они отлично понимали это...

Своеобразная обстановка, сложившаяся перед 11-м гвардейским стрелковым корпусом, и наши предложения, сделанные через генерала Дашевского и майора Минаева, привлекли к себе внимание руководства: вечером 3 ноября к нам в Архонскую прибыл командующий группой войск.

— Обстановку на вашем участке знаю, — сказал Масленников, как только вошел. — Лучше, товарищ Рослый, расскажите о вашем замысле.

Я доложил свои соображения о нанесении флангового удара по врагу из Архонской на Майрамадаг. И закончил:

— Если усилите корпус артиллерией и танками, можно рассчитывать на успех...

Масленников подумал и сказал:

— Ну, что ж, товарищ Рослый, ваше предложение заманчиво. Сейчас в Ногир выдвигается 10-й гвардейский стрелковый корпус, к вам на усиление идут пять истребительно-противотанковых артиллерийских полков. Будем считать, что машина закрутилась.

На следующий день корпус посетил командующий Закавказским фронтом генерал армии Иван Владимирович Тюленев. Его сопровождал работник оперативного управления штаба фронта подполковник Константин Кириллович Белоконов — мой однокашник по академии.

Внимательно выслушав меня, Тюленев резюмировал:

— Противник забрался в ловушку, которую вы хотите захлопнуть. Это разумно. А подкрепление мы дадим. — Потом сделал паузу и спросил: — Вы не боитесь, что немцы ударят из Гизели на север, займут Архонскую и начнут гулять по тылам 9-й армии?

— Нет, товарищ командующий, теперь это исключе-
но, — уверенно ответил я. — Генерал Масленников прислал
корпусу пять иптапов, которыми я довольно надежно за-
крываю это направление.

Иван Владимирович был в хорошем настроении и попро-
сил чая...

Утром 5 ноября корпус получил боевой приказ коман-
дующего 9-й армией. Этот документ и лег в основу плана
Гизельской операции.

Итак, руководство Гизельской операцией было возло-
жено на командующего 9-й армией генерала Коротеева, а
главной ударной силой в ней являлись 10-й и 11-й гвар-
дейские стрелковые корпуса, 2-я, 52-я, 63-я и 5-я гвардей-
ская танковые бригады, артиллерия 9-й и авиация 4-й воз-
душной армий.

По поводу первого дня этой операции в книге Маршала
Советского Союза А. А. Гречко «Битва за Кавказ» сказано:
«В полдень 10-й гвардейский корпус силами 4-й гвардей-
ской стрелковой бригады с 52-й и 2-й танковыми бригадами
нанес удар на Гизель, но был контратакован танками про-
тивника и вынужден был отойти на исходный рубеж. И все
же благодаря успешному продвижению 11-го гвардейского
стрелкового корпуса противник оказался почти полностью
окруженным».

Войска нашего корпуса начали наступление в 9 часов
30 минут 6 ноября. 57-я стрелковая бригада с 5-й гвардей-
ской танковой бригадой наступали в направлении Дзуари-
кау. Поначалу обе бригады успешно продвигались вперед.
Однако подошедшая с запада большая группа танков про-
тивника остановила их на полпути к цели, и все наши ста-
рания возобновить продвижение этих бригад не увенчались
успехом. Населенным пунктом Дзуарикау они не овладели
и задачу не выполнили. Но зато они прикрыли от удара с
запада своих соседей — 10-ю гвардейскую стрелковую и
63-ю танковую бригады, обеспечив им свободу действий в
восточном направлении.

Наступление 10-й гвардейской стрелковой бригады раз-
вивалось успешно. Ее части, поддержанные 63-й танковой
бригадой, 98-м гвардейским артиллерийским полком, 52-м
минометным дивизионом и 68-м гвардейским тяжелым ар-
тиллерийским полком, нанесли стремительный удар в на-
правлении высоты 370,3, разметали пытавшихся оказать со-
противление гитлеровцев и вышли к селению Майрамадаг,
где соединились с группой полковника Ворожищева. Ко-

роткий кинжальный удар бригады полковника Бушева достиг цели.

Так в первой половине дня 6 ноября была проведена операция по окружению фашистских частей, прорвавшихся в район Гизели. С этого момента противник стал думать не о захвате Орджоникидзе, а о том, как бы побыстрее, что называется, унести ноги.

На дороге, ведущей из Алагира в Орджоникидзе, у северной окраины селения Майрамадаг защитники Суарского ущелья радостно встретили 1-й батальон 10-й гвардейской стрелковой бригады, которым командовал капитан Диордица. Иван Григорьевич явился в Майрамадаг в первых рядах своего батальона и первым ознакомил полковника Ворожищева с обстановкой. А она была довольно сложной. В гизельском мешке находились отборные гитлеровские части, которые всеми силами стремились восстановить положение и пробить себе путь на запад. Чтобы не допустить этого, от гвардейцев полковника Бушева и моряков группы Ворожищева требовались исключительная стойкость и собранность.

Случилось так, что самые ожесточенные бои развернулись на рассвете 7 ноября, в день 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. И наши воины не жалели сил, чтобы ознаменовать этот самый большой праздник разгромом попавшего в ловушку врага.

А гитлеровцы, которым накануне был объявлен приказ фюрера, предостерегавший, что русские в дни своего революционного праздника могут предпринять крупные наступательные операции, решили любой ценой снова переломить ход борьбы в свою пользу. Фашистская авиация нанесла по боевым порядкам 10-й гвардейской бомбовый удар большой силы. Одновременно открыла огонь артиллерия. Не менее получаса длилась обработка позиций бригады Бушева. А как только она окончилась, из Нижней Санибы устремились в атаку 60 вражеских танков и пехота на бронетранспортерах.

С этого момента на протяжении пяти суток мы вели почти непрерывный бой с пытавшимся вырваться из окружения противником. Каждый эпизод этого боя достоин быть вписанным в историю битвы за Кавказ как образец негибаемого мужества и воинского подвига. Именно — подвига.

Ярким подтверждением этого могут служить, например, действия на высоте 370,3 расчета ПТР, которым командовал сержант Дмитрий Остапенко. В том бою, не утихавшем ни днем, ни ночью, отважный бронбойщик уничтожил тринадцать танков врага и был удостоен звания Героя Советского

Союза. Неподалеку сражался брат Героя сержант Иван Остапенко, тоже командир расчета ПТР. Он вывел из строя семь немецких боевых машин, за что был награжден орденом Ленина.

Навечно покрыла себя славой 3-я пулеметная рота, которой командовал гвардии лейтенант Гилев. Когда вражеская пехота при поддержке шестнадцати танков двинулась на южные склоны высоты 604,6, где рота занимала оборону, над боевыми порядками пулеметчиков раздался голос их командира: «Ни шагу назад! Смерть фашистским гадам!»

А потом был бой пулеметной роты с многократно превосходившим ее по силе врагом. Гвардейцы дрались, не щадя себя. Гранатами и бутылками с горючей смесью они вывели из строя четыре танка. Не один десяток фашистских вояк сложили головы на склонах высоты, прежде чем замолчал последний пулемет роты...

В боях отличились командир роты гвардии лейтенант Дмитрий Александрович Гилев, командиры взводов гвардии младшие лейтенанты И. П. Глиняной и В. П. Дудинский, гвардейцы сержант И. И. Петухов, рядовой К. П. Кузьменков, сержанты В. Т. Тимофеев, А. Г. Тарасов, В. П. Знаменский, рядовой И. В. Денисенко... Геройски сражались двадцать два бойца и командира 3-й пулеметной роты. Они пали в неравном бою, но не пропустили врага на высоту.

Заместитель командира подразделения по политической части гвардии младший политрук Иван Гаврилович Витченко увлекал людей на подвиг не только горячим словом, но и личным примером. Выстрелом из пистолета Витченко уложил прыгнувшего в траншею гитлеровца, а затем, схватив его автомат, уничтожил еще семерых фашистов. А когда через некоторое время замолчал наш пулемет, Иван Гаврилович, заменив пулеметчика, вел огонь до тех пор, пока не был отброшен враг...

Пульс боя порою сильно учащался. И тогда приходила пора быстрых оперативных решений. Так было, например, 7 ноября, когда гитлеровцы, пытаясь прорваться на запад, ввели в бой главные силы. Сражение достигло наивысшего накала. И тут раздался звонок командира 10-й гвардейской стрелковой бригады полковника Бушева. Он докладывал, что со своего НП видит на западной окраине Нижней Санибы сосредоточение крупных сил противника, намеревающегося атаковать бригаду. Я знал, что Бушеву нелегко, и решил помочь ему.

К нам на усиление как раз прибыл 1115 иптап под командованием Героя Советского Союза капитана Д. Л. Мар-

гулиса, с которым я был знаком еще со времен боев на линии Маннергейма. Я немедленно послал этот полк в распоряжение Бушева. И уже через полчаса 10-я гвардейская бригада была усилена двадцатью противотанковыми орудиями.

Однако этого было недостаточно, чтобы отразить натиск превосходящих сил неприятеля.

— О чем задумался, комкор? — спросил прибывший на мой НП начальник оперативной группы гвардейских минометных частей генерал-майор артиллерии М. И. Дегтярев.

С Михаилом Ивановичем я уже был знаком. Знал и его манеру появляться на НП в самый разгар боя. На этот раз генерал прибыл не один: за его спиной стояли два молодых подполковника — командиры 49-го и 50-го гвардейских минометных полков Иван Алексеевич Сухошвили и Евгений Иванович Карелин.

В оперативную группу гвардейских минометных частей, которая обеспечивала Северную группу войск, входили тогда 8, 44, 49 и 50-й полки. Но в моем распоряжении находились только два дивизиона (по одному из 49-го и 50-го полков), залпы которых я уже израсходовал. Поэтому, увидев перед собой Дегтярева, готового помочь нам, я попросил немедленно дать залп по западной окраине Нижней Санибы. Через 20 минут из района Архонской донесли залпы двух полков, после чего западная окраина Нижней Санибы, где отмечалось наибольшее скопление гитлеровцев, покрылась густым слоем разрывов.

А вскоре, введя в бой свежие силы, возобновил наступление 10-й гвардейский стрелковый корпус. Овладев восточной окраиной Гизели, он стал теснить противника на запад, туда, где дорогу ему запирала бригада Бушева. Территория, на которой были сосредоточены в районе Гизели отборные войска 1-й немецкой танковой армии, с каждым днем сокращалась, и наша артиллерия простреливала ее насквозь. А потому нетрудно представить, какой урон причинили врагу залпы двух полков гвардейских минометов.

Пытаясь с ходу овладеть городом Орджоникидзе и открыть наконец себе дорогу в глубь Кавказа, гитлеровцы, как и в боях под Моздоком, сделали ставку на танки. Но и тут карта их оказалась битой. И прежде всего благодаря нашей артиллерии.

В ту пору, когда мы проводили Гизельскую операцию, еще не было в широком обиходе крылатой фразы «артилле-

рия — бог войны». Это точное и меткое определение стало особенно популярным после разгрома немцев под Сталинградом. Но и раньше общевойсковые командиры понимали, что артиллерия является главной огневой ударной силой нашей армии.

О себе могу сказать, что мое уважение к артиллерии и симпатия к артиллеристам зародились еще в начале сорокового года, когда при поддержке орудий мы взломали линию Маннергейма. Это уважение еще больше окрепло в ходе Отечественной войны. Что это так, я старался показать уже в первых главах книги на примере боев, которые велись в сорок первом на территории Украины и летом сорок второго южнее Ростова. Правда, тогда ощущалась острая нехватка артиллерии, но и наличные ее силы не давали спуска врагу. Достаточно вспомнить решительные действия на марше дивизиона под командованием капитана Гвоздева или стойкость личного состава другого дивизиона, который до последнего дыхания возглавлял майор Мошечков...

Благодаря огромным усилиям тружеников советского тыла и кипучей организаторской деятельности нашей Коммунистической партии с осени 1942 года насыщение войск техникой, в том числе и артиллерийской, стало заметно возрастать. На нашем фронте это проявилось уже в боях южнее Моздока, где мы смогли выставить против сотни вражеских танков более 100 артиллерийских стволов.

Особенно врезалась в память огневая дуэль на северных склонах Терского хребта, продолжавшаяся около трех часов. Потеряв тогда более 40 боевых машин, начала отходить 3-я танковая дивизия противника. В том бою замечательно проявили себя 98-й гвардейский артиллерийский полк, два дивизиона 62-й морской стрелковой бригады, 47-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, 68-й и 69-й тяжелые артиллерийские полки. Артиллеристы дрались с необыкновенным упорством и умением. А потому не просто выделить кого-нибудь из них. И все-таки я назову фамилии командиров дивизионов майора Фролова, капитана Токарева, командиров батарей Темкина, Томилина, Лисицына, Хотулева, Керцмана. Они и их подчиненные действовали особенно самоотверженно.

Основной удар принял на себя 98-й гвардейский артиллерийский полк. Его огневые позиции, находившиеся в районе Чеченской Балки, были атакованы сначала самолетами, а затем большой группой танков. Удар авиации стоил нам немалых жертв. Но выбывших из строя командиров орудий и наводчиков заменили их товарищи, в том числе и

командиры. Раненый комбат старший лейтенант Евгений Иосифович Темкин стал к орудью, заменив убитого наводчика. Его пример всколыхнул всех батарейцев. Храбро сражались с врагом командир огневого взвода лейтенант Мухамедшин, командиры орудий сержанты Кручилин и Куркашвили, командир отделения связи сержант Корсаков, разведчики сержант Пузырьков и рядовой Есаянц. О мужество артиллеристов разбились все атаки врага.

2 ноября, когда 13-я танковая дивизия гитлеровцев прорвала оборону 34-й стрелковой бригады и устремилась к Гизели, личный состав 98-го гвардейского артиллерийского полка снова совершил подвиг. Вот что рассказал подполковник Лившиц, вернувшийся из этого полка после боя.

Вслед за 13-й танковой дивизией врага, составляя второй эшелон наступающих, двигалось около 50 боевых машин 23-й танковой дивизии. Поравнявшись с Архонской, танки повернули на север, намереваясь с ходу овладеть этим населенным пунктом. Они развернулись в боевую линию и без подготовки пошли в атаку.

Гвардейцы подпустили немецкие машины на прямой выстрел и внезапно открыли по ним огонь. Вражеские танкисты не ожидали такого приема. Они заметались, притормозили, но не ушли: маневрируя по полю, танки более часа вели огонь по нашим батареям. И вот тогда, чтобы быть поближе к орудиям, оставили наблюдательный пункт и прибежали на огневую позицию командир 1-й батареи старший лейтенант Темкин и политрук батареи Детинич. То же самое сделали командиры батарей Томилин, Черный и сам командир полка майор Михаил Архипович Павленко.

Фашисты снова пытались атаковать, но безуспешно. Потеряв около десяти танков, они стали обходить огневые позиции артиллеристов справа и напоролись на огонь 2-го дивизиона того же полка, которым командовал капитан Петр Дмитриевич Гончаренко. Двенадцать орудий встретили вражеские танки метким огнем. И когда задымили еще несколько боевых машин, гитлеровцы отвернули в сторону и ушли назад, в Новую Санибу. Бойцы и командиры 2-го дивизиона проявили себя так же мужественно, как и их товарищи из 1-го и 3-го дивизионов. А особенно отличились командир орудия сержант Барним и наводчик Тарлаковский. Огнем из орудия они подбили два вражеских танка и были награждены орденом Красного Знамени.

Заместитель командира полка по политической части майор Константин Иванович Сафронов позаботился о том, чтобы о подвигах, мужестве и находчивости лучших артил-

леристов быстро узнавал весь личный состав. Это еще выше поднимало боевой дух воинов.

Отразив атаки врага, пытавшегося овладеть Архонской и выйти в тыл 9-й армии, 98-й гвардейский артиллерийский полк заслужил благодарность и оставил добрую память о себе.

Но не один этот полк закрыл дорогу фашистам на Архонскую. Его удачно поддержали минометчики 52-го дивизиона под командованием капитана Магрana. Сосредоточенным огнем они отсекали немецкую пехоту от танков. Не оплошали и артиллеристы 47-го противотанкового дивизиона капитана Волчанского, хорошо зарекомендовавшие себя еще в сентябре, в боях под Моздоком. 2 ноября они увеличили свой боевой счет еще на два вражеских танка.

Я уже называл имя капитана Престинского. 337-й истребительно-противотанковый артиллерийский дивизион, которым он командовал, действовал в составе группы полковника Ворожищева. Укомплектованный курсантами Севастопольского училища береговой обороны, этот дивизион являлся как бы костяком противотанковой обороны на том участке фронта. А среди отличившихся заслуживают особой похвалы орудийные расчеты сержантов Александра Собко, Владимира Иванова, Василия Лесных, Алексея Денисюка и Георгия Абакумова.

Расположив свое орудие в здании школы Майрамадага, Денисюк и его товарищи поначалу неплохо чувствовали себя за каменными стенами. Расчет сумел подбить два танка. Но немцы засекли орудие и открыли по нему шквальный огонь. Замертво упал наводчик Петр Каргин. Однако орудие не замолчало: павшего товарища заменил Виктор Воропов. Когда фашистам удалось поджечь школу, Денисюк вынужден был перетащить орудие в сад соседнего дома. Здесь погиб заряжающий Иван Липчанский. На его место стал Николай Зверховский. Орудие продолжало жить и подбило еще один вражеский танк...

Не менее драматические события разыгрались в соседней батарее. В строю оставалось лишь два орудия, потом одно. Но комбатр лейтенант Б. А. Рак, уже дважды раненый, продолжал руководить боем, а когда понадобилось, сам действовал за наводчика...

В литературе о боях на Кавказе район Моздока и подступы к Орджоникидзе называют «долинами смерти». Да, здесь нашло свою могилу немало живой силы и техники врага. И огромная заслуга в этом принадлежит нашей артиллерии.

Отдавая должное артиллерии, я далек от того, чтобы умалить роль других видов оружия в сражении под Орджоникидзе. Враг был остановлен, а затем окружен и разбит общими усилиями. Свой вклад в победу внесли не только артиллеристы, но и танкисты, пехотинцы, саперы, связисты. Немало сделала и авиация, поддержка которой с каждым днем становилась все более ощутимой.

О победе советских войск на Кавказе вскоре узнала вся страна. В сообщении Совинформбюро говорилось:

«В последний час

Удар по группе немецко-фашистских войск в районе Владикавказа (гор. Орджоникидзе)

Многодневные бои на подступах к Владикавказу (гор. Орджоникидзе) закончились поражением немцев.

В этих боях нашими войсками разгромлены 13 немецкая танковая дивизия, полк «Бранденбург», 45 велобатальон, 7 саперный батальон, 525 дивизион противотанковой обороны, батальон 1 немецкой горнострелковой дивизии и 336 отдельный батальон. Нанесены серьезные потери 23 немецкой танковой дивизии, 2 румынской горнострелковой дивизии и другим частям противника.

Наши войска захватили при этом 140 немецких танков, 7 бронемашин, 70 орудий разных калибров, в том числе 36 дальнобойных, 95 минометов, из них 4 шестиствольных, 84 пулемета, 2350 автомашин, 183 мотоцикла, свыше 1 миллиона патронов, 2 склада боеприпасов, склад продовольствия и другие трофеи.

На поле боя немцы оставили свыше 5000 трупов солдат и офицеров. Количество раненых немцев в несколько раз превышает число убитых».

Это сообщение Совинформбюро было опубликовано в газетах 20 ноября, а передано по радио 19-го. Я не случайно упоминаю обе даты.

Именно 19 ноября началось грандиозное контрнаступление советских войск под Сталинградом, так много значившее для всего хода и исхода войны. Пусть наш успех под Орджоникидзе был невелик по масштабам, он стал добрым предвестником коренных перемен на фронте. Ободряющая весть, долетевшая с седого Кавказа до берегов Волги, прибавляла сил тем, кто направлялся на историческую битву с врагом...

С 13-й танковой дивизией врага у меня и моих боевых товарищей были особые счеты. В разное время встречались

мы с ней. Наши пути пересекались по меньшей мере три раза.

Первая встреча, напомним, состоялась еще 5 октября сорок первого в районе Большого Токмака (Запорожская область). Тогда танковая группа Клейста вышла в тыл Южного фронта, пытаясь окружить наши войска и уничтожить их. В тот день 30 боевых машин 13-й танковой внезапно атаковали на марше 4-ю стрелковую дивизию, которой я тогда командовал. Артиллеристы, находившиеся в походной колонне, не растерялись и отразили атаку. Не причинив нам особого вреда и потеряв семь танков, противник отошел и не стал больше испытывать судьбу.

Вторая встреча произошла 29 июля сорок второго, когда 1-я танковая армия гитлеровцев наступала юго-восточнее Ростова, стремясь опять прорваться в тыл Южного фронта и окружить его войска. 13-я танковая дивизия, уже в полном составе, атаковала тогда ту же 4-ю стрелковую дивизию, только что перешедшую к обороне. И наша дивизия смело приняла вызов. Противник оставил на поле боя 30 танков.

И вот 2 ноября мы опять повстречались с тем же соединением. Враг рассчитывал овладеть городом Орджоникидзе, а потом прогуляться по тылам 9-й армии. Но и из этой затеи ничего не вышло. «Специалистка по окружению» — 13-я танковая дивизия была сама окружена и разгромлена. Таким оказался итог нашей третьей и последней встречи...

Вместе с начальником политотдела корпуса полковником Базилевским мы бродили по полю и осматривали немые свидетельства недавнего сражения. Огромным было количество разбитой и брошенной немецкой боевой техники, огромным было и количество вражеских трупов.

Гитлер и его компания начали пожирать плоды своей безумной авантюры. Затеявая войну против Советского Союза, они надеялись, что наше многонациональное государство рассыплется при первых же серьезных испытаниях. План захвата Кавказа, на территории которого живут представители более пятидесяти национальностей, тоже опирался на этот расчет.

Но враг жестоко ошибся. Кавказские народы проявили «нелояльность» не к Советской власти, на что надеялись фашисты, а к тем, кто покушался на Советскую власть. На земле Кавказа, как и в других районах нашей страны, гитлеровские захватчики столкнулись лишь с ненавистью и презрением советских людей.

В партизанских отрядах, в подпольных организациях и группах, возникших на оккупированной территории, смело

и бесстрашно боролись с врагом русские, украинцы, белорусы, грузины, армяне, осетины и представители других национальностей.

И чем труднее складывалась обстановка на фронте, тем активней была помощь советских людей своей родной Красной Армии.

Более десяти дней героически защищали селение Майрамадаг, прикрывавшее вход в Суарское ущелье, моряки 34-й отдельной стрелковой бригады. И в самые напряженные моменты боя на помощь им приходили местные колхозники. Они щедро делились с защитниками родного селения всем, что имели, выносили с поля боя раненых, помогали в доставке боеприпасов, сами становились в боевой строй. В те дни бойцам помогали даже такие престарелые жители Майрамадага, как столетний Тасалтан Базров, восьмидесятилетний Николай Батнев и другие.

Мы оказались свидетелями многочисленных проявлений горячего патриотизма советских людей, их готовности сделать все, что возможно, только бы помочь фронту. Когда огонь войны приблизился к Орджоникидзе, в городе началось формирование отрядов народного ополчения, жители вышли на постройку оборонительных укреплений, стали создавать партизанские отряды. Девушки-осетинки добровольно поступали в снайперские школы.

Невиданный патриотический порыв людей умело направляла партийная организация города. Вот какое постановление было принято на собрании партийного актива Орджоникидзе:

«Исходя из создавшейся обстановки, собрание партийного актива постановляет:

1. Считать всех коммунистов и комсомольцев города Орджоникидзе мобилизованными для обороны города.

2. Призвать на оборону города всех трудящихся города Орджоникидзе, способных носить оружие и активно защищать столицу Северо-Осетинской АССР.

3. Немедленно сформировать отряды народного ополчения, в которых коммунистам и комсомольцам принять самое активное участие.

4. Организовать среди ополченцев военную учебу».

Беззаветная преданность Коммунистической партии, горячая любовь к Родине и жгучая ненависть к врагу — вот те чувства, которые руководили трудящимися Кавказа, которые помогали Красной Армии в борьбе с фашистами. И это сыграло важную роль в разгроме врага, начисто зачеркнуло его надежды на быстрый захват и покорение Кавказа.

Те, кто сражался на подступах к Орджоникидзе, кто в полной мере проявил здесь боевой советский характер, вряд ли догадывались тогда, что они участвуют в отражении и ликвидации последней отчаянной попытки врага прорваться к Грозненскому и Бакинскому нефтяным районам, выйти в Закавказье...

С началом Сталинградской битвы над фронтами Великой Отечественной войны повеяли другие ветры.

Осенние бои на Кавказе были необычайно упорными и в высшей степени поучительными. По времени они пришлось на тот момент, когда наступательный потенциал одной из сторон — гитлеровской армии — явно иссякал, а другой — советских войск — нарастал с каждым днем. Это накладывало отпечаток и на характер боев. Они были остродинамичными, один вид боевых действий сменялся другим: на одном участке войска оборонялись, на другом наступали, здесь дрались в условиях окружения, там — сами окружали врага. Наблюдались и такие парадоксы: командир готовится наступать, но знает, что и противник вот-вот двинет свои войска вперед. Как тут быть? Как сочетать готовность к наступлению с готовностью к обороне? Приходилось так строить боевой порядок, так располагать артиллерию, чтобы быть готовым к любому варианту.

Неудивительно, что в этой ситуации нарушались связь и управление. Ведь некоторые подразделения и части сражались — и не один день! — в полной изоляции. А сколько выдержки, самообладания, умения действовать инициативно и самостоятельно требовалось от командиров и политработников! Люди, по сути дела, проходили лучшую из академий, сдавали экзамен на командирскую зрелость, за несколько дней боевой страды проявляли такие качества, которые позволяли определить, кто чего стоит, кому и что можно доверить сейчас и в будущем.

Во время ожесточенных боев под Моздоком в составе нашего корпуса действовала 8-я гвардейская стрелковая бригада, которой командовал подполковник Иван Афанасьевич Власов. Заместителем у него был думающий и смелый командир подполковник Иван Григорьевич Павловский. В ходе боев мне не раз приходилось слышать о нем и встречаться с ним. 8-я гвардейская стойко сражалась в районе Кизляра, а когда враг потеснил ее левого соседа, быстро заняла отсечную позицию и стала угрожать немцам с фланга. Мы в штабе корпуса не выпускали бригаду из поля зрения, старались помочь ей всем, чем только могли, лишь бы не дать гитлеровцам расширить прорыв.

Помню, по просьбе Павловского, прибывшего в один из потесненных врагом батальонов, артиллерия корпуса произвела сильный огневой налет по противнику, который выдвигал к этому участку свежие силы, чтобы развить успех. Среди гитлеровцев возникли разлад и замешательство, атака у них не получилась. Воспользовавшись благоприятным моментом, батальон по приказу Павловского предпринял контратаку и восстановил прежнее положение.

Прошло еще несколько дней, и этот способный, волевой командир был поставлен во главе бригады. Когда мне назвали несколько кандидатов на этот пост, я, не колеблясь, остановился именно на Павловском.

Наши пути вскоре разошлись, и на фронте мне не довелось больше встретиться с Иваном Григорьевичем, хотя воевали мы иногда рядом, оба участвовали в боях за Берлин. Увиделись много лет спустя, в Москве, когда И. Г. Павловский был уже генералом армии, главнокомандующим Сухопутными войсками, заместителем Министра обороны.

— А знаете, Иван Павлович, — откровенно признался он при встрече, — те бои под Моздоком явились для меня серьезной школой.

С этими словами нельзя было не согласиться.

46-я АРМИЯ ШТУРМУЕТ КРАСНОДАР

*Новое назначение * Армия и ее люди * Враг отступает * Обходный маневр * В освобожденном городе*

В декабре 1942 года я передал командование 11-м гвардейским стрелковым корпусом генералу И. А. Хижняку, а сам получил назначение в 46-ю армию на должность заместителя командующего. Но прежде чем явиться к новому месту службы, мне предстояло побывать у командующего Закавказским фронтом генерала И. В. Тюленева.

Путь в Тбилиси, где размещался штаб Закавказского фронта, проходил по Военно-Грузинской дороге, через Крестовый перевал. Чем больше удалялся я на юг от Орджоникидзе, тем круче становился подъем дороги, тем причудливее ее серпантины. Особенно сложна и живописна дорога на участке Чертов мост, Дарьяльское, Казбеги и Коби. Все время едешь над глубокой пропастью Дарьяльского ущелья, а сверху, со склонов гор, нависают огромные снежные массы, готовые, кажется, в любой момент обрушиться вниз.

Этот участок пути из-за больших снежных заносов обычно был перекрыт, но сейчас дорога была расчищена, а на крутых подъемах даже посыпана песком. Движение регулировалось по всей трассе, повсюду были расставлены команды саперов. Одним словом, порядок на дороге поддерживался образцовый. И в этом была заслуга обслуживавших ее частей. Благодаря их самоотверженному труду дорога обеспечивала бесперебойное снабжение войск Северной группы и связь с ними.

В полдень я приехал в Тбилиси и сразу направился к командующему. Генерала Тюленева на месте не оказалось. Два дня назад он отправился в Черноморскую группу войск, которой командовал генерал И. Е. Петров, и еще не вернулся. Однако мне сказали, что командующий уже вылетел в обратный путь и его появление в штабе ожидается с минуты на минуту.

Примерно через час Тюленев был уже на месте и сразу приступил к делам.

— Ну вот, товарищ Рослый, мы опять встретились с вами, — заговорил генерал, как только я переступил порог кабинета. — Довольны вы новым назначением?

— Нет, товарищ командующий, не доволен, — прямо ответил я. — Как-никак, а в корпусе я был первым лицом, и это меня вполне устраивало.

— Допустим, — охотно согласился командующий. — Но причин для огорчений не вижу... А речь сейчас о другом.

Тюленев встал из-за стола и пригласил меня к задернутой шторой карте, висевшей на стене.

— Обстановка на фронте Северной группы известна вам хорошо, — неторопливо начал он. — Поскольку же вы направляетесь в район Черноморской группы войск, хочу ознакомить вас с тем, что там делается.

В ожесточенных боях, продолжавшихся до второй половины сентября, войска Черноморской группы остановили наступление противника. Они нанесли врагу тяжелые потери и отбросили его на северные склоны перевалов центральной части Главного Кавказского хребта. К концу сентября здесь была создана устойчивая оборона.

Не сумев прорваться к Черному морю и в Закавказье через центральные перевалы, гитлеровцы снова вспомнили про туапсинское направление и попытались преодолеть Главный Кавказский хребет в его западной части. Ожесточенные бои продолжались здесь с 25 сентября до середины декабря. Наши войска отразили все атаки неприятеля, а затем сами нанесли контрудар и разгромили его группи-

ровку. Таким образом, ничего не получилось у немцев и на туапсинском направлении.

Далее Тюленев обрисовал особенности 46-й армии, в которую я был назначен. Занимая оборону вдоль Главного Кавказского хребта, от горы Эльбрус до Нефтяной, общей протяженностью 405 километров, эта армия воюет в очень трудных условиях. Отсутствие дорог, а иногда и троп затрудняет не только управление войсками, но также снабжение боеприпасами, продовольствием, эвакуацию раненых.

— Это самое больное место в армии, — подчеркнул генерал на прощание. — И вам предстоит основательно потрудиться, чтобы помочь командующему...

Я рассчитывал добраться к вечеру до штаба армии, который размещался в Лазаревском. Но, как назло, в дороге испортился «виллис», и, пока его ремонтировали, пришлось более суток просидеть в Кутаиси.

В Лазаревском я без труда нашел штаб 46-й армии. Однако, кроме группы связистов да нескольких командиров, здесь уже никого не было. Штаб армии переместился далеко в горы, на северные склоны Главного Кавказского хребта.

День уже был на исходе, и я решил заночевать в Лазаревском. Стал готовиться ко сну. В этот момент в комнату вошел незнакомый генерал-лейтенант. Не знаю почему, но я сразу подумал: это командарм Леселидзе, хотя никогда до этого не видел его. И интуиция не подвела меня.

Имя генерала Константина Николаевича Леселидзе связано с самыми трудными и славными страницами борьбы за Кавказ. Особую популярность он завоевал во время командования войсками 18-й армии, которая отличилась в боях за Новороссийск, в период захвата и удержания под этим городом плацдарма, известного теперь как легендарная Малая земля. Много лестного слышал я о Леселидзе как о человеке и военачальнике. Очень точную характеристику дал ему товарищ Л. И. Брежнев, долгое время воевавший вместе с ним. По меткому выражению товарища Брежнева, это был человек чести, человек слова, человек острого ума и горячего сердца, один из талантливых советских полководцев.

— Как хорошо, что вы приехали, — заговорил Леселидзе, когда я представился ему. — Я получил новое назначение и завтра утром уезжаю, а вам приказано вступить в командование армией. Поэтому поторопитесь с выездом в штаб, там вас ждут.

Так, оставаясь по документам заместителем командующего 46-й армией, я вступил в командование ее войсками.

Рано утром мы разъехались: Леселидзе — в штаб Черноморской группы, я — в горы, на поиски штаба армии.

Вечером 20 января, преодолев в пути немало неожиданных препятствий, я добрался до штаба армии. Нашел его в небольшом поселке Армянский на северных склонах горы Туба, у истоков полноводной и бурной реки Пшеха.

Начальник штаба генерал-майор Михаил Герасимович Микеладзе собрал в палатку руководящий состав и познакомил меня с ним. Здесь были член Военного совета армии полковник Г. Г. Синакоев, начальник политотдела полковник Г. П. Рокогон, заместитель начальника штаба по Вспомогательному пункту управления (ВПУ) полковник Ковтун-Станкевич, командующий артиллерией полковник М. С. Алексеенко и другие. Многие товарищи были знакомы мне по Грузии: до войны они работали в штабе 3-го стрелкового корпуса, а он размещался по соседству со штабом 4-й стрелковой дивизии, которой я тогда командовал. Так что знакомство наше оказалось быстрым и приятным.

Генерал Микеладзе подробно обрисовал обстановку, которая сложилась в полосе армии к моменту моего приезда.

Для захвата перевалов Главного Кавказского хребта и прорыва в Закавказье гитлеровское командование выделило 49-й горный корпус генерала Конрада в составе 1-й и 4-й горнопехотных дивизий. 1-я дивизия носила наименование «Эдельвейс», а изображенный на ее знамени горный цветок являлся ее опознавательным знаком.

Генерал Микеладзе не мог, конечно, знать тогда, и эта деталь осталась за рамками его доклада, что особые надежды на горный корпус возлагал сам фюрер. Как стало известно позднее, в сентябре он дал генералу Конраду аудиенцию, во время которой наставлял его и распекал за неудачи. Не случайно Конрад лез потом из кожи, стараясь выполнить данные Гитлеру обещания. Альпийским отрядам из его корпуса удалось овладеть некоторыми вершинами и перевалами, но наши подошедшие резервы сбили их с перевалов и вернули важные ключевые позиции. Потеряв надежду преодолеть Главный Кавказский хребет, 49-й горнострелковый корпус повсеместно перешел к обороне.

— Поскольку ширина фронта большая — 405 километров, — продолжал Микеладзе, — а сеть дорог развита слабо, оборона организована отдельными отрядами, главным образом на перевалах Цаннер, Марухский, Санчарское, Азапши,

Белореченский, Церковный, гора Матазык, Кушико, высота 759,7 и другие.

Правый фланг обороняют 242-я горнострелковая дивизия, 394-я стрелковая дивизия, 2-й армейский сводный полк и семь горнострелковых отрядов. Для руководства этими силами выделено управление 13-го стрелкового корпуса, штаб которого находится в Сухуми. Для управления войсками, расположенными в центре, назначен командир 69-го укрепрайона полковник Любивый, штаб которого размещен в Сочи. Левый фланг — 23-й и 33-й полки НКВД, 31-я стрелковая дивизия и 51-я стрелковая бригада*.

Холода, метели и обвалы затрудняют действия войск. Сильно усложнилось снабжение. В армии не хватает продовольствия, фуража, медикаментов; больные и раненые по долгу остаются в горах.

Крепко выручают нас самолеты У-2 и Р-5. Именно они доставляют войскам самое необходимое. Они же вывозят больных и раненых...

Далее Михаил Герасимович доложил, что с 1 января армия готовилась наступать своим левым флангом. Задача заключалась в том, чтобы ударом в направлении Самурская, Ширванская, Апшеронская во взаимодействии с 18-й армией уничтожить противника в районе Майкоп — Белореченская. Для этой цели в районе гора Матазык, Церковный, высота 759,7, Кушико и высота 759,8 были сосредоточены 31-я стрелковая и 9-я горнострелковая дивизии, 40-я стрелковая бригада и 195-й полк гвардейских минометов.

— 11 января ударная группировка армии перешла в наступление и овладела высотами 447,1 и 509,9, — продолжал он. — Но для развития успеха не хватило сил, особенно снарядов: подвозить их сюда очень трудно.

Противник оказал упорное сопротивление, а потом контратаковал наши части свежими силами и 13 января отбил захваченные у него высоты. Бои приняли затяжной характер.

— А чем заняты наши войска сейчас? Какую задачу выполняют? — перебил я начальника штаба.

— Задача остается прежней — наступать по плану, намеченному на 11 января. Однако у нас мало боеприпасов. Пока их подвозят, войска ведут активную разведку, стремятся улучшить позиции, найти слабые места в обороне неприятеля. Впрочем, об этом может рассказать мой заместитель

* ЦАМО СССР, ф. 46А, оп. 9511, д. 113, л. 1—18.

по ВПУ полковник Ковтун-Станкевич. Он только что вернулся из 9-й горнострелковой.

— Чтобы уяснить, почему оказалось безрезультатным наступление 9-й горнострелковой, генерал Леселидзе направил меня в эту дивизию, — доложил полковник Ковтун-Станкевич. — Ознакомившись на месте с обстановкой, я пришел к выводу, что лобовые атаки успеха не принесут. Мою мысль поддержал один из командиров полков. Невзначай он обронил такую фразу: «Мы — горнострелковые полки и имеем перед собой открытый фланг противника. Так неужели не сможем выйти ему в тыл?»

Ковтун-Станкевич рассказал, что дело не ограничилось обсуждениями. В дивизии был разработан и осуществлен план, по которому один из полков, действуя на открытом фланге гитлеровцев, вышел в их тыл и отрезал дорогу из Самурской. Однако развить успех наличными силами не удалось.

В разговор вступил член Военного совета армии полковник Григорий Георгиевич Синакоев. Он рассказал, что подготовка войск к наступлению потребовала от политорганов, партийных и комсомольских организаций перестройки всей партийно-политической работы. Лозунг «Ни шагу назад!», который был главным в период обороны, сменился новым: «Решительным наступлением разгромить и уничтожить немецко-фашистских захватчиков!»

Выслушав доклады, изучив карты и схемы, я довольно четко представил себе положение дел в армии. Но хотелось глубже, в деталях знать обстановку, побывать в войсках, расположенных на переднем крае. Я должен был иметь собственное представление о местности, на которой придется действовать, о людях, которые будут выполнять мои приказы.

Рассчитывать на многое не приходилось. Дело в том, что 46-я армия, как, пожалуй, ни одна другая, обороняла участок фронта весьма большой протяженности. И в этом смысле являлась уникальной. Чтобы посетить ее войска, мне бы пришлось проехать вдоль всего Главного Кавказского хребта.

Учитывая сказанное, я для начала избрал 31-ю стрелковую дивизию, которая являлась ядром наступательной группировки армии. Ее боевые порядки располагались к тому же неподалеку от штаба.

Верхом на лошади я двинулся вдоль реки Пшеха в северном направлении и часа через два прибыл в штаб дивизи-

зии. Располагался он в небольшом овраге. Около десяти врытых в гору землянок и несколько палаток, из которых торчали дымоходные трубы, составляли все хозяйство штаба.

31-й стрелковой дивизией командовал полковник Петр Константинович Богданович, с которым я был знаком по учебе в Военной академии имени М. В. Фрунзе. Встретились, как добрые друзья. По дороге на наблюдательный пункт, который был вынесен вперед на одну из господствующих высот, Богданович докладывал о состоянии дивизии и ее готовности к наступлению.

НП комдива состоял из блиндажа и нескольких примыкавших к нему окопов. Здесь находился узел связи, здесь же стояла артиллерийская стереотруба. Я стал осматривать местность и расположение боевых порядков.

Километрах в двух впереди нас и чуть правее раскинулось селение Рожет, в районе которого занимал оборону 248-й стрелковый полк майора Гусева. Прямо перед нами, если смотреть на север, находилось селение Кушико, где оборонялся 75-й стрелковый полк под командованием майора Саскова. Перед этим полком лежали селение Маратуки и высота 1010,3, или гора Оплепен, как она значилась на некоторых картах. Еще левее располагались боевые порядки 818-го стрелкового полка, возглавляемого майором Селивановым.

— А вот там, — Богданович указал вдоль реки Пшеха, — находятся Волчьи Ворота. Это две огромные скалы, между которыми, как через ворота, протекает Пшеха.

Упомянув Волчьи Ворота, Петр Константинович невольно вспомнил о событиях недавнего прошлого.

— Осенью и в начале зимы сорок второго года, — продолжал он, — нам приходилось туго. Здесь шли напряженные бои, особенно за Волчьи Ворота и гору Оплепен. Гора господствует над окружающей местностью, и немцы стремились во что бы то ни стало овладеть ею. Четыре раза она переходила из рук в руки. Но в конце концов горой завладел враг — у него оказалось больше сил.

Жарким был бой и на высоте 736,1. — Полковник указал на нее рукой. — Защищал высоту взвод лейтенанта Стокина, защищал буквально до последней капли крови. Перед позицией героев полегла целая рота фашистов. Но противник не жалел подкреплений и добился своего.

Людей у нас было мало, а оружия и боеприпасов и того меньше. И никакой надежды на помощь: дороги непроходимы. Каждый патрон и гранату держали на строгом

учете. И с питанием плохо. Не было даже хлеба. Выручали дикие яблоки и груши, из них варили компоты. Да иногда добивали раненых лошадей... Медикаментов тоже было в обрез. И все же удержались. Дальше этого рубежа немцев не пустили. И Волчьи Ворота сохранили за собой.

— А как с питанием сейчас? Как настроение людей? — спросил я.

— Сейчас — полный порядок, — ответил Петр Константинович. — Питание удовлетворительное, одеты бойцы тепло, и боеприпасы имеются. Все изменилось, лишь только построили дорогу. Ну и настроение — соответствующее: мы же знаем, как драпают фашисты от Волги. Впрочем, предлагаю вам пройти к Гусеву, чтобы во всем убедиться. Здесь близко, по прямой около двух километров. Заодно посмотрим позиции, с которых будем наступать на Самурскую.

Я с удовольствием согласился. Мы направились в 248-й стрелковый полк и вскоре оказались у высоты 509,9, которую оборонял 1-й батальон этого полка. Командир батальона капитан Чубукин встретил нас, когда мы уже находились в роте старшего лейтенанта Долженкова. Пробыв здесь около часа, перешли в роту старшего лейтенанта Сухорукова.

Мне удалось встретиться и поговорить с теми воинами, которые вынесли на своих плечах всю тяжесть прошедших боев, чьи товарищи из взвода лейтенанта Стокина погибли все до единого, отстаивая высоту 736,1.

Здесь мне назвали многих, кто отличился в боях. Присоединившийся к нам командир полка майор Александр Андреевич Гусев восхищался действиями разведчиков Арзамасова, Алферова, Черкасова, Вербу и Ройхмана. А капитан Чубукин назвал среди лучших пулеметчиков Тищенко, Синявского и Кравченко, мужественно защищавших позиции своего батальона.

И комбат Чубукин, и ротные командиры Сухоруков с Долженковым, и стрелки, и пулеметчики, и разведчики произвели на меня самое благоприятное впечатление.

В то самое время, когда я с командиром 31-й стрелковой дивизии осматривал наши боевые рубежи, с которых не сегодня-завтра придется наступать, делал свои прикидки, вероятно, и командир 4-й горнопехотной дивизии немцев генерал Эгельзеер. Именно его дивизия, не добившись успеха в недавних боях, вынуждена была в ожидании лучших времен зазимовать на вершинах Кавказа, как раз против левого фланга нашей 46-й армии.

Однако лучшие времена не приходили, а неприятности напоздали со всех сторон. Эгельзеер знал об окружении 6-й полевой и 4-й танковой армий под Сталинградом и, наверное, с ужасом думал, что произойдет, если русские, развивая наступление, прорвутся к Ростову и отрежут всю группировку немецких войск на Кавказе.

Да, над гитлеровскими армиями, стоявшими на Кавказе, тучи сгущались довольно быстро. Войска нашего Южного фронта (в начале января 1943 года Сталинградский фронт был переименован в Южный) уверенно продвигались к Ростову. Войска Северной группы начиная с 3 января громили отходящего противника на самом Кавказе. Линия фронта отодвигалась здесь каждые сутки в среднем на 20 километров. Учитывая сложившуюся обстановку, в Москве сочли целесообразным вывести Северную группу войск из состава Закавказского фронта и преобразовать ее в самостоятельный Северо-Кавказский фронт. Продвигаясь на запад и северо-запад, войска этого фронта все глубже заходили в тыл 49-му горнострелковому корпусу немцев, вынуждая его покидать одну позицию за другой и спускаться с гор в долины. Мы чувствовали, вот-вот тронется и 4-я горнопехотная дивизия. В связи с этим повсеместно было усилено наблюдение, непрерывно велась активная разведка. Пленные, захваченные 24 января, подтвердили наше предположение: гитлеровцы готовились оставить свои позиции.

Обстановка торопила нас, и утром 25 января ударная группировка армии перешла в наступление, имея разграничительные линии: справа — Новолабинская, Усть-Лабинская; слева — Понежуклой, Старокорсуньская.

Справа соседа не было, слева наступала в общем направлении на Краснодар 18-я армия под командованием генерал-майора А. И. Рыжова.

Крутые обрывы и ущелья, полноводные незамерзающие горные ручьи и реки, лежащие на нашем пути, тормозили продвижение вперед. Армия не имела штатных переправочных средств. В связи с этим встреча даже с небольшим горным ручьем вынуждала нас делать остановки.

И все-таки за первый день наступления войска армии прошли 15 километров, овладели Армянской и Червяково, а утром 26 января — Нефтегорском. Было захвачено много оружия, которое не успел вывезти враг, в том числе пулеметы, орудия, минометы и много боеприпасов. На поле боя

осталось около 1000 окоченевших трупов немецких солдат и офицеров*.

Войска двигались налегке. Проведя перед наступлением артиллерийскую подготовку, наши части оставили орудия, минометы и боеприпасы к ним за перевалом. Там же находились запасы продовольствия, кухни и автомашины. Все это можно было двинуть вслед за войсками лишь после восстановления дороги Туапсе — Майкоп — Краснодар.

В условиях когда наступление развивалось в нескольких направлениях, изолированных одно от другого, не просто было управлять войсками. Я двигался вслед за ударной группировкой армии и имел при себе ВПУ, в состав которого входили представители служб и отделов штаба. Несколько вьючных лошадей составляли весь наш транспорт. Лошади перетаскивали тюки со штабными документами и запасом карт, а также средства связи — радики и питание к ним.

В моем распоряжении имелись две лошади: на одной была рация для связи с командирами дивизий, другая шла под седлом.

Воспользовавшись сравнительно ровным и проторенным участком дороги, что вел к Кубано-Армянскому, я пустил лошадь рысью, догнал боевые порядки 31-й стрелковой дивизии и увидел любопытную картину.

На краю глубокого оврага полковник Богданович, сидевший верхом на серой лошади, о чем-то разговаривал с майором Гусевым. Вокруг царило такое оживление, что они не сразу заметили меня. Многие бойцы и командиры садились на снег и по крутым склонам спускались в овраг, а потом, помогая друг другу, карабкались вверх. Тут же расторопный командир батареи Николай Алексеевич Муха переправлял через овраг два 76-миллиметровых орудия. Одно из них, которым командовал сержант Срибный, уже было спущено в овраг. На помощь артиллеристам пришли пехотинцы капитана Чубукина. Комбат прикрепил к орудью стрелковую роту Долженкова. Ротный отлично понимал, что орудие даже сегодня может выручить его роту, и по-хозяйски суетился возле него, прилаживая веревки и распределяя людей. Орудие медленно ползло вверх.

Другое орудие, которым командовал старший сержант Малахов, помогала спустить рота Сухорукова. Прикрепив к колесам толстые палки для торможения и придерживая орудие за лямки, бойцы переправляли его в овраг.

* ЦАМО СССР, ф. 31 сд, оп. 1, д. 15, л. 6—8.

Таким способом в 31-й стрелковой дивизии было спущено с гор на равнину 10 орудий. Столько же вывезла на вьюках и 9-я горнострелковая. Жаль только, что снарядов было очень мало.

Богданович наконец увидел меня и поспешил с докладом. Вместе с ним был начальник политотдела Пяткин.

— Наступление развивается по плану, — бодро доложил комдив. — Немцы бегут, бросая тяжелое оружие и боеприпасы.

— И массу окоченевших трупов, — добавил Пяткин.

— Все это так, но противник сумел оторваться, и вы потеряли соприкосновение с ним, — строго заметил я.

— Никак нет, — возразил комдив. — Противника мы не потеряли. Вперед выдвинут разведотряд дивизии. Он неотступно преследует гитлеровцев и обо всем доносит мне. Командует отрядом старший лейтенант Анатолий Лукин — энергичный и смелый командир. В отряд подобрали 25 комсомольцев. Все ребята боевые — Николай Батуков, Сергей Сархошев, Евгений Невенчаный, Аваг Степонян, Михаил Ситников, Вагоршак Муродян и другие. Саперную группу в передовом отряде возглавляет Алексей Пяткин. Отчаянный парень! А что касается главных сил, то сами видите, какие препятствия приходится преодолевать. Вот вырвемся на равнину и все наверстаем.

Богданович был прав. Наступать приходилось в таких условиях, что нельзя было рассчитывать на быстрый темп.

Вернувшись в штаб армии, я узнал, что и 9-я горнострелковая дивизия полковника М. В. Евстигнеева и 40-я стрелковая бригада генерал-майора Н. Ф. Цепляева продвигаются успешно.

Вскоре войска армии освободили Майкоп, Ханскую, Белореченскую, Черниговскую и вышли на прикубанские просторы. Продвигаться стало значительно легче. А кроме того, мы проходили теперь через населенные пункты, а здесь проще решались вопросы медицинского обслуживания: местные жители охотно ухаживали за ранеными и больными бойцами, делились с нами продовольствием.

В первых числах февраля войска армии вышли к реке Кубань на участке Усть-Лабинская, Старокорсуньская. Попытались было с ходу форсировать реку, да не смогли. Февраль только начался, а на Кубани стояла теплынь, в воздухе нахло весной. Лед стал рыхлым и ломался даже под ногами.

И все-таки я не терял надежды отыскать какой-нибудь способ форсировать Кубань. Решил побывать на льду и оценить все на месте. Для этого поехал в небольшое селение Урусов, где размещался штаб 31-й стрелковой дивизии. Оттуда рукой было подать до реки. Здесь я получил боевое распоряжение, продублированное по радио из штаба армии:

«46-ю армию с армейскими частями и учреждениями в составе 9-й горнострелковой, 31-й стрелковой дивизий, 40-й стрелковой бригады со 195-м гвардейским минометным полком и 11-м отдельным саперным батальоном с 24.00 5 февраля 1943 года из состава войск Черноморской группы исключить и передать в непосредственное подчинение Северо-Кавказского фронта. Начальник штаба группы генерал-майор Ермолаев» *.

В штабе 31-й стрелковой меня ожидала еще одна новость. Полковник Ковтун-Станкевич, которого я послал в 9-ю горнострелковую дивизию для уточнения обстановки, доложил, что эта дивизия, наступавшая на правом фланге ударной группировки армии, ворвалась на плечах отступавших гитлеровцев в Усть-Лабинскую и соединилась с левофланговыми частями 37-й армии. Мост через Кубань нашим удалось захватить там в полной исправности.

Дело принимало теперь совсем иной оборот. Я отдал распоряжение всем наступавшим частям выходить на правый берег Кубани через Усть-Лабинскую и, не мешкая, сам направился в эту станицу.

В такт размеренному бегу лошади я неторопливо думал о генерале И. И. Масленникове, о том, что наши с ним фронтовые дороги опять скрестились.

Совсем недавно, командуя 11-м гвардейским стрелковым корпусом, я близко узнал генерал-лейтенанта Масленникова как командующего Северной группой войск. Теперь, находясь в новой роли, я снова попадал в подчинение Масленникова, ныне уже генерал-полковника, командующего Северо-Кавказским фронтом. Это, не скрою, обрадовало меня.

Когда в августе сорок второго Иван Иванович вступил в командование войсками Северной группы, эти войска только-только создавались. Те немногие стрелковые бригады и дивизии, которые послужили основой для организации корпусов и армий, были малочисленны и слабо вооружены. Особенно не хватало противотанковой и зенитной артиллерии,

* ЦАМО СССР, ф. 46А, оп. 9511, д. 102, л. 33.

танков и авиации. Верховное Главнокомандование, озабоченное положением дел на Северном Кавказе, направило сюда новые части, самолеты, танки. Но подкрепление находилось еще в пути.

А танковая лавина Клейста, эта ударная сила немцев на Северном Кавказе, катилась к Моздоку, намереваясь 25 сентября овладеть городом Баку. Командующему было над чем задуматься. Он как-то поделился со мной, что дал слово Верховному остановить врага на Тереке. Словом своим этот человек очень дорожил, порученному делу отдавал всего себя. В самые критические моменты боя Масленников появлялся там, где было всего труднее, где решался вопрос о победе или поражении. Это мы видели не раз.

В один из сентябрьских дней, когда под станицей Вознесенской, у небольшого кумыкского селения с красивым названием Красная Горка, шел ожесточенный бой, на мой наблюдательный пункт пришел генерал Масленников. Я подчеркиваю — пришел, так как попасть к нам иначе было невозможно. Иван Иванович пешком преодолел крутой подъем длиной более километра, да еще под огнем врага. А ведь генерал за свою боевую жизнь был семь раз ранен!

Под Вознесенской враг получил по заслугам, и мы с Масленниковым вместе порадовались тогда этому успеху. Но гитлеровцы тут же сделали выпад в сторону Малгобека, а потом — Эльхотовских ворот. Однако командующий преугадал их возможный маневр и выдвинул туда резервы.

Самым серьезным испытанием были, конечно, бои в районе Орджоникидзе, где нам удалось не только остановить противника, но и разбить его. Скажу без преувеличения: в ту победу И. И. Масленников вложил всю свою душу...

Добравшись до большой и богатой до войны станицы Усть-Лабинской, я вскоре оказался у дома, где устраивался прибывший сюда штаб армии.

Мне сразу вручили директиву командующего фронтом, определявшую новую задачу нашей армии. 46-й подлежало наступать вдоль северного берега Кубани на Краснодар и овладеть им.

Справа двигалась 37-я армия. Граница с ней была установлена через населенные пункты Кирпильская, Пластуновская, Ново-Титоровская, Новый-Копанский, Ново-Мышастовская, Славянская. С юга на Краснодар наступала 18-я армия, граница с которой проходила по реке Кубань.

Мост через Кубань работал с полной нагрузкой. Армия сравнительно быстро переоправилась на северный берег ре-

ки, вышла в свою полосу наступления фронтом на запад и к исходу 7 февраля занимала следующее положение:

9-я горнострелковая дивизия — по восточной окраине Динской и северо-восточной части совхоза «Агроном»;

31-я стрелковая дивизия занимала участок: Первая речка, Кочетов и северо-восточная окраина Старокорсуньской;

40-я стрелковая бригада — восточная окраина Старокорсуньской, штаб армии — западная окраина Васюренской.

Известно, что летом сорок второго мы готовили Краснодар к обороне. Здесь было построено много инженерных сооружений, в том числе внешний оборонительный обвод, восточный сектор которого проходил по рубежу: Динская, совхоз «Агроном», Старокорсуньская. Кроме хороших окопов здесь имелись дзоты, проволочные заграждения и даже противотанковые рвы. Теперь на этом рубеже обосновалась 4-я горнопехотная дивизия немцев. Получилось, что наши же инженерные сооружения были обращены против нас, и это вызывало чувство досады.

Трое суток части армии безуспешно пытались прорваться через позиции врага.

9 февраля к нам в Васюренскую прибыл командующий фронтом. Прибыл, что называется, налегке, на одном вездеходе и с одним автоматчиком. Как обычно, насупив брови, Масленников поздоровался, а потом строго спросил: «Почему ваша армия вот уже три дня топчется на месте?»

Я доложил обстановку, обратив внимание на то, что армия до сих пор воюет без артиллерии, а противник занимает прочные оборонительные позиции.

— Если полезть на рожон, много людей погубим. Надо подождать артиллерию: она уже на подходе, — закончил я свой доклад.

— Что людей беречь надо, тут вы правы, — сказал командующий. — А когда придет артиллерия?

— Сегодня к исходу дня. Два дивизиона уже здесь и устраиваются на огневых позициях.

— Вот и хорошо. Всыпьте как следует фашистам и скорее в Краснодар...

10 февраля подошла наконец наша артиллерия. На другой день ранним утром тысячи мин и снарядов обрушились на головы гитлеровских захватчиков. Части 46-й армии атаковали врага по всему фронту. Артиллерийская поддержка быстро решила дело. Но на отдельных участках немцы упорно сопротивлялись. На юго-восточной окраине совхоза «Агроном» они не только остановили продвижение одного из подразделений 31-й стрелковой дивизии, но и сами трижды

переходили в контратаки. Однако все три раза вынуждены были откатываться назад.

Пулеметчики сержанты Кузнецов и Нихимбаев встречали каждую контратаку врага уничтожающим огнем. Их станковый пулемет появлялся то в одном, то в другом месте. А когда враги попытались скрытно подобраться к пулеметчикам с тыла, их встретил прицельным огнем из винтовки старший сержант Чудовский. Старший сержант был ранен, но продолжал вести бой, пока второе ранение не вывело его из строя.

Контратаки не помогли гитлеровцам, но нашему дальнейшему продвижению на этом участке мешали два дзота с засеваемыми в них пулеметчиками. Подавить огневые точки неприятеля вызвался опытный артиллерист младший сержант Бескровный. Мастерски ведя огонь из 76-миллиметрового орудия, он разрушил один дзот. Второй дзот заставил замолчать огнем из сорокапятки Владимир Сертан. Линия обороны на этом участке была прорвана.

А через несколько минут громкое «ура» донеслось и со стороны станицы Динской. Это части 9-й горнострелковой дивизии, ворвавшись в первую траншею гитлеровцев, завязали рукопашный бой.

К 11 часам линия вражеской обороны на участке от Динской до Старокорсуньской была прорвана. К полудню войска 46-й армии подошли к восточной окраине Краснодара, но опять натолкнулись на прочную оборону неприятеля. 9-я горнострелковая дивизия остановилась на северо-восточной окраине Калинино, 31-я стрелковая дивизия — на восточной окраине Краснодара, 40-я стрелковая бригада — на юго-восточной окраине.

В это время части 37-й армии вели бой за Ново-Титоровскую, а части 18-й армии готовились форсировать Кубань и атаковать Краснодар с юга.

Из станицы Пашковской, где я находился, город был виден как на ладони. Со стороны центральной части Краснодара доносились глухие взрывы, то в одном, то в другом месте вздымались черные клубы дыма. Мы прекрасно понимали, что это означает: специальные эсэсовские команды, осуществляя злодейский план выжженной земли, уничтожали в городе все, что только могли.

Чтобы спасти Краснодар, его жителей, материальные и культурные ценности, надо было как можно быстрее сломить сопротивление фашистских войск, укрепившихся на северной и восточной окраинах поселка Калинино, на восточной и юго-восточной окраинах Краснодара. Противник за-

нял вторую линию обороны, которая была ничуть не слабее первой. Форсировать события, требуя от командиров немедленной атаки, я не мог — слишком велики были бы потери.

И тогда я решил, что лучший способ скорее освободить город — это создать угрозу окружения гитлеровцев. После сталинградского котла они стали панически бояться обходных маневров наших войск.

Связался с командиром 40-й стрелковой бригады генерал-майором Цепляевым и поделился своими соображениями.

— Сумеете прорваться на правом фланге гитлеровцев и создать угрозу глубокого обхода? — спросил я.

— Сумею, товарищ командующий! Люди рвутся в бой. Ведь знают, что враг уничтожает город.

— Действуйте, комбриг. Желаю удачи. Помпите, с юга навстречу вам наступают части 18-й армии.

Рассчитывать на успешные действия одной лишь 40-й стрелковой бригады было нельзя. Обходный маневр следовало провести и на правом фланге. Эта задача была возложена на 9-ю горнострелковую дивизию, которой было приказано ворваться в Краснодар, обойдя его с северо-запада.

Несколько часов светлого времени, которые оставались у нас, ушли на подготовку и организацию боя.

Уже вечерело, когда наша артиллерия открыла довольно плотный огонь по позициям противника. Обработка намеченных участков прорыва продолжалась 30 минут. Передовой отряд бригады генерала Цепляева, прижимаясь к правому берегу Кубани, довольно быстро продвигался к южной окраине Краснодара. На реке начинался разлив, и наступающим иногда приходилось двигаться по пояс в ледяной воде. Через несколько часов наши подразделения соединились с 10-й стрелковой бригадой 18-й армии. Бригада, которой командовал подполковник Н. М. Ивановский, под покровом ночи переправилась на подручных средствах через Кубань и вышла во фланг немецкому гарнизону, находившемуся в Краснодаре.

Враг оказывал упорное сопротивление. Особенно жаркий бой кипел в районе сада «Красный». Подразделения 248-го стрелкового полка 31-й стрелковой дивизии натолкнулись здесь на сильный опорный пункт врага, не пострадавший от огня нашей артиллерии. Четыре вражеских пулемета свинцовым ливнем хлестали по нашим бойцам, прижимая их к раскисшей земле.

Командиры взводов младшие лейтенанты Бачкурянский и Пустовой подтянули приданные орудия и ударили по пу-

леметам прямой наводкой. В сторону врага полетели грапаты, заработали наши пулеметы. Ошеломленные гитлеровцы не успели прийти в себя, как Бачкурянский и Пустовой со своими бойцами ворвались в опорный пункт и погнали врага дальше.

Боевой порыв наступающих выражался не только в смелости, но и в воинском умении, находчивости. На стыке 818-го и 75-го стрелковых полков 31-й стрелковой дивизии серьезным препятствием оказались два немецких станковых пулемета, которые вели огонь с хорошо оборудованных и замаскированных позиций.

Правильно оценив обстановку и возможности своего оружия, наводчик ПТР сержант Коваленко выдвинулся вперед, засек огневые точки врага и несколькими меткими выстрелами подавил оба станковых пулемета.

Натиск наших войск усиливался, однако и гитлеровцы сопротивлялись изо всех сил. Жаркие схватки вспыхивали в зданиях и во дворах, на полузасыпанных улицах и среди дымящихся развалин.

Судьбу боя, как мы и предполагали, решил удачный маневр 40-й и 10-й отдельных стрелковых бригад, обеспечивший выход наших войск на южную и юго-западную окраины Краснодара, а также 9-й горнострелковой дивизии, обходившей город с северо-запада.

Угроза окружения внесла замешательство в ряды фашистов. Бросая оружие и боевую технику, они начали поспешно отходить из города. К утру 12 февраля 9-я горнострелковая дивизия вышла на западную окраину поселка Калинино, 31-я стрелковая дивизия овладела центром города и его западной частью, а южные и юго-западные районы были очищены от фашистских захватчиков подразделениями 40-й и 10-й отдельных стрелковых бригад*.

Вспоминая ожесточенные бои, которые проходили на восточной окраине Краснодара, особенно в районе сада «Красный», мне хочется отметить 248-й стрелковый полк (командир полка майор Гусев, заместитель командира по политической части майор Крючков, начальник штаба майор Цеплахов). Эта часть энергично атаковала противника, нанесла ему тяжелые потери, захватив 12 орудий и много другого оружия. Не давая врагу передышки, полк ворвался в город, овладел улицами Корсуньской, Шаумяна и Кирова.

Самых добрых слов заслуживает и 818-й стрелковый полк (командир полка майор Селиванов, заместитель коман-

* ЦАМО СССР, ф. 46А, оп. 9511, д. 172, л. 252.

дира по политической части майор Башаров, начальник штаба старший лейтенант Игнатенко). Он также вел бой в саду «Красный», а в последующем ударе вдоль Новороссийской и Садовой улиц прорвался к железнодорожной станции.

В полдень 12 февраля на улицах Краснодара я встретился с начальником политотдела 31-й стрелковой дивизии полковником Пяткиным. Он горячо и с большой любовью говорил о людях, которые отличились в последних боях. Назвал командира 75-го стрелкового полка майора Михаила Саскова, командира 3-го батальона старшего лейтенанта Колунова, командира 2-й стрелковой роты этого же полка Панькова. Со слов начподива я записал тогда имена отличившихся в боях Алексея Пяткина, Ивана Блюдникова, Савелия Гриденко, Даниила Борисова, Василия Тищенко.

С особой теплотой отзывался полковник Пяткин о выдержке и бесстрашии медицинской сестры Веры Евгеньевны Довбни и старшего сержанта медицинской службы Анны Ивановны Уткиной.

— Постарайтесь, товарищ Пяткин, — сказал я на прощание политработнику, — чтобы о героях — освободителях Краснодара знала вся дивизия, чтобы их пример учил и звал воинов на подвиг.

Пока штаб армии перемещался в Краснодар, я решил осмотреть город, установить контакт с местными руководителями.

Гитлеровцы причинили Краснодару огромный ущерб. Театр имени Горького, радиоцентр, Дворец пионеров, Главпочтамт, Первая советская больница, Адыгейская больница, педучилище и многие другие культурные, административные и промышленные здания были превращены в руины.

С чувством глубокого сострадания смотрел я на пепелища и развалины, слушал рассказы жителей о зверствах гитлеровцев в городе и крае, об издевательствах над мирным населением. Именно здесь, на кавказской земле, немецко-фашистские оккупанты впервые пустили в ход душегубки — одно из средств массового изуверского истребления людей. Жертвами фашистского разбоя в Краснодарском крае стали 61 540 человек. Одних расстреляли или повесили, других отравили в душегубках или замучили в застенках гестапо. Почти 32 тысячи молодых краснодарцев угнали гитлеровцы на каторгу в Германию.

На улицах постепенно становилось многолюдно. К центру города тянулись и стар и млад, все, кто выжил, дождался светлого часа освобождения.

На одной из площадей, где собралось особенно много краснодарцев, я повстречался с первым секретарем Краснодарского крайкома партии Петром Ианнуарьевичем Селезевым.

Вокруг нас собралась огромная толпа. На площади стихийно возник митинг. Людей никто не собирал, они пришли сами, ибо их сердца бились в едином ритме, а мысли были устремлены к одной цели, и в каждом жила потребность всенародно выразить свои чувства — свою радость и боль, свои надежды и стремления. Над этим морем голов, над изможденными и заплаканными лицами, сияющими счастьем глазами звучал негромкий голос секретаря крайкома.

Люди как замороженные слушали человека, который в тяжелую пору фашистского нашествия оставался вместе с ними, возглавив краевой штаб партизанского движения.

Секретарь крайкома говорил о великом воинском подвиге и о победе, о мужестве солдат и тех, кто сражался с врагом в тылу, о прекрасном будущем Краснодара и всей нашей великой страны. И перед мысленным взором слушателей вставало из руин и пепла все, что было разрушено проклятыми оккупантами. И новый город, восстановленный из руин, виделся им еще прекраснее, чем был.

Позднее я услышал, что за несколько минут до митинга, на котором Петр Ианнуарьевич Селезев так проникновенно говорил о будущем Краснодара, он получил известие о смерти самого близкого человека — жены...

Вечером, когда я прощался с этим мужественным человеком, по радио было передано очередное сообщение Совинформбюро.

«12 февраля, — говорилось в нем, — на Кубани войска Героя Советского Союза генерал-майора Рослого И. П. и генерал-майора Рыжова А. И. в результате решительной атаки овладели городом Краснодар. Первыми ворвались в Краснодар части генерал-майора Цепляева Н. Ф., полковников Богдановича П. К. и подполковника тов. Ивановского Н. М. Взяты пленные и трофеи».

Петр Ианнуарьевич выслушал это сообщение стоя. Его примеру последовали все, кто находился рядом.

Недолго пробыли мы вместе. Пути наши расходились. Селезеву предстояла труднейшая работа по восстановлению разрушенного хозяйства города и края. А нас ждали новые бои с врагом.

БОИ ЗА ДОНБАСС

*Необычное поручение генерала И. Е. Петрова *
Опять Южный фронт * Впереди Макеевка, Ста-
лино * Это и есть массовый героизм * Донбасс
возвращен Родине * Как была прорвана линия
Вотана*

Недолго пришлось мне возглавлять 46-ю армию, временно исполняя обязанности командующего. Вскоре после освобождения Краснодара в командование армией вступил генерал-майор А. И. Рыжов.

Некоторое время я выполнял ответственное поручение нового командующего Северо-Кавказским фронтом генерал-полковника И. Е. Петрова. Поручение было весьма необычного, если не сказать, странного свойства. Мне приказали возглавить работы по рекогносцировке оборонительного рубежа от Сальска до Ейска, рубежа, который должен был прикрывать Кавказ с севера. Гитлеровцы давно были изгнаны из этих мест, линия фронта отодвинулась за Ростов, инициатива находилась в руках нашего командования, а тут па тебе — планируй создание обороны в глубоком тылу своих войск!

Спокойный и уравновешенный, Иван Ефимович Петров как бы разгадал ход моих мыслей и тихо проговорил:

— На всякий случай, товарищ Рослый, мы обязаны это сдолоать. Война есть война. А потом, еще не ясно, как противник будет вывозить свои войска, зажатые на Тамани...

Наше военное руководство, подобно опытному шахматисту, заглядывало на много ходов вперед, учитывало различные варианты возможного развития событий.

Командующий фронтом довольно быстро развеял мои сомнения. Трудились мы основательно. В ходе рекогносцировки много ездили и не меньше ходили. На нашем пути оказалась и хорошо известная мне по прошлогоднему отступлению деревня Лопанка, в которой, как известно читателю, наша ослабленная дивизия закрепились тогда на один день, чтобы ночью снова пробиваться к своим.

Быстро нашел я дом, где останавливался, и тех стариков, что приютили нас тогда. Но что это: хозяйка дома, увидев меня, испуганно перекрестилась, а старик, не говоря ни слова, оторопело смотрел на меня. Скоро все прояснилось. Немцы, оказывается, объявили жителям, что советская дивизия, стоявшая здесь, далеко не ушла, она была наголову разбита, а генерал—ее командир—погиб в перестрелке. Гитлеровцы называли даже место, где якобы все это произошло.

Растерянность стариков длилась недолго. Придя в себя, они дали волю своим чувствам, приняли меня как родного. А ведь нас сблизил, сроднил всего лишь один день войны!

Закончив рекогносцировку и подготовив подробную карту с обозначением районов обороны, включая батальонные, я опять предстал перед командующим фронтом.

Генерал Петров утвердил схему оборонительного рубежа и, откинувшись на спинку стула, неожиданно спросил, не хочу ли я снова командовать корпусом.

Я ответил, что это было бы пределом моих желаний.

Разговор с командующим фронтом состоялся в конце мая, а уже 18 июня я вступил в командование 9-м Краснознаменным стрелковым корпусом. Мой предшественник — генерал-майор М. К. Зубков отбыл к новому месту службы, и меня встретил начальник штаба корпуса подполковник Е. И. Шикин.

С этим человеком мне пришлось в дальнейшем пройти долгий боевой путь, а прекрасное впечатление о нем сложилось с первой же встречи. Емельян Иванович был и отменным штабистом, и превосходным товарищем. До назначения в корпус он работал начальником штаба дивизии и имел за плечами богатый опыт боев на Северном Кавказе. Хорошо был подкован он и теоретически — еще до войны окончил академию. Природа тоже не обделила Шикина ни аналитическим умом, ни рассудительностью, ни деловитостью. А что еще нужно начальнику штаба корпуса!

В корпусе Емельян Иванович находился совсем недолго, а о его боевом пути, о славных традициях рассказывал горячо, я бы даже сказал, с упоением. Это тоже характеризует человека. А корпус и впрямь заслуживал добрых слов. Его боевая слава была всецело связана с боями на Кавказе, где соединение хорошо проявило себя и в оборонительных и в наступательных боях. Особенно отличился корпус при освобождении Моздока, за что был удостоен ордена Красного Знамени. В последующем, наступая по широким просторам Северного Кавказа, корпус прошел с боями тысячекилометровый путь и освободил 1128 населенных пунктов.

В момент же моего прибытия корпус занимал боевой рубеж на Таманском полуострове, где войска Северо-Кавказского фронта готовились нанести последний и решающий удар по врагу, прижатому со всех сторон к морю. Докладывая обстановку, начальник штаба рисовал картину предстоящих дел, высказывал хорошо продуманные и взвешенные предложения, что лишней раз давало основание считать его грамотным, с творческой искрой офицером.

Но то, к чему мы готовились, пришлось делать не нам. Как нередко случалось на фронте, ситуация вдруг круто изменилась.

В середине августа 1943 года я был вызван в штаб Северо-Кавказского фронта. Начальник штаба фронта генерал-майор И. А. Ласкин в разговоре со мной был немногословен.

— Ставка Верховного Главнокомандования приказала снять ваш корпус с боевого участка и отправить на Южный фронт, — сообщил он.

Тут же меня познакомили с планом вывода частей корпуса с переднего края и графиком погрузки в эшелоны.

Контроль за погрузкой я возложил на своего заместителя, а сам вместе со штабом отправился в путь с первым же эшелонном. Необходимость такого решения объяснялась просто: командир и штаб как организаторы боя обязаны первыми явиться в новый район сосредоточения, чтобы изучить обстановку и получить задачу еще до прибытия частей.

Поезд быстро мчал нас в Ростов. Год назад здесь, в этих местах, мы вели тяжелые оборонительные бои, откатывались под ударами фашистских танковых армий в глубь Кавказа. Как много изменилось за прошедший год! Куда девалась гитлеровская спесь, хвастливые, на весь мир, обещания быстрой победы над большевиками!

Не успел враг оправиться от сталинградского побоища, как его постиг новый страшный удар, теперь уже на Курской дуге. Произошло невероятное: в отместку за Сталинград гитлеровцы хотели устроить нам не менее впечатляющий котел в районе Курска, но их надежды рухнули. Курская битва потрясла до основания всю военную машину Гитлера, послужила началом общего наступления советских войск. Пришли в движение не только те фронты, которые непосредственно участвовали в разгроме гитлеровцев под Орлом, Курском и Белгородом. Эстафету приняли соседи. Неудержимое наступление наших войск ширилось и нарастало.

Пришла очередь сказать свое слово и Южному фронту. Еще до погрузки в эшелоны мы знали, что армии и дивизии этого фронта 18 августа перешли в наступление, прорвали мощный оборонительный рубеж на реке Миус и, не давая врагу опомниться, стали быстро продвигаться в глубь Донбасса и на Таганрог. Гитлеровцы не ожидали такого поворота событий. Над флангом и тылом их войск, оборонявшихся в Донбассе, нависла грозная опасность. Немецко-фашистское командование начало перебрасывать силы на юг, ста-

раясь остановить войска генерала Толбухина. Но Южному фронту были направлены дополнительные силы. В их числе оказался и 9-й стрелковый корпус...

Время в дороге летело быстро. Наш эшелон проследовал через Куцевскую, Батайск и стал подходить к Ростову. Замедлив ход, паровоз осторожно тащил эшелон по недавно восстановленному мосту через Дон и незаметно подкатил нас к вокзалу. Прильнув к окнам вагона, мы с болью смотрели на разрушенный город.

Фронт был уже совсем рядом.

30 августа штаб корпуса выгрузился из эшелона и направился в населенный пункт Большое Мешково.

С Федором Ивановичем Толбухиным мы были уже знакомы. Перед войной он являлся начальником штаба Закавказского военного округа, а я командовал 4-й стрелковой дивизией. В ту пору мы часто встречались на совещаниях, занятиях, учениях.

Федор Иванович был не только высокоэрудированным военным специалистом, но и обаятельнейшим человеком, порусски добрым и прямым. Помню, он неодобрительно отзывался о начальниках, которые грубят подчиненным, замыкаются в себе, своевольничают. И называл их «солдафонами».

— На таких я достаточно насмотрелся в старой царской армии, — заметил тогда Толбухин. — Но, выходит, они не перевелись еще и у нас...

Да, генерал Толбухин успел к тому времени и послужить и повоевать. В годы первой мировой войны он имел чин штабс-капитана, командовал ротой, батальоном. Революцию принял всем сердцем. Солдаты чувствовали в нем своего человека и уже после Февральской революции избрали председателем полкового комитета. Вся последующая жизнь Федора Ивановича была тесно связана с Красной Армией, в рядах которой во всем блеске раскрылся его недюжинный полководческий талант.

Я не видел генерала около двух лет. Он по-прежнему был приветлив и доброжелателен.

Несколько минут командующий вспоминал о Закавказье, потом внимательно выслушал мой доклад о состоянии и подготовке корпуса. Посоветовавшись накоротке с начальником штаба генералом С. С. Бирюзовым, командующий сказал, что корпус будет действовать в составе 5-й ударной армии. Мне было приказано явиться к командарму для получения боевой задачи...

К вечеру 31 августа наш корпус в составе 230-й, 301-й и 320-й стрелковых дивизий сосредоточился в районе Бла-

годатное, Большое Мешково, Артемовка. А еще утром того же дня я предстал перед командующим 5-й ударной армией генерал-лейтенантом Вячеславом Дмитриевичем Цветаевым. Он подтвердил, что корпус будет действовать в составе его армии и что начать наступление мы должны с утра 1 сентября в общем направлении на Прохорово, Чистяково*.

— Имейте в виду, товарищ Рослый, что ваш корпус наступает на направлении главного удара армии, — сказал генерал Цветаев. — И хотя перед вами обороняются уже потрепанные 335-я и 17-я пехотные дивизии, они будут отчаянно драться за каждую позицию. Сами понимаете, решается судьба Донбасса! Не исключено, что на стороне противника могут появиться и свежие силы. Мы усиливаем вас 85-м гвардейским и 274-м гаубичными артиллерийскими полками, 507-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком, 19-й минометной и 140-й танковой бригадами**.

Уточнив некоторые волновавшие меня вопросы, я отбыл в свой штаб, чтобы готовить корпус к наступлению, которое предстояло начать на другой день в пять утра.

Просто сказать перейти в наступление через 16 часов, думал я, сидя в изрядно потрепанном «виллисе». Однако командующего можно было понять — он действовал по принципу «куй железо, пока горячо». Противник деморализован, нельзя давать ему передышку.

Для подготовки к бою дорога была каждая минута. Уже в машине, разложив на коленях карту, я принялся оценивать обстановку и обдумывать решение.

Итак, части 335-й и 17-й пехотных дивизий противника ведут подвижную оборону, удерживая небольшими отрядами, усиленными артиллерией и танками, опорные пункты. Корпус имеет достаточное количество артиллерии, чтобы надежно подавлять живую силу гитлеровцев в их опорных пунктах. Если наши войска будут наступать быстро и решительно, успех обеспечен. Никаких задержек или остановок не должно быть.

А что я знал о своих войсках? 230-я и 320-я стрелковые дивизии только вчера влились в состав корпуса. Зато 301-я стрелковая была хорошо известна мне. Не так давно ее сформировали из 34-й и 157-й стрелковых бригад. Год назад они входили в состав 11-го гвардейского стрелкового корпуса, которым я тогда командовал, и достойно показали себя в боях под Орджоникидзе.

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 45, л. 34.

** ЦАМО СССР, ф. 9 ск, оп. 685986, д. 1, л. 136.

Я хорошо знал командира 301-й стрелковой дивизии полковника Владимира Семеновича Антонова: мы вместе учились в академии имени М. В. Фрунзе. Знал его и по фронту. В начале войны он командовал полком в Прибалтике, осенью сорок второго — 256-й стрелковой бригадой, которая вела оборонительные бои в районе Малгобека, а потом 34-й стрелковой бригадой. В боях проявил себя грамотным, творчески мыслящим, решительным и смелым командиром.

Помню, при формировании 301-й меня спросили, кого бы я хотел видеть во главе дивизии. Без колебаний назвал я тогда полковника Антонова. И, как показало время, не ошибся.

Вот почему сам собой решился вопрос о том, кого поставить на направлении главного удара. Это будет 301-я стрелковая дивизия. Ей наступать на левом, открытом фланге на Алексеево-Орловку; справа от нее на Ольховчик пойдет 230-я стрелковая дивизия, еще правее, на Чистяково, — 320-я.

Боевой порядок корпуса я намеревался построить в один эшелон. При этом учитывались характер обороны противника и то, что у него почти не было резервов. Однако вторые эшелоны в дивизиях мы все же создали.

В Большое Мешково я приехал с почти готовым решением. Быстро ознакомил с ним штаб и тут же отправился на рекогносцировку. Несмотря на ограниченное время, выделенное для подготовки к наступлению, хотелось оценить местность, на которой завтра предстоит бой, уточнить вопросы взаимодействия. Начальник оперативного отдела штаба подполковник Сергей Сергеевич Прага предложил мне поехать на Гору Синяя. Эта гора примерно на 50 метров возвышалась над окружающей местностью, и с нее, по мнению подполковника, откроется хороший обзор. Взобравшись на высоту, мы увидели широкую донецкую степь, лежащую к северу от нас, и даже окраины Чистяково, Ольховчика и Алексеево-Орловки.

Почти одновременно со штабом корпуса на Гору Синяя прибыли командир 320-й стрелковой дивизии генерал-майор Швыгин, командиры 230-й и 301-й — полковники Украинский и Антонов. Благодаря прекрасному обзору мы без особого труда уточнили границы дивизий, их исходное положение и задачи, определили районы огневых позиций артиллерии и ее задачи тоже. Решили и вопросы, касавшиеся организации взаимодействия различных родов оружия.

Я попросил командиров соединений усилить боевые

порядки в противотанковом отношении и быть готовыми к отражению контратак с участием не только пехоты, но и танков. Контратак не бояться, предупредил я. Противник если и будет прибегать к ним, то для демонстрации не силы своей, а слабости. Контратакующих останавливать огнем и обходить, темпов наступления не сбавлять, максимально использовать артиллерию.

Оставалось сказать самое важное:

— Нам выпала ответственная и почетная задача — участвовать в освобождении поруганного фашистами Донбасса. «Вторым Руром» для гитлеровцев ему не бывать, а Всесоюзной кочегаркой он был и останется навсегда. Постарайтесь, чтобы каждый воин осознал, какая высокая миссия нам доверена...

Рекогносцировка закончилась. Ее участники приступили к выполнению своих задач, связанных с началом наступления. Закипела работа в дивизиях, полках, батальонах, ротах. Командирам и политработникам было поручено довести до личного состава открытое письмо, написанное шахтерами освобожденных зимой районов Донбасса. Горняки сердечно приветствовали воинов Южного фронта и призывали их безостановочно гнать врага. «Бейте его, проклятого, — писали опи. — Скорее освобождайте нашу пострадавшую горняцкую землю».

Обращение тружеников Донбасса зачитывалось на митингах, на партийных и комсомольских собраниях. Этот волнующий, написанный простыми, бесхитростными словами документ еще выше поднимал наступательный дух людей, звал их на подвиг.

Времени было в обрез. Чувствовали это и старшие начальники, и работники штабов и политорганов, и каждый стремился за считанные часы сделать то, на что в другое время потребовалось бы несколько дней. С большим напряжением трудились политотдельцы корпуса во главе с подполковником Владимиром Наумовичем Духельским. Узнав, какую задачу придется завтра решать, они немедленно отправились в части, чтобы сориентировать людей, рассказать об особенностях предстоящего наступления, настроить всех на боевой лад. Вместе с работниками политотдела отбыл в войска и заместитель командира корпуса по политической части полковник Александр Дмитриевич Дроздов — человек деятельный и боевой, сам горевший на работе и умевший зажечь своим энтузиазмом окружающих.

С головой ушел в неотложные дела и командующий артиллерией корпуса полковник Иван Алексеевич Яковлев.

Вместе со своим штабом он выехал в приданные артиллерийские части и на месте горячо взялся за дело. Внешне тихий и спокойный, Яковлев отличался непреклонной требовательностью, а потому всегда добивался от подчиненных точности и исполнительности. И то, что артиллеристы наилучшим образом справились со своими задачами, было не случайным.

1 сентября в 4.30 наша артиллерия открыла огонь по узлам сопротивления и опорным пунктам врага. В 5.00 поднялись пехотинцы и дружно атаковали немцев. Сразу обозначился успех. Наступление корпуса, введенного в прорыв с ходу, развивалось по плану. Мы видели в этом рост боевой способности наших войск и военного мастерства командного состава, сумевшего в очень короткие сроки хорошо организовать бой, и радовались этому.

В журнале боевых действий 5-й ударной армии зафиксировано: «Нанося главный удар левым флангом в направлении Прохорово, Чистяково силами 9-го стрелкового корпуса, войска 5-й ударной армии к исходу 1 сентября овладели рубежом Штергрэс — Снежное — Степановка.

В течение 2 и 3 сентября войска армии отразили яростные контратаки на своем левом фланге из района Зуевка, Зугрэс, очистили от противника Чистяково, Ольховатку, Зуевку и Зугрэс, после чего устремились в центр Донецкого бассейна» *.

Как мы и предполагали, гитлеровцы противопоставили нам тактику контратак. С помощью этого нехитрого приема они попытались с первых часов наступления внести замешательство в наши ряды, создать иллюзию, что сил у них достаточно, что они способны не только обороняться, но и наносить удары. Враг бросал в контратаки не особенно крупные силы: обычно это был батальон пехоты, поддержанный артиллерией и пятью-шестью танками. Однако почти все контратаки сочетались с сильными ударами авиации, которую фашисты спешно стягивали с других участков фронта в район прорыва наших войск.

Особенно трудно приходилось в те дни 301-й стрелковой дивизии, которая наступала на левом, открытом фланге корпуса. Но дивизия оказалась на высоте положения. Здесь воевали творчески, с умом. Чтобы парировать вражеские контратаки, которые, как правило, поддерживались танками, комдив полковник Антонов решил усилить стрелковые батальо-

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 124, л. 4.

ны пушечными дивизионами своего артиллерийского полка. Такое решение было столь смелым, что командующий артиллерией дивизии опротестовал его перед своими старшими артиллерийскими начальниками.

Конфликт пришлось улаживать мне. Я утвердил решение комдива, так как в обстановке непрерывного преследования противника, который прибегнул к тактике контратак, оно в наибольшей степени обеспечивало успех. Это был тот случай, когда чрезмерной централизацией артиллерии можно было и поступиться.

В 301-й стрелковой дивизии нашли еще одно хорошее противоядие против вражеских контратак. За день боев враг обычно основательно выдыхался, а ночь использовал для того, чтобы привести себя в порядок и укрепиться на новых рубежах. Но в ночь на 3 сентября гитлеровцы стали вдруг подтягивать резервы, намереваясь утром нанести удар в открытый фланг 301-й стрелковой. В дивизии решили не ждать, а опередить противника и самим нанести удар внезапно, ночью. Хорошо подготовленная ночная атака была для фашистов полной неожиданностью. Потеряв много людей и техники, они вынуждены были еще быстрее откатываться в глубь Донбасса. В следующую ночь подразделения 1052-го стрелкового полка дерзким налетом разгромили штаб 306-й пехотной дивизии, находившийся в Осино-Ольховке, и овладели этим поселком.

Ночные удары по фашистам повторялись еще не раз, и не только в 301-й дивизии.

Все делалось для того, чтобы не просто теснить врага, а бить его с флангов, с тыла, громить днем и ночью опорные пункты.

Темп наступления нарастал. Части корпуса были переацелены на столицу Донбасса — город Сталино (Донецк). Уже 5 сентября корпус завязал бои за Енакиево и Макеевку. Левее нас к Макеевке подошли части 3-го гвардейского стрелкового корпуса, только что освободившие город Харьков.

К обороне Макеевки противник готовился основательно. На восточных и северо-восточных подступах к городу были заранее отрыты противотанковые рвы, установлены противотанковые железные ежи, проволочные заграждения, минные поля.

Гитлеровцы сосредоточили здесь 302-ю, частично 294-ю и 335-ю пехотные дивизии, усилив их артиллерией, самоходными пушками и танками 17-й танковой дивизии.

Однако остановить наши войска враг не сумел. Части

301-й стрелковой дивизии и 3-го гвардейского стрелкового корпуса к исходу 5 сентября освободили Макеевку.

С воздуха нас все активнее поддерживала авиация. Отрадно отметить, что представители авиационных частей все чаще стали появляться на командных пунктах соединений. Прямо на поле боя они наводили самолеты на цели. Мы знали: в небе Донбасса действуют прославленные воздушные асы Александр Покрышкин, Григорий Речкалов и многие другие. А потому не удивлялись, замечая, что у фашистских летчиков поубавилось прыти, что летать они стали с оглядкой.

В боях за Макеевку противник понес большие потери в людях и технике. Полностью был уничтожен 572-й пехотный полк, один дивизион зенитной артиллерии, захвачены большие трофеи.

Однако бои за Макеевку на этом не закончились. Утром 6 сентября немцы предприняли отчаянную попытку отбить город. Полки 301-й стрелковой дивизии подверглись массивному удару авиации и атаке десятков вражеских танков, большого количества пехоты. Завязался ожесточенный бой. В отдельных местах немецкие танки, среди которых были и «тигры», вклинились в расположение наших подразделений. Но ненадолго. Вражеский штурм стойко отражали артиллеристы, минометчики и танкисты полковника Н. И. Петренко. В борьбе с танками хорошо проявил себя и саперный взвод во главе с лейтенантом Н. Д. Семеновым, действовавший как подвижный отряд заграждения.

В критический момент боя мощный удар по контратакующим нанесла корпусная артиллерийская группа.

Когда все стихло, полковник Антонов с чувством облегчения сказал мне, что для его дивизии это был самый тяжелый с начала наступления бой...

На западной окраине Макеевки догорало шестнадцать вражеских танков, и среди них шесть «тигров».

Немного раньше противник потерял Енакиево; в боях за него отличилась 320-я стрелковая дивизия.

Оборона гитлеровских войск буквально разламывалась. 5-я ударная армия не давала гитлеровцам передышки. Ее соединения к полудню 7 сентября занимали такое положение:

31-й гвардейский стрелковый корпус, которым командовал генерал-майор Утвенко, наступая на правом фланге армии, подошел к Ясиноватой и готовился атаковать ее.

9-й стрелковый корпус, овладев Ясиновкой и Яковлевкой, вплотную приблизился к Сталино. Его 320-я стрелковая ди-

дивизия заняла рошу в двух километрах западнее Александро-Григорьевки; 230-я стрелковая дивизия вела бой на южной окраине Александро-Григорьевки, а 301-я овладела Щегловкой и завязала бой на восточной окраине Сталино.

3-й гвардейский стрелковый корпус, наступая на левом фланге армии, занял пригородное хозяйство, а его 50-я гвардейская стрелковая дивизия вела бой на юго-восточной окраине города*.

Донбасс стал свидетелем возросшей силы наших войск, их стремительного наступления. Еще вчера мы вели бой в Макеевке, а сегодня подошли к Сталино и готовились к штурму города.

Казалось, куда уж больше! Однако командующего армией не устраивали и такие темпы. Вячеслав Дмитриевич Цветаев строго следил за продвижением войск и постоянно требовал быстроты и стремительности.

— Почему корпус остановился? Почему не ворвались в город Сталино на плечах противника? — с пристрастием допрашивал он меня по телефону.

Я объяснил, что гитлеровцы занимают оборону на заранее подготовленном рубеже и, чтобы избежать больших потерь, мы подтягиваем артиллерию.

— Когда намерены возобновить наступление? — продолжал напирать Цветаев.

— В 19.30, — отчеканил я.

— Согласен. Только атака должна быть смелой и стремительной. Город нужно очистить от врага до рассвета. Чем быстрее, тем лучше. А чтобы надежно подавить минометы и артиллерию, я оставляю в вашем распоряжении 85-й гвардейский гаубичный артиллерийский полк.

Беспокоился, переживал, конечно, не только командующий. Все мы, от солдата до генерала, видели, как варварски разрушают и сжигают фашисты промышленные предприятия и жилые кварталы. Клубы черного дыма, висевшие над городом, заставляли нас торопиться.

Не прошло и десяти минут после разговора с командующим, как в штаб корпуса прибыл радостно возбужденный командир 85-го гвардейского гаубичного артиллерийского полка полковник Павел Петрович Еременко. Этот человек словно рожден был для артиллерии: высокий рост, стройная фигура, открытое и мужественное лицо. Ордена Красного Знамени и Красной Звезды, которые украшали его грудь,

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 109, л. 58.

говорили о том, что полковник достойно прошел по дорогам войны.

— Где находится ваш полк? — спросил я Еременко.

— В трех километрах к северо-востоку от города. Завижаем огневые позиции, через два часа будем готовы открыть огонь.

Это означало, что к началу наступления корпуса полк будет готов подавить артиллерию и минометы противника, которые стояли на западной окраине города и здорово мешали продвижению наших частей. В том, что это будет именно так, у меня не было ни малейших сомнений. 85-й гвардейский артполк поддерживал нас с самого начала наступления в Донбассе. Действия этой части и ее воинов заслуживали самой высокой оценки. Отлично зарекомендовали себя командир 1-го дивизиона капитан Н. А. Зотов, командир 3-й батареи капитан С. В. Глуховский, командир 2-й батареи старший лейтенант В. С. Малышев и многие другие.

В 19.30 7 сентября после короткой, но мощной артиллерийской подготовки части корпуса, как и обещал я командарму, перешли в наступление и вскоре ворвались в Сталино. Враг оказывал упорное сопротивление. В городе уже кипел ожесточенный бой, а на оголившийся правый фланг 301-й стрелковой дивизии яростно набросилась немецкая пехота с танками. Командир 1052-го стрелкового полка подполковник А. П. Епанешников, не останавливая наступления, сумел усилить правофланговый батальон майора П. С. Цаюка и успешно отразить контратакующих.

Боевой порыв наших солдат был высок. Выбивая противника из каждого дома, квартала, они очищали город от гитлеровцев и неуклонно продвигались вперед.

Героизм проявляли целые подразделения. С самого начала боев на донецкой земле за стрелковой ротой, которой командовал старший лейтенант Андрей Растопшин, утвердилось гордое название «рота бесстрашных». В боях за Сталино это подразделение тоже выделялось боевым азартом и мастерством. Рота первой ворвалась в студенческий городок. Она до конца боя задавала тон, увлекая за собой других.

«Морским бастионом» с любовью называли у нас истребительный противотанковый дивизион, который возглавлял капитан Максим Престинский. Стойкостью и неустрашимостью в борьбе с танками врага его подчиненные прославились еще в боях на Кавказе. К тем славным страницам прибавилась теперь новая. Когда враг попытался выбить нас из Макеевки, артиллерийский дивизион Престинского грозно

стал на пути фашистских танков. Два из них уничтожило оружие сержанта Виктора Воронова, но и само было разбито прямым попаданием снаряда. Стальная громада «тигра» падалась на позицию замолчавшего орудия. Опасность заметили и быстро оценили командиры соседних орудий — Сергей Денисов и Евгений Лебедев. Почти одновременно они открыли огонь по «тигру» и подожгли его.

«Морской бастион», основу которого составляли курсанты военно-морского училища, уничтожал не только танки. В бою за Сталино артиллеристы капитана Престинского, расчищая путь нашим штурмовым группам, отлично проявили себя в борьбе с пулеметными и орудийными гнездами противника.

Одну из самых ярких страниц в летопись борьбы за Донбасс вписали танкисты 140-й танковой бригады под командованием полковника Н. Т. Петренко. Танковые батальоны бригады, составлявшие костяк и главную ударную силу передовых отрядов наших дивизий, вырывались далеко вперед и громили отходящих гитлеровцев, не давая им закрепляться на промежуточных рубежах. Заслуги бригады, массовый героизм ее солдат, офицеров и политработников были отмечены присвоением ей наименования гвардейской.

320-я стрелковая дивизия, обходя город с севера, в течение ночи освободила Александро-Григорьевку и Путилову. 230-я стрелковая дивизия в это же время полностью очистила от врага железнодорожную станцию и северную часть города. В этих боях названные выше дивизии разгромили крупные силы немцев и захватили многочисленные трофеи, в том числе 400 вагонов с различным военным имуществом.

301-я стрелковая дивизия, наступаая с востока, к утру оказалась в центральной и западной частях города.

Левее 50-я гвардейская стрелковая дивизия под командованием полковника А. С. Владычанского ворвалась в город с юго-востока.

К утру 8 сентября передовые подразделения наступающих вышли на западные окраины Сталино. Это означало, что освобождение столицы Донбасса от немецко-фашистских захватчиков завершено.

Я позвонил генералу Цветаеву и доложил обстановку. На этот раз командующий остался доволен.

В журнале боевых действий 5-й ударной армии появилась короткая, но очень весомая запись:

«Войска 5-й ударной армии в результате решительного штурма ворвались с севера и востока в город Сталино.

9-й Краснознаменный стрелковый корпус под руководством Героя Советского Союза генерал-майора Рослого овладел железнодорожной станцией и северной частью города, захватив при этом 54, 102, 298, 304, 114 и 179-й кварталы. Его левый фланг овладел Гладковкой и ворвался в восточную часть города.

3-й гвардейский стрелковый корпус под командованием генерал-майора Белова выбил противника из юго-восточной части города и к 21.00 7 сентября занял 192, 159 и 229-й кварталы.

Первой в город Сталино ворвалась 301-я стрелковая дивизия под командованием полковника Антонова.

В штурме города отличились войска генерал-майоров Рослого и Белова» *.

Приказ Верховного Главнокомандующего об освобождении Донбасса занимал всю первую страницу «Красной звезды», а остававшееся внизу место было заполнено снимками освобожденного Сталино и жителей города, приветствующих наши войска. В приказе мы прочитали поименное перечисление дивизий нашего корпуса и фамилии их командиров: 301-й стрелковой дивизии полковника Антонова, 230-й стрелковой дивизии полковника Украинского, 320-й стрелковой дивизии генерал-майора Швыгина. Была названа там и моя фамилия.

В приказе подчеркивалось, что крупная победа в Донцеком бассейне над немецко-фашистскими захватчиками была одержана войсками Южного и Юго-Западного фронтов в результате умелого маневра и стремительного наступления. Отмечался и тот знаменательный факт, что нашим войскам, сломившим сопротивление врага, потребовалось шесть дней, чтобы отбить у врага и вернуть нашей Родине Донецкий бассейн — важнейший угольный и промышленный район страны.

В ознаменование одержанной победы отличившимся войскам, в том числе и всем дивизиям нашего корпуса, присваивались почетные наименования различных донецких городов. 8 сентября столица нашей Родины—Москва салютовала доблестным войскам, освободившим Донбасс, двадцатью артиллерийскими залпами из 224 орудий.

В течение августа—сентября пять советских фронтов, тесно взаимодействуя между собой, сокрушили на юго-запад-

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 109, л. 59.

ном направлении оборону гитлеровцев и продвинулись вперед на 250—300 километров. Советские войска на 700-километровом фронте вышли к Днепру.

Исключение составлял лишь самый южный участок фронта. И не потому только, что Днепр здесь круто поворачивал на юго-запад и до реки было значительно дальше. Главное состояло в том, что это направление являлось чрезвычайно важным для гитлеровцев. Выход наших войск к нижнему течению Днепра перерезал бы сухопутные коммуникации врага с Крымом, который пока находился в его руках. Еще труднее стало бы и положение немецко-фашистских войск на Таманском полуострове. Вот почему гитлеровцы заблаговременно, с ранней весны 1943 года, начали создавать мощный оборонительный рубеж по реке Молочной — так называемую линию Вотана, которая должна была закрыть советским войскам дороги в Крым и к нижнему течению Днепра.

Начинаясь у излучины Днепра и Конских Плавней, линия Вотана проходила через Янчекрак (ныне Каменское), Карачекрак (Подгорное), Эристовку (Широкое), Гейдельберг (Новогоровка) и далее по реке Молочная до Мелитополя и Молочного озера.

В крепком глинистом грунте были отрыты глубокие траншеи и многочисленные ходы сообщения. Тут и там стояли бронеколпаки и дзоты. В «лисьих норах» солдаты противника могли укрываться от артиллерийского и минометного огня.

В каждом опорном пункте имелось несколько глубоко врытых в землю блиндажей с четырех-пятиметровым перекрытием. В таких убежищах немцы прятались от артиллерийского огня и бомбовых ударов нашей авиации. Были отрыты сплошные комбинированные противопехотные-противотанковые рвы с минами и колючей проволокой на дне, простреливаемые пулеметами, а кое-где залитые водой.

К исходу 21 сентября все три стрелковых корпуса 5-й ударной армии подошли к линии Вотана на участке Нейкреп (ныне Степовое), Пятихатки, Грозов (Грозовое), Эристовка, Гейдельберг общей протяженностью 24 километра. Заняв заранее подготовленные позиции, здесь оборонялись 302-я и 258-я пехотные дивизии, 3-я горнострелковая дивизия, 450, 783 и 543-й батальоны и подразделения 17-й пехотной и 17-й танковой дивизий врага*. На помощь им спешили другие дивизии, в частности из Крыма.

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 131, л. 5—6.

Чтобы поднять дух своих войск, гитлеровское командование прибегало не только к мерам устрашения. Всем, кто оборонялся на реке Молочная, выплачивался тройной оклад денежного содержания, была учреждена специальная медаль «За оборону мелитопольских позиций».

Все наши попытки прорвать оборону с ходу успеха не имели. Операция по прорыву линии Вотана продолжалась с 21 сентября по 26 октября, то есть 36 дней, причем 24 из них были связаны с непрерывными наступательными действиями высокой напряженности*. Частые атаки успеха не приносили, так как не были достаточно подготовлены.

В создавшихся условиях требовалась тщательная подготовка наступления, перегруппировка войск, накопление сил. Фронтные резервы были перенацелены на участок 28-й армии генерала В. Ф. Герасименко. Здесь, южнее Мелитополя, неожиданно для врага вступили в бой 19-й танковый корпус генерала И. Д. Васильева и 4-й гвардейский Кубанский кавалерийский корпус генерала Н. Я. Кириченко. Внезапность быстро изменила ход борьбы. Гитлеровцы считали этот участок фронта спокойным, а потому все время снимали с него войска, технику и перебрасывали на «горячий» участок, туда, где действовала и наша 5-я ударная армия. На этом их и подловили. Оборона врага была прорвана, 23 октября знамя свободы взвилось над Мелитополем, и Москва отметила этот успех нашего фронта, который стал теперь именоваться 4-м Украинским, очередным победным салютом. Противник не выдержал и на других участках фронта. Наш корпус стал продвигаться вперед.

Надо отдать должное начальнику штаба 4-го Украинского фронта генералу Сергею Семеновичу Бирюзову. Именно благодаря его инициативе и настойчивости и под его непосредственным руководством врагу был нанесен удар там, где его не ждали. Не будет преувеличением сказать, что Мелитопольская операция была детищем этого талантливого, смелого и решительного военачальника, занимавшего впоследствии высокие посты в наших Вооруженных Силах.

За годы войны мне посчастливилось неоднократно общаться с генералом Бирюзовым. И каждый раз меня поражали его кипучая энергия, пронизательность, вездесущность.

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 131, л. 22—25.

Сергей Семенович никогда не засиживался в штабе, не представлял своей работы без постоянного общения с войсками, без того, чтобы изучать обстановку, принимать ответственные решения непосредственно на месте, в грохоте боя, па острие наших ударов. Он утверждал свой особый и, я бы сказал, совершенно отличный от установившихся представлений стиль деятельности штабного работника высокого ранга. Кабинетная обстановка была для него определенно тесной. Он неожиданно появлялся в прорвавшихся далеко вперед танковых или кавалерийских корпусах, там, куда, казалось, и попасть было невозможно. Появлялся не для того, чтобы блеснуть удачью, а чтобы с наибольшей выгодой использовать наметившийся успех, перенацелить войска на решение новой задачи, сориентировать, воодушевить, зажечь их верой в успех, в победу. Не раз видел я Бирюзова и на своем командном пункте. В привычном ему стиле действовал он и южнее Мелитополя, где за считанные часы было сделано больше, чем за многие дни вялых и почти бесплодных атак...

Вернемся, однако, к боям по прорыву линии Вотана. Дела на фронте 5-й ударной армии пошли еще увереннее, когда на подмогу нам подоспел 4-й механизированный корпус. Действуя вместе с ним, части армии 26 октября полностью прорвали оборону гитлеровцев. «Ворота в Крым» были открыты. 5-я ударная стала преследовать противника.

И тем не менее нашим войскам не удалось полностью очистить от врага нижнее течение Днепра. На его восточном берегу в районе Верхний Рогачик, Ново-Знаменка, Георгиевская, Малая и Большая Лепетихи фашистское командование создало и прочно удерживало так называемый никопольский плацдарм. Он как бы раздваивал силы 4-го Украинского фронта, нависал над его правым флангом и тылом, затруднял наши действия против немецкой группировки, находившейся в Крыму.

Войска 5-й ударной были двинуты для участия в ликвидации этого плацдарма. Бои снова приняли затяжной характер и продолжались более трех месяцев. Только 8 февраля 1944 года нам при решающей помощи 3-го Украинского фронта удалось покончить с последним очагом сопротивления противника на левом берегу Днепра. В тот день части 9-го Краснознаменного стрелкового корпуса освободили Малую и Большую Лепетихи, а 11 февраля форсировали Днепр и захватили на его правом берегу плацдарм в районе Золотой Балки.

ОТ ДНЕПРА ДО ДНЕСТРА

*Находчивость Антона Клитченко * Новый фронт,
новая армия * Дороги наступления * «Даешь Ве-
сельный Кут!» * Честь и совесть наших полков *
Герои боев за Днестр*

Плацдарм на правом берегу Днепра был захвачен быстро и сравнительно легко. Сложнее было его удержать и снабжать войска на нем всем необходимым для жизни и боя. Лед на Днепре вскрылся, переправляться стало тяжело и рискованно. К тому же части корпуса располагали лишь несколькими надувными лодками «А-3», каждая из которых могла поднять взвод пехоты или одну сорокапятку без лошадей, да ограниченным числом деревянно-складных лодок, рассчитанных на перевозку 10 человек.

При наличии таких скромных средств мы могли переправить через Днепр лишь минимальное количество стрелковых подразделений с их станковыми пулеметами, минометами и 45-миллиметровыми орудиями. Остальная артиллерия оставалась на левом берегу, поддерживая свои войска огнем через реку.

Спустя несколько дней ледоход так усилился, что ни одна лодка вообще не могла отправиться в путь. Вся нагрузка легла на несколько присланных нам самолетов У-2. Они перебрасывали на плацдарм боеприпасы, хлеб и консервы, а обратными рейсами вывозили раненых. Однако то, что делали эти трудяги, не обеспечивало и десятой доли наших потребностей в перевозках. Войска, находившиеся на плацдарме, были, по существу, отрезаны от своих тылов. Это сильно тревожило всех нас.

Но тут произошло событие, позволившее вздохнуть свободней. Наш «флот» на Днепре неожиданно получил очень нужное подкрепление.

Как-то мне доложили, что в затоне на левом берегу стоит довольно большой речной катер. Но на нем не было двигателя. Я вызвал корпусного инженера полковника С. Л. Купера и приказал сделать все возможное, чтобы восстановить катер. Через сутки ожившее суденышко, лавируя меж льдинами, исправно совершало рейсы на плацдарм и обратно.

На бумаге все это выглядит просто. А на деле за этим вроде бы незначительным событием стояли подлинный героизм, находчивость и сметка наших людей, вложивших все свое умение, всю душу в выполнение задания. И главным действующим лицом являлся здесь только что произведенный из младших командиров в офицеры Антон Климович

Клитченко — старший автотехник приданного корпусу 110-го гвардейского пушечного артиллерийского полка, человек, успевший зарекомендовать себя с наилучшей стороны. Его-то и направили в распоряжение корпусного инженера, который считал, что полученная им задача нуждается скорее в техническом, нежели в инженерном решении.

Капитан технической службы в отставке Клитченко живет сейчас в городе Дубно Ровенской области. Он хорошо помнит тот случай и по моей просьбе довольно подробно описал его в письме. Поэтому хочу обратиться непосредственно к первоисточнику.

«Меня направили к полковнику в штаб корпуса, — вспоминает Антон Климович. — Тот поздоровался и сказал: «В плавнях на берегу Днепра стоит катер. Ваша задача как технического специалиста осмотреть его и определить, можно ли пустить его в ход. С вами пойдет разведчик и командир саперного подразделения. Предупреждаю, место нахождения катера — небезопасное».

Катер стоял в маленьком заливчике и со стороны был плохо виден. При осмотре выяснилось, что прежде на нем стоял дизельный, 60-сильный, четырехцилиндровый, специально оборудованный под речную эксплуатацию двигатель. Но он был полностью разукомплектован. Единственное, что оказалось на месте — коробка перемены передач и гребной винт. Деталей, необходимых для восстановления, у нас не было.

Я уже собирался уходить, но тут мне подумалось, что рама, на которой крепился двигатель, похожа на раму трактора СТ-65 (ЧТЗ-65). Замерил расстояния между отверстиями для крепления. Да, совпадают с тракторными. И есть крепление для радиатора от трактора ЧТЗ-65. У меня возникла мысль: поставить на катер в комплекте двигатель с трактора. С таким соображением я и явился в штаб корпуса.

Полковник внимательно выслушал меня и велел подождать. Через час он сообщил, что договорился со штабом полка относительно трактора и что моя задача — подогнать трактор к катеру, восстановить катер и к 8.00 доложить о готовности.

Когда я услышал время, за которое требовалось восстановить катер, у меня волосы встали дыбом. Надо было успеть сделать все за 10 часов, ночью, без света, без костра, без кранов и каких-либо средств механизации. Ну, думаю, кончилась, Антон, твоя офицерская служба!..

Только я так подумал, а полковник и говорит: «В ваше распоряжение выделяется саперное подразделение. Потребу-

ется какая помощь, обращайтесь к его командиру — все будет сделано».

Трактор подогнали к катеру. Сняли с него двигатель и по бревнам осторожно спустили на палубу, а потом на веревках — внутрь катера. Солдаты помогали устанавливать агрегаты, крутить болты, гайки. Когда закончили последнюю операцию — подсоединение муфты сцепления, часы показывали 7.15. По моей команде старший сержант Н. Х. Ольшанский завел двигатель. Двигатель заработал, а катер стоял, хода у него не было. Тогда я приказал Ольшанскому проверить гребной винт. Николай Харитонович оказался молодцом: обвязался веревкой, взял нож, полез в воду, покрытую льдинами, освободил винт от намотавшейся на него сети...

Вы спросите, Иван Павлович, а что случилось с трактором, который взяли от пушки? Трактор тот был старенький. В МТС нашли несколько разбитых тракторов, собрали из них один годный и вернули 3-й батарее. Тот трактор до Берлина дошел».

Восстановленный катер заметно увеличил транспортные возможности корпуса. На нем мы перевозили на плацдарм подкрепления, боеприпасы, продовольствие, снаряжение. Этому речному суденышку и не снилось, что ему выпадет случай оказать великую услугу советским войскам, перешагнувшим через седой Днепр.

Антон Климович Клитченко — мастер на все руки — был награжден орденом Красной Звезды.

В начале марта силами инженерных частей армии в районе корпуса была построена паромная переправа на два паррома: один — туда, другой — обратно. Работая без перерыва, днем и ночью, эти паромы вскоре перевезли всю нашу артиллерию и тылы. Теперь можно было не только надежно оборонять захваченный плацдарм, но и наступать. И корпус перешел в наступление, опрокинул врага, вышел на реку Ингулец и с ходу форсировал ее.

Но тут и противник, почувствовав, что битва за Днепр окончательно проиграна, стал отводить войска на запад, намереваясь создать новую линию фронта на Южном Буге. Я позвонил командующему, надеясь получить от него задачу на преследование. Однако генерал Цветаев сообщил, что 9-й стрелковый корпус переходит в резерв командующего 3-м Украинским фронтом.

— Так что держите теперь связь с Малиновским, — сказал командарм. — И задачи получайте от него. А расста-

ваться, конечно, жаль — много хороших дел сделали вместе...

Пожелав мне успехов, Цветаев тепло попрощался и положил трубку. Это было 12 марта.

Выполняя в дальнейшем ежедневные распоряжения штаба фронта, корпус продвигался на запад. 19 марта, когда его колонны проследовали через Новый Буг, я получил сразу два боевых распоряжения: в одном — штаб фронта извещал, что корпус с 20 марта передается в состав 57-й армии, а в другом — командующий этой армией приглашал меня прибыть к нему с докладом.

Командующему 57-й армией генерал-лейтенанту Николаю Александровичу Гагену было в это время около пятидесяти. За плечами его были богатый боевой опыт и академия. Он являлся представителем старшего поколения командного состава Красной Армии и был уравновешенным, уверенным в себе.

Пока мы пили чай, любезно предложенный мне, в комнату один за другим вошли член Военного совета генерал Л. П. Бочаров и начальник штаба армии генерал П. М. Верховович.

Мы познакомились и приступили к делу. О состоянии корпуса докладывал я, потом, когда речь пошла о настроениях людей, партийно-политической работе, в разговор включился мой заместитель по политической части полковник Дроздов.

Командующего и члена Военного совета особенно интересовали подробности, детали, характеризующие боеспособность частей корпуса. Не перебивая, они внимательно выслушали наш доклад о том, как протекал многокилометровый марш в район Нового Буга, о высоком политико-моральном состоянии личного состава.

— Вы хорошо знакомы с обстановкой на юге? — спросил командующий.

— Нет, товарищ генерал, не особенно хорошо, — признался я. — Находясь в резерве фронта, информации о противнике и о действиях наших войск не получал.

— В таком случае пожалуйста сюда. — И генерал подошел к стене, на которой висела двухверстка с нанесенной на нее обстановкой.

— Фашистское командование придает особое значение удержанию в своих руках Крыма, — начал командующий свою информацию о противнике. — Используя выгодные военно-географические особенности Крымского полуострова, оно намерено сковать здесь значительные силы наших войск,

чтобы затем угрожать из Крыма южному крылу и тылу советского фронта.

Необходимость удержать Крым гитлеровцы связывают с политическими соображениями. С потерей Крыма престиж фашистской Германии упадет в Турции и на Балканах еще больше.

Обладание Крымом означает для фашистов и удержание Одессы, так как с выходом туда советских войск возникнет угроза морским коммуникациям врага, связывающим Севастополь с Констанцей и Сулином.

Вот почему гитлеровское командование намерено остановить наступление советских войск на Южном Буге. Здесь у них созданы оборонительные позиции, на которые сейчас отводят все, что уцелело.

Наши войска, — продолжал Гаген, — должны неотступно преследовать гитлеровцев, ворваться на их плечах на западный берег Южного Буга и развивать наступление в сторону Одессы и Молдавии. Задача 57-й армии состоит в том, чтобы, используя успех правого соседа — войск 2-го Украинского фронта, форсировать Южный Буг в районе Константиновки и наступать на Тирасполь.

Пока это общие задачи. С подходом к Константиновке они будут уточнены. Во всяком случае, уже теперь все мы должны помнить, что направление главного удара фронта будет проходить, скорее всего, в полосе 57-й армии и нашего левого соседа — 37-й армии.

Командующий закончил. Оперативная обстановка стала для нас ясной. Не задерживаясь в штабе армии, мы с Дроздовым отправились в корпус.

Язык штабных документов краток. То, что произошло в течение двух последующих недель, выражено в журнале боевых действий корпуса предельно скупой записью:

«27 марта 1944 года 9-й стрелковый корпус в составе 118-й, 230-й и 301-й стрелковых дивизий форсировал Южный Буг и начал преследовать противника в направлении населенных пунктов Доманевка, Ивановка, Богдановка, Савельевка, Цибулевка, Воробьево, Озеро, Три Криницы, Карманово, Хутор Гростянец, Кучурган, Малоешти.

12 апреля части корпуса вышли к Днестру между населенными пунктами Парканы и Бычок».

Многое стояло за этими строчками. Но штабу важен был результат боевых действий, а не их характер, динамика, детали...

При подходе к Константиновке в корпусе побывал командарм. Он поставил нам задачу на форсирование Южного Буга и дальнейшее наступление.

27 марта корпус выполнил ближайшую задачу, овладев плацдармом на западном берегу Южного Буга в районе Константиновка, Александровка. Плацдармами овладели и соседи справа — 64-й и 68-й стрелковые корпуса нашей армии, а также сосед слева — 37-я армия. В результате гитлеровцы потеряли свои позиции на Южном Буге от Константиновки до Вознесенска.

Еще успешнее шли дела на 2-м Украинском фронте. Его войска, выдвинувшись далеко на запад, развивали наступление на Кишинев и Тирасполь с севера, угрожая ударом во фланг и тыл всей одесской группировке противника.

Учитывая создавшуюся обстановку, немецко-румынские войска начали отходить в западном направлении. Преследуя захватчиков, корпус шел тремя колоннами, растянувшись на много километров. Штаб корпуса я догнал на западной окраине Доманевки — большого села Николаевской области. Полковник Шикин стоял на обочине дороги и, будто изучая что-то, смотрел то на карту, то на дорогу, по которой устало шли пехотинцы, медленно тянулись обозы.

— Что это вы колдуете? — спросил я начальника штаба.

— Смотрю, товарищ генерал, не заблудились ли мы, — ответил Шикин. — По карте от Южного Буга до Днестра рукой подать, все населенные пункты связаны дорогами. А на местности? Вы посмотрите, что делается!

Дорога действительно была тяжелой.

— Что трудно, то трудно, — включился в разговор полковник Дроздов. — Зато сколько советских людей мы ежедневно освобождаем из-под фашистского ига. И как они благодарны нам! Вот послушайте, что рассказывает Никулипа.

Рядом с Дроздовым стояла молодая высокая женщина в кирзовых сапогах и черной кожанке, за что ее в шутку называли комиссаром. Ее бронзовое от весеннего загара лицо было серьезным и мужественным. Это была Анна Владимировна Никулина, капитан, инструктор политотдела корпуса.

Аннушка, как ласково называли ее близкие товарищи, в политотделе не засиживалась. Чаще всего ее можно было встретить в роте, батальоне. Мне не раз приходилось слышать о храбрости Никулиной, о том, как она в первых цепях шла в атаку на Моздок. Вот и сейчас, во время тяжелого марша, она оставалась верна себе — шагала в одной колонне с бойцами, словом и личным примером поддерживая у людей боевое настроение.

— Что расскажете, Анна Владимировна? — спросил я Никулину.

И она поведала о том, что видела и слышала в Доманевке сразу после ее освобождения.

— Как только в село вошли первые наши подразделения, весть об этом мигом облетела всех жителей, — взволнованно начала Никулина. — «Наши пришли! Наши пришли!» — радостно передавалось из уст в уста. А когда кончились объятия, поцелуи, жители стали рассказывать, что они вытерпели при фашистах.

Старый колхозник Мирон Васильевич Прищепчук сказал: «Житья не было от них, извергов. Я болел и отказался выйти на ремонт дороги. Гитлеровцы схватили меня, раздели и нанесли 25 ударов плетью»...

Колхозник Алексей Балабан рассказал о том, что видел своими глазами на дороге, ведущей к Доманевке. Гитлеровцы гнали куда-то несколько тысяч советских людей. Одна из женщин цемного отстала, чтобы покормить грудного ребенка, которого несла на руках. Фашисты убили за это сначала младенца, а потом и его мать...

Никулина продолжала говорить, а я думал о том, что нет на нашей земле, испытавшей вражеское нашествие, такого уголка, где бы оккупанты не оставили после себя море крови и слез, груды развалин и пещелищ. К душегубкам, страшное действие которых гитлеровские убийцы испытали еще на Кавказе, добавились шахты Донбасса, где были заживо погребены тысячи и тысячи советских патриотов. А длинные рвы на окраинах больших и малых городов, вырытые под дулами эсэсовских автоматов мирными жителями, которых тут же расстреливали и закапывали в тех самых рвах...

Все это знали наши солдаты и офицеры, а многое видели собственными глазами. Ненависть к лютomu врагу укрепляла их дух, снимала усталость, прибавляла сил и решимости.

Наш вездеход, заляпанный грязью до брезентового верха, медленно полз по раскисшему полю. Моросил мелкий, холодный дождь. Порывами налетал резкий северный ветер. Он рвал косую пелену дождя, бросал пригоршни воды в лица людей, пронизывал до костей сквозь промокшие шинели. Иногда низкие тучи приносили заряды мокрого снега.

Там, где на карте значилась дорога, — полоса жирного украинского чернозема, истоптанная солдатскими ботишками и сапогами. Ширина этой полосы от ста до двухсот метров. Местами — и больше. Намотав на колеса по доброй тон-

не грязи, застревали автомашины с продовольствием и боеприпасами. Обычные повозки с трудом тащили четверки лошадей.

В низине застряла артиллерийская упряжка. Тяжело дышат кони. Тяжело дышат люди. Веснушчатый паренек с сержантскими нашивками на погонах, подобрав полы мокрой, грязной шинели, подсунул их под ремень.

— До ночевки далеко! — крикнул он звонко и задорно. — До фашиста, может быть, близко. Разбирайся по порядку! Артиллеристы начали крепить к пушке самодельные лямки. К ним свернул взвод пехотинцев.

— Загораем, боги войны? — крикнул кто-то из них.

— Топай, топай, — отозвался усатый артиллерист. — То же мне, остряк нашелся... Небось, как пустит фашист «тигров», на нас поглядываешь.

— Хороший из тебя, папаша, тесть получится, — рассмеялся пехотинец. — Зятка воспитаешь что надо... А ну, братья славяне, навались! Поможем артиллерии!

Переговариваясь, обмениваясь немудреными солдатскими шутками, пехотинцы и артиллеристы облепили пушку.

Наш вездеход, натужно ревя двигателем, выписывая замысловатые петли, прополз сотню метров. А позади все слышалось:

— Раз-два, взяли! Пошла, родимая, пошла! Еще раз...

С чем сравнить, чем измерить труд солдата на войне? Не регламентирует его ни объем, ни время. В обычной жизни, оступившись ненароком в грязь, мы норовим быстрее вычистить обувь, попав под дождь — переодеться в сухое, теплое. А солдаты какие уже сутки шагают по бездорожью в ботинках пудовой тяжести. Шагают мокрые, часто без ужина и завтрака — тылы не всегда успевают за передовыми подразделениями. Идут, хорошо понимая, что не ждет их впереди теплая хата с мягкой постелью. На каждом шагу подстерегает опасность — свинцовый ливень, танковый удар, артиллерийский или авиационный налет врага.

Так было и когда мы подходили к Доманевке, Ивановке, ко многим другим населенным пунктам. Останавливались в чистом поле на ночь, поспешно отрывали окопы, набрасывали на них плащ-палатки — вот и готов дом на одну ночь. Если расторопный старшина находил в кромешной тьме свою роту, подвозил горячую кашу, наливал каждому по стопке, быстро проходила усталость. А утром все начиналось сначала: бросались в атаку, выбивали противника из опорных пунктов и снова шли вперед...

В ходе Одесской наступательной операции войскам 3-го

Украинского фронта под командованием генерала армии Р. Я. Малиновского предстояло овладеть Тирасполем и Одессой, форсировать Днестр, выйти на государственную границу.

Можно было понять душевное состояние командующего фронтом: его соединения освобождали те самые места, которые летом сорок первого с болью оставлял возглавляемый им 48-й стрелковый корпус. Мало того, войска фронта шли по знакомым и дорогим с детства местам. Тут, в уже недалекой Одессе, он родился, тут хлебнул горькой сиротской доли, познал подневольный труд на графа-помещика, на богатого одесского купца, отсюда пошел на фронты первой мировой войны, забросившей его под конец в составе русского экспедиционного корпуса в далекую и чужую Францию.

Малиновский знал, что сосед справа — 2-й Украинский фронт вырвался далеко вперед, форсировал Днестр и на участке протяженностью 85 километров вышел уже на нашу государственную границу — реку Прут. Надо было поторапливаться и его фронту. Но опытный полководец видел, что люди и без понуканий стараются изо всех сил. А потому никого особенно не подгонял.

Родион Яковлевич нашел единственно возможный и верный в данной ситуации ход: перебросил конно-механизированную группу генерала И. А. Плиева и 23-й танковый корпус туда, где наиболее ярко обозначился успех наступления — на направление 37-й и нашей 57-й армий. И результат не заставил себя ждать. 4 апреля войска фронта освободили город и крупный железнодорожный узел Раздельная, окружив и уничтожив здесь немало живой силы и техники врага, и затем устремились к Днестру.

А песколькими часами раньше севернее Раздельной наш корпус в жестоком бою выбил фашистов с железнодорожной станции Веселый Кут.

Первыми подошли к станции разведчики 1050-го стрелкового полка, наступавшего в авангарде 301-й стрелковой дивизии. Вместе с подоспевшим стрелковым батальоном капитана Н. Ф. Еременко разведчики попытались с ходу взять станцию, но понесли потери и отошли. Как выяснилось, Веселый Кут обороняли довольно крупные силы 384-й пехотной дивизии врага. Перед ними была поставлена задача удерживать станцию любой ценой, чтобы дать возможность другим частям и соединениям оторваться от преследователей, вывезти боевую технику и склады.

Когда я доложил командующему 57-й армией о неудаче разведчиков и головного батальона, генерал-лейтенант Гаген сказал:

— Не спрашиваю, трудно вам или нет — все знаю. Но станцию надо взять. Веселый Кут взять, противника разгромить!

Надо было разобраться в причинах заминки у Веселого Кута, и я отправился в 301-ю стрелковую. В эту дивизию я ездил всегда с большим удовольствием. Многие связывало меня с ней. 301-я участвовала в освобождении Донбасса, прорывала линию Вотана, очищала от противника никопольский плацдарм, форсировала Днепр, Ингулец, Южный Буг.

Не знаю, о чем думал подсевший ко мне в дороге Александр Семенович Кошкин — начальник политотдела дивизии, а я вспомнил и о том, как в сорок втором 34-я отдельная стрелковая бригада, на базе которой была потом сформирована 301-я дивизия, много дней подряд вела неравный бой с 13-й и 23-й танковыми дивизиями противника, рвавшими к Орджоникидзе. Особенно трудная обстановка сложилась 2 ноября. На бригаду двинулось около сотни танков. Много их шло на 4-й стрелковый батальон, где пачальником штаба был капитан Александр Георгиевич Шурупов. Бойцы выстояли. Теперь он был майором, командовал 1050-м стрелковым полком, тем самым, который сейчас приблизился к станции Веселый Кут. Я не сомневался, что Шурупов, офицер находчивый и смелый, не даст противнику долго отсиживаться в Веселом Куте.

Высокого мнения был я не только о Шурупове. Продолжали службу в дивизии и другие бойцы и командиры, знакомые по боям на Северном Кавказе: командир 1054-го стрелкового полка майор Н. Н. Радаев, командир пулеметной роты старший лейтенант П. А. Карибский, командир стрелковой роты старший лейтенант Н. В. Оберемченко, командир 337-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона капитан М. А. Престинский и его питомцы по Севастопольскому военно-морскому училищу имени ЛКСМУ сержанты А. А. Собко, А. Л. Денисюк, Г. М. Абакумов, С. Н. Денисов, И. Ф. Шкоков и многие другие. Тогда, в сорок втором, этот дивизион бил по танкам армии Клейста из 45-миллиметровок. Теперь он был вооружен прекрасными 76-миллиметровыми орудиями, которые пробивали любую броню.

Оторвавшись от дум, я глянул вперед и невольно приподнялся на сиденье — водитель понял это как знак для остановки и резко затормозил. По залитой водой дороге длинной вереницей двигались жепщины, подростки, старики. Они

несли снаряды, ящики с патронами и гранатами. Колонну замыкали две пары волов, тащившие противотанковую пушку.

К вездеходу, разбрызгивая грязь, подбежал молодцеватый старшина.

— Что за люди? — спросил я.

— Добровольцы, товарищ генерал! — доложил старшина. — Узнали, что впереди задержка получилась, не хватает боеприпасов, вот и вызвались помочь. А в пушку вместо уставших лошадей запрягли вот этих волов. Больше в селе никакой скотины не осталось, все угнали фашисты.

Ветер трепал плащ-палатку на старшине, а он стоял на вытяжку, ожидая указаний. Что я мог сказать? Выйти, поклониться всем этим людям? Но впереди часто заухали пушки, дорогá была каждая минута. Добровольцы ускорили шаг.

Трудно передать, с какой радостью и душевной теплотой встречали жители освобожденных селений советских воинов. Они приглашали уставших бойцов в дома, делились пищей, табаком. Расторопные сельские девчата приносили еду и кипяток прямо в окопы. Командиров частей осаждали парни, просили зачислить их в действующую армию. А в тот день, о котором идет речь, жители стали еще добровольными подносчиками боеприпасов...

Командира 301-й стрелковой дивизии полковника В. С. Антонова мы нашли на передовом командном пункте.

— А я, товарищ генерал, все разыскиваю вас по телефону, — сказал он, сияя радостной улыбкой.

— Хорошие новости?

— Так точно. Железнодорожная станция Веселый Кут наша. Сейчас подсчитывают пленных и трофеи.

Вот как, по словам Антонова, развивались события.

После того как не удалось взять станцию с ходу, командир 1050-го стрелкового полка подтянул пушки, произвел перегруппировку подразделений. Мало было пушек, мало снарядов. Поредели и наступавшие роты — полк больше месяца находился в боях, в непрерывном движении. Майор Шурупов понимал, что новая неудачная атака задержит продвижение всей дивизии, и сам встал во главе одного из батальонов. После непродолжительного артиллерийского налета он повел полк на штурм. Сопротивление врага было сломлено.

— Судя по вашему рассказу, люди дрались хорошо. А кого можно выделить особо? — спросил я Антонова.

Командир дивизии и другие товарищи, находившиеся с ним, назвали стрелковую роту лейтенанта Рутницкого, кото-

рая первой ворвалась в Веселый Кут и закрепила в нем; пулеметчика Моисеенко, уничтожившего около тридцати гитлеровцев; орудейный расчет сержанта Чиянова, подавивший две пулеметные точки врага; сержанта Богданова, поднявшего свой взвод в атаку с возгласом: «За родную Украину! Даешь Веселый Кут!» В разгар боя Богданов был ранен, но продолжал руководить подразделением.

Через некоторое время ко мне подошел полковник Кошкин.

— Нелегко говорить об этом, товарищ генерал, но в бою за Веселый Кут, — сказал он, — мы понесли большие потери, особенно 1-й стрелковый батальон. Погибли капитан Баранов — заместитель командира батальона по политической части, старший лейтенант Чудновский — парторг этого же батальона, тяжело ранен сержант Ефимов — комсорг батальона, потеряли мы и многих других товарищей.

На фронте радостному чувству боевого успеха часто сопутствует чувство горечи и скорби. Так было и сейчас. Трудно было смириться с мыслью, что один из наших батальонов вдруг осиротел, сразу потерял всех своих политработников. А какие это были замечательные люди, бесстрашные коммунисты-патриоты, верные боевые друзья! Такие, как они, не прятались за спины товарищей, первыми шли на встречу опасности. Слово и дело были для них едины...

Сколько замечательных политработников потеряли мы на своем пути! Мне вспомнился документ, относившийся к боям на Кавказе. Начальник политотдела 62-й отдельной морской стрелковой бригады батальонный комиссар Погромский доносил в нем комиссару 11-го гвардейского стрелкового корпуса полковому комиссару Базилевскому: «За время боев с 4 по 6 сентября 1942 года бригада потеряла политруков рот 12, комиссаров батальонов — 2. Прошу дать пополнение»...

Мы стояли с полковником Александром Семеновичем Кошкиным и с грустью вспоминали павших товарищей. Мог ли я предположить тогда, что скоро погибнет и Кошкин? Это случилось, когда корпус вышел к Днестру, перешагнул через него и укрепился на противоположном берегу. Тут-то и подстерегла пуля вражеского снайпера нашего дорогого друга, одного из самых уважаемых в корпусе политработников.

Александра Семеновича я знал с осени сорок второго. Знал и глубоко уважал. Сын потомственного пролетария, участника баррикадных боев 1905 года на Красной Пресне в Москве, Александр Семенович с юных лет стал на сторону революционного народа. Он любил и, надо отдать ему долж-

ное, умел страстно и проникновенно рассказывать о своей боевой молодости. О том, как в 16 лет стал коммунистом, организатором комсомольской ячейки, как был избран делегатом III съезда РКСМ, на котором видел и слушал В. И. Ленина, как в 20 лет был избран секретарем Московского губкома комсомола.

Кошкин прошел большую школу жизни и политической закалки. Он быстро сходился с людьми, держался просто, неприпужденно. В людях больше всего ценил простоту, скромность, отзывчивость, те качества, которыми был щедро одарен и сам.

Когда молодых солдат обкатывали танками, полковник Кошкин первым направлялся в траншею и пропускал над собой грохочущую стальную махину. Сомневающихся, робеющих после этого уже не было. А через несколько дней те самые бойцы хладнокровно, без суеты и паники встречали уже не учебные, а настоящие вражеские танки и уверенно подрывали или поджигали их. Они действовали так, как учил их отважный комиссар.

Полковник Кошкин был человеком добрым. Но становился крутым, до неузнаваемости строгим, если сталкивался с несправедливостью, халатностью, высокомерием. Помню, как на собрании партийного актива он отчитал одного из руководящих работников за то, что тот стал отгораживаться от подчиненных, разговаривать с ними языком окриков и угроз.

— Вести себя так, как ведете вы, — сказал политработник, — можно и даже принято в любой буржуазной армии мира, в любой другой, но только не в нашей, рабоче-крестьянской. Либо вы усвоите это раз и навсегда, либо нам с вами не по пути.

Критика помогла. Товарищ впоследствии не раз вспоминал Александра Семеновича добрым словом...

Партийно-политическая работа в армии в боевой обстановке, а ее вели, ею руководили многие сотни и тысячи таких же страстных и мужественных патриотов-партийцев, как Александр Семенович Кошкин, самым благотворным образом влияла на всю жизнь и деятельность войск. Политработники являлись честью и совестью наших полков и дивизий, к ним постоянно шли за советом и помощью, да и они сами не представляли своей работы без постоянного общения с людьми. Я всегда старался опираться на эту могучую силу, способную быстро повлиять на массы, зажечь их огнем своего сердца, своей идейной убежденностью, повести за собой на самые тяжкие испытания. Я не только сам поступал так, но и внушал всем подчиненным командирам, чтобы ценили

партийно-политическую работу, ставили ее во главу угла при решении любых задач.

Одним из представителей славной когорты политработников являлся и политрук, служивший в 1942 году в 220-м стрелковом полку 4-й стрелковой дивизии, которой я тогда командовал, Алексей Гордеевич Еременко. Именно он запечатлен на широко известной, ставшей уже хрестоматийной фотографии: боевой командир с пистолетом в призывном поднятой руке, с биноклем на груди, полуобернувшись, увлекает за собой в атаку бойцов. Удачный, выразительный снимок! Человек на нем — сгусток энергии, уверенности, решимости. Но фронтовой фотокорреспондент М. В. Альперт — он написал мне об этом в письме — в горячке боя не успел зафиксировать ни фамилию, ни должность командира.

Человека, изображенного на снимке (он приведен в книге), узнали родственники, боевые друзья, земляки. Снимок был сделан на Южном фронте, под Ворошиловградом, в тех самых местах, где вскоре и оборвалась короткая, но яркая жизнь нашего боевого товарища. Мы обороняли Ворошиловград, прикрывая отход 12-й армии на новый рубеж. На некоторых участках гитлеровцы вклинились в расположение нашей дивизии, но решительными контратаками были отброшены назад. Водил тогда свою роту в победную контратаку и политрук А. Г. Еременко. Тот бой стал для него последним.

Но память о погибших в боях за Родину бессмертна. Жива память и о герое-политруке, жива в сердцах его однополчан и земляков из Вольнянского района Запорожской области, где до войны он председательствовал в колхозе имени Первомая и откуда добровольцем ушел на фронт. А благодарные ворошиловградцы, на чьей земле оборвалась жизнь Алексея Гордеевича Еременко, в капун 35-летия Победы воздвигли на высоком кургане у города Славяносербск замечательный гранитный памятник, на котором выбиты слова: «В честь героического подвига политработников Советской Армии в Великой Отечественной войне 1941—1945 гг., подвига А. Г. Еременко».

Когда я смотрел на этот величественный монумент, перед моим мысленным взором предстали десятки и сотни людей, которых знал, с которыми прошел долгий боевой путь. Вспомнил, конечно, Кошкина и Еременко, Накопечного и Базилевского, Волошина и Амбарцумяна, вспомнил погибших в бою за Веселый Кут капитана Барапова, старшего лейтенанта Чудновского и многих, многих других. Все они достойно представляли в действующей армии Коммунистическую пар-

тию, были носителями ее всепобеждающих идей, ее нестигаемой силы и воли...

И все же мой рассказ о политруке Еременко был бы не полным, не упомяни я такую знаменательную деталь. В сентябре 1980 года меня навестили его сын и внук. Я был тронут до глубины души тем, как бережно относятся они ко всему, что связано с именем и боевой славой их отца и деда. Не говорю уже о том, что оба посвятили свою жизнь почетному делу защиты родной страны, которому до последнего дыхания был верен Еременко-старший.

Сын политрука — Иван Алексеевич унаследовал от отца и военную профессию, был много лет на партийно-политической работе. Ныне он подполковник запаса и трудится в одной из строительных организаций Запорожья.

Внук нашего однополчанина — Андрей заканчивал Одесское высшее командное артиллерийское училище, готовился служить в войсках.

В конце марта наш корпус вел бои на Южном Буге, а 12 апреля подошел к Днестру и готовился с ходу форсировать его. Нелегким был пройденный путь. Люди устали. Однако настроение в полках и дивизиях было бодрое, боевое. Два дня назад войска нашего фронта освободили Одессу, и весть эта принесла всем большую радость. Ведь Одесса не просто большой и красивый город, не просто первоклассный порт. Это город-герой, который вслед за Брестом продемонстрировал врагу и всему миру силу и нестигаемость советского характера. 69 дней героической обороны Одессы в сорок первом вошли одной из ярких страниц в историю Великой Отечественной войны.

Приподнятое настроение, царившее в войсках, нетрудно было понять. Солдаты и офицеры оказались свидетелями и непосредственными участниками крупного успеха наших войск, одержанного в районе между Южным Бугом и Днестром. С 25 марта по 12 апреля 1944 года части и соединения 3-го Украинского фронта уничтожили и взяли в плен в этом районе 37 480 гитлеровцев, уничтожили и захватили 443 танка и самоходных орудия, 952 орудия разных калибров, 11 708 автомашин, автоприцепов и тягачей, много другого оружия и военного снаряжения.

Теперь перед нами стояла новая сложная задача — переправиться через Днестр. Переправиться обязательно этой ночью, пока противник не успел создать прочной обороны на западном берегу.

Мы знали, что перед фронтом корпуса отходили 384-я и 125-я пехотные дивизии врага. Они были сильно потрепаны в предыдущих боях и лишь этим утром перебрались через Днестр. Вот почему фактор времени не только выступал на первый план, но и становился важнейшим условием успеха.

Быстротой действий мы могли компенсировать и многие собственные слабости в подготовке к форсированию столь крупной водной преграды. Корпус вышел к Днестру, не имея штатных переправочных средств, не могли мы рассчитывать и на солидную артиллерийскую и авиационную поддержку: распутица и бездорожье вносили серьезные коррективы в наши планы.

Конечно, мы понимали, что задача будет нелегкой, хотя подготовка к форсированию Днестра началась сразу после того, как одолели Южный Буг. Именно тогда, в районе Доманевки, наш штаб нагнал командующий армией Гаген. Он уточнил границы наступления корпуса, поставил задачу с ходу форсировать Днестр на участке Бычок — Варница и овладеть плацдармом на противоположном берегу.

Люди наступали, но думали уже и о завтрашнем дне. В одном из подразделений солдаты прихватили с собой дюжину бочек из-под бензина. В другом — старшина погрузил на повозку десяток сухих досок. А бочки и доски — это уже целый плот. Встретилась на пути небольшая рыбацья лодка — и ее бойцы забрали с собой и тащили много километров по весеннему бездорожью.

Особенно деятельная подготовка переправочных средств развернулась с утра 12 апреля — сразу после того, как передовые подразделения достигли реки. В населенных пунктах Бычок, Малоешти, Парканы было разобрано несколько хозяйственных построек. Бревна, балки, доски, ворота, даже двери — все пошло в ход, из них склеивали плоты и плотки. Большую помощь оказали нам местные жители. При их содействии было собрано около тридцати разномастных лодок, дополнивших нашу отнюдь не могучую «флотилию».

Вскоре после того, как штаб корпуса расположился на новом месте, мне позвонил командир 301-й стрелковой дивизии и доложил о ходе подготовки к форсированию. Не терпелось увидеть все своими глазами.

Полковника Антонова я пашел в полукилометре от реки. В складках местности, покрытой густым кустарником, лежали уже готовые плоты. Всюду споровисто, без шума и суеты работали солдаты и офицеры. Район для подготовки к фор-

сированию был выбран удачно: с противоположного берега он не просматривался.

— Кто пойдет первым? — спросил я комдива.

— Тысяча пятидесятый полк, — ответил Антонов. — Задача ему поставлена в соответствии с вашим приказом. Да вот, кстати, и командир.

Майор Шурупов четко изложил свой план:

— Форсирование предлагаю начать во второй половине ночи, когда у солдат противника будет самый глубокий сон, притупится бдительность. Первым пойдет батальон майора Тихомирова. Он должен зацепиться за правый берег, подавить огневые точки и обеспечить переправу остальных подразделений полка. В случае необходимости батальон поддержим артиллерией. Затем будут десантироваться батальон капитана Еременко и штаб полка. Задача — захватить высоту 65,1 и удержать ее до подхода остальных подразделений. С каждым эшелоном направляем по три-четыре противотанковых орудия.

— А почему бы вам, Александр Георгиевич, не послать во втором эшелоне сразу два батальона? — спросил Антонов.

— Это было бы замечательно, да не хватает переправочных средств...

Закончив доклад, Шурупов выжидательно посмотрел на нас. Ни я, ни командир дивизии не возразили ему. В плане форсирования реки, предложенном командиром полка, все представлялось простым, понятным и выполнимым.

К Шурупову подошел его замполит майор Рисман.

— Только что ко мне обратился солдат из второй роты Анатолий Щербак. Просит, чтобы ему разрешили переправиться через Днестр перед началом общего форсирования. Он заметил на той стороне пулемет. Хочет захватить или уничтожить его.

Майор Шурупов согласно кивнул, но тут же добавил:

— Надо надежно прикрыть эту вылазку.

Из 230-й стрелковой дивизии позвонил находившийся там начальник штаба корпуса полковник Е. И. Шикин. Его доклад убеждал, что и там подготовка к форсированию шла успешно.

Погода налаживалась. Стояла теплая южная ночь. Тускло мерцали звезды. Над Днестром плыли жиденькие клочья тумана. Время от времени на той стороне взвивалась ракета, описав дугу, опускалась к воде.

Антонов посмотрел на часы, потом на меня:

— Полночь.

Мы направились в батальон Тихомирова. Он сосредоточивался почти у самого уреза воды к югу от населенного пункта Бычок. Густой кустарник хорошо укрывал воинов и средства переправы. Несколько часов отдыха и добрый ужин освежили людей, придали им сил.

Здесь же, в расположении батальона, разместились наблюдательные пункты батарей 823-го артполка. Они еще засветло взяли «на заметку» обнаруженные цели, подготовили данные для их подавления.

Томительно тянулось время. Все с напряжением вглядывались в противоположный берег. Но противник вел себя спокойно. Позже пленные покажут, что не ожидали этой ночью ничего серьезного.

Командир полка, командиры батальонов и рот в последний раз прикидывали, все ли готово, давали последние указания.

За кустом ракиты уютно примостился рядовой Щербак.

— Толя, готов? — шепотом спросил командир взвода.

— Готов.

— Пора...

Солдат осторожно вошел в студеную воду, толкая перед собой двухметровую доску, лег грудью на ее конец, заработал руками и скрылся в темноте.

Вслед за Щербаком, прикрывая его, бесшумно спустилась в воду небольшая группа бойцов и тут же исчезла из виду.

— Разведка полка, — пояснил Тихомиров.

— Кто в группе? — тихо спросил комдив.

— Лейтенант Панов, комсорг взвода Гримбер, латыш, серьезный парень, да Василий Грибанов с Дмитрием Сотниковым. Ребята как на подбор.

— А вы хорошо знаете Щербака? — спросил я комбата.

— Конечно, — ответил Тихомиров. — С виду он неприметный, щупленький такой, но боевой. Был санитаром — запросился в роту. «Мне, говорит, стыдно быть санитаром». Назначили ручным пулеметчиком. В бою хладнокровен и смел.

Тихомиров хотел сказать что-то еще, но взглянул на подошедшего к нам лейтенанта и передумал.

— Здесь, товарищ генерал, комсорг полка лейтенант Цыганков. Про Щербака он все знает, — будто желая уйти от дальнейших расспросов, сказал Тихомиров.

— Хороший товарищ и хороший солдат, — сказал лейтенант. — В прошедших боях проявил себя с самой лучшей стороны. Три дня назад избран комсоргом роты. Вчера читал

мне письмо от матери. Наталья Григорьевна Щербак живет в Запорожской области. Пишет сыну, чтобы воевал как падо, не осрамил ее... Одним словом, задание выполнит.

Прошло еще около часа, и от берега отчалили бойцы и офицеры 1-го стрелкового батальона во главе с майором Тихомировым. Мы с Антоновым возвратились на командный пункт дивизии. Здесь мне доложили, что южнее, как и намечалось планом, начали переправу подразделения 230-й стрелковой дивизии.

Как только батальон майора Тихомирова достиг середины реки, в небо взвилось сразу несколько ракет. Тут же залаяли пулеметы и автоматы противника. Особенно неприятным для десантников был пулеметный огонь с бугорка, преграждавшего путь к высоте 65,1. Но пулеметчик дал всего несколько очередей. Нам было видно, как на бугорке взметнулось пламя гранатных разрывов. Пулемет заговорил снова, но стрелял уже по окопам и огневым точкам противника. Сдержал свое слово солдат Анатолий Иванович Щербак!

Прошло несколько очень важных для нас минут, прежде чем противник опомнился и открыл артиллерийско-минометный огонь по району переправы. Но это не причинило существенного ущерба 1-му батальону — его основные силы уже высаживались на западном берегу. До нашего слуха допелось дружное «ура». Десантники ворвались в немецкие окопы, завязалась рукопашная. Вскоре майор Тихомиров доложил, что первая траншея захвачена. Наши пушки, стоявшие на левом берегу, перенесли огонь по артиллерийским и минометным позициям гитлеровцев. Огнем батарей 823-го артполка управляли офицеры, переправившиеся вместе с первым эшелоном.

Не теряя драгоценного времени, реку форсировал 2-й стрелковый батальон и штаб полка во главе с майором Шуруповым. Большую расторопность проявили артиллеристы. Они на руках втащили на берег пушки и ударили по огневым точкам врага. К утру 1050-й стрелковый полк овладел высотой и начал закрепляться на ней.

Смело, инициативно действовали молодой коммунист сержант Ашхарбек Казарян, комсорг батальона сержант Грант Авакян. Переправившись через Днестр с группой в 17 человек, они захватили высоту с мельницей и потом удерживали ее, отбивая многочисленные контратаки.

Успешно форсировала Днестр и 230-я стрелковая дивизия. Первыми подошли к реке 986-й и 988-й стрелковые полки, которыми командовали подполковники Галкин и Савинов. Здесь была захвачена вражеская паромная перепра-

ва, устроенная против селения Варница. С помощью металлического троса, натянутого между причалами на противоположных берегах, курсировал паром грузоподъемностью 10 тонн. Немцы не успели уничтожить его, и паром стал хорошим трофеем 230-й стрелковой дивизии. Около паромной переправы было захвачено в плен 70 немецких солдат и офицеров.

Подтянув к реке переправочные средства, части 230-й стрелковой дивизии в середине ночи стали форсировать Днестр. Первыми переправились 2-й стрелковый батальон 986-го и 1-й стрелковый батальон 988-го стрелковых полков (комбаты капитаны Н. Я. Железный и Г. Т. Подшивалов).

Не зря мы торопились с взятием Веселого Кута и других опорных пунктов противника на подступах к Днестру! В тех боях фашисты были настолько измотаны и деморализованы, что оказались не в силах организовать сколько-нибудь надежную оборону на реке. На некоторых участках форсирование проходило при полном бездействии гитлеровцев. Такая картина наблюдалась, к примеру, перед батальоном капитана Подшивалова: 3-я стрелковая рота во главе с лейтенантом Шинкаренко, действовавшая в первом десанте, высадилась на противоположный берег беспрепятственно.

Но вскоре немцы спохватились. Слева стал бить пулемет, мешая переправе других подразделений. И тогда заместитель командира батальона старший лейтенант Смолин, возглавлявший первый десант, приказал сержанту Молодану уничтожить огневую точку врага. Группа в составе пяти человек во главе с Молоданом подползла к пулемету с тыла и забросала его гранатами. Форсирование возобновилось. Накопив силы, батальоны Железного и Подшивалова начали наступать на Варницу. К рассвету 986-й и 988-й стрелковые полки вели бой уже в центре этого населенного пункта.

К утру 13 апреля 230-я и 301-я стрелковые дивизии овладели на западном берегу Днестра плацдармами и завязали бои за их расширение. Наши дела развивались успешно.

Не знаю, что пришлось выслушать командирам 125-й и 384-й пехотных дивизий немцев, когда их старшему командованию стало известно о форсировании Днестра передовыми советскими частями. Думаю, ничего лестного в их адрес сказано не было. Ведь эти дивизии по численности людского состава и вооружения не только не уступали силам нашего корпуса, но кое в чем и превосходили их. В частности, они располагали танками, которых в то время не было в 9-м стрел-

ковом корпусе. Вражеские дивизии поддерживала авиация, базировавшаяся на аэродромах Молдавии и Румынии, а наши самолеты не всегда могли прийти на помощь, так как действующие аэродромы остались в глубоком тылу, а новые либо только еще создавались, либо приводились в порядок. Дивизии противника, отступая под ударами Красной Армии, конечно, основательно поределели и измотались. Но разве меньше пришлось пройти и натерпеться нашим людям? К тому же гитлеровцы в период отхода могли пользоваться тыловыми пунктами и базами снабжения. Нам же приходилось все тащить с собой, а частенько и на себе. К тому же отстали тылы, с большим трудом подтягивались к Днестру основные силы артиллерии. В этих условиях и разгорелась борьба за Днестр. Причем с каждым днем и часом она становилась все ожесточенней.

Утром 13 апреля начали поступать тревожные сообщения от командира 230-й стрелковой дивизии полковника Иосифа Анатольевича Казакова. После ударов артиллерии и авиации немецко-фашистское командование направило против подразделений этой дивизии, занявших плацдарм на правом берегу, пехоту и танки. Получив отпор, фашисты не успокоились. Они еще несколько раз бросали в атаки своих автоматчиков, пытаясь сбить нас с плацдарма. Но не помогло и это.

На следующую ночь мы выдвинули на плацдарм дополнительные силы, в том числе минометные подразделения, 45-миллиметровые орудия. К нашему счастью, погода улучшилась, дороги подсохли и к Днестру стали подходить части усиления. Особенно радовало прибытие артиллерии. Офицеры штаба корпуса встречали батареи и прямо с марша отводили их в назначенные районы. Это была существенная помощь подразделениям и частям, закрепившимся на плацдарме.

Но и противник не терял надежды поправить свои дела.

«Бои на плацдарме все более ожесточались, — вспоминал в своем письме ко мне командир батальона 988-го стрелкового полка Георгий Тихонович Подшивалов, проживающий в Омске. — Немцы по 8—12 раз в день атаковали наши позиции, вели сильный артиллерийский огонь, пускали в ход огнеметы. Некоторые здания в Варнице переходили из рук в руки. В одном из боев отлично проявили себя молодые молдавские парни, пополнившие наш батальон и еще не закончившие изучать курс молодого бойца. Им пришлось вступить в бой, чтобы вернуть несколько захваченных врагом зданий. Группу этих бойцов в составе 50 человек возглавил

лейтенант П. И. Зубрилов. Вооруженные автоматами и ручными гранатами, молодые советские патриоты с честью выполнили свою задачу. Многие из них шли в бой, не успев еще получить военную форму.

Бесперывные атаки стоили врагу немалых жертв. Но и мы несли серьезные потери. В те дни, — вспоминает комбат, — был тяжело ранен и я. Но все-таки плацдарм мы не только удержали, но и расширили до самой крепости Бендеры».

А как развивались события на плацдарме, захваченном 301-й стрелковой дивизией?

Поначалу оттуда сообщали: «Противник особой активности не проявляет».

Это меня не радовало, а настораживало. Дело в том, что дивизия форсировала Днестр в районе, очень важном для последующего нашего наступления, а высота 65,1, занятая батальонами 1050-го стрелкового полка, господствовала над окружающей местностью. Потеряв ее, гитлеровцы лишились возможности наблюдать за довольно значительным отрезком реки. Были все основания полагать, что они вряд ли смирятся с этим.

Командир дивизии полковник Антонов и командир полка майор Шурупов являлись опытными, думающими офицерами. Они понимали всю сложность обстановки и не теряли времени даром. Принимались меры, чтобы не только удержать позиции, занятые на правом берегу, но и расширить их, надежно укрепить.

Я был полностью согласен с полковником Антоновым и майором Шуруповым в том, что противник попытается нанести удар из района разъезд Калф, лес в стык 301-й с 230-й стрелковых дивизий, чтобы обойти высоту 65,1 с юга, отрезать ее защитников от переправы, а потом прижать их к озеру Бык (пыне Салаш) и уничтожить. Именно поэтому я потребовал, чтобы на это направление было поставлено как можно больше противотанковых пушек.

После десяти часов утра Антонов доложил, что 1050-й полк сравнительно легко отразил вражескую атаку, однако, по данным разведчиков и свидетельству пленных, на стороне противника появилось до батальона танков.

Следует отметить, что еще ночью, как только противник был выбит с высоты 65,1, командир 1050-го стрелкового полка майор Шурупов отдал приказ немедленно приступить к ее подготовке для обороны. Ему было известно, что на этом участке находились основные силы 384-й пехотной немецкой дивизии — 370-й и 539-й пехотные полки. Свои батальоны

майор Шурупов расположил так: 1-й и 2-й — на западном склоне высоты, а 3-й — прямо на гребне. Фланги практически оказались открытыми, но других подразделений командир полка не имел. Правда, должны были подойти еще несколько взводов и расчетов, задержавшихся на переправе, однако и с их прибытием перевес противника в людях и оружии продолжал оставаться значительным. А положение на переправе осложнилось: над ней нависла вражеская авиация, по реке была дальнобойная артиллерия.

Давно наступило время завтрака, но никто не думал о нем. Работы по укреплению позиций уже заканчивались, когда открыла огонь артиллерия противника. Затем появилась его пехота. Однако она не смогла достигнуть высоты и, понеся большие потери, откатилась в сторону железнодорожного разъезда Калфа, залегла в прилегающих к нему кустарнике и садах. Эта атака была, скорее, разведкой боем: ее не поддержали ни авиация, ни танки. Не раскрыли полностью своей огневой системы и защитники высоты.

Командир 301-й стрелковой дивизии приказал подполковнику Николаю Павловичу Мурзину начать переправу 1052-го стрелкового полка. Через Днестр потащили на плотах свои пушки и артиллеристы 337-го отдельного истребительно-противотанкового дивизиона.

Время приближалось к полудню, когда командир пулеметного расчета, расположенного возле командного пункта полка (Шурупов смело перевел свой КП прямо на высоту), младший сержант Буряк громко оповестил:

— Воздух!

С запада приближалась большая группа вражеских самолетов. Высота 65,1 покрылась разрывами бомб. Снова заработала вражеская артиллерия. Налетели еще две группы бомбардировщиков, сбросили свой груз не только на высоту, но и на переправу. Но тут подоспели наши истребители, разгорелся жаркий воздушный поединок.

Бой принимал все более острый характер. Из кустарника и из леса, что раскинулся южнее железнодорожного разъезда Калфа, выползли танки. Часть из них повела за собой пехоту прямо на высоту. Но и на этот раз фашисты не добились успеха. Вскоре командир батальона майор Тихомиров доложил, что противник остановлен. Четыре танка из десяти были подбиты, остальные начали маневрировать и, опасаясь огня противотанковых пушек, отошли.

Хуже обстояло на левом фланге 2-го батальона. На него навалились пятнадцать танков и почти вся пехота 370-го немецкого полка. Погибли расчеты 45-миллиметровой пушки

сержанта Виноградова и станкового пулемета сержанта Рыжкина. Был убит командир взвода младший лейтенант Абрисимов. Командир пулеметной роты старший лейтенант Карибский заменил за пулеметом убитого сержанта Петрова, а командир минометной роты капитан Богомолов, израсходовав все мины, занял со своими подчиненными место в стрелковых окопах.

Однако и фашисты получили свое. На поле боя пылали три танка, лежало множество трупов. Тут-то враг и предпринял новый маневр: уцелевшие двенадцать танков и основную часть пехотных рот он бросил в обход высоты с юга. В бой вступила левофланговая рота 3-го батальона капитана Бородаева, не имевшая противотанковых средств. Обойдя высоту с юга, вражеские танки и пехота резко повернули на север, стремясь отрезать 1050-й полк от переправы.

Ситуация создалась критическая. Связь штаба полка с командиром дивизии прекратилась — у разбитой рации лежал погибший радист. Наступил момент, когда сам командир полка лег за ручной пулемет и короткими, но точными очередями стал косить цепи гитлеровцев. Рядом с ним расположилась снайпер Дуся Болисова, на счету которой было уже 38 уничтоженных фашистов.

— Тридцать девять! — сказала девушка, сделав выстрел. — Сорок!

В грохоте боя майор Шурупов не разобрал ее слов.

— Что вы там причитаете? — недовольно буркнул он.

— Не причитаю, а считаю, — ответила Болисова, не отрываясь от своей снайперской выстрелки...

Почти безостановочно бил пулемет сержанта Николая Баздырева. Кое-где наши бойцы отбивались гранатами. А фашисты все лезли и лезли. И когда казалось, что танки вот-вот прорвутся на гребень высоты, со стороны Днестра раздались выстрелы. Это орудийные расчеты сержантов Собко, Денисюка, Абакумова и Шкокова сразу после переправы открыли огонь прямой наводкой. Первыми выстрелами они уничтожили три танка. Фашисты, не ожидавшие удара с фланга, пришли в замешательство. А тем временем запылали еще две боевые машины.

Появление на плацдарме противотанковой батареи и головных подразделений 1052-го стрелкового полка внесло перелом в ход боя. Гитлеровцы приостановили движение, «засмутились», как шутили потом бойцы. Этим воспользовался командир 3-го батальона капитан Бородаев. Он бросил на врага стрелковые роты капитана Перепелицына и старшего лейтенанта Оберемченко.

Напряженный, тяжелый бой продолжался до самого вечера. Его вели уже два наших полка. А ночью был переброшен на плацдарм и 1054-й стрелковый полк. Совместными усилиями они расширили плацдарм и в глубину и по фронту.

Правительственные награды вручались многим солдатам и офицерам прямо в окопах. Отважно действовавшие на Днестре сержант А. Казарян и пулеметчик Н. Баздырев стали вскоре Героями Советского Союза. Этому же высокого звания был удостоен красноармеец Анатолий Щербак, который первым переправился на западный берег Днестра, захватил вражеский пулемет и открыл из него огонь по гитлеровцам.

Анатолий Щербак сдержал слово, данное матери, и не подвел своих земляков. К ним, в Запорожскую область, вернулся он после войны и много лет возглавлял одно из предприятий в городе Бердянске.

В тот же день, как и Щербак, переправился через Днестр со своим расчетом его ровесник молодой артиллерист Александр Собко. Ему и его товарищам пришлось буквально с ходу, «с воды», вступить в бой с прорвавшимися к берегу танками врага, которые заходили в тыл нашего плацдарма. Удар советских пушек был неожиданным и разящим. Несколько немецких танков быстро превратились в чадающие костры...

Александра Собко я запомнил еще по боям на Кавказе: там его приняли кандидатом в члены партии. Вместе мы дошли до самого Берлина. А после войны он стал крупным ученым, доктором наук, членом-корреспондентом Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук имени В. И. Ленина. Дважды его избирали делегатом съездов КПСС. К многочисленным фронтовым наградам А. А. Собко прибавились высокие награды мирного времени — орден Октябрьской Революции и два ордена Трудового Красного Знамени...

Завершая рассказ об апрельских днях 1944 года, хочу еще раз подчеркнуть, что форсировать Днестр и захватить плацдарм на западном берегу оказалось куда легче и проще, нежели затем удержать его. Немецко-фашистское командование никак не хотело смириться с свершившимся фактом и долго еще предпринимало попытки сбросить нас в реку. А наши части медленно, но уверенно расширяли плацдарм и к концу апреля окончательно закрепили его за собой...

Несколько лет назад мне довелось побывать на месте памятных боев на Днестре. Ехал туда с большим душевным волнением. Вот и Варница, где мужественно дрались части

230-й стрелковой дивизии. Тогда это было небольшое село. Теперь оно разрослось, похорошело. В центре — братская могила, где покоятся бойцы и командиры 230-й и 301-й стрелковых дивизий, погибшие при защите плацдарма. Жители села свято чтят их память, бережно ухаживают за могилой.

В Варнице неожиданно встретил ветерана нашего корпуса И. Ф. Ковченко. В период форсирования Днестра шестнадцатилетний Ваня Ковченко был смелым разведчиком в батальоне капитана Железного, который одним из первых перебрался на западный берег и ворвался в Варницу. Иван Феофанович хорошо помнил те жаркие бои.

В Бычке меня тоже ждала приятная встреча с соратниками — жителями этого села, многие из которых сразу после прихода наших войск стали солдатами 1050-го стрелкового полка. Вместе с бывшим сапером этого полка Н. И. Разжиновым мы осмотрели высоту 65,1 и место переправы перед ней. Никита Иванович рассказал, как он и другие молодые парни разыскивали тогда рыбацьи лодки, разбирали строения, сбивали из досок плоты, помогали налаживать паромную переправу. Здесь же встретил я Ивана Стефановича Тихонского, который, будучи ездовым в артиллерийской батарее, довез свою пушку до Берлина, и сапера Дениса Анисимовича Дубина. А еще мне удалось повидать Анастасию Родионовну Еджину и Евдокию Родионовну Баклан. Эти две сестры, тогда совсем молоденькие девушки, помогали нашим медикам ухаживать за ранеными, и делали это с великой любовью...

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

*Здесь побеждали солдаты Суворова * Разведчики * Так готовился удар * Командиры полков — как на подбор * Белые флаги над колоннами врага * С 5-й ударной — на новый фронт*

В середине мая на днестровских плацдармах воцарилась тишина. Все усилия врага отбросить нас на восточный берег Днестра ни к чему не привели. Стороны перешли к обороне. Противник — вынужденно, мы — преднамеренно: захваченные плацдармы служили неплохим трамплином для нового наступления наших войск.

Весна, словно извиняясь за апрельскую стужу и слякоть, круто повернула к благодатному теплу. Деревья и кустарник быстро покрывались нежной листвой, а луга и поля

ны — густо-зеленым бархатом трав. Уставшие от непрерывных боев и походов, но довольные тем, что сделано, войны распрямились, повеселели, не могли вволю надышаться ароматным, весенним воздухом.

Переход к обороне, конечно, не отдых и не каникулы. Повсюду совершенствовались оборонительные позиции, рылись окопы полного профиля, глубокие ходы сообщения, сооружались стрелковые ячейки, пулеметные площадки, наблюдательные пункты и блиндажи, и все это тщательно маскировалось.

Трудились на совесть, хотя и догадывались, что не придется долго эскажироваться в окопах и блиндажах. Не для того велись ожесточенные бои за захват и удержание плацдармов. Они нужны для наступления. Вопрос лишь в том, когда оно начнется. А пока надо было готовиться. И мы готовились.

Особое внимание уделяли пополнению, прибывавшему из близлежащих мест. Эти люди пережили страшное время фашистской оккупации. Они рвались в бой, но были слабо обучены, плохо знали материальную часть оружия. Им-то и помогали в первую очередь.

А что касается общей для всего личного состава задачи, то она заключалась в том, чтобы научиться прорывать сильно укрепленную оборону противника, уверенно вести наступательный бой. Занятия проводились в отделении, во взводе, роте и завершались наступлением батальона, а иногда и полка, которое сопровождалось боевой стрельбой. Чтобы как можно лучше организовать и провести занятия, стрелковые полки поочередно снимались с боевых позиций и выводились на левый берег Днестра.

В десяти километрах к востоку от реки был оборудован батальонный район обороны по образу и подобию немецкого: с траншеями, наблюдательными пунктами, дзотами, проволочными и иными заграждениями. Многочисленные мишени изображали солдат противника, его оружие и технику. Вместе с пехотинцами обучались и артиллеристы.

Я часто бывал на учебных полях. Однажды встретил там 3-й батальон 1050-го стрелкового полка 301-й стрелковой дивизии. Командир батальона капитан Бородаев, инструктируя ротных командиров, увел их в расположение «обороны противника», а заместитель командира по политической части капитан Журба тем временем проводил беседу с бойцами. Заметив меня, он подал команду «Смирно!» и доложил, что проводит беседу на тему «Тяжело в ученье — легко в бою».

— Почему выбрали именно эту тему? — поинтересовался я.

— Действуем по Суворову, — ответил капитан. — Перед штурмом Измаила он построил крепостной вал со рвом и тренировал солдат в штурме вражеских укреплений. Вот я и рассказываю, как это делал Суворов и какие одерживал победы. А теперь и мы воспроизвели кусочек обороны противника и будем учиться атаковать его. Увязываем историю с действительностью, товарищ генерал...

Часа через два, когда батальон занял исходное положение для атаки, по сигналу командира батальона 122-миллиметровая гаубичная батарея открыла огонь. Через головы солдат полетели настоящие снаряды. Поднимая высокие султаны земли и дыма, они рвались в расположении обороны «противника». Тут же стали бить по амбразурам дзотов две сорокапятки. Вскоре, стреляя на ходу, батальон пошел в атаку. Стремительно продвигаясь вперед, цепь атакующих приближалась к проволочному заграждению.

Проволочное заграждение, построенное в 40—50 метрах от первой траншеи обороняющегося, если в нем перед наступлением не сделаны хорошие проходы, представляет серьезное препятствие. Преодолевая его, атакующие замедляют движение, а то и вовсе останавливаются, в результате чего становятся удобной мишенью для неприятеля.

Вот почему, обучая бойцов стремительной атаке, мы уделяли много внимания преодолению проволочного заграждения. Этому и учил в тот день своих людей капитан Бородаев. Одна рота набрасывала на проволоку соломенные маты, другая — шинели. В обоих случаях атака развивалась почти без заминок.

Я остался доволен увиденным. Но комбату кое-что не понравилось, и он решил потренировать людей еще, поскольку занятие было рассчитано на весь день.

Поблагодарив командование батальона за хорошую организацию занятий, я посоветовал учить людей не только атаке, но и преследованию противника, отражению контратак, а затем уехал на свой командный пункт.

Начальник штаба корпуса полковник Шикин встретил меня у входа в землянку. Его скуластое, обветренное лицо расплылось в улыбке.

Причина хорошего настроения полковника Шикина выяснилась быстро: оказалось, что в 301-й взяли «языка».

От этого сообщения и у меня полегчало на сердце. Вот

уже месяц, как нашим разведчикам никак не удавалось при-
тащить «языка». Это сильно нас огорчало, так как прихо-
дилось выслушивать справедливые упреки командующего
армией.

— Когда взяли? — спросил я начальника штаба.

— Сегодня днем.

— Как это днем? Ночью не удавалось, а днем поймали?
Спали немцы, что ли? — продолжал допытываться я.

— Не спали, но дремали, это точно... А кстати, коман-
дир взвода разведки 1054-го стрелкового полка лейтенант
Колоярский с разведчиком Яценко уже и «языка» ведут...

Пленный показал на допросе, что он из 370-го пехотно-
го полка 384-й пехотной дивизии и что с апреля дивизия
своих позиций не меняла. Я тут же связался с командую-
щим, доложил о пленном и о том, что перед фронтом корпу-
са изменений, как видно, не произошло.

— За пленного благодарю. А чтобы подтвердить ваш вы-
вод, нужен еще один пленный, — ответил генерал Гаген, как
бы напоминая, что охоту за «языками» следует вести непре-
рывно...

— Кто руководил вылазкой? — спросил я разведчиков.

— Я, — ответил лейтенант Колоярский и рассказал о том,
как было дело.

— Немцы привыкли к нашим ночным вылазкам, — начал
он. — Поэтому ночью все солдаты у них, особенно в первой
траншее, бодрствуют, а днем отдыхают, и конечно же спят.
Вот мы и решили наведаться к ним днем.

Объектом для нападения выбрали окоп с блиндажом, на
удалении примерно 120 метров от нашей первой траншеи.
Там несло службу боевое охранение противника в составе
трех-четырех солдат.

В течение нескольких дней мы вели наблюдение и уста-
новили, что после завтрака гитлеровцы забирались в блин-
даж и больше не показывались, скорее всего спали. А для
наблюдения и охраны оставляли одного солдата, который
через час тоже уже клевал носом.

Долго и внимательно подбирали мы людей. В группу за-
хвата вошли Николай Мясников, Василий Гончар, Алек-
сандр Мазуренко, Михаил Москаленко и Афанасий Ветют-
нев. Задача этой группы заключалась в том, чтобы, достиг-
нув окопа, схватить первого попавшегося немца и скорее
тащить его в свои окопы.

В группе обеспечения действовали Павел Незабудько,
Анатолий Павленко, Иван Кошко, Григорий Шонин, Алек-
сей Гук, Виктор Рычагов, Петр Сагарь и вот этот паренек, —

указал Колоярский на Яценко, который сидел в углу землянки, охраняя пленного. — Эта группа должна была уничтожить гитлеровцев, находившихся в блиндаже, перекрыть ход сообщения, по которому могло прибыть подкрепление, и таким образом обеспечить действия группы захвата и ее отход к своим.

Заранее было условлено, что, как только наша группа достигнет цели, специально выделенные орудия, минометы и пулеметы откроют огонь по противнику и подавят огневые точки, которые могли затруднить наш отход. Все это дважды прорепетировали в тылу.

Перед рассветом разведчики сосредоточились в окопе, который находился ближе других к боевому охранению противника, и замерли. Ровно в 11 часов молча, без единого выстрела бросились вперед. Как и предполагали, наблюдатель, прислонившись спиной к задней стенке окопа, сладко спал. Он был без оружия: пулемет, возле которого ему надлежало дежурить, одиноко стоял на пулеметной площадке.

Наблюдатель не успел и опомниться, как на него навалились Мазуренко и Ветютнев, затолкали в рот кляц, чтобы не кричал, и потащили к своим. Другие ребята из группы захвата, прихватив пулемет и коробку с патронами, тоже отправились в обратный путь, помогая время от времени Мазуренко и Ветютневу. Выполнила свою задачу и группа обеспечения.

В это время ударили по врагу наша артиллерия, минометы, пулеметы. Но им не удалось полностью подавить немецкие огневые точки. Нам пришлось отходить под обстрелом. Поэтому не обошлось без жертв. Убиты Виктор Рычагов и Иван Кошко. Хорошие были ребята!..

Слушая Колоярского, я все чаще посматривал на юного ковоира, который, прижимая к груди автомат, скромно сидел в углу землянки и не сводил глаз с пленного. Кисть левой руки паренька была перевязана марлей, через которую просачивалась кровь.

— А этого юношу где вы взяли? — указывая взглядом на ковоира, спросил я лейтенанта. — Похоже, сын вашего полка?..

— Нет, товарищ генерал, Вася Яценко — не сын полка. Но он еще очень молод, недавно ему исполнилось семнадцать. А воюет уже давно, — пояснил Колоярский.

— В самом деле? — обратился я к пареньку.

Мой вопрос был неожиданным, Вася смутился и покраснел. Пройдет много лет, и Василий Никифорович Яценко станет полковником, окончит две военные академии и будет

работать в одном из управлений Генерального штаба Советских Вооруженных Сил. А в тот момент я хорошо понял замешательство паренька и, чтобы успокоить его, попросил рассказать, откуда он родом, когда и как попал в армию, где воевал. Юный разведчик на глазах оживился. Тут я и услышал, что он родился и вырос в станице Калининской Краснодарского края, что летом сорок второго, когда в их станицу ворвались фашисты, ушел в партизанский отряд «Кубань». В ту пору было ему всего 15 лет, а уже воевал в предгорьях Кавказа. Осенью партизаны отряда влились в регулярные части Красной Армии. Тогда-то добровольно и стал Василий красноармейцем. Воевал под станицей Абинской, потом в составе 591-го стрелкового полка 176-й стрелковой дивизии — на Малой земле, где был тяжело ранен. Лечился в госпитале. После выздоровления его направили в 34-ю стрелковую бригаду, а затем в 301-ю стрелковую дивизию. Служит в разведвзводе 1054-го стрелкового полка, не раз вместе с лейтенантом Колоярским ходил за «языком».

— А что с рукой? — спросил я.

— Да зацепило сегодня.

— Значит, ранен?

— Ну разве это ранение, товарищ генерал?! Вот на Малой земле крепко досталось. И то вылечили! А это,— паренек посмотрел на свою левую руку, — пустяк, царапина...

Незаметно закончился еще один день пребывания в обороне. Настроение было хорошее. Красная Армия наносила сокрушительные удары по врагу то на одном, то на другом участке огромного фронта. Снята блокада Ленинграда, началось освобождение Советской Прибалтики. Полностью очищен от врага Крым. Фашисты разгромлены в Белоруссии, на Западной Украине. Советские войска начали освобождать Польшу, вышли к границе Восточной Пруссии. Мы понимали, вот-вот настанет и наш черед громить и гнать врага.

В делах и заботах незаметно наступил август. Части и соединения корпуса днем и ночью готовились к предстоящим боям. И хотя ничего конкретного мы не знали, чувствовалось: ждать остается недолго. В последнее время особый упор делался на подготовку командного состава. Помимо обычных занятий с различными категориями командиров и политработников проводились учебные сборы. Польза от них была несомненная. У себя в корпусе мы провели военную игру: с командирами дивизий были разыграны возможные варианты действий в наступлении

Вечером 7 августа позвонил начальник штаба армии генерал-майор Павел Михайлович Верховович:

— Завтра к девяти приезжайте к нам. Возьмите карту кицканского плацдарма.

На мой вопрос о цели поездки Верховович ответил уклончиво:

— Приедете — все узнаете...

Прибывающих в штаб армии направляли к большому дому, который занимал оперативный отдел штаба. Когда я приехал, здесь уже были командир 64-го стрелкового корпуса генерал-майор И. К. Кравцов, командир 68-го стрелкового корпуса генерал-майор Н. Н. Шкодунович и другие. В тени орехового дерева они беседовали с членом Военного совета армии генерал-майором Л. П. Бочаровым.

Вскоре нас пригласили в дом. На стене просторной комнаты висела карта, охватывающая пространство от Карпат до Черного моря. На ней жирными линиями было показано положение войск 2-го и 3-го Украинских фронтов и противостоявшей им группировки противника по состоянию на 1 августа 1944 года. Выступившие с докладами начальник разведотдела и начальник штаба армии подробно обрисовали обстановку. А выглядела она в общих чертах так.

Как уже было сказано, еще весной 1944 года 2-й Украинский фронт вышел на нашу государственную границу и в районе города Яссы вступил в пределы Румынии. 3-й Украинский фронт отбросил врага за Днестр и захватил несколько плацдармов на западном берегу реки. Наши фронты заняли выгодное охватывающее положение. Им оставалось освободить правобережную часть Советской Молдавии и несколько районов ныпешней Одесской области, после чего открывалась дорога на Румынию, Болгарию и в глубь Балкан.

2-му и 3-му Украинским фронтам (ими теперь командовали соответственно — Р. Я. Малиповский и Ф. И. Толбухин) противостояла немецко-румынская группа армий «Южная Украина» под командованием немецкого генерала Г. Фриснера. Занимая оборону на фронте около 600 километров, она имела в своем составе 900 тысяч человек, более 7600 орудий и минометов, свыше 400 танков и САУ и 810 самолетов. Враг успел основательно укрепиться по всей линии фронта.

Предстоящее наступление наших войск, а о нем как раз и шла речь на совещании в штабе армии, имело одну чрезвычайно важную особенность: боевые действия переносились за пределы наших границ. Красная Армия и на этом участке

фронта приступала к выполнению своей интернациональной, освободительной миссии. И тут нельзя было не учитывать политическую обстановку на Балканах. А она складывалась не в пользу врага. В Румынии нарастало, готовое вылиться в более резкие формы, недовольство союзом с гитлеровской Германией. Широкие массы болгарского народа выступали за мир и дружбу с Советским Союзом. Что касается Югославии, то здесь уже давно кипела всенародная вооруженная борьба против фашистских оккупантов.

Ко всему прочему удары наших войск в Белоруссии и Западной Украине заставили немецко-фашистское командование снять часть своих сил с южного участка советско-германского фронта и бросить их туда, где все трещало и рушилось. Эта мера так испугала Антонеску, что он обратился за разъяснением к самому Гитлеру.

Ставка Верховного Главнокомандования решила, что настало время провести широкую наступательную операцию на южном крыле советско-германского фронта. 2-й и 3-й Украинские фронты во взаимодействии с Черноморским флотом и Дунайской военной флотилией должны были освободить от немецко-румынских захватчиков Советскую Молдавию, вывести из войны на стороне Германии и освободить от гитлеровцев Румынию и Болгарию.

Замысел операции на ее первом этапе заключался в том, чтобы силами обоих фронтов нанести два мощных сходящихся удара с целью окружить и уничтожить крупную группировку вражеских войск в районе Яссы, Кишинев.

— Решим эту задачу, — сказал выступивший на совещании командующий армией генерал Гаген, — считайте, что для Красной Армии свободен путь в глубь Румынии и на Балканский полуостров.

Командующий подробно обрисовал задачу нашей, 57-й армии. Во взаимодействии с 37-й армией генерала М. Н. Шарохина она прорывает сильно укрепленную оборону противника южнее Бендер и, непрерывно наращивая удар из глубины, отрезает отход противника в юго-западном направлении. 57-я армия наступает в три эшелона. В первом эшелоне — 68-й стрелковый корпус, во втором — наш 9-й Краснознаменный и в третьем — 64-й стрелковый корпус.

Готовность к наступлению — 19 августа в 20.00...

Исключительно смелые и грамотные действия нашего командования не могут не вызвать восхищения.

Общий перевес в силах был на нашей стороне, но он не являлся столь уж большим. Личного состава, например, мы имели 1 миллион 250 тысяч человек, а противник 900 тысяч,

соотношение 1,4 : 1. Зато на решающих направлениях превосходство в силах и средствах удалось создать подавляющее: в людях — в 4—8 раз, в артиллерии — в 6—11 раз, в танках и САУ — в 6 раз.

За счет чего создавался такой внушительный перевес? За счет решительного ослабления второстепенных, неглавных участков фронта. Это риск? Безусловно. Но риск взвешенный, обоснованный.

Весьма поучительным оказался и выбор направления удара. Мы располагали несколькими плацдармами и, следовательно, несколькими вариантами возможных действий. Казалось, наиболее предпочтительным для сосредоточения главных сил было кишиневское направление. Так и намечалось вначале. За это направление больше всего опасался и враг, расположивший здесь наиболее сильную группировку войск, состоявшую исключительно из немецких дивизий. Однако после многих прикидок наше командование остановилось на кицканском плацдарме, расположенном южнее Бендер. Не посмотрели на то, что здесь местность низменная, заболоченная, много речек, речушек, стесненные условия для размещения войск, особенно артиллерии. Зато учли другое — тут враг меньше всего ждал нашего удара, отсюда открывалось наивыгоднейшее операционное направление для совместного со 2-м Украинским фронтом выхода на Хуши, Лео-во с целью окружения и последующего уничтожения главных сил врага.

Гитлеровцы до последнего момента ждали нашего удара на кишиневском направлении, чему в немалой мере способствовала и эффективная дезинформация противника, меры по оперативной маскировке. Когда наступление уже началось, враг все еще считал, что с кицканского плацдарма наносится вспомогательный, отвлекающий удар.

А между тем утром 20 августа 1944 года именно здесь развернулись события решающего значения.

Наш наблюдательный пункт окружали сады. Внизу, между населенными пунктами Маринешты и Киркаешты, лежала заболоченная долина. Невдалеке по господствующим высотам проходил передний край обороны противника. В непосредственной близости от него заняли исходное положение для наступления части 68-го стрелкового корпуса. Это они должны прорвать оборону противника, овладеть высотами и обеспечить дивизиям нашего корпуса проход через заболоченную долину.

Скоро начнется наступление. Я снова и снова смотрю на дороги и тропы, по которым части корпуса завтра пойдут в Киркаешты и дальше на запад. Невольно вспоминаю, как во время посещения 230-й стрелковой дивизии наткнулся на командира 2-го батальона 986-го стрелкового полка капитана Н. Я. Железного, который душевно беседовал со своими людьми. Указывая на дорогу, что шла из района сосредоточения дивизии на запад, комбат увлеченно говорил: «Вы посмотрите, товарищи, на эту дорогу! Когда-то по ней шагали солдаты Суворова. Тогда великий русский полководец атаковал турок у Фокшан и наголову разбил их. Вскоре одержал еще одну блестящую победу у реки Рымник, где неприятеля было вчетверо больше, а потом штурмом взял Измаил».

...Стрелки часов приближались к восьми. Я вышел из окопа и огляделся вокруг. Везде было безлюдно и тихо. А между тем здесь, на небольшом кицканском плацдарме, сосредоточена вся ударная группировка фронта: 5000 орудий и минометов, 600 танков, более 20 дивизий, несколько тысяч автомашин различного назначения. Здесь был тот огромный меч, который вместе с тысячей самолетов 17-й воздушной армии генерала В. А. Судец через несколько минут нанесет сокрушительный удар по врагу. А пока ни малейших признаков жизни. Воистину затишье перед бурей.

Ровно в восемь утра пять тысяч орудий и минометов открыли огонь. Все слилось в единый мощный гул, от которого дрожала земля.

Покинув блиндажи, мы наблюдали за полем боя. Возле меня собрались ближайшие помощники: начальник штаба корпуса полковник Е. И. Шикин, командующий артиллерией генерал-майор артиллерии И. Е. Бобровников, начальник оперативного отдела подполковник С. С. Прага.

Почти одновременно с началом артподготовки в небе появились наши истребители. Тут же завязался воздушный бой. Потеряв около десятка «мессеров», самолеты противника убрались восвояси. Наращивая силу артиллерийского удара, непрерывно шли штурмовики и бомбардировщики. Это была впечатляющая демонстрация нашей возросшей воздушной мощи.

Закончив огневую обработку переднего края противника, в 9 часов 45 минут артиллерия перенесла огонь в глубину неприятельской обороны, а танки, ведя за собой пехоту, ринулись в атаку.

В тот день наши войска пробили брешь в обороне гитлеровцев на 40 километров по фронту и на 12 километров в

глубину. На второй день они продвинулись еще на 25 километров и вышли на линию Ермоклия, Чобручу.

Начало наступления было связано и с радостями и с огорчениями. Радовались в 37-й армии генерала Шарохина, перед которой обозначился наибольший успех. А огорчались в нашей, 57-й армии. 68-й стрелковый корпус, наступавший в первом эшелоне армии между Хаджимусом и озером Ботно, к полудню 20 августа овладел лишь первой немецкой траншеей. Опасаясь за расположенную рядом крепость Бендеры и в то же время опираясь на нее, враг отчаянно сопротивлялся, предпринимал частые контратаки.

Командир 68-го стрелкового корпуса генерал Шкодунович тяжело переживал неудачу. Нервничал и я: задерживался ввод в бой нашего корпуса. Легко было понять и Гагена: войска генерала Шарохина вырвались далеко вперед, а его армия топчется на месте. Обидно!

Лишь спустя много лет после войны я узнал из воспоминаний Маршала Советского Союза С. С. Бирюзова, бывшего в тот период начальником штаба 3-го Украинского фронта, о причине, вызвавшей временную заминку на участке 57-й армии. Оказывается, перед ее фронтом удары нашей авиации и артиллерии были гораздо слабее, нежели на главном направлении.

Остается пояснить, что на главном направлении действовали две армии — 37-я и 57-я, но и на главном направлении было еще и самое главное. На нем-то и находилась 37-я армия.

Как только Шкодуновичу добавили огня, лед тронулся: части 68-го корпуса начали продвигаться на запад.

— А вы, товарищ Рослый, долго еще будете сидеть в окопах и прохлаждаться? — спросил меня по телефону командующий, как только узнал, что корпус Шкодуновича рванулся вперед.

— Жду вашего сигнала, — ответил я генералу Гагену.

По плану командующего части 9-го стрелкового корпуса должны были вступить в бой после того, как 68-й стрелковый прорвет оборону противника на всю тактическую глубину. Поэтому, выйдя на кичканский плацдарм, мы отрыли траншею, укрылись в ней и ждали команды.

— Шкодунович уже овладел первой позицией противника и успешно продвигается вперед, — заседал командующий.

— Мне это известно, — ответил я.

— Откуда? — удивился Гаген.

— Очень просто. В боевых порядках Шкодуновича нахо-

дятся мои разведчики и весьма исправно информируют меня об обстановке.

Это сообщение, видимо, понравилось командующему.

— Молодец! Хвалю. Но корпус вводите в бой немедленно.— И, немного помолчав, добавил: — Учтите, товарищ Рослый, что не сегодня-завтра противник побежит и перед нами. Надо закрыть ему дорогу на запад. Прижимайтесь к Шарохину и спешите в Гура-Голбена.

Несмотря на то что части Шкодуновича продвинулись несколько вперед, господствующие высоты, с которых противник просматривал подходы к своим позициям через широкий заболоченный луг, оставались у него. А потому гитлеровцам ничего не стоило накрыть артиллерийским огнем колонны нашего корпуса, как только они начнут пересекать луг. Чтобы этого не случилось, мы подготовили дымовую завесу. Начальник химической службы корпуса полковник Сазонов уже давно установил посты бойцов с дымовыми пашками. И вот на фронте 11 километров поднялась плотная и высокая дымовая завеса.

Войска стали спускаться в низину. Тут-то мы и увидели, как здорово потрудились наши саперы. Старые дороги, пролегавшие через заболоченный луг, для войск совершенно не годились. Если люди и конный транспорт еще и могли с грехом пополам пройти по ним, то машины, тем более танки, преодолеть эту торфяную трясику были не в состоянии. Дороги требовалось усиливать и строить новые. Все оказалось сделанным. К моменту наступления были готовы и колонные пути, и настилы для танков.

На инженерные работы пришлось привлечь не только всех саперов корпуса, но и личный состав нескольких батальонов. Работа была тяжелой и проводилась ночью. Корпусной инженер полковник С. Л. Купер, руководивший строительством, днем и ночью пропадал на лугу.

Итак, корпус наступает. Сразу отличилась 301-я стрелковая дивизия во главе с полковником Антоновым. Владимир Семенович — человек смелый, настойчивый, смекалистый. Про таких, как он, не зря говорят: военная косточка. Должен отметить, что высокие командирские качества Антонова не в последнюю очередь определяли и роль 301-й при решении важных боевых задач. Так было и сейчас. Дивизия действовала в первом эшелоне корпуса, была усилена 96-й танковой бригадой, двумя артиллерийскими полками, на нее работал полк штурмовой авиации.

Закончив прорыв первой полосы вражеской обороны и отразив несколько сильных контратак, дивизия подошла ко

второй линии обороны. В стане противника почувствовалась растерянность, и Антонов решил не терять времени. Короткий совет с командиром танковой бригады полковником В. А. Кулибабенко, и в эфир летит приказ — нанести удар танковым десантом в направлении населенного пункта Григорень. Внезапность ошеломила гитлеровцев, успех танкового десанта дружно поддержали стрелковые полки. А 1050-й стрелковый полк, которым командовал майор А. Г. Шурупов, почти целиком действовал в танковом десанте. И весьма удачно.

Надо отдать должное командиру 301-й стрелковой дивизии — у него и командиры полков подобрались замечательные. Но «подобрались» в данном случае не то слово, точнее будет сказать — выросли, были подготовлены.

Антонов хорошо понимал, как много зависит от командиров полков, и не жалел ни времени, ни сил для работы с ними. Майор А. Г. Шурупов и командир 1054-го стрелкового майор Н. Н. Радаев — оба опытные и авторитетные офицеры — являлись надежной опорой для комдива. Их авторитет был непререкаем. Подчиненные безгранично верили им, готовы были идти за ними в огонь и воду. Целиком доверял им и комдив. Он не сковывал их мелочной опекой, давал простор для собственного мышления, инициативы. А для Шурупова и Радаева в тот момент это было, пожалуй, главным.

1052-й стрелковый полк возглавлял еще молодой офицер подполковник Александр Иванович Пешков, в прошлом политработник. К нему у комдива был уже иной подход. Пешкову надо было многое рассказать, показать, а многому даже и научить. Делал это Антонов деликатно, без нажима, порою как бы советуясь с подчиненным. И поступал абсолютно верно. В боевой обстановке Пешков с каждым днем, с каждым часом действовал все уверенней. Вот и в тот день командир дивизии настроился на радиоволну командира 1052-го, послушал, как тот толково наставляет командира батальона капитана В. Емельянова, и, вызвав по рации Пешкова, сказал:

— Ваш разговор с комбатом слышал. Хорошо. Так и ведите полк. Разговор окончен.

Любо дорого служить с такими командирами полков. С душевной болью пришлось неожиданно расстаться с майором Шуруповым — командиром 1050-го стрелкового полка. Несколько дней назад он случайно наступил на немецкую противопехотную мину. Ходил с забинтованной ногой, храбрился, не подавал виду, как ему трудно. Но рана все сильнее

давала себя знать. Дошло до того, что мужественный командир вынужден был сесть на лётучку-двуколку. А тут и от врача поступило тревожное сообщение о признаках гангрены. Кончилось тем, что Шурупову приказали немедленно отправиться в госпиталь.

Со слезами на глазах уходил от нас ветеран корпуса, лучший из командиров полков, которому было тогда всего 23 года.

Мы говорили Александру Георгиевичу, что, подлечившись, он снова займет свое место в родной дивизии. Но, к сожалению, наши пути потом разошлись. Мы встретились с ним уже после войны, когда генерал-полковник А. Г. Шурупов занимал в армии высокие посты: командовал Одесским военным округом, затем стал первым заместителем начальника Академии Генерального штаба Вооруженных Сил СССР имени К. Е. Ворошилова...

С болью узнали в 1050-м стрелковом полку о выходе из строя любимого командира. Увидел и почувствовал это находившийся там заместитель командира дивизии полковник А. П. Епанешников — в недавнем прошлом тоже командир полка. И чтобы поддержать настроение людей, их боевой порыв, он вызвался принять командование полком на себя. Командир дивизии не стал возражать, в чем опять-таки проявилась его прощительность...

Темп наступления увеличивался. Враг упорно сопротивлялся лишь в течение первых двух суток. Но как только ударные группировки 2-го и 3-го Украинских фронтов продвинулись на 40—50 километров, а крупные танковые соединения устремились в район Хуши, немцы поняли, что их 6-й армии, защищавшей кишиневское направление, грозит полное окружение. Гитлеровское командование начало отводить войска на запад, чтобы, прикрывшись рекой Прут, организовать новый рубеж обороны. А 23 и 24 августа фашисты уже форменным образом бежали. Неудержимое продвижение наших частей они попытались было задержать с помощью сильных отрядов мотопехоты с самоходно-артиллерийскими установками. Но было уже поздно. К исходу 24 августа войска 2-го и 3-го Украинских фронтов вышли западнее Кишинева в район Хуши и Леово и полностью окружили кишиневскую группировку неприятеля. Войска 5-й ударной армии освободили столицу Молдавии город Кишинев.

И опять не повезло 6-й армии немцев. Первый раз она была окружена и полностью уничтожена под Сталинградом. После трехдневного траура гитлеровцы решили заново сформировать ее. Но в 1943 году вновь созданная 6-я армия

была разбита в Донбассе и воссоздана в третий раз. Весной 1944 года все повторилось, но уже на юге Украины. Теперь эта армия оказалась в кольце окружения, из которого ей уже не вырваться...

Наступая днем и ночью, части корпуса сбивали отряды прикрытия противника и быстро продвигались вперед. 24 августа они овладели Хопул-Веке, Буцень, Котовское, 25-го — Гынчешть и Фырланды, а 26-го вышли в район Каракуй, Албина. Штаб корпуса находился тогда в Гура-Голбена. Повернув фронт на север, войска 9-го стрелкового корпуса совместно с 68-м стрелковым корпусом и некоторыми частями 37-й армии образовали внутренний фронт окружения, которому предстояло добить попавшего в западню врага.

В штаб, политотдел корпуса стекались сведения о неудержимом наступательном порыве, мужестве и находчивости личного состава частей.

О геройском поступке сержанта Петра Яковлевича Зажерило — командира пулеметного расчета 986-го стрелкового полка — доложил мне по телефону командир 230-й стрелковой дивизии полковник Иосиф Анатольевич Казаков. Пробираясь оврагами и маскируясь кустарником, отважный сержант зашел в тыл противнику и открыл по нему огонь. Не выдержав внезапного удара, гитлеровцы поспешно отошли. Таких примеров, сказал комдив, можно назвать десятки и даже сотни.

Обрадовала меня гость об успешных действиях стрелкового батальона майора Бородаева, хорошо проявившего себя на тактическом учении с боевой стрельбой. Личный состав батальона оказался в состоянии не только быстро преодолевать проволочные заграждения, чему я был свидетелем на том учении, но и по-суворовски стремительно преследовать врага. Так было, например, в бою за населенный пункт Малешть. Батальон на плечах противника ворвался в село, перекрыв выходы из него и захватил много пленных и трофеев.

В пылу боя доходило иной раз до курьезов. Батальон майора А. Д. Перепелицына, действовавший в передовом отряде дивизии, вырвался далеко вперед и вышел к реке Прут. Майор полагал, что вот-вот подойдут главные силы, во имя которых он, собственно говоря, и старался. Но главные силы получили новую задачу и были повернуты в другом направлении. Командир батальона не знал об этом и организовал боевое взаимодействие с другими частями, а потом с большим трудом разыскал своих. Но прежде чем найти родную дивизию, которая грузилась уже в эшелоны, ему приш-

лось побывать у командующего фронтом Ф. И. Толбухина. Тот от души посмеялся над случившимся, а потом похвалил комбата за стремительные действия и за любовь к своему полку, своей дивизии.

— Я думаю, — сказал генерал Толбухин на прощание, — что коли вы разыскали командующего фронтом, то свою дивизию непременно найдете...

Наши воины стремились бить врага не числом, а умением. Заместитель командира 3-го стрелкового батальона 1054-го стрелкового полка капитан Молодший вместе с комсоргом старшим лейтенантом Сеничкиным, взяв с собой группу бойцов, пробрались в тыл артиллерийского дивизиона противника и внезапно атаковали его. Враг был разгромлен. 57 немецких артиллеристов сдались в плен...

Вскоре немцы стали складывать оружие и по своей воле. Выходили из лесов и оврагов и поднимали белые флаги. Для таких, как они, мы назначили несколько сборных пунктов, а на перекрестках дорог поставили указатели с надписью: «В плен». Потом мне привелось наблюдать, как вражеские солдаты толпами, неся впереди белый флаг, уныло брели в указанном направлении.

Однако так поступали далеко не все. В ночь на 26 августа основные силы окруженных гитлеровцев попытались вырваться из котла. На высотах между населенными пунктами Базиены и Албина спешно окапывалась, готовясь к встрече врага, 301-я стрелковая дивизия. Я предупредил ее командира полковника Антонова, что противник будет прорываться, скорее всего, именно здесь. Так и получилось.

С наступлением темноты многотысячные колонны гитлеровцев решили прибегнуть к последнему шансу. Очертя голову они бросались вперед. Не удавалось пробить оборону в одном месте, ломались в другом. Но все пути-дороги были наглухо перекрыты. Бой не утихал всю ночь. Дело доходило до рукопашной.

Большое количество гитлеровцев устремилось на 1054-й полк майора Радаева. По ним в упор били пулеметы и пушки. И все-таки враг прорвался к командному пункту полка. На линию огня вышли все, в том числе и командир полка. За оружие взялись даже раненые. Связь с полком прерывалась.

Едва разрядилась обстановка у Радаева, как создалось критическое положение перед 1050-м стрелковым. И здесь гитлеровцы прорвались на КП полка. Полковник Епанешников поднял в контратаку роту автоматчиков. Враг не выдержал, побежал. Но командир полка получил ранение и

все же после перевязки продолжал руководить боем, лежа на носилках...

К утру неприятель выдохся, а потом и вовсе прекратил атаки. То тут, то там появлялись белые флаги, по дорогам потянулись длинные колонны военнопленных.

В ту ночь 301-я стрелковая дивизия приняла на себя удар 30-го армейского корпуса немцев, разгромила его и пленила личный состав. Из котла не вырвался ни один человек. Был захвачен и штаб корпуса...

Победно завершался первый этап Яско-Кишиневской операции. Была окружена и уничтожена крупная группировка противника и полностью освобождена Советская Молдавия. Вражеская группа армий «Южная Украина» фактически перестала существовать.

Вечером 26 августа, устроившись в крупном населенном пункте Гура-Голбена, штаб корпуса уточнял обстановку и подводил итоги боя. Неожиданно ко мне в комнату вошел командующий.

— Заехал попрощаться, — сказал генерал Гаген.

— Уходите от нас? — с горечью спросил я.

— Нет, Иван Павлович. Это вы уходите...

Николай Александрович сообщил, что наш корпус передается в состав 5-й ударной армии, штаб которой размещается в Кишиневе. Предупредил, что в связи с этим движение частей корпуса на запад следует прекратить, привести их в порядок и завтра утром явиться к генералу Берзарину для получения дальнейших указаний. А на прощание пожелал войскам корпуса успехов в составе новой армии...

Командующий 5-й ударной армией генерал-лейтенант Николай Эрастович Берзарин принял меня с радушием и тактом, какие присущи лишь высокообразованным и интеллигентным людям. Расспросив о состоянии корпуса, командующий сообщил, что 5-я ударная с сегодняшнего дня находится в резерве Ставки. А завтра начинает марш в район железнодорожного узла Раздельная.

— А потом куда? — вырвалось у меня.

— Об этом знает только Ставка, — улыбаясь, ответил Берзарин и тут же добавил: — В состав вашего корпуса вливается 248-я стрелковая. Так что теперь у вас будет три дивизии.

Через несколько дней поезд неторопливо вез нас на север по только что восстановленной колее. После Раздельной промелькнул освобожденный нами Веселый Кут. Мы проез-

жали знакомые еще по довоенному времени Мардаровку, Котовск, Слободку, Вапнярку, Жмеринку...

Разгрузились на железнодорожной станции Голобы, в 40 километрах от Ковеля. До фронта еще далеко. Стали обживать ближайшие леса, приступили к боевой учебе.

На вопросы командиров корпусов и дивизий о том, что будет дальше, командующий 5-й ударной армией отвечал по-прежнему уклончиво: «Поживем — увидим». Однако все мы чувствовали, догадывались: готовят нас к чему-то очень важному.

НА ГЛАВНОМ НАПРАВЛЕНИИ

*Наступаем с магнушевского плацдарма * Рывок к границам Германии * Цена времени на войне * Жарко на Одере * «Республика Шаповалова» * Обращение маршала Жукова*

Отгремели сражения сорок четвертого года, вошедшего в историю войны и в память народа как год решающих побед Советских Вооруженных Сил. Территория нашей страны, за исключением северо-западной части Латвийской ССР, была очищена от фашистских захватчиков. Выполняя свой интернациональный долг, Красная Армия освободила Румынию, Болгарию, часть Польши, Чехословакии, большую часть Венгрии и Северную Норвегию. Румыния, Финляндия, Болгария и Венгрия объявили войну фашистской Германии. Линия советско-германского фронта сократилась почти вдвое и пролегла теперь по территории Польши, Чехословакии, Венгрии.

Положение гитлеровской Германии характеризовалось в тот период не только полной внешнеполитической изоляцией. Поражения, которые потерпела немецко-фашистская армия на советско-германском фронте, особенно в 1944 году, потеря союзников, острый недостаток в живой силе и боевой технике, а также резкое сокращение материальной базы — все это поставило государство агрессора на грань катастрофы. Враг знал, что его ждут новые потрясения.

Особое внимание фашистское командование уделяло наиболее опасному для Германии варшавско-берлинскому направлению. И не случайно 600-километровое пространство между Вислой и Одером было заранее подготовлено для длительной и упорной обороны (здесь было создано семь оборонительных рубежей). Оборона этого направления возлагалась на войска группы армий «А».

Замысел фашистского командования заключался в том, чтобы, опираясь на сильный висленский оборонительный рубеж, сорвать наступление Красной Армии. А если не удастся задержаться на Висле, заставить Красную Армию последовательно штурмовать ряд сильных, заранее подготовленных оборонительных полос.

Перед советскими войсками стояла нелегкая задача — взломать гитлеровские оборонительные линии между Вислой и Одером, освободить из-под фашистского ига братский польский народ, приблизить полную и безоговорочную капитуляцию Германии.

В этой грандиозной операции, впоследствии получившей название Висло-Одерской, предстояло принять участие в составе 1-го Белорусского фронта и нашей 5-й ударной армии.

Не могу хотя бы коротко не сказать об истории этой армии.

Директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 8 декабря 1942 года дислоцировавшаяся в Камышине 10-я резервная армия была преобразована в 5-ю ударную. Эта армия заканчивала формироваться и выходила на линию огня в тот период, когда завершилась операция по окружению сталинградской группировки противника и наши войска начали отражать его отчаянные попытки деблокировать окруженных.

5-я ударная армия вошла в Сталинградский фронт, имея в своем составе 4-ю гвардейскую стрелковую дивизию, 258-ю, 300-ю, 315-ю и 87-ю стрелковые дивизии, 4-й механизированный корпус, 7-й и 23-й танковые корпуса и 3-й гвардейский кавалерийский корпус. Перед армией была поставлена задача не допустить прорыва противника из района Тормосин и Нижнечирская на соединение с окруженной в районе Сталинграда группировкой врага и во взаимодействии с 5-й танковой армией Юго-Западного фронта уничтожить его. В ожесточенных боях армия успешно выполнила свою задачу и получила хорошее боевое крещение.

В последующем 5-я ударная участвовала в прорыве Миус-фронта, в освобождении Донбасса и в прорыве линии Вотана, в форсировании Днепра, в Одесской и Яско-Кишиневской операциях, и везде она не только хорошо справилась со своими задачами, но и накопила при этом богатый боевой опыт.

Октябрь 1944 года застал 5-ю ударную армию на марше из района Ковеля на север, в район Малкия Гура. В конце ноября армию перебросили на юг, в район юго-западнее Седлеца, где она влилась в состав 1-го Белорусского фронта.

Совершив 350-километровый марш, армия укрылась в лесах и продолжала заниматься подготовкой к действиям в наступательном бою. И хотя новый район сосредоточения находился в 100 километрах к востоку от магнушевского плацдарма на Висле, где стояла 8-я гвардейская армия, никто у нас не сомневался, что 5-я ударная будет задействована на берлинском направлении. Такая уверенность поднимала настроение, пробуждала чувство гордости.

Вскоре наши предположения получили официальное подтверждение. В первых числах января 1945 года командующий армией генерал-лейтенант Н. Э. Берзарин вызвал к себе командиров корпусов и объявил им задачу армии. Вот что мы услышали тогда.

5-я ударная, являясь центром боевого порядка фронта на магнушевском плацдарме, имеет задачу в первый день боя прорвать оборону противника на участке Выборув — Стшижка, уничтожить его в тактической глубине, овладеть плацдармом на левом берегу реки Пилица и обеспечить ввод в прорыв войск 2-й танковой армии. В последующем — наступать в западном направлении и на двенадцатый день операции выйти на реку Бзура. Общая глубина операции 155 километров. Среднесуточный темп — 13—15 километров. Справа наступает 61-я армия генерала Белова, слева — 8-я гвардейская генерала Чуйкова*.

В ходе операции мы нарушили первоначальные планы, превысив темп наступления примерно вдвое. Но об этом чуть позже. А тогда, выслушав командующего, узнав задачи, которые он поставил корпусам, мы немедленно разъехались по своим соединениям.

Вернувшись в штаб, я пригласил командиров дивизий и объявил им свое решение. Вот его суть.

9-му стрелковому корпусу с 489-м минометным полком и 507-м истребительно-противотанковым артиллерийским полком прорвать оборону противника на участке Грабув — Залесны — Еленюв, к исходу первого дня овладеть плацдармом на левом берегу Пилицы, не допустить контратак противника со стороны Варка и обеспечить на рубеже Гнеевице — Заборув ввод в прорыв частей 2-й гвардейской танковой армии. В дальнейшем наступать на Козегловы, Заборув.

Корпус поддерживает 10-я пушечная артиллерийская бригада и 316-й гвардейский минометный полк. Продолжительность артиллерийской подготовки — 95 минут, расход боеприпасов на первый день боя — 2,75 боекомплекта.

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 384, л. 35

Поскольку фронт прорыва для корпуса равнялся всего двум километрам, в первый эшелон была назначена только 304-я стрелковая дивизия. 248-я стрелковая составляла второй эшелон. 230-ю стрелковую дивизию командующий армией взял в свой резерв.

Войска выводились на плацдарм с соблюдением строжайших мер маскировки. Для контроля за соблюдением маршевой дисциплины на дорогах была расставлена густая сеть контрольных постов. Подготовка артиллерийских позиций производилась только ночью, с рассветом работы прекращались, а отрытые окопы маскировались снегом или белыми маскировочными сетями.

Все это позволило нам незаметно для противника сосредоточить на плацдарме большую массу людей и техники и подготовить их к наступлению.

Совершив стокилометровый марш, войска корпуса в ночь на 13 января закончили выдвижение на магнушевский плацдарм и заняли исходное положение для наступления. Оставшийся день перед боем мы использовали для ориентировки на местности, уточнения задач и решения других вопросов. Готовилось наступление основательно и всесторонне. Никто не остался в стороне, каждый знал, что ему делать и как делать.

Поучительно прошли военные игры с командирами на разных уровнях. В штабе корпуса мы собирались дважды. Не ограничилось одной игрой и в штабе армии. Буквально на следующий день нас снова пригласили на командный пункт 5-й ударной, куда должен был прибыть командующий 1-м Белорусским фронтом Маршал Советского Союза Г. К. Жуков.

То была первая моя встреча с прославленным военачальником, выдающиеся полководческие и организаторские способности которого уже успели ярко проявиться в победах нашей армии под Ленинградом и Москвой, Сталинградом и Курском, в операциях по освобождению Украины и Белоруссии. В армии с большим уважением относились к маршалу Жукову, видели в нем яркого представителя советской школы военного искусства, человека, наделенного способностью поразительно быстро и точно оценивать происходящее и так же быстро изменять ход событий в нашу пользу. Среди других качеств маршала многие подчеркивали его огромную волю и высочайшую требовательность.

Георгий Константинович держался свободно, смотрел на нас слегка насупившись и сразу приступил к делу. Короткие фразы, такие же короткие, лаконичные вопросы. Если

тот, кого он спрашивал, впадал в многословие, следовало резкое «Короче!» или «Говорите о деле».

Жуков заслушал командиров дивизий, которым предстояло наступать в первом эшелоне. Когда дошла очередь до командиров корпусов, первому пришлось докладывать мне.

— На каком удалении будете держать свой второй эшелон? — спросил командующий, как только я кончил говорить.

— Три километра, товарищ Маршал Советского Союза.

— Почему так далеко?

— Чтобы избежать поражения личного состава массированным артиллерийско-минометным огнем противника.

Подумав немного, командующий сказал:

— Правильно. Так и действуйте.

Командующий фронтом заострял наше внимание на грамотном, в полную силу использовании артиллерии и танков непосредственной поддержки пехоты. От этого, говорил он, будет зависеть быстрый прорыв вражеской обороны на всю тактическую глубину и ввод в прорыв танковых армий.

Кто-то из генералов поинтересовался, почему завезено так много боеприпасов. Маршал Жуков ответил просто и выразительно:

— Хочу быть уверенным в успехе на двести процентов.

Каждый из присутствующих понял: все делается для того, чтобы разгромить врага наверняка и свести до минимума потери наших войск.

— Партия и народ доверили нам одну из решающих задач войны, поставили на важнейшее, берлинское направление, — сказал в заключение Г. К. Жуков. — Будем помнить об этом доверии и с честью оправдаем его.

Помня напутствие командующего и проверяя готовность войск к наступлению, я побывал на огневых позициях артиллерии и уже своими глазами увидел огромное количество боеприпасов, сконцентрированных не только в ровиках у орудий, но и в тщательно замаскированных штабелях. Впечатляла и плотность артиллерии. У нас она равнялась 280 орудиям, или 70 батареям на один километр фронта. Если все эти орудия поставить в один ряд, колесо к колесу, то они едва ли уместились бы на протяжении километра. Но позиции батарей были построены, конечно, не в линию, а по всему полю, поэтому места хватило всем. Такой насыщенности боевых порядков артиллерией мне еще не приходилось видеть за все годы войны.

То была грозная сила, готовая смести с лица земли любую вражескую оборону. Поистине небывалой мощи достигла наша военная техника, выкованная героическим трудом советского народа. В 1944 году советская промышленность произвела 29 тысяч танков и самоходно-артиллерийских установок, более 40 тысяч самолетов. И по количеству и по качеству наше военное производство значительно превзошло то, что выпускал тогда враг.

В полночь 13 января весь командный состав был на своих местах. С наблюдательного пункта я позвонил командирам дивизий и спросил, как ведет себя противник, не изменилась ли в чем-либо обстановка. Изменений не отмечалось, гитлеровцы вели себя по-прежнему: постреливали из пулеметов и освещали ракетами местность.

Складывалось впечатление, что враг не подозревал о нашем наступлении. Ну, а если это впечатление обманчиво, если гитлеровцы о чем-то проведали и отвели войска с первой позиции, оставив на ней несколько дежурных пулеметов и осветительных постов? Что тогда? Ведь тысячи вагонов боеприпасов лягут на пустое место, а само наступление может быть сорвано.

Маршал Жуков учитывал и такую возможность. Он решил начать наступление не с общего штурма, а с действий усиленных стрелковых батальонов, выделяемых от каждой дивизии первого эшелона. Эти батальоны после 25-минутной артподготовки атакуют неприятеля и проверят, на месте ли он. Если атака захлебнется, артподготовка продолжится: наша артиллерия будет вести огонь по противнику в течение еще 70 минут. Если разведывательные батальоны добьются успеха, их поддержат первые эшелоны в полном составе.

Склонившись над картой, освещенной фитилем, заправленным в гильзу, мы с интересом обсуждали это оригинальное решение. Можно было и дальше так коротать время в ожидании «Ч» (начала атаки), но наш блиндаж заполнился подпочвенной водой, которая доходила по щиколотки. Брошенные на пол решетки ничего не изменили, и мы вышли из блиндажа в открытый окоп.

Тут мы увидели, как на землю начал опускаться туман. Вскоре он накрыл густым и толстым покрывалом всю территорию магнушевского плацдарма. Погода портилась, и это могло выключить из действий нашу авиацию, что, конечно, огорчало.

До начала артиллерийской подготовки оставалось пять минут. Возбужденный командующий артиллерией генерал

Игнатьев побежал на узел связи, чтобы еще раз убедиться, что артиллеристы уже «взялись за шнуры».

Ровно в 8 часов 30 минут прогремели отдельные выстрелы, которые через одну-две секунды слились в единый гул, заполнивший все пространство над плацдармом. Зарницы артиллерийских залпов непрерывно вспыхивали за нашей спиной, а впереди багрово-бурые всплески разрывов превращались в кипящее море огня и дыма. Все, кто находился на наблюдательном пункте, восхищались работой артиллеристов.

В 9.00 позвонил командир 301-й стрелковой дивизии полковник Антонов и доложил, что 1-й стрелковый батальон 1052-го стрелкового полка под командованием майора Суровцева, действуя в качестве разведывательного батальона, овладел первой и второй немецкими траншеями и продвигается к третьей. Враг оказывает слабое сопротивление. В связи с благоприятной обстановкой комдив попросил разрешения ввести в бой первый эшелон дивизии. Я согласился, и через несколько минут 1052-й и 1054-й стрелковые полки двинулись в наступление. Части 301-й стрелковой дивизии пошли вперед, но встретили упорное сопротивление из опорных пунктов, расположенных в глубине обороны. Стало ясно, что артиллерийский налет, после которого мы пошли в наступление, хорошо подавил первую позицию, но мало затронул находившиеся за ней опорные пункты. Однако из 95 минут, запланированных на артиллерийскую подготовку, было пока израсходовано только 25, и теперь на подавлении очагов сопротивления был сосредоточен огонь всей нашей артиллерии. Из чувства войсковой солидарности командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-майор Павел Андреевич Фирсов (наш сосед слева) отрядил и часть своей артиллерии для подавления опорного пункта на полустанке Грабув. Мы были благодарны ему.

Преодолевая упорное сопротивление врага, 301-я стрелковая дивизия неуклонно продвигалась вперед и к 19.00 вышла к реке Пилица, на противоположном берегу которой располагалась вторая полоса вражеской обороны.

301-я могла наступать и быстрее, но мешало одно обстоятельство, которое мы учитывали в какой-то мере еще перед началом операции. Расположенная правее нас 61-я армия наносила главный удар правым флангом, а примыкавший к нашему корпусу ее левый фланг начал заметно отставать. Нам пришлось наступать с открытым правым флангом, и противник с самого начала стал оказывать на него сильное давление. В течение дня гитлеровцы предприняли здесь

11 контратак — каждая силой до батальона пехоты при поддержке 15—20 танков. Основная тяжесть в отражении контратак легла на 1054-й стрелковый полк под командованием смелого и решительного подполковника Н. Н. Радасва. В бою на открытом фланге хорошо сражался и 1052-й стрелковый полк во главе с подполковником А. И. Пешковым. Был момент, когда фашистская пехота с танками подошла вплотную к НП командира полка, и тогда Пешков, ставший позднее Героем Советского Союза, вызвал огонь нашей артиллерии на себя. Враг не прошел.

Таким образом, 301-я стрелковая дивизия поначалу выходила к реке Пилица на участке фольварк Марынка — Бяла Гура лишь одним, 1050-м стрелковым полком, а два других отбивались отседавших справа фашистов.

И тем не менее дивизия была устремлена вперед. И хотя вражеские контратаки отвлекали много сил, они не могли помешать главному — форсированию Пилицы и захвату на ее противоположном берегу плацдарма. Задача эта решалась настойчиво и планомерно.

Особенно отличился штурмовой отряд дивизии, составленный из нескольких самоходно-артиллерийских установок и саперного подразделения под общим руководством дивизионного инженера майора Саломатина. Отряд внезапно вышел к реке и захватил в целостности и сохранности мост через нее. По мосту сразу стали переправляться оказавшиеся поблизости стрелковые подразделения, артиллерия, а потом, когда его укрепили, — и танки.

Оценивая обстановку, создавшуюся к вечеру 14 января, я пришел к выводу, что для форсирования Пилицы и захвата обширного плацдарма сил 301-й стрелковой дивизии все-таки недостаточно. Надо немедленно вводить в бой второй эшелон.

Чтобы избежать потерь от артиллерийского и минометного огня, но и не промедлить с вводом в бой, вторые эшелоны располагают обычно не близко, но и не слишком далеко от противника. 248-я стрелковая дивизия уже несколько раз выдвигалась вперед вслед за наступающим первым эшелоном, а командир дивизии генерал-майор Николай Захарович Галай с оперативной группой штаба находился недалеко от моего наблюдательного пункта, устроенного в только что захваченном немецком блиндаже. Тут Галай и получил от меня задачу.

Примерно в 21.00 два полка 248-й и уже два полка 301-й дивизий приступили к форсированию. Туман рассеялся. Воз-

дух стал чистым и прозрачным, а небо усеяли мириады звезд. Крепчал мороз.

Постепенно бой перемещался на противоположный берег Пилицы. После небольшой ледовой разведки одним из первых стал переправляться и батальон капитана Александра Федоровича Богомолова. Лед на реке был тонким, разрывы снарядов и мин образовывали многочисленные проломы и полыньи. А враг, как только заметил переправляющихся, открыл сильный артиллерийско-минометный огонь. Теперь все решала быстрота действий. Об этом хорошо знал комбат, знали и бойцы, с которыми он успел поговорить перед боем. Рывок наших подразделений был стремительным и неустойчивым. Впереди атакующих бежал Богомолов — решительный и отважный командир, который через несколько дней станет Героем Советского Союза.

Десяткам солдат и офицеров пришлось в ту штурмовую ночь искупаться в ледяной воде далекой польской реки, многим и вовсе не довелось ступить на ее противоположный берег, но дело было сделано. На захваченной полоске земли уже кипел бой. За противотанковым ружьем примостился пожилой бронебойщик Николай Степанович Маркелов и не торопясь брал «на мушку» вражеский танк, участвующий в контратаке. И только после того, как танк загорелся, Маркелов вспомнил, что не мешало бы переодеться или обсушиться: несколькими минутами раньше он побывал в полынье и промок насквозь. Этот скромный труженик войны тоже стал впоследствии Героем Советского Союза.

А неподалеку углублялся в расположение врага другой батальон, во главе которого шел Федор Кузьмич Шаповалов, заменивший выбывшего из строя командира. Первый бой складывался для молодого комбата весьма удачно...

Всю ночь и на рассвете 15 января 301-я и 248-я стрелковые дивизии уже всеми своими полками расширяли плацдарм на Пилице, создавая условия для ввода в бой 2-й гвардейской танковой армии.

Но гитлеровцы не желали расставаться с оборонительным рубежом на Пилице и по-прежнему наносили удары по нашему открытому правому флангу. 15 января 301-я стрелковая отразила семь контратак из роши, которая находилась в 8 километрах к западу от города Варка, и пять контратак из района фольварка Паулин.

Полковник Антонов жаловался, что противник будто прилип к его дивизии и вторые сутки контратакует ее во фланг. 301-й действительно было тяжело, и мы помогали ей чем только могли. Особенно эффективно поддерживала ее 10-я

пушечная артиллерийская бригада, которой командовал полковник Игнатий Семенович Еловицкий. Огонь этой бригады не раз накрывал контратакующего неприятеля, заставляя его откатываться назад.

Самых добрых слов заслуживает и командир дивизии полковник Антонов. В боях на магнушевском плацдарме с новой силой раскрылись его командирские качества — гибкий ум и решительность. Соединение, действовавшее под его началом, не только надежно прикрыло корпус от непрерывных и яростных контратак, но и успешно продвигалось вперед, с ходу форсировало Пилицу и вместе с 248-й стрелковой дивизией создало на ней хороший плацдарм.

Начальник инженерных войск 5-й ударной армии генерал Дмитрий Трофимович Фурса мужественно нес на своих плечах ответственность за постройку мостов через Пилицу, по которым, прежде чем выйти на оперативный простор польской равнины, переправятся войска 2-й гвардейской танковой армии генерала Богданова. Заминка могла нарушить оперативные планы, продуманные и до тонкостей разработанные в штабе маршала Жукова. А тут и генерал Богданов наступает на пятки: к реке начали подходить его танки.

Не случайно Дмитрий Трофимович еще вчера завернул ко мне на наблюдательный пункт, чтобы на месте уточнить, как идут дела в корпусе и скоро ли мы одолеем эту проклятую реку и возьмем населенный пункт Пальчево, где как раз и намечалось построить мост. Генерал нервничал. Ему хотелось быть уже на Пилице, а там все еще шел бой.

Но теперь все волнения остались позади: стараниями 7-й понтонно-мостовой и 61-й инженерно-саперной бригад мосты через Пилицу построены, а захваченные — укреплены, и по ним двинулись войска 2-й гвардейской танковой армии, скопившиеся в течение ночи перед рекой.

С наблюдательного пункта, который был устроен на возвышенности северо-западнее Пальчево, я видел не только боевые порядки 301-й и 248-й стрелковых дивизий, но и мост через Пилицу, и первую танковую колонну, которая, переправившись через реку, ощутила перед собой безбрежный простор и полным ходом устремила на запад.

Я залюбовался стремительными тридцатьчетверками, которые легко и свободно проносились мимо нас. Их было очень много. Мне приходилось видеть крупные скопления танков. Я видел массы танков фон Клейста в боях в районе Моздока и под Орджоникидзе. Но такой броневой мощи,

какая находилась перед нами теперь, я еще не встречал.

Вскоре показались бомбардировщики. В сопровождении истребителей они летели на запад, чтобы сбросить смертоносный груз на врага. Затем проследовало несколько девяток Ил-2. Штурмовики, как всегда, шли в красивом строю. Их задача — подавить подходившие резервы гитлеровцев, расчистить дорогу своим танкам.

Теперь перед корпусом вставала новая боевая задача: двигаясь вслед за танковыми соединениями, добивать остатки вражеских сил, ликвидировать уцелевшие опорные пункты.

Взяв быстрый темп на «старте», наше наступление развивалось весьма успешно. Крупные колонны 1-й и 2-й танковых армий в тесном взаимодействии с авиацией, имевшей к тому времени полное господство в воздухе, стремительными и мощными ударами громили резервы врага, не позволяя им осесть на заранее подготовленных рубежах. Танкисты захватывали переправы и узлы дорог, громили штабы и базы, нарушали управление, сеяли панику в стане отступающих.

В критическом положении оказался гитлеровский гарнизон в Варшаве. Удары наших войск с юга и севера поставили его перед угрозой окружения. 17 января 1-я армия Войска Польского под командованием генерала С. Г. Поплавского вступила в разрушенную врагом столицу польского государства. Одновременно в город вошли части наших 61-й и 47-й армий.

Москва салютовала войскам в честь выдающейся победы, а в Берлине метали громы и молнии. Гитлер приказал арестовать офицеров генерального штаба, причастных к оставлению Варшавы, и провести расследование о «дезертирстве» начальника генерального штаба Гудериана. Фюрер потребовал любой ценой отбить город, но ему доложили, что это невозможно, так как русские танки уже ворвались в Лодзь...

Соединения корпуса проходили по 25—30 километров в сутки, стараясь не отстать от танковых частей. И все-таки разрыв между танковой армией генерала Богданова и нашими дивизиями достигал примерно семидесяти километров.

26 января стало известно, что танкисты вышли к Мезеритцкому укрепленному району, построенному немцами еще до войны, и частично овладели им. Мы убыстряли темп, создавали передовые отряды, для отдыха оставляли несколько коротких ночных часов и все-таки догнать танкистов не смогли. Отставали и тылы. По мере того как кончалось горючее, техника на механической тяге, в том числе артиллерия,

застревала на дорогах Польши. И только дивизионы СУ-76 да полковая артиллерия на конной тяге продолжали двигаться со стрелковыми частями. Правда, соединения тащили с собой еще по дивизиону орудий, взятых из своих артполков и переведенных на конную тягу.

Как мне позже стало известно, 25 января Г. К. Жукову позвонил И. В. Сталин и, выслушав его доклад, поинтересовался дальнейшими планами.

— Противник деморализован и не способен сейчас оказать серьезное сопротивление, — ответил командующий 1-м Белорусским фронтом. — Мы решили продолжать наступление с целью выхода войск фронта на Одер...

— С выходом на Одер, — сказал Сталин, — вы оторветесь от фланга 2-го Белорусского фронта больше чем на 150 километров. Этого сейчас делать нельзя...

Командующий фронтом стоял на своем, просил не останавливать наступления. Сталин согласился, хотя и не сразу. Потребовал хорошо подумать о своем открытом правом фланге.

Пройдя с боями и без отдыха 540 километров, части корпуса 31 января находились в трех десятках километров к востоку от Одера. Таких стремительных темпов наступления эта война еще не знала. Не знала их и ни одна другая армия в мире.

Леса, в которых скапливались после ночного преследования врага наши дивизии, уже можно было назвать приодерскими. Но чем ближе мы подходили к последней водной преграде перед Берлином, тем активнее становилась фашистская авиация.

Штаб корпуса расположился юго-восточнее населенного пункта Бервальде в домике железнодорожного сторожа. Обстановка становилась все более сложной и неопределенной. К радости по поводу крупных боевых успехов примешивалась тревога за состояние войск. Мы выдвигались к Одери почти без артиллерии, без горючего и продовольствия, с минимальным запасом боеприпасов. Запропастились куда-то танки, в воздухе не появлялись наши самолеты. Зато свирепствовала авиация неприятеля.

— Иван Павлович! Пошлите меня хоть взводом командовать, — взмолился генерал Игнатьев. — Ну, какой я командующий артиллерией без... артиллерии?!

Душевное состояние Игнатьева можно было понять: с дивизиями пришло по два-три десятка орудий и минометов на конной тяге. Все остальное застряло на дорогах наступления.

Мрачную картину, которую начал рисовать генерал Игнатьев, дополнил начальник штаба корпуса. И тот и другой поглядывали на меня так, будто я мог каким-то магическим словом все изменить и переиначить.

Я решил перевести разговор в другое русло, но не успел произнести ни слова. Вбежал дежурный по штабу и возбужденно доложил:

— Товарищ генерал! Командующий армией!

Николай Эрастович Берзарин поздоровался с нами, выслушал мой краткий доклад и, уловив в нем тревожные нотки, упредил дальнейшие расспросы и сетования.

— Жаловаться не стоит. Знаю, что обстоятельства весьма усложнились и помощи ждать пока неоткуда. Самые шустрые интенданты и те не успеют за вами, если отмерять за день по тридцать и более километров.

Шутка смягчила атмосферу, и мы выложили командарму все, что нас волновало. Он слушал молча. Потом спокойно рассказал о том, что происходит на фронте, и перешел к главному, ради чего прибыл к нам.

— Торопимся мы с вами не потому, что не можем остановиться, а потому, что впереди Одер. Забота у нас сейчас одна: форсировать Одер, занять плацдарм и держать его до подхода главных сил фронта. Передовой отряд армии, который наступает в полосе вашего левого соседа генерала Фирсова, уже взял на западном берегу Одера городок Кишитц. Так что не отставайте, Иван Павлович.

Судя по данным разведки, — продолжал генерал, — противник еще не успел занять оборонительные укрепления на западном берегу. Но это сейчас. А завтра займет, и тогда попробуй сдвинь его с места. Повторяю, главная задача — плацдарм на Одере. А что трудно, так на то и война. Немцам, думаете, легче сейчас?

Командующий уехал, а мы с новой энергией, с пониманием того, что надо делать, принялись за работу.

Все встало на свои места, все прояснилось. Час назад полковник Шикин спрашивал, куда девались танки. Никуда они, оказывается, не делись, по-прежнему воюют, только по решению маршала Жукова их повернули на северо-запад, против восточнопомеранской группировки врага, которая собиралась с силами и вот-вот готова была ударить по оголившемуся более чем 150-километровому открытому флангу 1-го Белорусского фронта. Кстати, туда были повернуты не только обе танковые армии, но и общевойсковые — 47-я и 61-я, а также 1-я армия Войска Польского. Почему не видно наших самолетов? И здесь все объяснилось просто. По-

левые аэродромы раскисли от дождей, и наша авиация не смогла быстро перебазироваться; гитлеровцы же летают с приберлинских бетонированных аэродромов.

Это и многое другое веско и убедительно растолковал нам генерал Берзарин.

Чем больше я узнавал этого человека, тем сильнее проникался уважением и симпатией к нему.

Лицо Николая Эрастовича всегда светилось доброжелательностью и приветливостью, что располагало к разговору, общению. Выдержкой и тактом он обладал удивительными. Но значит ли это, что Берзарин был таким покладистым добрячком? Нет и еще раз нет! Берзарин был человеком и волевым, и взыскательным, только требовательность его была спокойной, уравновешенной, и в основе ее лежала вера в людей. Отдав приказ или поставив задачу, он не торопился тут же звонить, напоминать, подталкивать, торопить. Проверял редко, да метко.

Командарм в тот день, я уверен, неспроста завернул к нам. Обстановка усложнилась, впереди была едва ли не самая сложная задача всей операции, и он посчитал, что его появление в войсках, в нижестоящих штабах, его слово, его уверенность нужны сейчас людям больше, чем что-либо иное. И не ошибся. Будучи человеком незаурядного ума и одаренным военачальником, наш командарм придавал большое значение личному общению с подчиненными, а главное — точно умел определить время, место и характер такого общения...

Вскоре после отъезда Берзарина я отправился в расположение 230-й, а затем 248-й стрелковых дивизий, чтобы ознакомить руководящий состав с обстановкой, поставить задачу по захвату плацдарма и организации обороны на нем, еще раз напомнить командирам и политработникам о необходимости соблюдать бдительность и поддерживать дисциплину, особенно после выхода на Одер.

1 февраля части корпуса продолжали наступать, рассчитывая во второй половине дня подойти к Одру и переправиться через него.

Однако с утра фашистская авиация опять напомнила о себе бомбовыми ударами по колоннам наших войск. Особенно массивной бомбежке подверглась в районе Бервальде 230-я дивизия. Она начала нести потери и была вынуждена укрыться в лесах. Только в сумерках соединение вновь возобновило движение.

То же наблюдалось и на участке 248-й стрелковой дивизии. При подходе к населенному пункту Клоссов ее части вынуждены были остановиться из-за ударов вражеской авиации.

И все же с наступлением темноты обе дивизии подошли к Одеру и без особого труда стали переправляться по льду. В районе Целлин и Грос-Нойендорф на западном берегу был захвачен плацдарм, который равнялся десяти километрам по фронту и шести в глубину. Об этом перед рассветом 2 февраля и доложили мне полковник Шишков и генерал-майор Галай.

Как важен на войне фактор времени! Ценой невероятных усилий мы опередили гитлеровцев на несколько часов и первыми вышли к Одеру.

«Только потому, что мы шли очень быстро, шли с риском, но быстро, мы успели пересечь Одер раньше, нежели противник сумел подвести свои резервы. Это подтверждается тем фактом, что когда 1 февраля части пересекали Одер, то встретили незначительное сопротивление каких-то мелких жандармских отрядов. Но уже на рассвете 2 февраля противник сумел нанести контрудар в направлении Грос-Нойендорф довольно большой группой танков, самоходок и пехоты при поддержке артиллерии... Если бы мы так не спешили, то безусловно подошли бы к Одеру более организованно, но зато опоздали бы, и выдвинувшиеся резервы противника заняли бы прочную оборону по западному берегу реки. Даже если бы мы подошли к Одеру в полдень 2 февраля, то встретили бы организованную оборону» *.

Все, что говорилось в предыдущем абзаце, следует взять в кавычки, что я и сделал, так как эти слова были сказаны несколько десятилетий назад под свежим впечатлением описываемых событий. Я процитировал свое же выступление на разборе Варшавско-Лодзинско-Познаньской операции (так называли мы тогда Висло-Одерскую операцию) 1-го Белорусского фронта; в выступлении я давал оценку действиям 9-го стрелкового корпуса.

А сослался на тот документ с одной единственной целью, чтобы современный читатель почувствовал, как относились мы, участники войны, к фактору времени, к выигрышу нескольких часов, а порой и минут и какие выгоды это приносило...

* ЦАМО СССР, ф. 333, оп. 4885, д. 396, л. 124—125.

Но вернемся к Одеру, к последней перед Берлином реке, к которой мы не только вышли, но и которую успели перешагнуть. Здесь назревали серьезные события. Немцы по первоклассным автострадам и дорогам стремительно гнали к реке все, что только смогли наскрести, — лишь бы задержать, остановить наши войска, а если они успели перейти Одер, то во что бы то ни стало опрокинуть их и отбросить обратно на восточный берег. Таков был строжайший приказ фюрера.

Насколько спокойным был на одерском плацдарме конец первого дня февраля, настолько бурным оказался второй день. Едва рассвело, как около 50 танков противника, ведя за собой пехоту, атаковали передовые части 248-й стрелковой дивизии. Атаке предшествовали сильная бомбежка с воздуха и артиллерийский налет. Удар противника был настолько мощным и стремительным, что наши части не выдержали: 899-й стрелковый полк оставил Ортвиг, некоторые его подразделения с трудом закрепились на дамбе, тянувшейся вдоль западного берега Одера, а некоторые и вовсе оставили плацдарм и откатились на восточный берег. Соседний 902-й стрелковый полк был выбит с высоты 14,0 и отошел в Грос-Нойендорф, где зацепился за первые попавшиеся каменные постройки. А третий стрелковый полк этой же дивизии — 905-й находился еще на восточном берегу Одера.

Гитлеровцы обрушили все свои силы на 248-ю дивизию, оставив пока в покое 230-ю, которая стояла на плацдарме правее. То ли они хотели увесистым кулаком разбить сначала одно препятствие, а потом приняться за другое. То ли посчитали, что наличных сил маловато, чтобы атаковать по всему плацдарму.

Так это было или иначе — не знаю, но ситуация становилась критической. Невольно вспомнился недавний разговор в штабе корпуса, когда мы, довольные успешным захватом плацдарма, обсуждали итоги прошедшего дня.

— Итак, ключ от Берлина у нас в кармане! — весело воскликнул тогда командующий артиллерией корпуса генерал Игнатьев.

— Не торопитесь радоваться, — охладил его пыл начальник штаба полковник Шикин. — Учтите, Одер — это последний шанс врага перед Берлином и драться здесь он будет отчаянно.

— А чем мы будем встречать фашистские танки? — уже с другой стороны подступал к Игнатьеву начальник оперативного отдела полковник Прага.

Начальник артиллерии переменился в лице и задумался. Все мы знали, что для борьбы с танками оба соединения

имели по одному дивизиону 76-миллиметровых орудий, которые еще на Висле были предусмотрительно переведены на конную тягу и потому не отстали, вместе с дивизиями перешли через Одер и находились на плацдарме.

А еще в 248-й и 230-й было по одному дивизиону СУ-76. «Если бы и эти машины переправить через Одер,— думал я,— тогда в руках командиров дивизий было бы по 24 орудия, а это уже кое-что значит».

Но лед был слабым, и самоходки остались на восточном берегу. Правда, по моему указанию полковник Купер уже поставил вчера задачу командиру 116-го инженерно-саперного батальона майору Чуйко срочно построить на льду в районе Целлина мост, по которому смогли бы пройти СУ-76. Но, к сожалению, сделать это к утру было невозможно.

Нельзя забывать и о том, что несколько наших полков вышли на плацдарм в сильно ослабленном виде — с крайне ограниченным числом орудий, скудным боезапасом, без танков, без зенитной артиллерии, без надежды на прикрытие с воздуха. Этим, конечно, объясняется многое из того, что потом произошло. Многое, но не все.

Могли ли мы по-иному встретить врага? Могли ли сохранить за собой всю или почти всю территорию плацдарма? Да, могли. А если так, то почему не сделали этого?

Причин здесь несколько, но главная из них, как ни подбери слова,— беспечность.

Почти двухнедельное преследование разбитого и деморализованного противника, который, как выяснилось позже, так и не нашел девять своих дивизий и два корпуса, создало у наступающих иллюзию, будто отныне им все нипочем. Опасная самонадеянность задела и некоторых руководящих товарищей. В той же 248-й стрелковой дивизии затянулось выдвижение полков на плацдарм: они были переброшены туда не в 5.00 2 февраля, как это предписывалось приказом, а лишь в 7.00. В частях не позаботились о том, чтобы быстро принять боевой порядок и подготовиться к встрече врага. Вместо этого людей расположили на отдых. На плацдарм к тому же потянулись обозы и хозяйственные подразделения, что создало ненужную толчею, а с началом боя затруднило маневр и управление.

Когда я был накануне в 248-й дивизии, там с пониманием отнеслись к предостережению о том, что время легких побед миновало, что надо быть готовыми к упорным боям за плацдарм и на самом плацдарме и надлежащим образом подготовить к этому личный состав. А на это то ли не хватило времени, то ли товарищи понадеялись на авось да небось.

Так или иначе, а руководящее начало оказалось не на высоте. Не был обеспечен и твердый контроль за выполнением приказов и распоряжений, хотя на данном этапе он был необходим как воздух. Тут была, несомненно, и моя промашка, и недоработка штаба, политотдела корпуса.

Короче говоря, мы позволили врагу застигнуть нас врасплох, а затем не сумели его сдержать и, конечно, поплатились за это. Половина обширного плацдарма, приходившаяся на долю 248-й дивизии, была в значительной мере потеряна. В наших руках на этой части плацдарма оставались лишь узкая полоса приречной дамбы да городок Грос-Нойендорф, за который шел жестокий бой.

Трудно предугадать, какой оборот приняло бы дело, успей полки изготовиться к бою, используя они по назначению те несколько часов, которые имелись в их распоряжении. Конечно, в любом случае им пришлось бы нелегко. Ведь только против 899-го стрелкового полка неприятель бросил одних только танков около 40 единиц. В полную силу работала и немецкая авиация, бомбившая не только войска, но и лед на Одере, чтобы сделать его непроходимым. Но и учитывая все это, я вынужден признать, что даже поспешно занятая оборона, выдвинутые вперед боевое охранение и разведка помогли бы организованнее встретить врага. Пусть мы и потеряли бы какую-то часть плацдарма, но гитлеровцы заплатили бы за это куда более дорогой ценой. А мы располагали бы возможностями для маневра, для контрмер, для лучшего использования оружия, четкого управления. И, наконец, что тоже немаловажно, нас не мучили бы потом угрызения совести за допущенную расслабленность...

Надо отдать должное тем, кто в этой критической обстановке не дрогнул, не потерял присутствия духа. Непоколебимо стали на пути врага артиллеристы батареи капитана С. Седукевича. Они стойко встретили танки и не отошли ни на шаг. В первые часы боя батарея уничтожила 15 танков и бронетранспортеров, однако и сама потеряла расчеты двух орудий. Во время очередной атаки погиб наводчик еще одного орудия, но его место тут же занял командир батареи, получивший к тому моменту два ранения.

— Как вы сумели в таком состоянии оставаться в строю? — спрашивали потом Героя Советского Союза Седукевича в госпитале.

— Все раненые оставались у нас в строю, — просто ответил он...

На другом участке отважно действовали артиллеристы 1-го дивизиона 771-го артиллерийского полка. И здесь батареи понимали, что теперь только они могут, задержав фашистские танки, отвести угрозу от отходивших подразделений 899-го и 902-го полков. И артиллеристы неустрашимо встали перед бронированной лавиной врага.

Уже первые минуты этого неравного боя были полны трагизма и отваги. Тяжелораненый командир дивизиона капитан Сажнев старался личным примером воодушевить бойцов, но силы покидали его. Передавая командование командиру 1-й батареи лейтенанту Серебрякову, Сажнев просил его выстоять.

Серебряков понимал, какое тяжелое «наследство» ему досталось, но, стараясь подбодрить командира дивизиона, которого уносили в тыл, задорно крикнул:

— Не горюй, капитан! Сейчас очухаемся и всыпем гадам что надо.

И действительно, преодолев минутную растерянность, расчеты начали действовать отчаянно и решительно. Люди видели, как погибли при бомбежке несколько орудий их дивизиона. Знали, что не осталось в строю никого из командиров батарей, кроме лейтенанта Серебрякова, и хорошо понимали, что только их личная инициатива и храбрость способны остановить танки противника.

Отважно сражался расчет сержанта Григория Степанюка: наводчик орудия сержант Метлашев подбил два вражеских танка. Хорошо дрались и расчеты сержанта Красильникова, сержанта Хачатуряна и сержанта Быкова. Вместе с ними находился комсорг полка старший лейтенант Гриднев, пока не получил тяжелого ранения...

В чрезвычайно трудном положении с самого начала внезапной атаки гитлеровцев оказались 4-я, 7-я и 9-я стрелковые роты 899-го стрелкового полка. Ворвавшиеся в их расположение танки нанесли тяжелейший урон. Тем не менее солдаты и офицеры этих рот продолжали самоотверженно драться. Рядовой 4-й стрелковой роты Николай Смирнов огнем ручного пулемета прижимал к земле немецкую пехоту, отсекая ее от танков. Заметив пулеметчика, вражеский танк двинулся на смельчака. Смирнов хладнокровно дождался, пока бронированная громадина перевалит через его недостроенный окоп, и поджег танк бутылкой с горючей смесью.

Более двух десятков гитлеровцев истребил автоматчик Прокопий Гаврилов. А в самый разгар боя он метким броском противотанковой гранаты уничтожил вражеский бронетранспортер.

Высокое боевое мастерство и мужество проявил взвод ИТР под командованием лейтенанта Кондрашкина. Бронемашинисты подбили танк и бронетранспортер...

Организованнее встретил врага 902-й стрелковый полк 248-й стрелковой дивизии, которым командовал подполковник Георгий Матвеевич Ленева. Правда, и он не выдержал внезапного удара. Но по приказу командира полка 1-й и 2-й батальоны быстро закрепились в каменных строениях Грос-Нойендорфа и оказали упорнейшее сопротивление гитлеровцам. 3-й батальон во главе с майором Ф. П. Крыловым оказался отрезанным и дрался в окружении.

Грос-Нойендорф был ключевым пунктом на левом фланге захваченного нами плацдарма, и это хорошо понимали и мы и немцы. Бой не утихал здесь два дня и отличался крайним ожесточением. Многочисленные атаки неприятеля чередовались с нашими контратаками. Ценой больших потерь в танках и живой силе фашистам все же удалось расчленив полк и выйти к Одере. Но командир батальона капитан И. И. Ковалевский лично возглавил контратаку и вынудил врага отступить...

Серьезная угроза нависла над командным пунктом полка, где находилось Боевое Знамя. Гитлеровцы вплотную подошли к КП, четыре раза безуспешно ходили в атаку, а потом стали забрасывать подвальные помещения, из которых вели огонь наши воины, дымовыми шашками. По докладам командира полка Ленева, положение становилось все более критическим. Наконец он стал настойчиво вызывать огонь нашей артиллерии на себя. Мы переглянулись с прибывшим в корпус командующим армией генералом Берзариним и решили, что иного выхода, по-видимому, у Ленева нет. Армейская артиллерийская группа открыла огонь по расположению командного пункта полка. От разрывов снарядов в подвальных помещениях сахарного завода, где укрылась горстка защитников КП, осыпалась штукатурка, а наверху, где накапливались для нового броска гитлеровцы, бушевал огненный смерч. Понесся значительные потери, враг отошел и больше не решался атаковать КП...

Однако обстановка продолжала оставаться тревожной. Понимая, что части прилагают отчаянные усилия, чтобы удержаться на плацдарме, командир дивизии генерал Галай отдал приказ форсировать Одер 905-му стрелковому полку, стоявшему во втором эшелоне. Но все попытки выполнить этот приказ оказались безуспешными: мешала фашистская авиация.

Я с беспокойством следил за развитием событий. Было

ясно, что, если даже 905-й полк сумеет выйти на плацдарм, восстановить положение там ему не удастся.

— Придется вводить в дело 301-ю дивизию,— сказал я Шикину.

— Кажется, пора, Иван Павлович, а то Ленева заждался поддержки.

Подполковник Ленева действительно уже несколько раз открытым текстом просил по радио подполковника Филатова поспешить к ним на помощь.

Дмитрий Терентьевич Филатов, полк которого был прижат к земле авиацией гитлеровцев, то и дело обнадеживал Ленева:

— Я уже иду, дружище! Держись!

Но перешагнуть через Одер 905-му полку удалось только с наступлением темноты. Выйдя на плацдарм, он энергично атаковал противника, и вскоре все три батальона вышли на шоссе между Ортвигом и Грос-Нойендорфом. Кстати, как раз эту дорогу надежно перекрывала батарея 45-миллиметровых орудий 902-го стрелкового полка, которой командовал капитан Сергей Евстафьевич Седукевич. Путь по дороге с запада на Грос-Нойендорф был наглухо закрыт артиллеристами.

Примерно в то же время в районе Целлина переправлялась через Одер и 301-я дивизия полковника В. С. Антонова. Боевая задача, которую я поставил ей, сводилась к тому, чтобы в ночь на 3 февраля переправиться на плацдарм, повести решительное наступление на Ортвиг и восстановить на плацдарме прежнее положение.

Владимир Семенович точно выполнил поставленную перед ним задачу. Удар свежей дивизии и вторых эшелонов 248-й и 230-й дивизий привел гитлеровцев в замешательство. Они побежали и остановились лишь на рубеже Нойбарним—Ортвиг.

Плацдарм был восстановлен, но бои на нем не только не утихли, а разгорелись с новой силой.

Уже с утра 3 февраля враг возобновил яростные атаки. В воздухе появилось более пятидесяти самолетов, которые принялись бомбить позиции 1050-го и 1052-го полков 301-й и 905-го полка 248-й дивизий. Вслед за ударом с воздуха наши части подверглись артиллерийскому и минометному обстрелу и были атакованы танками. Бой принял ожесточенный характер. То, что не получилось вчера, враг решил сделать сегодня. И это было понятно, ведь сам факт присутствия советских войск на западной, берлинской стороне Одера свидетельствовал о многом.

Наиболее сильный удар пришелся по 1050-му стрелковому полку подполковника И. И. Гумерова. 1-й батальон этого полка не устоял под натиском превосходящих сил врага. Будь в строю командир батальона капитан Ленский, бой мог сложиться по-иному, но комбата ранило, и подразделения не чувствовали твердой, направляющей руки. Именно в этот момент огромную роль сыграли выдержка и решительность командира огневого взвода лейтенанта Николая Баркова. Несмотря на ранение, он уверенно руководил орудийными расчетами, которые метким огнем подбили два немецких танка и привели в замешательство пехоту. Командование батальоном принял на себя комсорг полка Григорий Цыганков, а вскоре сюда прибыл и командир полка Гумеров.

С двух сторон был атакован 2-й стрелковый батальон, возглавляемый капитаном Шаповаловым. В течение многих часов ему пришлось драться в окружении, выдержать настоящую осаду. «Республикой Шаповалова» окрестили бойцы простреливаемый со всех сторон небольшой пятачок земли, в центре которого стоял прочный каменный дом с хозяйственными постройками.

Роты заняли круговую оборону, отбили уже четыре атаки. Все бы ничего, да кончались боеприпасы.

Федор Кузьмич Шаповалов — ветеран нашего корпуса, командовал ротой еще на Тамани, где и получил первое ранение. Здесь на Одере 22-летний капитан хорошо чувствовал пульс своего батальона, уверенно руководил людьми. В трудный момент он первым делом переговорил с парторгом батальона старшим лейтенантом Гвоздевым, который прибыл, когда стемнело, из 4-й роты, а также с комсоргом старшим лейтенантом Акимовым, только что возвратившимся из 5-й роты. Комбат попросил их быть рядом с людьми и держаться до последнего. Сообщил, что помощь близка: об этом только что передал по радио командир дивизии.

Утром 4 февраля гитлеровцы попытались прежде всего разделаться с окруженным батальоном. Группа за группой заходили на «республику Шаповалова» вражеские бомбардировщики. После бомбежки в атаку ринулись 18 танков и до полка пехоты. Батальон пустил в ход последние гранаты и бутылки с зажигательной смесью. Несколько танков загорелись, остальные в нерешительности остановились. Вместе с бойцами вел огонь по врагу партийный вожак батальона Гвоздев. Короткие, экономные очереди его автомата метко разили фашистов. Враг не выдержал и залег.

Хуже обстояло дело на участке соседней роты. Выбыл из строя ее командир. Возникло замешательство, кое-кто

понялся назад. И тут раздался голос замполита батальона капитана Кузьменко. Услышав его, бойцы остановились, а потом дружно контратаковали врага. И никто не подозревал, что политработник вел их в бой, истекая кровью.

Большой урон понесла минометная рота, ее огонь заметно ослаб. Туда с группой бойцов бросился начальник штаба батальона майор Азарян — сам в прошлом минометчик. И минометы заработали с прежней силой.

Батальон Шаповалова держался на пределе человеческих сил. Это хорошо понимал командир соседнего батальона Герой Советского Союза капитан Александр Федорович Богомоллов. Его роты только что отразили отчаянную атаку. Но Богомоллов видел, что Шаповалову еще труднее, чем боевой друг, который не раз выручал его в трудную минуту, вместе с которым форсировали и Пилицу, и Одер, держится буквально на волоске. И капитан Богомоллов решился на отчаянный шаг. Он поднял в контратаку свой последний резерв и сам повел его на врага.

Тактический ход Богомоллова оказался как нельзя кстати: гитлеровцы почувствовали что-то неладное в своем тылу и ослабили натиск на окруженных. Но этого не знал Богомоллов, он умирал в тот момент на руках прибежавшей на помощь Галины Федоренко.

Вскоре подоспела и обещанная Шаповалову подмога. Дружно поднялись в атаку подразделения 1054-го стрелкового полка подполковника Н. Н. Радаева. Враг был отброшен. Шаповалова окружали теперь свои, и, стараясь не отстать, он повернул батальон фронтом на запад...

Закончился еще один день тяжелых, кровопролитных боев на плацдарме. Но тучи по-прежнему сгущались, обстановка продолжала накаляться. Правда, уже действовал мост, построенный по льду в районе Целлина, и по нему удалось перебросить на плацдарм все наши СУ-76. И все равно противотанковой артиллерии было мало: не подошли еще дивизионные артполки. Противник же, подтягивая к плацдарму свежие силы, усиливал нажим на наши позиции.

А тут, как назло, вскрылся Одер. Ледоходом снесло наш мост, и войска на плацдарме оказались отрезанными от тылов.

В небе весело светило солнце, а в штабе корпуса воцарилась угрюмая, как перед грозой, напряженная тишина. Не поддавался унынию, пожалуй, лишь генерал Игнатьев.

— Вчера фашисты получили такого тумака, что им теперь не до драки,— заметил он, поглядывая на насупившего начальника штаба.

— И это говорит командующий артиллерией корпуса!— взорвался Шикин.— Нет, Петр Михайлович, противник не такой дурак, как вы думаете. Он отлично осведомлен о нашем положении. И понимает, что именно сейчас, сегодня, когда на Одере ледоход, когда корпус без артиллерии, а теперь уже и без резервов, что именно сегодня ему надо нанести решающий удар.

Игнатьев стал было доказывать что-то свое, но спор прекратился — в штаб привели пленного немецкого офицера, которого каким-то непостижимым образом переправили через забитый льдом Одер.

Пленный обер-лейтенант вел себя подчеркнуто высокомерно. Глядя на него, можно было подумать, что на календаре не сорок пятый, а сорок первый год.

— Мы разобьем вас на Одере, как вы разбили нас под Москвой,— запальчиво выкрикнул пленный. Присутствующие засмеялись. Это еще больше распалило обер-лейтенанта. — Запомните мои слова: в 12.00 вы будете атакованы 25-й мотодивизией, пехотной дивизией «Дебериц», пехотной дивизией «Берлин» и 606-й дивизией особого назначения. Поглядим, что тогда останется от вас!..

Пленный стращал нас «новым оружием», твердил, что Красная Армия находится на краю гибели. Его угрозы очень напоминали то, о чем вопили этой ночью немецкие громкоговорящие установки, пытавшиеся склонить к сдаче окруженный батальон Шаповалова.

Отбросив «лирику», мы взяли на заметку дивизии, о которых проболтался пленный. Здесь его показания во многом совпадали с тем, что нам было уже известно и что не могло не настораживать.

Позвонил генерал Павел Андреевич Фирсов — командир 26-го гвардейского стрелкового корпуса, наш левый сосед на плацдарме. Его части тоже с трудом сдерживали немцев в районе городка Кинитц.

— Похоже,— сказал Фирсов,— противник готовится одним махом спихнуть с плацдарма и меня и тебя. Как там дела у вас?

Мне было нечем ободрить Фирсова. Вся надежда у нас была на высокий боевой дух бойцов, командиров и политработников, на их решимость стоять до конца. Надо было и думать, и работать над тем, чтобы поддержать этот порыв, находить такие слова, которые дошли бы до сердца каждого

война, заставили их сделать все возможное и даже невозможное для достижения успеха.

И такие слова нашлись. Через несколько минут после телефонного разговора с генералом Фирсовым мы получили следующее обращение командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова:

«Военному совету 5-й ударной армии, командирам корпусов и командирам дивизий 5-й ударной армии.

На 5-ю ударную армию возложена особо ответственная задача удержать захваченный плацдарм на западном берегу р. Одер и расширить его хотя бы до 20 км по фронту и 10—12 км в глубину.

Я всех вас прошу понять историческую ответственность за выполнение порученной вам задачи и, рассказав своим людям об этом, потребовать от войск исключительной стойкости и доблести.

К сожалению, мы вам не можем пока помочь авиацией, так как все аэродромы раскисли и взлететь самолеты в воздух не могут. Противник летает с берлинских аэродромов, имеющих бетонные полосы. Рекомендую:

- 1) зарываться глубоко в землю;
- 2) организовать массовый зенитный огонь;
- 3) перейти к ночным действиям, каждый раз атакуя с ограниченной целью;
- 4) днем отбивать атаки врага.

Пройдет 2—3 дня — противник выдохнется.

Желаю вам и руководимым вами войскам исторически важного успеха, который вы не только можете, но обязаны обеспечить,

Г. Жуков» *.

Обращение маршала дало громадный морально-политический эффект. Авторитет Г. К. Жукова в войсках был очень высок, его слово, его советы, его уверенность много значили сейчас для тех, кто в труднейших условиях отстаивал одерский плацдарм.

Довести обращение командующего фронтом до ума и сердца каждого защитника плацдарма стало важнейшей задачей командиров и политработников, партийных и комсомольских организаций. Обстановка не позволяла собирать людей на митинги и собрания. Работа велась индивидуально, с небольшими группами людей, непосредственно в окопах, на линии огня. Заместитель командира 230-й дивизии по по-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М., 1979, т. 2, с. 270.

литической части полковник Веремеев, инструктор политотдела корпуса майор Никулина, заместитель командира 902-го стрелкового полка по политической части подполковник Шаренко, комсорг батальона Сеничкин и многие другие командиры и политработники, непосредственно знакомившие личный состав с обращением, отмечали в своих докладах и донесениях, что форма обращения маршала — «я всех вас прошу» и оценка задачи войск как «исторически важной» оказали на людей огромное психологическое воздействие. Воины клялись перед Родиной, перед партией любой ценой отстоять и расширить плацдарм и тем самым обеспечить благоприятные условия для удара по столице третьего рейха.

Бои на плацдарме разгорелись с новой силой. Волна за волной бомбардировщики обрабатывали изуродованный участок земли, в который вцепился 3-й батальон 1054-го полка. В атаку на 9-ю роту этого батальона пошли вражеские танки и пехота. Но бойцы не дрогнули, сразу подбили один танк, а сержант Шуневич огнем из ручного пулемета заставил фашистов залечь. Вскоре задымила еще одна боевая машина, и противник начал отходить.

Другая группа гитлеровцев атаковала 8-ю роту, сильно поредевшую во время бомбежки. Рота не выдержала натиска и отошла. Четыре немецких танка и около роты пехоты завладели ее позициями.

Узнав об этом, командир батальона капитан Ишин решил контратаковать противника силами 7-й роты, находившейся во втором эшелоне. Все зависело теперь от исхода боя с танками врага, по которым вела огонь 2-я батарея 823-го артполка. Вскоре командиры орудий сержанты Давыдов и Дробаха подбили по машине, а остальных заставили отойти.

Наступил самый подходящий момент для контратаки. Но 7-ю роту постигла беда — был тяжело ранен командир. И тогда во главе контратакующего подразделения стал комсорг батальона старший лейтенант Иван Филиппович Сеничкин. Рота услышала его призыв:

— За мной! За Родину! Вперед!

Пятьдесят человек дружно рванулись в атаку. Фашисты были отброшены, а атакующие заняли район обороны 8-й роты и стали закрепляться на нем. Передний край обороны проходил здесь по глубокой канаве, где местами сохранился еще серый ноздреватый снег. На одном из пластов лежал тяжелораненый старший лейтенант Сеничкин и в полузабытьи глотал снег...

В это время отражал яростную атаку и 1-й батальон, стоявший несколько правее. Командир 2-й роты лейтенант Щер-

баков подпустил противника как можно ближе и лишь тогда открыл огонь. Первыми заговорили пулеметы старшего лейтенанта Алдабека Майербекова. Недаром комбат капитан Грач Миасович Айрапетян беседовал ночью с пулеметчиками, призывал их стрелять наверняка и беречь патроны. Теперь он видел, что в руках опытных мастеров своего дела сержанта Попова и рядового Беякина станковый пулемет творил чудеса...

Во второй половине дня 5 февраля гитлеровцы решили испытать прочность нашей обороны еще на одном участке плацдарма, в том месте, где стояла 230-я стрелковая дивизия полковника Даниила Кузьмича Шишкова. В дивизии давно ждали этого часа и не сидели сложа руки — поглубже зарывались в землю, приспособляли для обороны водоотводные каналы.

Теперь жарко стало и здесь. Особенно перед 1-м батальоном 986-го стрелкового полка, которым командовал майор Левашов. Враг решил протаранить оборону на узком участке и обрушил свои танки и пехоту на 3-ю роту капитана Гоманкова. Один из «тигров» двинулся на станковый пулемет ефрейтора Очерета, намереваясь раздавить его. Под днище стальной машины полетела противотанковая граната. Она взорвалась, не причинив вреда. Вторая граната была брошена уже с совсем близкого расстояния. Танк остановился, но замолчал и наш пулемет: ефрейтор Очерет получил тяжелое ранение. Вражеская пехота бросилась вперед. На позиции взвода лейтенанта Ильина все сплелось в клубок. Лейтенант Ильин сумел поджечь еще один танк, но другие вражеские машины прошли и устремились на огневые позиции минометной роты. В это время раздались выстрелы двух наших орудий батареи лейтенанта Буланцева, переброшенных к месту прорыва.

Головной танк остановился и задымил, остальные повернули обратно. Командир роты Гоманков не упустил благоприятной возможности: он поднял в контратаку находившийся у него в резерве взвод и восстановил положение...

Прошло еще несколько дней напряженных боев. Наконец мы почувствовали, что самое страшное позади. Сбылось то, о чем говорил маршал Жуков, — противник стал выдыхаться, а мы не только сохранили свои позиции, но и расширили их: в ожесточенном двухдневном бою батальон под командованием майора Железного из 230-й дивизии овладел населенным пунктом Нойлевин, а полки 248-й дивизии — городком Ортвиг.

На плацдарм подтягивались отставшие части. Прибыл зенитный полк и занял позиции в районе Целлина для охраны нового моста, построенного через очистившийся ото льда Одер. Прибыли корпусной и дивизионные артиллерийские полки. На переднем крае появились противотанковые пушки, а в воздухе — наши истребители.

Однако бои на плацдарме не прекращались и в последующие дни. Тяжелым выдался день 13 февраля. Гитлеровцы нанесли мощный удар в стык между 9-м стрелковым корпусом и 26-м гвардейским стрелковым корпусом, иначе говоря, удар по 248-й и 266-й стрелковым дивизиям. Это был акт отчаяния, последняя попытка врага сбросить нас в Одер. Но и она не принесла ему успеха.

Имеется документ, в котором дается краткая, по выразительная оценка того, что произошло 13 февраля, и отмечаются особо отличившиеся в тот день воины. Это приказ по войскам 5-й ударной армии от 14 февраля 1945 года.

Противник, бросив в бой свои отборные резервы пехоты и танков, предназначенные для обороны Берлина, при поддержке массированного огня артиллерии 13.2.45 перешел в наступление с целью ликвидировать наш плацдарм на западном берегу реки Одер, говорится в приказе.

В результате решительных и смелых действий частей 248-й и 266-й стрелковых дивизий все контратаки противника с большими для него потерями были отбиты.

Вновь введенные в бой части противника: дивизия «Берлин», 300-я пехотная дивизия «Дебериц», 67-й запасный батальон разгромлены и в значительной части уничтожены.

В этих боях образцы мужества, героизма и храбрости проявили:

командир 1-го стрелкового батальона 902-го стрелкового полка капитан Ковалевский, командир 1-й стрелковой роты капитан Семченко, рядовой 1-й стрелковой роты Гаврилов, сержант 1-й стрелковой роты Кравцов, командир 5-й стрелковой роты лейтенант Подгорный, командир 3-го стрелкового батальона 902-го стрелкового полка майор Целуя, рядовой 3-й роты Егоров, командир 3-й минометной роты старший лейтенант Шорошев, красноармеец взвода связи Колбаса, командир взвода ПТР сержант Романский, командир батареи капитан Михайлов, командир взвода управления старший лейтенант Ющенко, командир 1-й батареи капитан Кривошеев, командир батареи Куприянов.

За отличные боевые действия по отражению контратак противника командарм объявил благодарность всему офицер-

скому, сержантскому и рядовому составу частей 248-й и 266-й стрелковых дивизий и артчастей.

В середине февраля бои на плацдарме прекратились. Противник перешел к обороне.

ТЕПЕРЬ — НА БЕРЛИН!

*На что надеялся враг * Сопещание у маршала *
Зеловские высоты — крепкий орешек * На помощь
приходят... берлинцы * Взаимодействуем с фло-
том * Под прицелом — имперская канцелярия*

До логова фашистского зверя оставалось 60—80 километров, и все мы ждали заключительного аккорда великой битвы. Казалось, все уже ясно, дни Гитлера сочтены, но в Берлине все еще падеялись на чудо, судорожно цеплялись за последние рубежи.

Впрочем, враг упорствовал отнюдь не везде. На западе, где наступали англо-американские войска, немцы сдавали один город за другим, любезно позволили войскам Эйзенхауэра и Монтгомери почти беспрепятственно перешагнуть через такой важный рубеж, как река Рейн.

Спрашивается — почему? Союзники объясняли вялое сопротивление противника тем, что он-де разбит и не может собраться с силами. В действительности при первом же соприкосновении с англо-американскими войсками гитлеровцы отходили, словно приглашая продвигаться в глубь своей территории. «Действуйте смелее, — как бы предлагали им. — Мы против вас ничего не имеем, мы готовы встретить вас в самом Берлине и обо всем договориться». Натравить союзников друг на друга, чтобы они перессорились, а еще лучше — передрались между собой — на это делал враг свою последнюю ставку, с этим связывал иллюзорные надежды избежать краха.

Нашей стране и ее Вооруженным Силам, вынесшим всю тяжесть четырехлетней борьбы с гитлеризмом, предстояло сказать и последнее слово в этой борьбе. И сказать как можно быстрее...

4 апреля корпусной топограф привез из штаба армии карты Берлина и план города, который мы принялись внимательно изучать. Никто из нас тогда и не предполагал, что этот план тщательно подготовлен и отпечатан в осажденном Ленинграде, за 19 месяцев до того, когда мы положили его на стол, готовясь к Берлинской операции.

...Шел сентябрь 1943 года. Ленинград находился в блокаде, пусть и в разорванной уже, но все-таки в блокаде. Еще ждали освобождения бóльшая часть Украины, Белоруссии, Прибалтики, еще до снятия блокады ленинградцам предстояло жить и бороться целых четыре месяца. А из Ставки Верховного Главнокомандующего в штаб Ленинградского фронта поступил приказ: «Изготовить в кратчайший срок детальный план Берлина». И героическими усилиями ленинградских картографов этот план был создан и отпечатан...

Раздался звонок. Генерал Берзарин приказал выехать вместе с ним в штаб фронта, где 5 и 7 апреля состоится совещание.

«Наверняка разговор пойдет о плане Берлинской операции», — подумал я и не ошибся.

Открыв совещание, маршал Жуков ознакомил нас с обстановкой.

За Одером до самого Берлина возведена система сплошных оборонительных сооружений, состоявшая из трех оборонительных полос. На берлинском направлении враг имел не менее миллиона солдат, 10,4 тысячи орудий и минометов, 1500 танков и штурмовых орудий, 3300 боевых самолетов. Двухсоттысячный гарнизон формировался и в самом Берлине, а город превращался в настоящую крепость — с секторами обороны, со своим штабом, с баррикадами на улицах, с бойницами и амбразурами в каждом доме.

Маршал Жуков требовал как можно быстрее и лучше подготовить войска к Берлинской операции и провести ее в быстром темпе.

— За время войны, — говорил командующий, — мы кое-чему научились. И если гитлеровцы хотят здесь, под Берлином, сделать то, что сделали мы в сорок первом под Москвой, когда не только остановили врага, но и разгромили его, то это напрасные надежды. Ничего у них не выйдет.

Но не будем обольщаться и мы. Предстоящую битву за Берлин нельзя сравнить, а тем более скопировать ни с какой другой операции. Да и сам Берлин — и по размерам, и по укреплениям — не похож ни на один другой город, который нам приходилось брать. Так что решать придется новые, а не старые задачи, и простора для творчества, для командирской изобретательности будет сколько угодно...

Пример именно такого отношения к предстоящим действиям показал, как мы увидели на проходившей после совещания военной игре, сам командующий. У него, в частности, родилась идея ночной атаки с применением прожекторов. Планировалось нанести артиллерийско-минометный и воз-

душный удары за два часа до рассвета, после чего сто сорок зенитных прожекторов внезапно осветят противника, и наши танки с пехотой пойдут в атаку.

Изложив свою задумку, маршал предложил всем нам высказаться. Кое-кто выразил сомнение. И тогда командующий фронтом решил испытать предложенный им метод. С наступлением темноты нас посадили в автобус и привезли в поле. Здесь на косогоре был отрыт окоп. Войдя в него, мы взяли винтовки и приготовились «к бою». В это время подали сигнал, и наш окоп осветили прожекторы. Вслед за этим из ночной темноты на нас пошла группа танков с пехотой.

— Стреляйте! Стреляйте! Выбирайте цели и стреляйте! — громко скомандовал маршал.

Ослепленные прожекторами, мы не находили целей. А «противник» все шел и шел. И остановился только в 50 метрах от нас.

Мы выбрались из окопа, возбужденно делаясь впечатлениями.

— Ну, как? — спросил Жуков, когда мы сгрудились вокруг него.

— Хорошо! — ответило из темноты несколько голосов.

— В таком случае план использования прожекторов утверждается, — подытожил маршал.

Командная игра на картах помогла нам уяснить грандиозный замысел и план Берлинской операции. А совещание между тем продолжалось.

1-му Белорусскому фронту ставилась задача ударом с кюстринского плацдарма разгромить берлинскую группировку противника, овладеть Берлином и не позднее чем через 12—15 дней выйти на Эльбу.

В соответствии с директивой Ставки командующий 1-м Белорусским фронтом решил нанести главный удар силами 47-й армии, 3-й и 5-й ударных армий и 8-й гвардейской армии, а также 1-й и 2-й гвардейских танковых армий.

Для обеспечения действий этой группировки на правом фланге наступала 1-я армия Войска Польского, а на левом — 69-я армия. Во втором эшелоне находилась 3-я армия и в резерве — 7-й кавалерийский корпус.

5-я ударная, действуя в центре ударной группировки фронта, получила задачу прорвать оборону на фронте Кальцениг, Горгаст, наступать в направлении Цехин, Тегель и далее на северо-восточную окраину Берлина. На участке Лечин, Гузов обеспечить ввод в прорыв 2-й гвардейской

танковой армии. Справа наступает 3-я ударная, слева — 8-я гвардейская армии.

Маршал Жуков, как руководитель игры, старался создать атмосферу делового и свободного обсуждения. Каждый мог высказать то, что его волновало или настораживало. Попросил слова и я.

Изучая карту, на которой было графически показано решение командующего фронтом, я обратил внимание, что правоблаговая 1-я армия Войска Польского наступает не с плацдарма, как ее левый сосед — 47-я армия, а с правого берега Одера. «Почему бы, — подумал я, — не выделить и этой армии небольшой участок на правой оконечности плацдарма, с тем чтобы с началом наступления она могла, повернув часть своих сил на север и свертывая фронт противника по реке Одер, выйти на свое направление?» Может быть, составителей плана смутила протекающая здесь с запада река Альт-Одер, которая может затруднить или стеснить маневр войск вправо? Но ведь Альт-Одер даже не река, а всего лишь пересохшая речушка — я прекрасно знал это, так как именно здесь находился плацдарм нашего корпуса, который предстояло тогда передать 47-й армии генерала Перхоровича.

Жуков внимательно выслушал мои доводы и сказал:

— Предложение разумное. Согласен.

В перерыве ко мне подошел командующий 1-й армией Войска Польского генерал Станислав Гилярович Поплавский и крепко пожал руку.

В ходе военной игры четко вырисовывалась и задача нашего корпуса, который, наступая на левом фланге армии, должен был выйти на северо-восточную окраину Берлина. Мне хотелось детальней изучить город по макету, находившемуся в соседнем зале, и как только появилась возможность, я направился туда.

Фронтные топографы потрудились на славу: на площади 20 квадратных метров они создали очень подробный макет Берлина. Когда я подошел ближе, мне показалось, что передо мной город, по улицам которого можно ходить, рассматривать дома и площади. Макет привлек к себе внимание всех участников совещания, и мы толпились возле него, мысленно путешествуя по улицам города.

Свое заочное знакомство с Берлином я начал с Ландсбергершоссе, которое шло с северо-восточной окраины города и заканчивалось на Александерплац. Отсюда я «пошел» по Кенигштрассе и «прибыл» на Шлоссплац, где огромным черным прямоугольником высился старинный дворец прусских

королей. Далее широкой полосой лежала Унтер-ден-Линден, которая через полтора километра упиралась в Бранденбургские ворота. От них, словно разрезая пополам Тиргартен-парк, а вместе с ним и город, тянулось на запад широкое, прямое и бесконечно длинное Шарлоттенбургское шоссе. Будто устыдившись своих размеров, это шоссе меняло название то на Берлинское шоссе, то на улицы Бисмарка, Кайзера и Ан-Дер-Хеер.

Если же пройти в Бранденбургские ворота и повернуть направо, то там, на северо-восточной оконечности Тиргартен-парка, стояло огромное здание рейхстага, который на наших планах значился как объект 105.

Но острие моей указки остановилось немного не доходя до ворот, у здания бывшего советского полпредства. Отсюда влево на юг, к круглой площади Белле Аллиансе, на протяжении двух километров тянулась Вильгельмштрассе. Эта улица, как мне потом стало известно, называлась улицей дворцов и министерств и олицетворяла собой центр города.

Я еще не знал, в каком районе города придется наступать, однако «путешествие», которое совершил в тот вечер по Берлину, давало представление о том, что предстоит нам испытать в лабиринте улиц этого города-гиганта...

В тот же вечер мы разъехались по своим «хозяйствам», дел у каждого было невпроворот.

На боевых рубежах жизнь шла своим чередом. Противник конечно же ждал нашего наступления и пытался психологически надломить советского солдата. В листовках и через громкоговорящие установки нудно повторялся один и тот же мотив о бесперспективности планов советского командования по захвату Берлина.

Окопные громковещательные установки работали и с нашей стороны. Мы рассказывали немецким солдатам о безвыходности их положения, о том, что Гитлер и его подручные обманули немецкий народ и поставили его перед катастрофой. Мы не скрывали, какой силы удар ожидает врага, и в то же время рассказывали о гуманном отношении к пленным, призывали немецких солдат, которые хотят сохранить жизнь, переходить на нашу сторону.

Одним из организаторов этой важной работы был майор И. В. Малышев — старший инструктор политотдела 5-й ударной армии по работе среди войск и населения противника. Ныне полковник Малышев — убеленный сединой профессор философии. Тогда же, будучи юношей, он с аппаратурой за плечами часто появлялся на передовых позициях нашего корпуса и «воспитывал» фашистских солдат.

Отлично владея немецким, обладая приятным голосом, он быстро овладевал вниманием необычной аудитории.

— Немецкие солдаты и офицеры! Слушайте правду о Гитлере — так частенько начинал свои передачи Игорь Васильевич.

На той стороне или устанавливалась тишина, или враг открывал яростный огонь по предполагаемому месту нахождения установки.

Малышев проявил себя энергичным и смелым офицером. Однажды он на свой страх и риск участвовал в захвате «языка». Сдав партбилет и другие документы заместителю начальника политотдела 230-й стрелковой дивизии майору Кузьмину, Малышев вместе с разведчиками отправился в расположение врага. Часа через три-четыре разведгруппа вернулась с «языком». Малышев сиял от радости. А командующий армией генерал Берзарин, когда ему доложили подробности этой вылазки, объявил майору Малышеву благодарность за смелость и... выговор за самовольство. Да, это не по уставу. Но даже устав не предусматривает всех случаев, которые может преподнести жизнь.

На плацдарме, а он за последнее время был заметно расширен, происходила перестановка сил. 5-я ударная армия сдавала свой боевой участок 3-й ударной, 47-й армиям и 1-й армии Войска Польского, а сама занимала исходное положение для наступления на Берлин западнее Кюстрина. К концу дня 13 апреля все три корпуса нашей армии находились уже на новых позициях. На правом фланге, по соседству с 3-й ударной, располагался 26-й гвардейский стрелковый корпус генерала Павла Афанасьевича Фирсова, в центре — 32-й стрелковый корпус генерала Дмитрия Сергеевича Жеребина и на левом фланге, по соседству с 8-й гвардейской армией, 9-й стрелковый корпус.

Оперативное построение армии, как ясно из сказанного, было выполнено в один эшелон. Это обеспечивало сильный первоначальный удар по обороне противника. А для наращивания усилий в глубине в корпусах, дивизиях и полках создали сильные вторые эшелоны. 230-я стрелковая дивизия нашего корпуса составляла резерв командарма.

9-й стрелковый корпус получил задачу прорвать оборону противника на участке Гольцов — военный городок. В течение первого дня нам предстояло овладеть первой и второй оборонительными полосами гитлеровцев и, продвигаясь

нувшись на 20 километров, выйти на рубеж Вульков, Альт-Розенталь, а затем наступать на Буков.

Поскольку фронт наступления корпуса равнялся всего двум километрам, я выделил в первый эшелон лишь только 301-ю дивизию. 248-я составляла второй эшелон корпуса. Вводить ее в бой мы планировали по достижении второй полосы обороны, в районе Вербиг.

Главная полоса обороны немцев состояла из трех позиций. Перед передним краем, который проходил по восточным окраинам Гольцова и военного городка, были установлены проволочные заграждения и минные поля. Вторая полоса обороны была подготовлена в 12 километрах от переднего края главной полосы и проходила по рубежу Альт-Одер, Гузов и далее по Зеловским высотам.

Для обеспечения прорыва тактической зоны обороны гитлеровцев корпус был усилен двенадцатью артиллерийскими и минометными полками, тяжелым танковым полком и танковой бригадой. Кроме того, его боевые действия поддерживали три артиллерийские бригады и дивизион 305-миллиметровых орудий, которые предназначались для разрушения укреплений, построенных на второй оборонительной полосе*.

Для прорыва главной полосы обороны противника корпус располагал 578 орудиями и минометами, 120 реактивными установками и 90 танками и САУ. Это означало, что против одного вражеского батальона мы имели пять своих, против одного орудия — девять и против одного танка — три. Таким ощутимым перевесом мы не располагали в течение всей войны. Это обеспечивало нанесение мощного первоначального удара и наращивание сил в глубине.

К вечеру 13 апреля 301-я стрелковая дивизия с 220-й танковой бригадой и 92-м тяжелым танковым полком заняла исходное положение на участке Гольцов — военный городок, сменив там части 47-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии.

В частях и подразделениях активно велась партийно-политическая работа. В ее основу был положен лозунг: «Добить фашистского зверя в его собственном логове и водрузить над Берлином Знамя Победы», — лозунг, который Верховный Главнокомандующий провозгласил в докладе, посвященном 27-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции 6 ноября 1944 года.

* ЦАМО СССР, ф. 333, оп. 4885, д. 366, л. 6—7; д. 376, л. 64—67.

Повсеместно состоялись партийные и комсомольские собрания с повесткой дня: «Об авангардной роли коммунистов и комсомольцев в предстоящем наступлении». На собраниях коммунисты и комсомольцы заявляли о готовности с честью выполнить свою задачу.

В каждом батальоне, полку и дивизии мы подготовили красные флаги для водружения над занятыми зданиями. За два часа до атаки личному составу были прочитаны приказ о переходе в наступление и обращение Военного совета 1-го Белорусского фронта.

К началу операции удалось пополнить партийные и комсомольские ряды за счет лучших солдат и офицеров. Во всех ротных парторганизациях были назначены заместители парторгов.

В беседах использовались примеры из истории нашей страны. Неподалеку от плацдарма, чуть на восток от города Франкфурта-на-Одере, стояла деревня Кунерсдорф, у которой союзные русско-австрийские войска под предводительством известного полководца П. С. Салтыкова наголову разбили в генеральном сражении войска прусского короля Фридриха II. Это произошло в 1759 году во время Семилетней войны, а через год русский корпус под командованием З. Г. Чернышева захватил Берлин.

— А правда, что в том походе на Берлин участвовал и Александр Васильевич Суворов? — спросил ведущего беседу пропагандиста молоденький солдат-связист.

— Совершенно верно. Подполковник Суворов участвовал и в Кунерсдорфском сражении, и во взятии Берлина. Ему шел тогда тридцатый год.

— Значит, русские уже бывали в Берлине и мы придем туда не первыми, а вторыми? — не успокаивался дотошный связист.

— Даже не вторыми, а третьими, — уточнил пропагандист. — Второй раз русские войска побывали в Берлине в 1813 году во время преследования армии Наполеона. Но такой силы, как сейчас, Берлин еще никогда не видел...

Наступление было назначено на 16 апреля, а действовать мы начали фактически днем раньше. Дело в том, что 14—15 апреля все дивизии, наступавшие в первом эшелоне, проводили по приказу командующего фронтом разведку боем. Усиленный стрелковый батальон под командованием майора А. Д. Перепелицына действовал и от нашей 301-й стрелковой. И действовал, надо сказать, весьма удачно. После короткого, но мощного огневого налета, поддержанный танками 220-й танковой бригады, батальон дружно

атаковал военный городок перед железнодорожной станцией Гольцов и через час овладел им. Для развития успеха были введены в бой и остальные батальоны 1054-го стрелкового полка, потом — и 1052-й стрелковый полк. Наши части вместе с танкистами овладели не только первой, но и второй позициями главной полосы вражеской обороны и захватили город Гольцов.

Удар был настолько сильным, что гитлеровцы посчитали нашу разведку боем за начало наступления: им показалось, что русские действуют так же, как и в первый день Висло-Одерской операции. Но такое предположение было ошибочным. Тогда мы действительно устраивали проверку врагу в самом начале наступления, а теперь делали это за один-два дня.

У командиров и штабов появилась непредвиденная работа: поскольку в обороне противника образовалась большая брешь, пришлось во многом заново строить боевой порядок для наступления, организовывать взаимодействие с артиллерией, танками, авиацией, налаживать связь, выдвигать вперед командные и наблюдательные пункты. Выдвигать туда, где еще утром стоял враг. Это были приятные заботы, и дело спорилось — благо мы располагали несколькими часами светлого времени.

И вот 16 апреля 1945 года в пять утра (3.00 по берлинскому времени) невероятной силы удар потряс все вокруг. Земля заколебалась под ногами: это многие тысячи орудий, минометов и «катюш» открыли огонь по боевым порядкам противника. В небе нарастал гул наших бомбардировщиков. А через тридцать минут в воздух взвились тысячи сигнальных ракет, и одновременно с ними сто сорок прожекторов осветили и ослепили противника. Наши танки и пехота пошли в атаку по всему фронту.

Так началась Берлинская наступательная операция — крупнейшая операция второй мировой войны.

Мощная артиллерийская подготовка, применение прожекторов и ночная атака застали гитлеровцев врасплох и буквально подавили их. Свидетельства пленных, захваченные документы, осмотр местности показали, что потери противника от этого удара были исключительно велики.

Пленный командир полка из дивизии «Берлин» признался: «Мы... не ожидали, что ураганная артиллерийская подготовка будет проводиться ночью... Когда же она последовала, ее моральное воздействие, а также воздействие в отношении потерь от нее было огромным и уничтожающим».

Командир дивизии «Мюнхеберг» сообщал в штаб обороны Берлина: «По нас открыт адский огонь. Связь с войсками потеряна... Непонятный мощный свет... Что такое — не определили. Может быть, новый вид оружия, может быть, химия».

16 апреля мы пожинали плоды и вчерашней разведки боем: полкам 301-й стрелковой дивизии пришлось лишь завершить прорыв первой полосы вражеской обороны, и это было сделано в самом начале наступления. Но впереди вырисовывались Зеловские высоты, и чем ближе мы подходили к ним, тем ожесточеннее сопротивлялся неприятель, тем с большим остервенением бросал он в ответные атаки свою пехоту и танки. Наступающие подошли ко второй полосе обороны немцев. Она опиралась на возвышенности зеловского рубежа и являлась последней надеждой гитлеровцев на оставшемся отрезке пути к Берлину.

С каждой минутой возрастало напряжение боя. Несколько раз переходил из рук в руки населенный пункт Ной-Ленгзов. Полковник Антонов доложил о сильном огневом сопротивлении со стороны железнодорожного полотна, к которому подошли 1052-й и 1054-й стрелковые полки, о том, что первая атака здесь успеха не имела.

— Лучше используйте артиллерийский огонь, — посоветовал я. — Пусть пехота, особенно танки во время очередного огневого налета как можно ближе подойдут к железной дороге, а с переносом огня — дружно атакуют.

Начальнику артиллерии корпуса дал указание поддержать атаку полков 301-й огнем корпусной артиллерийской группы.

Эти меры дали результат: сопротивление врага было наконец сломлено. Яркое проявилось при этом возросшее мастерство наших командиров, умелое взаимодействие различных родов оружия. С удовлетворением отметил про себя грамотные, решительные действия полковника Д. С. Наруцкого — командира 220-й танковой бригады, находившегося на наблюдательном пункте командира 301-й стрелковой дивизии. Они с Антоновым быстро нашли общий язык.

В 1054-м стрелковом полку отлично видел поле боя и уверенно управлял подразделениями командир батальона майор А. Д. Перепелицын. Его роты оторвались от соседей, у них оголились фланги, но комбат и сам принял меры обеспечения и попросил командира полка подполковника Н. Н. Радаева поддержать его огнем.

Бесстрашно действовал в цепи атакующих комсорг батальона лейтенант Г. Авакян. Когда замполит батальона

капитан Н. А. Козлитин назвал его имя, я вспомнил Кавказ, тяжелые бои под Орджоникидзе, где, проверяя готовность обороны, впервые встретил этого боевого, никогда не унывавшего молодого воина. Бронебойщик Авакян очень удачно выбрал позицию для противотанкового ружья. Я похвалил его, и мы разговорились. Тогда-то и услышал, что родом он из Баку, что готовится к первому в жизни бою, в котором будет защищать и великую свою Родину и родной очаг, который находился совсем рядом. Тот бой был трудным и долгим, но победным для Авакяна и его товарищей. Противотанковое ружье в руках мужественного и умелого бойца сделало свое дело — танки врага на его участке не прошли.

За плечами Гранта Арсеновича Авакяна остался большой боевой путь. Теперь у всех нас была впереди Победа. А лейтенант Авакян в числе многих особо отличившихся солдат и офицеров был вскоре удостоен высокого звания Героя Советского Союза. После войны Грант Арсенович вернулся в родной Баку и много лет прослужил на посту начальника политотдела Высшего общевойскового командного училища имени Верховного Совета Азербайджанской ССР...

Чтобы быстрее выбить врага с Зеловских высот и разгромить его подходившие резервы, я ввел в действие в районе станции Вербиг второй эшелон — 248-ю стрелковую дивизию.

Гитлеровцы тоже подбрасывали свежие силы и яростно обороняли каждый рубеж.

Первый день операции подходил к концу, а задачу мы не выполнили. Командующий 5-й ударной армией приказал продолжать наступление ночью и передал в мое распоряжение 230-ю дивизию, которая до того находилась у него в резерве.

В течение ночи 301-я и 248-я дивизии вели упорные бои и медленно продвигались вперед. Люди старались изо всех сил.

Хорошо показал себя 905-й стрелковый полк 248-й дивизии. В ночном бою он овладел сильным опорным пунктом врага на северо-западных скатах Зеловских высот. Командир полка подполковник Дмитрий Терентьевич Филатов решил сковать противника с фронта, а атаковать его одним батальоном с тыла. Используя складки местности и прикрываясь железнодорожной насыпью, майор Андреев вывел 3-й стрелковый батальон в тыл опорного пункта и занял исходное положение для атаки.

Вскоре после полуночи 17 апреля Филатов приказал открыть огонь по врагу из всех видов оружия и имитировать атаку с фронта. В это же время комбат Андреев нанес удар с противоположной стороны и ворвался в опорный пункт. Застигнутые врасплох, фашисты растерялись и стали отходить в сторону Зеловских высот.

В этом бою особенно отличились командир 9-й стрелковой роты капитан Шахалиев, командир стрелкового взвода лейтенант Шульц, командир орудия старшина Симоненко, рядовые Тулин, Русов и многие другие.

248-я стрелковая дивизия стала угрожать с юга городу Гузов. Это в значительной мере облегчило задачу 301-й стрелковой, которая решительным штурмом овладела сильнейшим опорным пунктом обороны врага на Зеловских высотах.

С взятием Гузова вторая полоса вражеской обороны была прорвана полностью. Вскоре наши части подошли к реке Флисс и, не мешкая, переправились через нее.

Впереди нас ждала третья полоса обороны немцев — последняя перед Берлином. Как только части корпуса стали приближаться к ней, гитлеровцы дали ясно понять, что и этот рубеж будут защищать до последней возможности.

Утро 18 апреля началось с яростных контратак неприятеля из района Хермерсдорф — Оберсдорф. Фашисты бросили в бой 18-ю моторизованную дивизию СС в надежде ликвидировать глубокий прорыв нашего корпуса в их оборону. Однако контратакующие вражеские танки и пехота неизменно попадали под сосредоточенный огонь нашей артиллерии и танков и отходили. А когда противник стал выдыхаться, наши части и подразделения снова пошли вперед. Дерзкую атаку во фланг контратакующих провела танковая рота Героя Советского Союза лейтенанта Зверева из 220-й танковой бригады. На ее танках десант из передовых подразделений 301-й стрелковой дивизии стремительно ворвался в Хермерсдорф.

На другой день совместными действиями 301-й и 248-й стрелковых дивизий корпус овладел мощным опорным пунктом врага городом Буков. Здесь тоже гитлеровцы бросались в яростные контратаки, в результате которых на отдельных участках возникала критическая ситуация.

Острый поединок разгорелся между артиллеристами 823-го артиллерийского полка и прорвавшимися танками противника. Орудийные расчеты в упор расстреливали врага, но и сами теряли людей и технику. Находившийся на огневой позиции командир полка майор И. Г. Полежаев стал к орудию

вместо раненого наводчика, а заместитель командира полка по политической части майор К. З. Цуцкеридзе заменил вышедшего из строя командира расчета другого орудия. Политработник уверенно руководил расчетом. Метким огнем орудия было уничтожено три танка. Немцы не выдержали и, отстреливаясь, повернули назад. Но в последние минуты боя был сражен и майор Константин Захарович Цуцкеридзе. Ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В тот день мы потеряли еще одного политработника — заместителя командира по политической части 2-го стрелкового батальона 1054-го стрелкового полка капитана Натана Михайловича Полюсука. Заменяв раненого комбата майора В. А. Ишина, Полюсук уверенно руководил батальоном в бою на Зеловских высотах и на ближних подступах к Берлину. Во главе атакующих он и встретил свой последний час, так и не узнав, что стал Героем Советского Союза...

Распатывать, разрушать оборону врага помогали передовые отряды, которые мы усиливали танками и артиллерией. Даже в условиях глубоко эшелонированной, насыщенной немецкой обороны они совершали обходные маневры, вырывались далеко вперед. Успешно действовал, в частности, передовой отряд 230-й стрелковой дивизии под командованием полковника Ф. У. Галкина. Он одним из первых вышел к кольцевой автостраде, опоясывающей Берлин и его предместья. Но насыпная, поднимающаяся над местностью автострада была сильно укреплена, а к участку, куда прорвался наш передовой отряд, противник спешно подтягивал подкрепления. Все попытки Галкина связаться со штабом дивизии оказались тщетными — в эфире царила страшная неразбериха.

И все же связь со своими была установлена. В штабе корпуса стало известно о трудном положении отряда Галкина. По моей просьбе командование воздушной армии направило в тот район большую группу штурмовиков Ил-2. Удар «летающих танков» по автостраде достиг цели. Оборона неприятеля была прорвана, а передовой отряд стал продвигаться в сторону берлинского пригорода Нойенхаген.

Как узнали мы о положении передового отряда 230-й дивизии и как была установлена связь с ним? Произошло это весьма необычным образом. К полковнику Галкину неожиданно явился немецкий рабочий на мотоцикле. Назвался он Витольдом Шульцем, сказал, что является коммунистом и готов помогать Красной Армии в борьбе против фашизма. Галкин поверил незнакомцу и предложил ему доставить в

штаб советской дивизии нашего связного. Им стал автоматчик Дмитрий Шконде. Командир отряда быстро проинструктировал его и вручил пакет со срочным донесением. Через 15 минут Шульц доставил нашего связного к месту назначения, а через полчаса советские самолеты уже громили вражескую оборону на автостраде. Немецкий рабочий крепко выручил нас тогда...

— Знаю, вы непременно спросите, почему я поверил тому немцу? — сказал мне при встрече полковник Галкин. — Поверил потому, что никогда не допускал мысли, будто Гитлер отравил сознание всей нации, всех без исключения немцев. Конечно, многие, очень многие были сбиты с толку фашистской пропагандой и гитлеровско-геббельсовской демагогией. Многие, но не все! Сколько немцев-антифашистов погибло от рук гитлеровских палачей, сколько Гитлер сгноил в концлагерях, сколько истинных патриотов покинули Германию в знак протеста против нацистских порядков!..

Да, это был сложный вопрос. И здесь, скажу откровенно, я придерживался точки зрения таких людей, как Федор Ульянович Галкин. Мне чужда была мысль о том, чтобы в каждом немце видеть врага. В сердце жила вера, что истинная Германия, ее прошлое и будущее, ее совесть и надежды освящены именами Маркса и Энгельса, Либкнехта, Люксембург, Тельмана, а не тех вырожденков рода человеческого, которые лицемерием и обманом, насилием и разбоем повернули страну на гибельный путь расизма, человеконенавистничества и войны.

В условиях когда военные действия велись уже на немецкой территории, мало было самому придерживаться правильных взглядов. Требовалось, чтобы воины корпуса имели верное представление о происходящем и занимали четкую позицию по отношению к местным жителям. Именно эти вопросы стали в тот период одной из важнейших и нелегких задач партийно-политической работы в войсках. В Германию пришли тысячи и тысячи советских людей, потерявших во время войны родных и близких, лишившихся домашнего очага и крова. Ими двигала люта я ненависть к виновнику всех бед и несчастий — фашизму. Но разве можно было допустить, чтобы чувство мести распространялось на всех немцев без разбора — и на тех, кто с оружием в руках продолжал стоять за обреченный гитлеровский режим, и на тех, кто придерживался иных взглядов и лишь ждал случая, чтобы включиться в борьбу против фашизма.

К чести наших воинов надо сказать, что они оказались на высоте положения, показали себя не только истинными

патриотами, но и интернационалистами; беспощадными к врагу, но гуманными, великодушными к мирным жителям.

Незадолго до начала штурма Берлина парторг одного из батальонов Н. Е. Егоренков собрал коммунистов для беседы.

— В течение почти четырех лет,— сказал он,— нашим острейшим оружием в борьбе с врагом была ненависть к оккупантам, поработителям, палачам. Но это оружие нельзя обращать против всего немецкого народа. Мы должны помнить: среди немцев есть наши братья по классу, есть люди, не повинные в тех злодеяниях, которые совершил и совершает фашизм. Не далее как вчера немецкий рабочий Шульц помог нашим войскам, доставив в штаб дивизии связанного со срочным донесением. Немало его соотечественников ненавидят фашизм, как и он. С такими нам по пути. Надо разъяснять и постоянно напоминать воинам, что наш враг— это немец со «шмайсером», с фаустпатроном, с пулеметом.

— Разрешите вопрос, товарищ лейтенант?

Егоренков кивнул говорившему.

— А если, к примеру, как в Альт-Ландсберге, кто-то в окошко белый флаг выставил, а сам, сволочь, в колодце воду отравил! Как тогда?

Егоренков нахмурился, подумал и ответил:

— Будут и такие случаи. Враг может надеть на себя личину мирного обывателя, чтобы вредить нам исподтишка. Поэтому вместе с человечностью всегда должна находиться бдительность. Есть сведения, что группы эсэсовцев, переодетых в нашу форму, уничтожают целые семьи мирных немцев, чтобы восстановить население против Советской Армии. Об этом тоже следует помнить...

Наступление корпуса на пригороды Берлина развивалось успешно, а ось его сместилась значительно влево, на юг. В связи с решением командующего фронтом 5-й ударной армии предстояло теперь штурмовать Берлин не с севера и северо-востока (там успешно осуществлялся обходный маневр силами других армий), а с востока и даже юго-востока в направлении центральной части города.

Наступило 22 апреля — день 75-летия великого Ленина. К этому дню все мы готовились с душевным подъемом. Приятно и радостно было сознавать, что Боевые Знамена советских полков, на которых запечатлен бессмертный Ленин, развеваются в этот день уже в Берлине.

К утру 22 апреля 230-я дивизия овладела Кульдсдорфом, а 301-я — Мальсдорфом. Оба соединения продолжали развивать успех.

Несколько хуже обстояли дела в 248-й дивизии, наступавшей на левом фланге. Ее левый сосед — 4-й гвардейский стрелковый корпус 8-й гвардейской армии задержался на Зеловских высотах и шел уступом сзади. Это позволило противнику наносить по дивизии фланговые удары. 20 апреля она испытывала сильное противодействие фашистов, укрывшихся в лесах юго-западнее населенного пункта Буков*.

Но 22 апреля дивизия овладела пригородом Хоппенгартен, однако и здесь подверглась фланговому удару из Клейншенбека. Учитывая создавшуюся обстановку, я приказал генералу Галаю наступать уступом, надежно обеспечивая левый фланг корпуса. А корпусная артиллерийская группа находилась в постоянной готовности помочь 248-й своим огнем.

В лучшем положении оказалась 301-я стрелковая дивизия. Из доклада полковника Антонова я узнал, что его полки подходят к Карлсхорсту. Этот пригород Берлина находился почти на самом берегу Шпрее, в наиболее удобном для форсирования месте. Тут назревали важные события, и я вместе с генералом Игнатьевым выехал в 301-ю дивизию, частям которой пришлось отразить несколько ожесточенных контратак на восточной окраине Карлсхорста.

Об этом рассказал полковник Антонов, как только мы прибыли в штаб дивизии. Он доложил также, что 23 апреля планирует полностью овладеть Карлсхорстом и выйти к Шпрее.

Вместе прикинули план форсирования Шпрее, договорились о поддержке дивизии средствами усиления. Главный расчет делался на быстроту и надежное подавление противника огнем артиллерии и танков.

Река в черте города представляла собой довольно серьезное препятствие. Ширина ее достигала двухсот метров, глубина — до четырех метров, берега закованы в бетон. Потребуется немало переправочных средств, особенно в начальной, самой трудной стадии форсирования. И тут мы могли рассчитывать — сейчас с Антоновым как раз уточнялся и этот вопрос — на тесное взаимодействие с военными моряками. Сугубо сухопутный Берлин тех дней увидел и наши корабли, и советских военных моряков.

Каким образом? — могут спросить меня. Охотно отвечу.

Еще 15 апреля, когда шли последние приготовления к Берлинской операции, в штаб корпуса прибыл морской офи-

* ЦАМО СССР, ф. 9 ск, оп. 24570, д. 3. Журнал боевых действий 9 ск.

цер. Это был командир 1-й Бобруйской Краснознаменной бригады речных кораблей Днепровской флотилии капитан 1 ранга С. М. Лялько. Он доложил, что подчиненная ему бригада в составе 2-го гвардейского дивизиона бронекатеров, дивизиона сторожевиков, дивизиона катерных тральщиков, дивизиона плавучих батарей и отряда полуглиссеров поступает в мое распоряжение.

Нелегко было добраться в эти места морякам-днепровцам. Взаимодействуя с сухопутными войсками, они прошли на кораблях из бассейна Днепра в бассейн Вислы, а потом — Одера.

Уточнив огневые возможности бригады, мы поставили ей задачу на подавление во время артиллерийской подготовки ряда взводов, орудий, минометных батарей, пулеметов.

Уже во время первой встречи с командиром бригады я попросил подробнее рассказать о полуглиссерах: сколько их, какова грузоподъемность, можно ли перевозить их на автомашинах.

— В отряде 10 полуглиссеров, грузоподъемность каждого 10 человек, перевозить эти суда на автомашинах можно, — ответил Лялько. — Кроме того, — добавил он, — каждый полуглиссер способен буксировать паром...

Я подумал: впереди огромное озеро Шармютцельзее, а потом — полноводная Шпрее. Почему бы не взять с собой отряд полуглиссеров?

После ухода Лялько я позвонил генералу Берзарину, изложил свои соображения. Николай Эрастович поддержал эту идею, сказал, что для транспортировки полуглиссеров выделит 10 «студебеккеров».

Командиром отряда полуглиссеров был назначен старший лейтенант М. М. Калинин, а его заместителем по политической части старший лейтенант Г. С. Суворов.

Теперь, подойдя к Шпрее, мы возлагали большие надежды на моряков. Половина судов была выделена 301-й стрелковой дивизии, половина — 230-й. Об этом я сообщил Антонову.

Поехали в Кульсдорф. Шишков не ожидал моего приезда. Он делал прикидки на завтрашний день, перебрасываясь короткими фразами с начальником штаба дивизии полковником А. К. Дубининым, начальником политотдела полковником И. Ф. Веремеевым и командующим артиллерией полковником И. Е. Портновым.

Мое неожиданное появление явно встревожило комдива. Успокоив его, я попросил обрисовать обстановку на текущий момент и ознакомить с планом действий на 23 апреля.

Шишков доложил, что 230-я, отразив контратаки 9-й авиадесантной дивизии и дивизии морской пехоты СС «Норланд», полностью овладела Фридрихсфельде и подошла к Руммельсбургу, в котором расположена одна из крупнейших берлинских электростанций. Штабу дивизии стало известно, что гитлеровцы спешно минируют электростанцию и готовятся взорвать ее. Сообщение об этом было получено не от разведчиков и не от пленных, а от местных жителей, в числе которых оказался рабочий электростанции Кеплер.

Лейтенант Гусев, к которому привели Кеплера, выслушав его, спросил:

— Почему вы решили прийти к нам и сообщить о планах гитлеровцев?

— Я полагал, что уже сегодня следует подумать о завтрашнем дне,— ответил через переводчика немецкий рабочий.— Войне скоро конец. И все это,— показал он на развалины,— надо будет восстанавливать. Электроэнергия потребуется и нам и вам. Я не хочу верить разговорам о том, будто вы собираетесь уничтожить немецкий народ и разрушить наши города. Или я ошибаюсь?

— Вы думаете правильно,— ответил советский офицер.— И хорошо сделали, что предупредили нас.

Мы серьезно отнеслись к полученному сообщению и тут же пересмотрели план штурма электростанции. Брать ее решили обходным маневром, удар артиллерии направить не по самой станции, а по прилегающей к ней местности. То, что со мной находился командующий артиллерией корпуса генерал Игнатьев, весьма ускорило согласование вопросов взаимодействия стрелковых полков с артиллерией.

На рассвете следующего дня все три полка 230-й дивизии, которыми командовали подполковники А. И. Смыков, А. М. Ожогин и А. И. Левин, начали осуществлять намеченный план. Вокруг электростанции кипел жаркий бой, а в машинном зале уже орудовала группа разведчиков и саперов во главе с начальником разведки дивизии майором Щербаковым и лейтенантом Гусевым. Их через угольный двор незаметно провел туда Кеплер по каким-то ему одному известным галереям и переходам. К нашим людям присоединился и инженер электростанции Карл Мейнинг. Сначала он выразил удивление тем, что русские солдаты и офицеры, представители армии-победительницы, подвергают себя столь опасному риску, а потом, увлеченный общим порывом, активно включился в работы по спасению электростанции.

В числе тех, кто участвовал в этом опасном и благородном деле, были и два немецких сапера, сдавшихся в плен.

На допросе они признались, что участвовали в минировании электростанции, а теперь готовы показать, где расположены взрывчатка и подведенные к ней электропровода. Мы не видели причин, чтобы не воспользоваться услугами этих людей, у которых явно заговорила совесть.

Здесь уместно отметить, что процесс отрезвления медленно, но неотвратимо захватывал известную часть немецко-фашистской армии, многое делалось и с нашей стороны, чтобы этот процесс нарастал и углублялся. В стан врага добровольно пробирались не только немцы-антифашисты, но и вчерашние солдаты, попавшие в плен и выразившие желание включиться в борьбу с гитлеризмом.

По свидетельству бывшего члена Военного совета 5-й ударной армии Ф. Е. Бокова: «...с начала боев за Берлин и по 1 мая 1945 года офицеры политотделов армии и ее соединений перебросили на территорию противника 783 немца, из них 218 военнопленных, которые, вернувшись, привели с собой 3025 человек, в том числе 936 фольксштурмовцев» *.

Да, при штурме и спасении электростанции в районе Руммельсбурга мы опять получили добровольную поддержку от простых немецких граждан. Потом стало известно, что на этом, как и на некоторых других предприятиях, действовали группы Сопротивления, ставившие перед собой благородные цели борьбы с фашизмом. То, что сделали рабочий Кеулер, инженер Мейнинг и их товарищи, было предвестником больших и далеко идущих перемен в умонастроениях жителей Германии, пробуждавшихся от кошмаров фашистского господства и выходивших навстречу светлой заре новой жизни.

Но это были лишь первые ростки, первые и пока робкие. Вокруг продолжала кипеть беспощадная борьба. Гитлеровские войска с фанатизмом обреченных цеплялись за каждый дом, за каждую улицу. Враг бросал в контратаки пехоту, танки. Среди тех, кто отличился в борьбе с танками, был и рядовой Алексей Кулешов. Меткими бросками гранат ему удалось вывести из строя две вражеские машины.

Внутри электростанции, захваченной полками 230-й дивизии, отважно дрался батальон майора Н. Я. Железного, причем одну из штурмовых групп возглавил сам комбат.

Постепенно бой утихал. К зданию электростанции подъехал командир дивизии полковник Шишков. К нему подбежал с докладом заместитель командира дивизии полковник

* Боков Ф. Е. Весна победы. М., 1980, с. 201.

Галкин, руководивший штурмом электростанции. Но тут из окна верхнего этажа затрещала автоматная очередь. Командир дивизии удивленно посмотрел наверх и, раненный, опустился на сиденье машины.

К месту, где засели гитлеровцы, стрелявшие в комдива, побежали солдаты. Вскоре они сбросили на мостовую с верхнего этажа электростанции пятерых эсэсовцев...

Сразу за электростанцией показалась река Шпрее, и наскоро перевязанный Шишков думал уже о том, как быстрее форсировать ее. По всем законам — и военным, и медицинским — комдиву Шишкову надлежало отправиться в госпиталь. Но этот мужественный офицер и не помышлял о том, чтобы оставить боевой строй. Когда я заехал в штаб дивизии и предложил Даниилу Кузьмичу лечь в госпиталь, он отрицательно покачал головой.

— Не обижайте меня, Иван Павлович, — взмолился Шишков. — Четыре года ждал я того дня, когда доберусь наконец до самого логова Гитлера. И вот, когда до победы рукой подать, вы хотите «упечь» меня в госпиталь. Разве это справедливо? И потом, чем я хуже других? У Ожогина девяносто три раненых наотрез отказались покинуть полк. И разве им прикажешь?

Мне пришлось отступить.

Полковник Шишков не так давно в нашем корпусе, во проявил себя с самой лучшей стороны. За плечами у него — долгий боевой путь и уже не одно ранение. Командуя полком, он пробился из окружения, потом дрался с врагом во главе своего полка, находясь у партизан, опять оказался на передовой. Хорошо проявил себя на Малой земле, воюя в рядах 18-й армии. В ее составе освобождал Украину, форсировал Днепр, был удостоен там высокого звания Героя Советского Союза...

Вместе с 230-й стрелковой вышла к Шпрее и 301-я дивизия. Позади остался Карлсхорст и трудный бой за него. Здесь, как и на подступах к Берлину, отличился стрелковый батальон под командованием капитана Ф. К. Шаповалова, штурмом овладевший городком военно-инженерного училища, того самого училища, в стенах которого в ночь на 9 мая 1945 года будет засвидетельствован факт полного поражения фашистской Германии. Здесь в присутствии представителей советского, американского, английского, французского главного командования союзных войск Маршал Советского Союза Г. К. Жуков произнесет исторические слова:

— Я предлагаю представителям германского верховного командования подписать акт о безоговорочной капитуляции...

Все это было впереди, а пока батальон Шаповалова вместе с сотнями других советских батальонов очищал от врага кварталы германской столицы.

III корпуса расположился на верхнем этаже здания электростанции. Всего в двухстах метрах текла Шпрее. Я смотрел на речную гладь и вспоминал многие великие и малые реки, которые довелось форсировать корпусу на протяжении долгого боевого пути. Конечно, далеко было этой реке до нашего тихого Дона и седого Днепра. Не могла она сравниться ни с полноводным Днестром, ни с Вислой. Начинаясь на северо-западных склонах Судетских гор, скромной речушкой текла Шпрее по Германии и только невдалеке от главного города этой страны, жадно вобрав в себя воду близлежащих озер, превращалась в широкую магистраль, пересекавшую Берлин с юго-востока на северо-запад.

На противоположном берегу реки от станции Трептов-парк до Вейт-канала на пять километров тянулся лесопарковый массив, носивший название Трептов-парк и Плентервальде. По всей его территории среди высоких и развесистых деревьев было разбросано множество спортивных и игровых площадок. Восточная опушка парка тесно прижималась к реке, на берегу которой было много купален и лодочных станций.

Теперь этот райский уголок был превращен в хорошо укрепленный участок обороны с траншеями, капонирами, артиллерийскими и минометными позициями, блиндажами, пулеметными точками и другими оборонительными сооружениями.

Готовясь к форсированию, мы обратили внимание, что вдоль берега по восточной опушке лесопарка немцы построили сплошную траншею, напичкав ее всевозможными огневыми средствами. Огонь из этой траншеи не давал поднять головы, мешал проводить рекогносцировку. Прежде чем переправляться через Шпрее, предстояло надежно подавить все живое, что находилось в первой траншее.

И соответствующие меры принимались. Пока было светло, мы все же провели рекогносцировку, прикинули, хватит ли огневых средств для подавления вражеской обороны. Были задействованы артиллерия и минометы не только дивизий первого эшелона, но и 248-й стрелковой, находившейся во втором эшелоне корпуса. И все-таки расчеты показывали: огневых средств хотя и много, но недостаточно. Мое опасение разделял и командующий артиллерией генерал Игнатьев.

— А что, Петр Михайлович, если подключить к огневой поддержке и танки?

Игнатьев не ответил, зато сразу откликнулись танкисты. Командир 220-й танковой бригады полковник Наруцкий заверил, что танки, выдвинутые к реке и укрытые за развалинами домов, надежно подавят ожившие после артподготовки огневые точки в первой траншее врага.

— В этом уверен не только я, но и полковник Мясников, — для убедительности добавил Наруцкий.

220-я танковая бригада и 92-й тяжелый танковый полк, которым командовал полковник Мясников, наступали с нашим корпусом с самого Одера. Мы не только сблизились, а прямо сроднились с танкистами, считали их органической частью единого целого, вместе делили радости и невзгоды. Какая бы задача ни стояла перед корпусом, его дивизиями, мы непременно советовались с Героем Советского Союза полковником Деонисием Сильвестровичем Наруцким и полковником Ильей Архиповичем Мясниковым, всегда прислушивались к их авторитетному слову. Так было и в тот раз. Решено было использовать танки для непосредственной огневой поддержки переправы.

Накануне форсирования Шпрее в штабе корпуса можно было увидеть не только пехотинцев и танкистов, но также и артиллеристов, летчиков, саперов, связистов и моряков. Да, тех самых моряков-днепровцев, которые в целости и сохранности доставили свои юркие суденышки с Одера к берегам Шпрее. Уточнив вопросы взаимодействия, обговорив детали предстоящей операции, офицеры быстро расходились и разъезжались по своим местам, чтобы подтянуть поближе к берегу технику и переправочные средства, поставить задачу не только полкам и батальонам, но и экипажам, отделениям, расчетам. Каждый участник форсирования должен был знать, что и когда ему предстоит делать.

Чтобы вскрыть огневую систему врага, первые разведывательные группы и подразделения стали переправляться еще засветло, и в некоторых местах довольно успешно. Но основные события развернулись с наступлением ночи. 230-я стрелковая дивизия получила участок форсирования в районе купален Лихтенберг, имея в первом эшелоне 986-й стрелковый полк подполковника Смыкова и 988-й стрелковый полк подполковника Ожогина, а 301-я — от острова Булен-Брух до Вейт-канала, имея в первом эшелоне 1050-й и 1054-й стрелковые полки подполковников Гумерова и Радаева.

Как только истек срок, данный на подготовку, более полутысячи орудий и минометов обрушили огонь на врага. По-

ка на том берегу полыхали разрывы снарядов, лодки спустили на воду, и они устремились вперед. Экипажи танков и специально выделенные орудийные расчеты, находясь на своих местах, внимательно наблюдали за противоположным берегом. Стоило застрочить пулемету или выстрелить орудью, как немедленно начинали бить наши орудия.

Форсирование протекало успешно. Это объяснялось и тщательной подготовкой, которая опиралась на имеющийся опыт, и тем, что фактор времени снова оказался на нашей стороне. Так же как на Одере, а еще раньше — на Днестре, особо жаркие бои разгорелись не в самый момент форсирования, а несколько позже, когда противник, спохватившись, стал подбрасывать свежие силы.

В 230-й дивизии в первом броске стремительными действиями отличились командир 4-й роты 986-го стрелкового полка капитан Г. И. Шевченко и командир 1-го батальона 988-го полка майор И. Г. Евплов. Для общего успеха много значил дерзкий маневр группы бойцов 8-й роты, возглавляемой помощником командира взвода сержантом Гаптулкаем Саитовым. Она сумела скрытно пересечь реку и выйти в тыл гитлеровцам. Удар бойцов Саитова вызвал замешательство в стане врага, что облегчило высадку на плацдарм всей роты и других подразделений 3-го батальона.

Успешно шло форсирование и на участке 301-й дивизии. Здесь из района Карлсхорста в направлении Плентер-вальде на лодках двинулись передовые роты четырех батальонов. Командир 1-го батальона 1050-го полка Герой Советского Союза капитан Оберемченко доверил начать захват плацдарма роте старшего лейтенанта Зотова. И она успешно выполнила задачу.

Безупречно действовали бойцы роты старшего лейтенанта Рабенко из батальона Шаповалова. Командир роты назначил старшим первой лодки командира взвода лейтенанта Пескова. В составе этого взвода находился и парторг батальона лейтенант Егоренков. Вслед за первым взводом пошли и другие подразделения во главе с командиром роты и комсоргом батальона лейтенантом Алиевым, который всегда стремился попасть на самые опасные участки.

Успешно провели бой по захвату занятого врагом берега батальоны 1054-го полка под командованием капитана Айрапетяна и майора Перепелицына.

Таким образом, обе дивизии в результате первого броска овладели противоположным берегом Шпрее от Штралау до Вейт-канала. Однако это было лишь начало. Сопротивление немцев нарастало, непрерывно усиливался артиллерийско-

минометный огонь не только по местам переправы, но и по самой реке.

Жестокой контратаке подверглась 8-я рота 988-го полка 230-й дивизии, которой командовал старший лейтенант И. А. Сазонов. Форсировав Шпрее в самом широком ее месте, в районе Руммельсбурга, рота не понесла потерь, так как гитлеровцы не ожидали здесь нашего десанта. Но как только наши воины ворвались в первую траншею, противник подтянул силы и попытался сбросить их в реку. Контратаки повторялись трижды, но каждый раз фашисты откатывались назад.

Стойко держались и бойцы 1-й роты 986-го полка под началом старшего лейтенанта И. И. Ванина. Рота отбила четыре вражеских контратаки.

В отражении контратак участвовал в тот день и младший сержант Андрей Тихонович Молодан — наводчик первого расчета минометной роты 1-го батальона 988-го стрелкового полка. Младшего сержанта Молодана я уже упоминал в книге. В апреле сорок четвертого во время форсирования Днестра он командовал стрелковым отделением и при захвате плацдарма сумел уничтожить вражеский дзот. Потом отличился в период форсирования Одера, однако тогда Молодан воевал уже в минометном расчете.

«Задачу ставили нам прямо в окопе, — вспоминает в своем письме из Краматорска кавалер трех орденов Славы А. Т. Молодан. — Пришел командир роты Иванов и говорит, что когда переправимся на тот берег, то ни артиллерии, ни танков наших там не будет, а батальонные минометы станут на первых порах главной силой для подавления огневых точек и живой силы врага. Так что смотреть в оба и поворачиваться живее. Чуть где залает вражеский пулемет или контратака какая, тут уж не зевать — заткнуть врагу глотку. Особенно надеюсь на наводчиков...

Переправились через Шпрее, — пишет далее Молодан, — без особых происшествий * — не то, что на Одере, где лодка получила пробоину и стала тонуть. Но как только высадились на другой берег Шпрее, тут и пошло. Контратака то с одной стороны, то с другой — командир роты как в воду смотрел. Иной раз минометы стояли почти вертикально — так близко подкатывался враг».

* Автор письма, как и сотни других солдат, был переброшен через Шпрее со своим минометным расчетом и солидным запасом мин на одном из полуглиссеров, о действиях которых я расскажу дальше. — *Прим. авт.*

Бывалый воин Андрей Молодан и на Шпрее показал себя наилучшим образом. Здесь, в Берлине, к двум первым орденам Славы, которые он получил за Днестр и Одер, прибавился третий — орден Славы I степени...

На рассвете 24 апреля стало еще жарче. В районе городской школы садоводства батальон майора Евплова контратаковала группа танков, поддержанных пехотой. Батальон не имел достаточного количества противотанковых средств и попал в тяжелое положение. В ход пошли трофейные фаустпатроны. Бойцы подбили два вражеских танка. Но враг по-прежнему наседавал.

На выручку пришел сосед — 2-й батальон 986-го полка майора Железного. Николай Яковлевич подтянул к месту боя только что переправленные на плацдарм противотанковые орудия. Задымили еще два немецких танка. Контратака стала угасать.

Майор Железный не упустил благоприятного случая: поднял батальон в атаку и отбросил врага еще дальше. Могучая фигура комбата, выросшая впереди атакующих, придала людям уверенности. Рядом с комбатом во главе своей четвертой роты шел в атаку и раненый капитан Шевченко.

Пока батальоны Евплова и Железного вели ожесточенный бой, 1-й батальон 986-го полка обошел реальное училище со стороны пруда Карпфентайль и оказался в тылу фашистов. Вырвавшаяся вперед 3-я рота капитана Гоманкова внезапной атакой овладела этим опорным пунктом. Засевшие в одном из подвалов гитлеровцы продолжали отстреливаться. Пулеметчик роты Иван Журба заставил замолчать вражеских автоматчиков, а его боевые товарищи Туртаев и Шестаков, подобравшись вплотную к окнам здания, забросали подвал гранатами.

Но радость успеха была омрачена тем, что получил серьезное ранение геройски действовавший командир роты капитан Иван Прокофьевич Гоманков.

Забегая вперед, хочу отметить, что многим участникам этих боев было присвоено звание Героя Советского Союза, в том числе Н. Я. Железному, И. А. Сазонову, Г. И. Шевченко, И. Г. Евплову, И. П. Гоманкову, И. И. Ванину, Ф. У. Галкину, А. И. Левину, А. М. Ожогину...

301-я стрелковая дивизия не отставала. Она полностью овладела лесопарковым массивом Плентер-вальде и вышла на его западную опушку. Но и здесь гитлеровцы оказали отчаянное сопротивление, начались непрерывные контратаки.

Особенно трудная ситуация сложилась на стыке 1-го и 2-го батальонов 1050-го стрелкового полка, где фашистам

удалось вклинить в расположение наших подразделений. Чтобы ликвидировать вражеский клин, Герой Советского Союза капитан Н. В. Оберемченко решил контратаковать противника во фланг. Как не раз случалось в прошлом, Николай Васильевич лично возглавил контратаку. Натиск 1-го батальона, во главе которого бойцы видели своего командира, оказался стремительным. Враг был смят и разгромлен. Но эта победа досталась батальону и всем нам дорогой ценой. Сраженный пулеметной очередью, в том бою смертью героя пал Николай Васильевич Оберемченко. Не стало смелого и мужественного человека, искусного командира, на счету которого было немало славных боевых дел и в период освобождения Донбасса и Молдавии, и в боях на территории Польши и Германии. Горечь таких утрат воспринималась в те дни особенно остро, ведь до Победы оставались считанные шаги. Мы похоронили ветерана корпуса в берлинском Трептов-парке, рядом с тем местом, где оборвалась его жизнь...

Самое время теперь вернуться немного назад и рассказать о славных военных моряках, которые внесли бесценный вклад в форсирование Шпрее.

Как и предусматривалось планом, полуглиссера были спущены на воду в трех пунктах сразу после того, как подразделения первого броска зацепились за противоположный берег.

Это был очень острый момент. Противник почувствовал, что теряет последнюю водную преграду перед центральными районами Берлина, и обрушил на десантировавшиеся подразделения и переправы мощный артиллерийско-минометный и пулеметный огонь, бросил в бой крупные силы пехоты и танков. Немецкие танки и самоходно-артиллерийские установки, не раз прорывавшиеся к берегу, открывали огонь по переправочным средствам.

Именно в это время и начали действовать быстроходные речные суда. Их появление и помощь пришлись как нельзя кстати. На занятый врагом берег, где разгорался жаркий бой, полуглиссера доставляли свежие силы и боеприпасы, а потом, когда армейские саперы спустили на воду паромы для переброски танков и орудий, помогали перетаскивать и паромы.

Верные замечательным флотским традициям, гордые тем, что и им выпала честь штурмовать Берлин, военные моряки действовали выше всяких похвал. Это я и отметил в своем отзыве о боевой работе отряда полуглиссеров, который частично приводился в мемуарах бывшего Наркома Военно-Морского Флота СССР Н. Г. Кузнецова.

Вот выдержка из того документа, подписанного мною и начальником штаба корпуса:

«Группа полуглиссеров во главе с помощником начальника штаба бригады речных кораблей старшим лейтенантом М. М. Калининым во время форсирования реки Шпрее... получила задачу высадить десант на западный берег. Эта задача была выполнена под сильным огнем пулеметов, автоматов и артиллерии противника» *.

За этой общей оценкой стоят героизм и самопожертвование многих и многих краснофлотцев и командиров.

На одном из пунктов переправы четыре часа подряд сновал от берега к берегу полуглиссер под командованием старшины 1-й статьи Г. Г. Дудника. Во время очередного рейса судно попало под минометный обстрел. Возник пожар, пламя перебросилось на одежду Дудника. Но старшина довел катер до берега, высадил пехотинцев и лишь тогда прыгнул в воду, чтобы сбить с себя огонь. Полуглиссер снова отправился в путь. У самого борта опять взорвалась мина. Дудник погиб, а его место занял старший краснофлотец А. Е. Самохвалов — моторист судна, только что починивший перебитый осколком бензопровод. Израненный полуглиссер причалил к берегу, чтобы взять очередную группу бойцов.

— Старшину снимите, — глухо сказал Самохвалов.

— Раненый, что ли? — спросили с берега.

— Раненые у нас воюют... — раздалось в ответ.

На одном из паромов от прямого попадания снаряда загорелся танк. С минуты на минуту в танке мог взорваться боезапас, а на пароме находились люди — экипаж танка и группа автоматчиков. К терпящим бедствие немедленно направил свой корабль старшина 1-й статьи Григорий Казаков. Рискуя жизнью, он снял с парома людей и отвез их на западный берег Шпрее. Потом вместе с замполитом отряда старшим лейтенантом Г. С. Суворовым они снова подошли к парому, потушили на нем пожар и отбуксировали к берегу.

Редели ряды отважных моряков. Погиб экипаж полуглиссера старшины 1-й статьи А. П. Пашкова, оборвалась жизнь комсомольца краснофлотца В. В. Черинова, который по примеру своего товарища спас другой подбитый паром с танком. Во многих экипажах осталось по одному человеку. Места командиров полуглиссеров заняли офицеры Калинин и Суворов. Но отряд моряков продолжал действовать. Над водами Шпрее носились крошечные боевые корабли, гордо развевались на ветру ленты матросских бескозырок...

* Кузнецов Н. Г. Курсом к победе. М., 1975, с. 471.

Все моряки отряда были награждены боевыми орденами. Старшему лейтенанту М. Калинину, старшинам 1-й статьи Г. Дуднику, А. Пашкову и М. Сотникову, старшине 2-й статьи Г. Казакову, старшим краснофлотцам А. Самохвалову, Н. Баранову, Н. Филиппову, краснофлотцу В. Черинову Указом Президиума Верховного Совета СССР от 31 мая 1945 года было присвоено звание Героя Советского Союза. Некоторым из них, к сожалению, посмертно.

Боевое Знамя Днепровской Краснознаменной флотилии украсил орден Ушакова I степени, а 1-й Бобруйской Краснознаменной бригаде речных кораблей было присвоено почетное наименование Берлинской.

Чтобы окончательно сломить сопротивление гитлеровцев в районе реки Шпрее и продолжать продвижение к центру Берлина, имевшихся на плацдарме войск оказалось недостаточно. Необходимо было закончить переброску на западный берег частей 230-й и 301-й дивизий, танков, артиллерии и наконец выдвинуть туда второй эшелон корпуса — 248-ю стрелковую дивизию. Лодочная и паромная переправы, которые неплохо обеспечили первоначальный период форсирования, уже не отвечали возросшим потребностям. Требовался мост.

Офицеры и солдаты 116-го инженерно-саперного батальона, строившие мост, отлично понимали, что окончания их работы ждут сотни и тысячи людей: и те, кто захватил плацдарм и удерживает его, и те, кто готов устремиться на противоположный берег, чтобы закрепить и развить успех. И трудились саперы с полной отдачей.

Когда в полдень 24 апреля я подъехал к только что построенному мосту, по нему уже двигались части 301-й дивизии. Танки по-прежнему переправлялись на паромах — наш 16-тонный мост не мог пропустить их.

Комендант переправы — командир 1-й роты 116-го инженерно-саперного батальона капитан Василий Сергеевич Иванов представился и доложил, что выдвигание войск на плацдарм проходит по графику.

Неподалеку от нас высокая девушка с погонами старшего лейтенанта сурово отдавала одно распоряжение за другим. И по тому, как внимательно выслушивались, как быстро выполнялись ее приказания, я понял, что у девушки твердый характер.

— Кто это? — спросил я Иванова.

— Командир взвода старший лейтенант Станислава Пет-

ровна Волкова. Она мой помощник, регулирует выход частей на мост.

Пока комендант переправы давал объяснения, к нам подошли корпусной инженер полковник Купер и командир 116-го инженерно-саперного батальона майор Чуйко. Уставшие, но довольные своим детищем, они оживились еще больше, когда почувствовали, с каким интересом отношусь я к проделанной ими работе.

Полковнику Куперу довелось строить переправы на Днепре, Днестре, Одере и других реках. Сейчас он глядел на новый мост и наверняка думал: неужели последний?

За спиной Петра Федосеевича Чуйко тот же Днепр, Южный Буг, Пилица, Одер и множество других рек. Окончив в мае сорок первого военно-инженерное училище, лейтенант попал в часть, с которой сразу отбыл на фронт.

Поблагодарив Купера и Чуйко за постройку моста, а коменданта за четкую организацию передвижения войск по нему, я поехал к Шишкову, который со своим штабом находился уже на плацдарме, на западной опушке Трептов-парка.

В пути я все еще был мысленно там, на мосту, с саперами — этими скромными тружениками войны. С труда сапера, если хотите, все начиналось и все кончалось на войне. Прежде чем пустить в бой пехоту и танки, надо иметь проходы (и не один, не два!) в минных полях противника, в проволочных заграждениях. А кто делал эти проходы? Саперы! И делали их под самым носом у противника, бесшумно, в темноте, на ощупь, рискуя напороться на вражеский огонь или подорваться на той же проклятой мине, которую надо найти и обезвредить.

Вспомнилось, как в марте сорок четвертого наши саперы строили мост через Ингулец, находясь по пояс в студеной воде, как в феврале следующего года соорудили на гиблом болоте эстакаду длиной 650 метров и обеспечили подъезд к переправе через Одер. Тот же 116-й инженерно-саперный батальон вместе с 13-м батальоном 7-й понтонно-мостовой бригады построил тогда же и мост через Одер длиной 220 метров. Гитлеровцы непрерывно бомбили строящийся мост, батальон нес потери. Но работы не прекращались.

А когда заканчивались бои, саперы все равно продолжали свою опасную работу, оставляя в освобожденных городах и селах бесценные автографы: «Мин нет», «Разминировано»...

Миновав Шпрее, части корпуса продолжали развивать наступление. В пылу боя мы и не заметили, как вырвались

вперед и оставили позади соседей. Но это не ускользнуло от внимания командующего фронтом Маршала Советского Союза Г. К. Жукова. Спустя много лет он написал в своих мемуарах: «23 апреля наибольшего успеха в штурме Берлина добился 9-й стрелковый корпус под командованием Героя Советского Союза генерал-майора И. П. Рослого. Воины этого корпуса решительным штурмом овладели Карлсхорстом, частью Копеника и, выйдя к Шпрее, с ходу форсировали ее» *.

Вечером мы встречали у себя в штабе, на западной опушке Трептов-парка, генерал-лейтенанта Бокова. Крупный армейский политработник, Федор Ефимович возглавлял одно время Военно-политическую академию имени В. И. Ленина, в годы войны был комиссаром Генерального штаба Красной Армии, а затем получил назначение в 5-ю ударную армию на пост члена Военного совета. Общение с этим человеком всегда было приятным — оно обогащало, помогало совершенствовать организаторскую, партийно-политическую работу.

Совсем недавно Федор Ефимович внимательно следил за событиями, связанными со спасением электростанции, расспрашивал о подробностях, о немцах, которые вызвались помочь нам. В тот день при встрече он вспомнил ту историю.

— Поверьте, — горячо говорил он, — сегодня нас поддерживают одиночки, а завтра с нами пойдут миллионы немцев.

С этого только начался разговор, а потом генерал Боков перешел к другому. Будучи человеком прямым и открытым в выражении чувств, Федор Ефимович сиял от радости, когда сообщил нам, что командование фронта назначило генерал-полковника Н. Э. Берзарина первым советским комендантом и начальником советского гарнизона Берлина. Подумалось о том, что в назначении Берзарина признание не только высоких личных качеств нашего командарма, но и боевых успехов 5-й ударной армии.

Я спросил, как смотрит генерал Боков на то, чтобы сообщить по радио в дивизии (телефонную связь еще только тянули) о первом советском коменданте Берлина.

— Полагаю, секрета тут нет. Коли услышат и немцы, пусть знают, в чьих руках действительная власть в Берлине. А наши люди лишь порадуются этой вести.

Через минуту за стеной штабной комнаты раздавался хорошо знакомый мне голос:

— «Волга!»! «Волга!»! Как меня слышите? Я — «Ока».
Прием.

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 307.

Это вызывал 248-ю стрелковую дивизию радист Михаил Павлович Рослый — мой младший брат.

Когда в 1944 году Михаила призывали в действующую армию, то спросили в военкомате, не хочет ли он воевать вместе с братом. Молодой призывник, разумеется, не отказался. Его зачислили в батальон связи нашего корпуса. Так мы оказались вместе...

Благодаря приезду члена Военного совета армии мы получили возможность шире и полнее представить общую картину боев в Берлине и вокруг него.

В те дни высокий накал сражения чувствовался не только у нас, в 5-й ударной, но и на других участках фронта. 24 апреля войска 8-й гвардейской и 1-й гвардейской танковой армий нашего фронта соединились с 3-й гвардейской танковой и 28-й армиями 1-го Украинского фронта. Юго-восточнее Берлина оказалась в полном окружении крупная группировка вражеских войск в составе 9-й и частично 4-й танковой армий гитлеровцев. А на следующий день встретились, охватывая Берлин с юго-востока и северо-запада, 4-я гвардейская танковая армия 1-го Украинского фронта и 2-я гвардейская танковая, а также 47-я армии 1-го Белорусского фронта. В результате этого маневра была окружена вся берлинская группировка немцев.

Как стало известно потом, гитлеровское командование надеялось избежать такого поворота событий. 22 апреля в имперской казначейрии, куда, кстати, был направлен сейчас удар нашего корпуса, последний раз собрались на оперативное совещание Гитлер, Кейтель, Йодль, Борман, Кребс и другие. В своей безрассудной игре фашистские главари пустились на еще одну авантюру. Они решили полностью оголить западный фронт и бросить все войска в сражение за Берлин против советских войск.

Это были предсмертные судороги гитлеровской клики. Развязка приближалась быстро и неумолимо.

25 апреля на Эльбе в районе Торгау состоялась встреча советских и американских войск.

Не давая врагу передышки, части нашего корпуса 25 апреля вышли к каналу, соединяющему Шпрее с Ландвер-каналом. Теперь полоса наступления корпуса определилась особенно четко. На правом фланге она была ограничена рекой Шпрее, за которой наступал 32-й стрелковый корпус генерала Д. С. Жеребина, а на левом — Ландвер-каналом, отделяющим наши боевые порядки от частей 8-й гвардейской армии.

230-я дивизия, действовавшая на правом фланге, овладе-

ла заводами шарикоподшипников и анилиновых красок, 301-я — набережной Визенуффер.

248-я дивизия, составляя второй эшелон корпуса, продвигалась за двумя другими, уничтожая оставшиеся в тылу отдельные очаги сопротивления гитлеровцев*.

На противоположной стороне соединительного канала, к которому вышел корпус, находился Герлицкий вокзал. За ним, можно сказать, уже начинался центр Берлина, превращенный в особый район обороны под названием «Цитадель». Тут находились важнейшие государственные учреждения, обороне которых фашистская верхушка уделяла особое внимание.

Гитлеровцы называли Берлин городом-крепостью. По распоряжению Геббельса на стенах домов метровыми буквами были выведены надписи: «Берлин будет немецким» («Немецким будет, только без фашистов!» — внес поправку кто-то из наших), «Берлин никогда не капитулирует». Центр города, объявленный особым сектором, представлял собой как бы крепость в крепости.

Сердцевиной «Цитадели» являлась Вильгельмштрассе. На этой улице находились учреждения, задававшие тон всей идеологической, административной, политической, военной и экономической жизни третьего рейха. В самом центре Вильгельмштрассе при пересечении с Фоссштрассе стояло здание имперской канцелярии. На наших картах оно значилось как объект 153 и до него оставалось всего пять километров. К югу от объекта 153 находились министерство авиации, гестапо, министерство финансов и государственный почтамт, к северу — министерство иностранных дел, министерство юстиции, национальная галерея и другие учреждения.

К исходу 25 апреля гитлеровцы были зажаты на территории общей площадью 325 квадратных километров. Но этот островок фашистской империи был битком набит войсками. Там насчитывалось до трехсот тысяч человек стремя тысячами орудий и минометов и двумястами пятьюдесятью танками. На улицах и перекрестках были устроены баррикады, подходы к ним заминированы. Все угловые окна приспособлялись для ведения огня из пулеметов; окна верхних этажей предназначались для автоматчиков и гранатометчиков с фаустпатронами. Враг применял также бронеколпаки, приспособлявал для обороны подземные сооружения, в том числе станции метро.

* ЦАМО СССР, ф. 5УА, оп. 4885, д. 343, л. 56—58.

И тем не менее наши части находили способы овладевать укрепленными перекрестками и зданиями, шаг за шагом они продвигались вперед. Мы создавали штурмовые отряды и группы, усиленные артиллерией, танками, саперами, огнеметчиками. При штурме сильно укрепленных объектов оправдали себя артиллерийские группы.

Одна из таких групп была создана в 301-й стрелковой дивизии во время штурма Ангальтского вокзала, превращенного гитлеровцами в сильный опорный пункт на подступах к правительственным кварталам. Наступавший здесь 1050-й стрелковый полк встретил плотный огонь со стороны вокзала и вынужден был остановиться.

Когда я прибыл на наблюдательный пункт командира дивизии, там оживленно обсуждали, как действовать дальше.

— Выбить фашистов с вокзала, — излагал свое мнение начальник штаба дивизии полковник Михаил Иванович Сафонов, — можно только массированным огнем артиллерии. Причем по всем без исключения дверям, окнам, нишам. Словом, на каждое окно — орудие. А потом — штурм.

Доводы Сафонова — ветерана дивизии, человека многоопытного и вдумчивого — показались мне убедительными. Я согласился с ним, добавив лишь, что атаковать вокзал следует с юго-востока, где укрепления послабее.

На стрельбу прямой наводкой были поставлены не только орудия 823-го артполка, но и танки 220-й танковой бригады. Огневые позиции служили развалины близлежащих домов.

Заместитель командира артиллерийского полка по политчасти майор Андрей Андреевич Куценко, перебегая от одного орудийного расчета к другому, проверял, хорошо ли знают наводчики цели, все ли готово к бою. Куценко быстро осваивал новую для себя должность и старался изо всех сил. Он понимал, что за каждым его шагом ревниво следят солдаты и офицеры. Дело в том, что Куценко сменил на посту павшего в бою замполита Константина Захаровича Цуцкеридзе, за которым утвердилась репутация вдумчивого воспитателя, чуткого человека и отважного воина.

Артиллерийско-танковая группа отлично справилась со своей задачей, а атака полка под командованием подполковника И. И. Гумерова была неудержимой. Вскоре Ангальтский вокзал остался в тылу наших войск.

В это же время трудную задачу решала и 230-я стрелковая дивизия, встретившая на своем пути громадное, на целый квартал, здание государственной типографии. Бой здесь шел без малого два дня. Противник, построив круговую обо-

рону, держал под огнем все подходы к типографии. В этих условиях решающую роль сыграли действия штурмовых групп.

Комдив Шишков, не освободившийся еще от марлевых повязок, бодро доложил мне, что полки Смыкова и Левина овладели типографией.

Так от дома к дому, от квартала к кварталу части 9-го Бранденбургского * Краснознаменного стрелкового корпуса продвигались к имперской канцелярии, в подвалах которой готовился покончить счеты с жизнью Адольф Гитлер.

На другой день ко мне заехал начальник политотдела 230-й дивизии полковник И. Ф. Веремеев. Он рассказал историю, которая запала в душу.

Полк Алексея Ивановича Смыкова приводил себя в порядок после тяжелого боя за типографию. Воспользовавшись передышкой, людей кормили обедом. Майор Железный подошел к кухням 2-го батальона и спросил у повара, много ли осталось супа, хлеба, каши.

— А вы, товарищ майор, никак, немцам хотите остаток отдать? — поинтересовался повар.

— Что же тут такого? В подвале около восьмидесяти детей, стариков, женщин.

— Да я лучше все на землю выплесну, чем буду кормить фашистов! — в сердцах выкрикнул повар.

Комбат понимал солдата. Он и сам пронес через Украину, Польшу, Германию священное чувство мести и ненависти к врагу. Но после боя за типографию майор Железный заглянул в подвал соседнего дома и увидел картину, которая потрясла его. Изможденные дети, старики, женщины, забившись в угол, со страхом глядели на советского офицера. Люди были истощены до предела. Многие даже не могли держаться на ногах.

— Как в концлагере, — тяжело вздохнул Железный.

Обитатели подвала поняли только слово «концлагерь». Со стонами и воплями двинулись они к выходу из подвала.

— Куда вы? — крикнул майор.

Старик немец в перепачканном пиджаке, с трудом подбирая слова, ответил:

— Герр офицер скажаль нах концлагер...

— Какой к черту концлагерь! — растерянно буркнул комбат. — Вас надо в больницу.

* Почетное наименование «Бранденбургский» было присвоено корпусу приказом Верховного Главнокомандующего в апреле 1945 года за успешные действия в провинции Бранденбург. — *Прим. авт.*

Тогда-то и решил он накормить этих изголодавшихся людей из солдатского котла. Но как объяснить это повару?

— Пошли со мной, — сказал ему, спускаясь снова в подвал, комбат. — А ты, Митя, — наказал он своему ординарцу Прохорову, — сбегай за переводчиком.

Увидев вблизи изможденных людей, повар тихо спросил:

— Это, что же, товарищ майор, заключенные ихние?

— Нет, браток, это жители Берлина. Изголодались... Поглядел? Теперь иди, выливай на землю суп и кашу!

— Так ведь детишки тут, товарищ майор!

— Ну и что? Они ж немцы...

— А немцы — не люди?!

— То-то, кормилец. Немцы, они тоже разные бывают...

В сопровождении Прохорова явился переводчик. Уяснив суть дела, он объявил обитателям подвала, что советское командование предлагает им солдатский обед.

— Скажите обязательно, — попросил переводчика Железный, — что они получают порции тех, кто погиб сегодня за этой вот стеной...

Вскоре у полевых кухонь выстроилась длинная очередь. Долговязый пастор что-то торжественно сказал стоявшей впереди женщине.

— Что он говорит? — спросил у переводчика подошедший капитан Шевченко.

— Говорит, что этот обед надо принимать как святые дары, что...

Грохот разорвавшегося фаустпатрона заглушил последние слова переводчика. Шевченко покачнулся и упал. Рядом медленно оседала на землю женщина. Обезумевшими глазами смотрел пастор на брызги крови, окропившие солдатский хлеб, который он держал в руках.

— Кто стрелял?! — не своим голосом крикнул Железный.

— Эсэсовцы с крыши, — доложил подбежавший Прохоров...

Да, случалось в те дни и такое.

В штабе корпуса я увидел полковника Федора Ивановича Дюжилова — начальника политотдела 248-й стрелковой дивизии. Окликнул его, чтобы расспросить о делах, и тут он с ходу ошарашил меня. Оказалось, что в дивизии настроение у людей плохое, все недовольны. Соединение уже несколько дней находится во втором эшелоне и занимается только тем,

что очищает от случайно уцелевших гитлеровцев берлинские задворки.

— И я понимаю наших воинов,— заключил начподив.— Ведь шли сюда от самой Астрахани!

Мне тоже было понятно состояние Дюжилова. А потому, руководствуясь скорее морально-политическими, нежели военными соображениями, я решил ввести в бой и 248-ю дивизию.

Узнав о моем решении, Федор Иванович воспрянул духом. Что-то весело крикнул на прощание и тут же умчался к себе в дивизию.

Вечером 29 апреля 248-я вступила в бой и сразу отличилась при захвате кирхи, которую взял обходным маневром 905-й стрелковый полк под началом подполковника Д. Т. Филатова. Решающую роль сыграл батальон, возглавляемый майором Педченко. Он атаковал кирху с тыла, когда другой батальон под командованием майора Андреева наносил отвлекающий удар с фронта. Мастерски действовал в том бою оружейный расчет сержанта Глазко, заставивший замолчать три вражеских пулемета. Отличились многие десятки людей...

Рушились последние бастионы фашистской «Цитадели». 30 апреля 3-я ударная армия штурмовала рейхстаг, а наш корпус все ближе подходил к имперской канцелярии — последнему убежищу Гитлера. Радостное чувство от происходящего усиливалось приближением праздника Первомай.

Первого мая в газетах был опубликован приказ № 20 Верховного Главнокомандующего Маршала Советского Союза И. В. Сталина. «Гитлеровские заправилы, возомнившие себя властелинами мира, оказались у разбитого корыта,— говорилось в приказе.— Смертельно раненный фашистский зверь находится при последнем издыхании» *.

У нас в стране печатались газеты с этим документом, а здесь, в Берлине, как бы в подтверждение слов, сказанных в праздничном приказе, в ночь на 1 мая выбрался из мрачного подземелья имперской канцелярии начальник генерального штаба немецких сухопутных войск генерал Кребс, чтобы искать встречи с представителями командования Красной Армии.

С чем пришел генерал Кребс? Первым делом он сообщил о самоубийстве Гитлера. Это было уже что-то новое и более близкое к истине, к тому, чего следовало ожидать от оба-

* Сталин И. О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1953, с. 190.

кротившегося авантюриста (несколькими часами ранее фашистское радио известило, будто фюрер убит на фронте под Берлином). Кребс добавил, что своим преемником Гитлер назначил гросс-адмирала Дёница, который образовал за пределами Берлина «временное имперское правительство».

Но не ради этого явился Кребс к советскому командованию. Он не сказал еще главного. А оно заключалось в том, что от имени Геббельса и Бормана генерал Кребс предлагал временное перемирие в Берлине, чтобы подготовить условия для мирных переговоров между Германией и СССР.

Это была еще одна попытка выиграть время и оттянуть свой конец в расчете на чудодейственный поворот военных событий, на любовную сделку с США и Англией, заключенную на антисоветской основе.

Генерал армии В. Д. Соколовский, уполномоченный встретиться с немецким генералом, ответил коротко и ясно: никаких переговоров, никакого перемирия, а немедленная и безоговорочная капитуляция Берлинского гарнизона.

И что же решили гитлеровские приспешники? Пришли к заключению о бессмысленности дальнейшего сопротивления? Пожалели своих гибнущих соотечественников? Вовсе нет! Они отклонили требование о безоговорочной капитуляции. А потому не оставалось ничего другого, как в кратчайший срок покончить с вражескими войсками в Берлине.

В историю нашего корпуса праздник Первомая вошел как день штурма имперской канцелярии. 230-я и 248-я стрелковые дивизии подошли с востока к Мауэрштрассе, а 301-я стрелковая к Фоссштрассе.

Давая оценку подвигу наших воинов, маршал Жуков писал впоследствии:

«Каждый шаг, каждый кусок земли, каждый камень здесь яснее всяких слов свидетельствовали, что на подступах к имперской канцелярии и рейхстагу, в самих этих зданиях борьба шла не на жизнь, а на смерть» *.

Да, многие десятки и сотни воинов геройски проявили себя в последнем для нашего корпуса бою. Каждый хотел участвовать во взятии имперской канцелярии, этого чудовищного вертепа, являвшегося символом мракобесия и разбоя. Но не все получалось сразу. Атаки со стороны Вильгельмштрассе наталкивались на отчаянное сопротивление врага. И тут опять сказал свое веское слово батальон Федора Кузьмича Шаповалова, в составе которого находилась инструктор политотдела корпуса майор А. В. Никулина, которой было поручено вместе с группой бойцов-комсомольцев, воз-

* Жуков Г. К. Воспоминания и размышления, т. 2, с. 321.

главляемых комсоргом батальона Салиджаном Алимовым, водрузить знамя над имперской канцелярией.

Батальон наступал со стороны сада, и, прежде чем попасть во двор канцелярии, требовалось преодолеть высокий бетонный забор. Штурмовые группы научились брать и не такие препятствия. В заборе пробили бреши, и туда хлынули бойцы 4-й роты под командованием старшего лейтенанта Яковлева. Двор заполняли все новые подразделения. Тут уже находился и оружейный расчет сержанта Рыжкова, открывший огонь по окнам здания, откуда стреляли гитлеровцы. Пошли в ход гранаты, трофейные фаустпатроны. Постепенно бой перемещался в само здание дворца.

Успех батальона Шаповалова поддержали батальоны майора Перепелицына и капитана Айрапетяна, наступавшие со стороны Вильгельмштрассе. Вскоре наземная часть здания была почти полностью в наших руках, а над самим дворцом канцлера империи (так обозначалась имперская канцелярия на некоторых картах) развевался красный стяг. Анна Владимировна Никулина и те, кто был с ней, выполнили свою задачу.

А бой шел уже в подвальных помещениях канцелярии, в бункере фюрера, в последних закоулках фашистского змеиного гнезда.

Есть что-то глубоко символическое и справедливое в том, что среди воинов, которым посчастливилось водружать победные знамена над Берлином, были не только мужчины, но и женщина. Советские женщины своим трудом, терпением, мужеством, великой верой в правоту нашего святого дела внесли немалый вклад в приближение светлого Дня Победы...

Утром 2 мая полковник Антонов доложил, что части 301-й дивизии при поддержке и во взаимодействии с 248-й и 230-й дивизиями полностью овладели зданием имперской канцелярии и ее подземными сооружениями. Поздравив Владимира Семеновича с Победой, я, в свою очередь, доложил об этом командующему 5-й ударной армией генералу Берзарину, а затем отправился на Вильгельмштрассе. На перекрестке этой улицы с Фосштрассе, где находилась имперская канцелярия, меня встретили Антонов, Гумеров, Радаев и другие офицеры дивизии.

Бой здесь уже затих. Только со стороны Тиргартена и Бранденбургских ворот все еще доносились отдельные выстрелы и короткие автоматные очереди.

Антонов коротко доложил обстановку и попросил меня решить вопрос о назначении коменданта имперской канцеля-

рии. Комдив 301-й предложил кандидатуру своего заместителя полковника Шевцова. Я знал Василия Емельяновича как опытного организатора, офицера с высокими деловыми качествами и без колебаний утвердил его кандидатуру.

Мы тут же приступили к осмотру имперской канцелярии.

Через главный вход прошли в просторный вестибюль. Длинная анфилада мрачных комнат кончалась круглым залом. Высокие, украшенные бронзой двери вели из зала в кабинет Гитлера — огромное помещение, в конце которого стоял большой письменный стол, а в углу — громадный глобус на подставке из полированного дерева.

Когда-то, чтобы подчеркнуть величие и незыблемость «тысячелетнего рейха», это помещение было обставлено с истинно прусской помпезностью. Теперь от бывшего блеска не осталось и следа. Мы увидели обломки мебели, выбитые стекла, висящие клочьями дорогие гобелены, осколки хрусталя и фарфора, а между ними целую россыпь железных крестов...

Полуподвальное помещение было забито ранеными защитниками «Цитадели». Среди них находилось много офицеров и генералов. Судя по зловонию, которое встретило нас, раненые давно были лишены какого-либо ухода. Полковник Антонов распорядился, чтобы им оказали необходимую медицинскую помощь и накормили.

Затем мы осмотрели фюрер-бункер — змеиную нору фашистских главарей. Во всех помещениях этого убежища, как и наверху, царил полнейший хаос. Не хотелось задерживаться в этой гробнице, особенно после того, как в одной из комнат мне показали трупы шестерых детей Геббельса, которых отравили собственные родители...

Поднявшись наверх, мы увидели, что к зданию имперской канцелярии стекаются толпы бойцов из самых различных частей и соединений. Людям хотелось своими глазами увидеть один из последних бастионов фашизма...

Покидая имперскую канцелярию, я еще раз оглянулся назад. Над зданием алело уже не менее полутора десятков красных полотнищ.

На Вильгельмштрассе, по которой мы шли, царило праздничное оживление. Отовсюду доносились песни, где-то за углом заливалась гармонь. У Бранденбургских ворот в лихой пляске сошлись молоденький лейтенант и седоусый старшина.

С волнением смотрел я на радостно возбужденных людей, а перед мысленным взором вставала другая картина. Август сорок второго, знойные ставропольские степи, час ко-

роткого отдыха после очень трудного боя и изнурительного перехода. Здесь-то и услышал я сказанную кем-то из бойцов и навсегда запомнившуюся фразу: «Не унывайте, братцы, не вешайте нос. Кто сказал, что это последний наш привал? Последний привал будет в Берлине».

Кому принадлежали те слова, я не знаю. Но разве один человек думал так? Один — лишь выразил тогда то, во что верили, к чему стремились все мы, вся наша пробивавшаяся к своим дивизия, вся Красная Армия. А слова неизвестного бойца оказались вещими...

Незаметно мы подошли к почерневшей громаде рейхстага, над которым горделиво реяло Знамя Победы.

Берлин постепенно возвращался к жизни. Берлин смотрел в свой завтрашний день.

* * *

Остается рассказать о том, как и при каких обстоятельствах мне пришлось второй раз в жизни командовать полком. То был, как я уже говорил, особый случай и особый полк.

Как-то во второй половине мая позвонил генерал-полковник Берзарин и приказал немедленно прибыть к нему.

Командарм встретил меня приветливо.

— Поздравляю! Маршал Жуков назначил вас командиром сводного полка 1-го Белорусского фронта, который примет участие в Параде Победы в Москве. — И тут же предложил ознакомиться с директивой о порядке формирования сводного полка.

В конце директивы подчеркивалось, что командиры частей и соединений обязаны выделить в состав полка солдат и офицеров, наиболее отличившихся в боях за Берлин.

— Как видите, товарищ Рослый, вам доверено командовать героями Берлина! Это великая честь! — сказал Берзарин.

Я и сам думал так и не скрывал свою радость.

Вскоре на сборный пункт стали прибывать лучшие из лучших: Герои Советского Союза, кавалеры ордена Славы трех степеней, воины, удостоенные других высоких наград.

Полк был сформирован и отправлен в Москву специальными поездами.

Общее руководство по организации парада было возложено на командующего войсками Московского военного округа генерал-полковника П. А. Артемьева. Встречаясь с нами, он делился впечатлениями, рассказывал о заботах, связанных с подготовкой столь торжественного акта. Вначале

предполагалось, что парад будет открывать сводный полк 1-го Белорусского фронта. Собрав в очередной раз командиров полков, Павел Артемьевич сказал, что решено сделать по-другому. Фронты пойдут в такой последовательности, в какой они географически располагались на линии фронта, — справа налево. Первым пойдет Карельский фронт, за ним Ленинградский и так далее. Такую поправку внес Сталин.

И вот наступило 24 июня — день Парада Победы.

9 часов 30 минут. Красная площадь торжественна в праздничном убранстве. Парадные полки заняли свои места. Сводный полк 1-го Белорусского фронта оказался в центре, напротив Мавзолея В. И. Ленина.

Замерли колонны войск. Легкий гул восторженного ожидания доносился лишь со стороны гостевых трибун. По козырьку фуражки ударяют капельки дождя. На душе светло и радостно.

Послышался приближающийся цокот копыт. Перед фронтом полков появился командующий парадом Маршал Советского Союза Рокоссовский. Свободно, красиво сидел он на своем вороном коне.

На трибуну Мавзолея поднимаются руководители партии и правительства. На площади гремят аплодисменты.

Ровно в 10.00 из Спасских ворот Кремля верхом на белой лошади выехал Маршал Советского Союза Жуков.

Два маршала, чьи полководческие заслуги в разгроме врага были высоко оценены советским народом, направились друг к другу и встретились напротив Мавзолея. Короткий доклад Рокоссовского, затем объезд войск.

Начался торжественный марш. Под звуки гигантского оркестра, состоявшего из 1400 военных музыкантов, полки проходили по Красной площади.

К Мавзолею приблизился сводный полк 1-го Белорусского фронта. Его колонну возглавлял заместитель командующего фронтом генерал армии Василий Данилович Соколовский. Вслед за ним в первой шеренге шли командующие армиями, прославленные советские военачальники, под чьим руководством осуществлялись многие боевые операции.

Вся страна, прильнув к приемникам и репродукторам, слушала Красную площадь столицы.

Пройдя Мавзолей, я вышел из строя и присоединился к другим командирам сводных полков, которые уже стояли здесь, и стал наблюдать за торжественным маршем своего полка.

Провожая взглядом проходившие батальоны, я видел в их шеренгах многих боевых друзей.

Воины, приехавшие на Парад Победы, являлись славой и гордостью нашей армии. Это были герои, стоявшие насмерть под Москвой, на берегах Волги, у подножия Кавказских гор и на других фронтах. Они выстояли, дошли потом до Берлина и Эльбы, добились фашистского зверя в его собственном логове...

Много знамен, гордо развевавшихся над полками победителей, видела в тот знаменательный день Красная площадь. Но ей предстояло увидеть и такое, чего не было за все 800 лет существования Москвы.

После прохождения сводных полков действующей армии и Военно-Морского Флота внезапно, на предельной громкости оркестр умолк. Все замерло. Потом раздались оглушительная дробь множества барабанов. И тут, выдвинувшись из-за Исторического музея, вступил на площадь особый батальон. 200 человек несли 200 знамен немецких частей, разбитых или плененных Красной Армией.

С омерзением разглядывали москвичи и гости столицы бывшие символы фашистской веры и власти.

Под мощный и гулкий бой барабанов воины особого батальона приблизились к Мавзолею, на мгновение остановились, сделали поворот направо и стали бросать знамена врага на деревянный помост к подножию Мавзолея.

Гул одобрения пронесся над Красной площадью. Гордость и радость охватила миллионы людей, слушавших Москву. Из репродукторов на весь мир разнеслись слова правды и справедливости:

— Немцы хвастались, что свастика будет красоваться и на зубцах Кремлевских стен! Не вышло! Но Кремлевскую площадь эти флаги покорно вылизывают сейчас шелковыми языками. И пришпиленные к древкам металлические ленты, изображающие ордена, звенят похоронным звоном. Сухо, как перед казнью, бьют барабаны. Да это и есть политическая казнь фашизма! Пусть запомнят эти минуты те, кто еще мечтает о крестовом походе на Советский Союз. Пусть запомнят: кто с мечом к нам войдет, от меча и погибнет...

Мы уходили с Красной площади, испытывая чувство огромной радости и ликования. Свершилось то, что должно было свершиться.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Возмужание	3
На мелитопольском рубеже	25
В обороне	49
Дивизия прикрывает отход армии	64
Бои в окружении	74
Назревает перелом	100
Разгром гитлеровцев под Орджоникидзе	123
46-я армия штурмует Краснодар	155
Бои за Донбасс	174
От Днепра до Днестра	191
Яско-Кишиневская операция	216
На главном направлении	233
Теперь — на Берлин!	261

Рослый И. П.

Р76 Последний привал — в Берлине. — М.: Воениздат, 1983. — 303 с., 12 л. ил. — (Военные мемуары).

В пер.: 1 р. 50 к.

Автор книги участник двух войн. Ему довелось, что бывает нечасто, дважды командовать полком: в 1940 году — стрелковым, прорвавшим линию Маннергейма, и в 1945-м — сводным полком 1-го Белорусского фронта на Параде Победы в Москве.

Герой Советского Союза генерал-лейтенант И. П. Рослый взволнованно пишет в своих воспоминаниях о боевом пути полка, дивизии, корпуса, которыми последовательно командовал в годы Великой Отечественной, о военном искусстве наших командиров, о героизме советских солдат и офицеров. Интересны страницы, посвященные штурму Берлина.

Книга рассчитана на массового читателя.

Р 1304010000—068 51—83
068(02)-83

ББК 63.3(2)722

9(С)27

Иван Павлович Рослый

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВАЛ — В БЕРЛИНЕ

Редактор *М. Д. Конюшенко*
Художник *Н. К. Котанова*
Художественный редактор *В. В. Васильев*
Технический редактор *О. В. Журкина*
Корректор *Т. В. Жильцова*

ИБ № 1786

Сдано в набор 28.04.82. Подписано в печать 30.09.82.
Г-52233. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обычн. новая.
Печать высокая. Печ. л. 9¹/₂. Усл. печ. л. 15,96., 2 вкл. ⁵/₈ печ. л.,
1,05 усл. печ. л. Усл. кр.-отт. 16,8. Уч.-изд. л. 19,44. Тираж 80 000 экз.
Изд. № 3/6874. Зак. 93. Цена 1 р. 50 к.

Воениздат, 103160, Москва, К-160
1-я типография Воениздата
103006, Москва, К-6, проезд Скворцова-Степанова, дом 3

THE UNIVERSITY OF CHICAGO

